

III

Выпуск третий

Военно-патриотическое литературное объединение «Отечество»

МОСКВА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1990

ББК 84Р7

В63

Ответственный редактор *Сергей Бенке*

Художники *Александр Плаксин, Владимир Рыжов*

В63 Военные приключения: Выпуск третий. Военно-патриотическое литературное объединение «Отечество» — М.: Воениздат, 1990. — 415 с.

ISBN 5—203—01058—7

Третий сборник остросюжетных, приключенческих произведений, принадлежащих перу молодых писателей — членов Военно-патриотического литературного объединения «Отечество».

Книга для захватывающего и увлекательного чтения, рассчитанная на широкую аудиторию любого возраста.

В 4702010201—250
068(02)—90 без объявл.

ББК 84Р7

ISBN 5—203—01058—7

© ВПЛО «Отечество», 1990
© Воениздат, 1990

Юрий МАСЛОВ

КАРАКУРТ

Приключенческая повесть

I

Все происходило, как в обычном детективном романе. В дверь резко постучали, кто-то из сотрудников бухгалтерии крикнул: «Войдите», и в комнате в тот же момент оказался худощавый человек неопределенного возраста. Он вежливо поздоровался, но кроме Валентины Ивановны — старшего кассира универмага — на него никто не обратил внимания.

— Я вас надолго не задержу, — сказал человек, повышая голос.

Служащие в недоумении повернули головы. В правой руке неизвестного матово поблескивал пистолет. Все подумали, что это шутка, что незнакомец сейчас мило улыбнется, окажется чьим-нибудь знакомым, скажет: «А здорово я вас напугал, братцы!» — и все пойдет своим чередом. Но голос познкомца развеял их иллюзии.

— Руки вверх! Пройдите сюда. — Он указал на угол левой половины комнаты. — И побыстрей.

Валентина Ивановна взглянула на часы. До приезда инкассатора оставалось десять минут. Она побледнела, рука произвольно потянулась к звонку сигнализации, но ее остановил окрик:

— Это и вас касается!

Валентина Ивановна увидела направленное ей в грудь дуло пистолета и медленно встала.

— В угол! — скомандовал незнакомец.

Он взглядом обвел помещение, поморщился и направился к столу кассира. Валентина Ивановна тихо вскрикнула. Незнакомец обернулся, колюче взглянул на нее.

— Без глупостей!

Он нагнулся и вытянул из-под стола инкассаторскую сумку с деньгами. Затем положил пистолет на стол и, торо-

пясь, быстрыми, словно механическими, движениями начал выуживать оттуда тугие пачки кредиток. В несколько минут все было кончено. Дневная выручка универмага перекочевала в спортивную сумку незнакомца. У двери он на секунду задержался и торопливо кивнул на одно из окон пятого этажа стоящего напротив здания.

— Я думаю, каждый из вас знает, что такое винтовка с оптическим прицелом. Во избежание неприятностей прошу не шуметь. Пять минут. — И, кивнув на прощание, скрылся.

Служащие стояли, словно в столбняке, с ужасом взирая на злополучное окно, кричать никто и не думал.

С улицы донесся шум заработавшего мотора, сигнал и шелест шин отъезжающей машины. Это подействовало отрезвляюще. Все разом вздохнули, кто-то упал в обморок, Валентина Ивановна бросилась к телефону.

...Подмосковный городок-спутник, в котором произошло вышеописанное событие, был небольшой и шумный, новости в таких распространяются мгновенно, обсуждаются долго, и когда машина из областного управления подъехала к универмагу, толпа людей давно превысила обычные размеры. Капитан Родин недовольно поморщился, но ничего не сказал. К «Волге» подошел сутулый мужчина в штатском.

— Инспектор уголовного розыска старший лейтенант Корнев.

— Очень приятно. — Родин пожал ему руку, представил своего помощника Костю Климова, и они поднялись в бухгалтерию. Там было полно народу: сотрудники бухгалтерии, директор универмага — толстый, лысеющий человек в роговых очках, оперативные работники. Родин поздоровался, бегло осмотрел комнату и, присев на вежливо поставленный кем-то стул, с разрешения следователя попросил очевидцев рассказать о случившемся. Слушал он внимательно, не перебивая, задумчиво сведа к переносице брови. Пальцы, барабанившие по столу, изредка брались за карандаш, и Родин делал в блокноте записи, которые чаще всего кончались вопросительными или восклицательными знаками.

Следователь Виктор Адреевич Красин сидел в сторонке, ни во что не вмешивался и, казалось, никого вокруг себя не замечал. Но это только на первый взгляд. На самом деле от него не ускользала ни одна мелочь. Он мгновенно реагировал на улыбку, голос и настрой свидетелей, сопоставлял в уме возможные варианты-версии (он был страстный любитель шахмат, поэтому манера считать ходы — свои и про-

тивника — поневоле отразилась на его профессии), стараясь выделить из них наиболее вероятную.

— Как выглядел преступник? — спросил Родин.

Сотрудники в недоумении переглянулись.

— Какого роста?

— Выше среднего, — спохватилась Валентина Ивановна. — В темных очках, волосы черные и... длинные, как у девицы.

— Серые, — поправила одна из сотрудниц.

— Так серые или черные? — переспросил Родин.

— Мышиного такого цвета, неопределенного, — замялась Валентина Ивановна. — Щеки бледные, впалые.

— Во что был одет?

— Серый плащ.

— Ботинки, брюки?

Никто не заметил. Родин усмехнулся.

— Перчатки?

— Да, были. Черные.

Родин встал, подошел к окну и выглянул на улицу.

— Осмотрели квартиру?

— Это рогатулька комнатной антенны, — улыбнулся старший лейтенант Корнев. — Какая там к черту винтовка!.. Живет на пятом этаже летчик Воронов. Его все отлично знают. К тому же во время ограбления дома находилась жена — готовила обед.

— Как же так? — Родин обернулся к смущенным сотрудникам.

— Вот я и говорю! — вскричал директор.

— Успокойтесь, — остановил его Красин. — У страха глаза велики.

— Как сообщается бухгалтерия с универмагом?

— Через лестничную площадку.

Красин кивнул и бросил короткий вопросительный взгляд на эксперта-криминалиста.

— Ничего?

Тот сконфуженно развел руками.

— Абсолютно. В перчатках работал. Следы затоптаны. На улице Родин тронул за рукав Климова.

— Костя, а почему он деньги в саквояж переложил?

— Два лестничных пролета и метров десять до машины... Мешок нетрудно опознать, да и инкассатор мог на встречу попасться. Обыкновенная мера предосторожности. А вообще он нахал, крепкий нахал!

— Кто?

— Да этот, в парике.

— Ты думаешь, он был в парике?

— Уверен.

— А почему нахал?

Костя на секунду задумался.

— Подошел бы сейчас к тебе некий гражданин, вручил сто тысяч и сказал: «На ваше усмотрение, товарищ Родин.» Как бы ты распорядился такой кругленькой суммой?

— Машину купил.

— «Жигуль»?

— «Жигуль».

— Девять двести. — Климов загнул палец. — Дальше.

— Дачу, — неуверенно проговорил Родин. — Нет, не стал бы — я путешествовать люблю... Костюм, пожалуй.

— В клеточку?

— В клеточку, — согласился Родин.

— Еще двести. Всего девять четырехста. А остальные?

Родин в недоумении пожал плечами.

— Вот видишь, — усмехнулся Климов. — Крепкий нахал этот паренек!

— Да... А одному трудно такое дело провернуть.

— Я уже об этом подумал. Кто-то навел. Даже, может быть, кто-нибудь из сотрудников.

— Вот ты и займись этим, — сказал Родин. — Зайди в отдел кадров, проверь: не увольнялся ли кто. В общем, на каждого — маленькое досье. Договорились?

— Да.

— А сейчас пойдем, с коллегами побеседуем.

— Так как быть? — остановил Родин директор.

— Работайте, — улыбнулся Родин. — И мы не будем терять зря времени. Желаю успеха.

Работники местного отдела внутренних дел все сделали правильно: перекрыли дороги на Москву, сообщили приметы преступника во все линейные отделения милиции, отдали приказ о проверке электропоездов и задержке всех подозрительных лиц, но, как и ожидал Родин, все было напрасно: грабителя и след простыл.

— На чем он приехал? — спросил Родин Корнева.

— На «Волге», на такси. Машину видели ребяташки, игравшие около универсама.

— И уехал он в сторону Москвы?

— Да.

— Из ваших кто-нибудь мог?

— Нет, — подумав, ответил старший лейтенант. — У нас народ трудовой. Молодежь, правда, пошаливает, драки

бывают, скандалы, а вот насчет ограблений... Такого не было.

Больше ничего вразумительного старший лейтенант сообщить не мог. Родин оставил ему свой телефон, попросил в случае чего звонить и уехал в Москву.

Начальника отдела уголовного розыска полковника Семена Тимофеевича Скокова сослуживцы за глаза называли Котофеевич. Причины на то были. Небольшого роста, грузный и медлительный, он мгновенно преображался, как только ему в руки попадало интересное дело. Причем преображался как внешне — в движениях появлялась мягкая кошачья резкость, так и внутренне — становился не в меру вездлив, порывист, нетерпелив и озабочен тем, что его подчиненные недостаточно рьяно относятся к своим обязанностям. Поэтому, когда уже на следующий день после ограбления к нему в кабинет воздушным шаром вкатился капитан Родин, полковник с трудом подавил в себе радостное удивление.

— Есть, Семен Тимофеевич, три подозрительные личности, — сказал Родин, раскрывая свой блокнот. — Губина Надежда Ивановна, Лазарева Светлана Сергеевна и Кошелева Инна Владимировна.

Полковник, мельком взглянув на записи Родина, увидел, что фамилия Кошелевой жирно подчеркнута, и ехидно спросил:

— Ну и чем тебя пленила Кошелева?

— Серьезная девушка.

— Серьезные люди тебе внушают больше опасений?

— В некотором роде — да. Серьезный человек за мелочь не возьмется.

— В общем, правильно. Могу только заметить, что в моей практике бывали случаи, когда и легкомысленные товарищи брались за серьезные дела.

— И заканчивали их разговором с вами, — сказал Родин.

— А твои с тобой не закончат?

Родин смутился.

— Ну ладно, как говорится, время покажет. Так что Кошелева?

— Кошелева окончила десять классов. Поступала во ВГИК, но не прошла по конкурсу. Устроилась продавщицей в универмаг четыре месяца назад. Живет вдвоем с матерью в однокомнатной квартире. Хорошо и со вкусом одевается. Часто бывает в Москве. Две недели назад одолжила Губи-

ной двести рублей. Откуда деньги — непонятно. Мать работает копировщицей. Дочь деньгами не балует.

— Да... — пробурчал полковник. — Интересно. А что собой представляют Губина и Лазарева?

— Довольно легкомысленные девицы. Как говорится, везде на виду. Случайные знакомства, встречи с командированными, выпивки... Губина работает в универмаге два года, Лазарева — три.

— На что Губиной потребовались деньги?

— Шубку купила.

— Так ты думаешь, что эти девицы прямыми соучастницами быть не могли?

— Думаю, что нет. Больно уж на них трудно положиться.

— По их могли только расспросить.

— Могли, — согласился Родин. — Проверим связи, знакомства...

— Правильно, — сказал полковник. — А на будущее запомни: предполагать можно что угодно, а проверять надо по возможности все и всех. Умный может и дураком прикинуться. — Он медленно подался вперед. — У тебя все?

— Все.

— А таксист? — Слова прозвучали резко, отрывисто.

— Ищем, товарищ полковник. — Родин виновато развел руками. — Третий таксопарк проверяем, но пока... безрезультатно.

— Не иголка, — успокоил полковник. — Только не спешите, вернее, спешите медленно — свидетель он важный, и будет очень досадно, если мы его прохлопаем.

Таксиста нашли на восьмой день. Им оказался некий Снегов — молодой парень с веселым, самоуверенным взглядом и хорошо подвешенным языком. Для таксиста он держался слишком независимо; но, приглядевшись к нему — к его фирменным джинсам, щеголеватой курточке с ярко блестящими желтыми пуговицами, к его манере сыпать в разговоре одними восклицательными знаками, — Родин вдруг понял, что перед ним всего-навсего обыкновенный нахал, вернее, крепкий нахал, и, поймав себя на этой мысли, насторожился — вспомнил, что именно так охарактеризовал грабителя Климов. Но это было любимое Костино словечко, этот ярлык он вешал на каждого, кто ему не нравился, так что...

— А теперь перейдем к делу, — сказал Родин и, чтобы построить парня на серьезный лад, деловито спросил: — Здесь продолжим разговор или... у меня в кабинете?

Снегов запнулся на полуслове и, каким-то единым, но бестолковым взглядом окинув территорию таксопарка, перед которым они сидели, беспокойно заерзал.

— Значит, здесь, — сказал Родин. — Где он к тебе подошел?

— На проспекте Мира.

— Точнее.

— Почти напротив выхода из метро.

— Сказал, куда ехать?

— Ну а как же.

— Ты сразу согласился? Далековато ведь...

Снегов замаялся, подтянул узел завязанного вокруг шеи платка, но ватом, видимо решив, что лучше говорить все-таки правду, глубоко вздохнул.

— Поторговался для проформы.

— Сколько он тебе пообещал?

— Оплатить дорогу в оба конца и десятку сверху.

— Ты его хорошо разглядел?

— Не очень. Он сел на заднее сиденье. И в очках был...

— Странного ничего в нем не заметил?

— Всю дорогу молчал. — Снегов выразительно сплюнул. — Терпеть таких не могу.

— По дороге нигде не останавливались?

— У метро «Новослободская».

— Зачем?

— Не знаю. Сказал: «Стой!» — и баста. Через пятнадцать минут: «Поехали». И поехали.

— Из машины он не выходил?

— Нет. Как сел, так и прилип. И на часы поглядывал... И на выход из метро... Видимо, кого-то поджидал. — Высказав свое предположение, Снегов с любопытством взглянул на Родин.

— А дальше?

— А дальше без остановок до самого универсама, тут вышел, там вышел, велел подождать. Минут через десять вернулся — и снова вперед. Проехали метров двести — стоп. Вылез, расплатился и... мотай, говорит, отсюда, друг.

— И ты смотался?

— Смотался, — подтвердил Снегов. — А что делать?

— А место, где его высадил, ты запомнил?

— Запомнил. Слева — колонка, справа, за домом — угольная куча.

— Большая?

— Куча-то?

— Да.

Родин сидел неподвижно, смежив веки, подперев ладонью голову. Можно было подумать, что он спит. Однако, просидев минут десять не шелохнувшись, он внезапно вздрогнул и удивленно поднял брови. Послышался легкий вздох. Снегов пробормотал себе под нос: «Я думаю... если вас так интересует эта куча, к ней можно было бы и подъехать».

Родин рывком, как старый дог, встал, застегнул пиджак.

— Так мы и сделаем, Сергей Владимирович.

— У меня машина не заправлена... Да и начальника не грех предупредить...

— Начальник предупрежден. А такси... Десятку сверху я тебе не дам: я на зарплату живу.

Снегов смутился, закусил губы. «Есть в тебе еще совесть». Сделав вид, что рассматривает свои ботинки, Родин довольно улыбнулся, бросил коротко: «Подожди меня здесь», и быстрым шагом направился к будке телефона-автомата.

Трубку снял Климов. Родин помолчал, вслушиваясь в рокошущий басок друга, а затем без всяких предисловий выпалил:

— Костя, мне нужна машина.

— Есть машина! — Костя представил себе удивленное лицо приятеля и весело рассмеялся. — У шефа день рождения. Я преподнес ему цветы...

— А от меня?

— А от тебя... сказал, что ты этого типа прихватил.

— Впечатление?

— Неплохое, но одна фраза меня насторожила.

— Какая именно?

— «Цейтнот — это еще не поражение».

— Абстрактная мысль.

— Но адресована тебе. И машина. Так и сказал: «Машина в распоряжении Родина». Усек?

— Усек, — автоматически повторил Родин, безуспешно пытаясь вникнуть в тайный смысл слов начальства.

— Куда машину подать? — спросил Климов.

— К тринадцатому таксопарку. К проходной.

— Будет сделано. — Климов помолчал, прикурив. Родин

слышал, как он торопливо чиркнул спичкой, и, как бы между прочим, сообщил: — Это еще не все.

— Выкладывай, — раздраженно проговорил Родин. Он уже чувствовал, что где-то ошибся, что-то упустил, что незря Скоков обронил эту успокаивающую фразу и позаботился о машине, он даже уловил в этом некую связь, но в чем она выражается, пока, как ни силился, понять не мог. Это и злило, и огорчало его одновременно.

— На имя Кошелевой получена телеграмма, — строгим, деловым голосом произнес Климов. — «Поздравляю днем рождения, крепко целую, нетерпением жду Булдури. Игорь». Отправитель — Игорь Валентинович Сопин.

— Это что за тип?

— Понятия не имею.

— Вот и выясни. По возможности все. — Родин сухо простился, повесил трубку и, выскочив из душной, раскаленной солнцем кабины, облегченно вздохнул. Около скамейки, пристукивая от нетерпения ногой, его ожидал Сережа Снегов, успевший не только прийти в себя, но и обрести свой прежний независимый вид.

Любовь Александровна Сопина была из тех матерей, которые, рождая, думают, что производят на свет гения. В этом счастливом ведении мать находилась долгих шесть лет. Карьера музыканта, подмостки сцены, потомственный актер... Мечтам не было предела. Итак, первый урок. У мальчика полностью отсутствует слух. Жестокый удар. Но **Любовь Александровна** перенесла его стойчески, с присущим ей мужеством и героизмом (она была актриса драматического плана и в подобные ситуации не раз попадала на сцене). «Не беда, — решила она, — есть много других замечательных профессий. Литература, например, искусство-вед, журналист... Звучит совсем неплохо».

Игорю ни в чем не отказывали. Учился он неровно: тройки сменялись пятерками, пятерки — двойками. Но учиться мог, и хорошо. Это заметили все учителя. Игорь был силен в математике. Но математика требовала трудолюбия, а Игорь был с ленцой, хватал все мимоходом, верхушки, не утруждая себя ни поисками, ни заботами. Со временем это легкомысленное отношение к труду развилось в житейскую философию. Кажущееся ничегонеделание родителей, — сыграл свою роль в театре — свободен, развлекайся, — постоянные гости в доме, чаще всего именитые, ночные коктейли, регулярные разъезды ввели мальчишку в за-

блуждение о легкости актерской профессии, о праздности жизни. И вот финал: не попал в институт, армия. Тяжелая солдатская служба не пошла на пользу. Армейские тяготы и заботы вызвали отвращение и укоренили парня в мысли, что прожить можно иначе, не прикладывая усилий, легко и красиво, а пыль из дорог пусть выколачивают те, кто подурней.

Администратор Мосэстрады. Должность маленькая, но... связи, кое-что и от него зависит. Оклад мизерный, а жить... хочется по-человечески, на широкую ногу. А развернуться есть где, была бы только головка на плечах. И Сопин развернулся. Кому лишний концерт устроит, кому рекламу, кому хорошую гастрольную поездку — и закрутилось, завертелось... Женщины, знакомства, попойки...

Родин слушал Климова сосредоточенно, хмуро сдвинув к переносице широкие густые брови. Настроение было отвратительное. Еще в машине, по дороге к месту происшествия, он ухватился за кончик мысли, которую подбросил ему своей фразой полковник Скоков, но не решаясь признаться себе, что действительно попал в цейтнот, всякий раз отбрасывал ее, отмахивался, как от надоевшей своим бесконечным жужжанием мухи. А она не отступала. И Родин снова и снова отправлялся за ней по пятам. «Хорошо,—думал он,—если шеф прав, то преступник должен был где-то спрятать саквояж — появляться с такой уликой на людях, когда дороги перекрыты и на ноги поднята вся милиция, просто-напросто неумно. Но где он мог его спрятать? В тайнике — раз, у знакомых — два. Если в тайнике, то он должен быть оборудован недалеко от места, где преступник вышел из машины. Может быть, даже в этой чертовой угольной куче... Если у знакомых... Это вряд ли. Зачем привлекать к такой сложной и рискованной операции, тем более на стадии ее завершения, второго? Да еще делиться с ним добычей?.. Значит, тайник. И значит, что он уже пуст — время, чтобы перепрятать деньги, у преступника было. Целых восемь дней. Вывод: мы — с носом. Пусть временно, но с носом. Остается лишь уповать на афоризм шефа: «Цейтнот — это еще не поражение».

Родин тщательно обследовал место, где вышел из машины преступник, и убедился, что версия полковника небезосновательна: на одном из склонов угольной кучи он обнаружил довольно глубокое прямоугольной формы углубление. Это было, конечно, еще не доказательство, но факт, а факты — вещь упрямая.

Следы искать не имело смысла — погода стояла жаркая и два последних дня шли короткие, но проливные дожди.

В управление Родин вернулся расстроенный, а выслушав Климова, и вовсе сник. Закурил, спросил утрюмо:

— Связи проверил?

— На это время требуется, — вспыхнул Климов. — У него знакомых — сотни, а я — один.

— Ладно, не сердись. — Родин встал, прошелся по кабинету. — Откуда он дал телеграмму?

— Я же тебе читал — Булдури.

— Булдури... Что-то знакомое.

— Да это курорт! Рига, Юрмала — золотой песок, море, рестораны...

— У тебя нет его фотографии?

— В полный рост. — Климов вытащил из внутреннего кармана пиджака две фотографии. — Одну мамочка предоставила, другую на работе взял.

— Когда он выехал?

— Шестнадцатого. Только не выехал, а вылетел.

Родин торопливо перелистал календарь.

— А универмаг обчистили десятого.

— Десятого, — повторил Климов. — Десятого он взял на работе отгул... — Он вдруг запнулся и, приподняв угловатые плечи, сунул руки в карманы брюк. — Уж не хочешь ли ты сказать... Почему я не мог сопоставить эти факты? Ведь он и с Кошелевой дружил, она у них в доме бывала...

— Не знаю, — улыбнулся Родин. — Шеф у себя?

— Дома. День рождения справляет.

— Ах да, я и забыл. — Родин придвинул к себе телефон — Придется побеспокоить.

На следующий день Родин первым же самолетом вылетел в командировку в Ригу.

II

Корреспонденцию «До востребования» на буквы «Р» и «С» выдавали в одном и том же окошечке. Родин почему-то обрадовался этому совпадению и, улыбаясь, вложил в протянутую к нему руку свое удостоверение. Девушка оказалась милой и разговорчивой. Нет, она не помнит, кто отправил эту телеграмму, но если товарищ интересуется, она может выяснить.

— Каким образом? — спросил Родин.

Девушка удивленно распахнула глаза.

— Так он же придет... И вы придете...

— Понятно, — рассмеялся Родин.

— А как вас найти?

— Я сам вас найду. — Продолжая улыбаться, Родин спросил: — Во сколько приходит вечерняя корреспонденция?

— В шесть-семь.

— Утром ему ничего не выдавайте, скажите — нет и попросите зайти еще раз поближе к вечеру. Договорились?

— Хорошо.

Дни летели незаметно. С утра Родин, беспечно насвистывая, отправлялся на море, купался, загорал, заводил случайные знакомства, шастал от одной компании к другой, играл в мяч, шутил и скоро стал той личностью, без которой не обойтись. После обеда он с безразличным видом фланировал по улицам, играл в теннис или партию-другую на бильярде, а к вечеру спешил на почту. «Ничего?» — спрашивал он голосом, каким спрашивают перевод. «Ничего», — сокрушенно отвечала девушка. Родин тяжело вздыхал и шел ужинать в ресторан. Но все его попытки обнаружить отправителя телеграммы были безрезультатны. Все нормально ели, нормально пили, активно веселились, флиртовали, в общем, вели себя так, как и положено вести на курорте. Родин злился, ругал себя последними словами, хотел было уже послать полковнику депешу о своем возвращении, как вдруг...

Вечером, когда Родин вернулся в гостиницу, стянул рубашку и принял холодный, освежающий душ, ему позвонил капитан Брок, его рижский коллега. Брок был выделен ему в помощь. В чем эта помощь должна была выражаться, никто толком не знал, в том числе и сам Брок, поэтому, поразмыслив, он решил, что кроме сводки происшествий по городу гостю, по всей вероятности, потребуется еще и добросовестный гид, и молча предложил свои услуги — ездил с Родиным на взморье, загорал, купался, играл на бильярде и каждый вечер клялся, что как только выпадет свободный день, они обязательно сходят в Домский собор.

Совместная работа, конечно, сближает, но по-настоящему Родин и Брок притерлись друг к другу, узнав, что их начальство — полковник Скоков и полковник Лиепинь — большие друзья: вместе закончили университет, вместе топали по служебной лестнице, лет пятнадцать переписывались, обещая нагрянуть в гости, а теперь, командуя идентичными отделами, чуть не каждый день перезваниваются и бодрыми, менторскими голосами вопрошают: «Ну, как

там мой?» Родин и Брок долго шутили по этому поводу, а затем, быстро перенеяв эту манеру, и сами стали беззлобно покусывать своих учителей — традиционное при встрече приветствие они заменили на добродушно-ироничное: «Ну, как там мой?»

— Ну, как там мой? — спросил Родин, услышав в трубке голос Брока.

— Вчера звонил, спрашивал, достаточно ли ты загорел и окреп, не пора ли, мол, проявить рвение и по службе.

— Ну, а что твой?

— Мой решил, что я тоже застоялся, как жеребец, и подкинул мне довольно хитрое дельце.

— Поэтому ты и не звонил?

— Поэтому. Ты ужинал?

— Нет, — удивился Родин.

— Тогда спустись в ресторан и закажи... Мясное и еще что-нибудь.

Я подъеду через пятнадцать минут.

Брок не подвел. Ровно через пятнадцать минут он сидел за столом и с аппетитом ел натуральный бифштекс. Вид при этом у него был довольный и хитрющий. Родин сразу же понял, что Брок выудил какую-то важную информацию, может быть, даже касающуюся его дела, но вида не подал — пил минеральную воду, курил, с любопытством поглядывая на танцующие пары.

— Выдержка у тебя, надо сказать, колоссальная. — Брок вытер салфеткой губы и без всякого перехода выпалил: — Третьего дня в Булдури обнаружили труп молодой женщины — плавала с аквалангом и утонула.

Вскрытие показало, что смерть наступила от отравления газом — пропаном. Подтвердил это и научно-технический отдел — один из баллончиков акваланга был действительно заряжен этой гадостью.

— Ловко, — сказал Родин. — А кто эта женщина?

— Круминь Валда Эдуардовна. — Выждал паузу и добавил: — Кассир по продаже авиабилетов... Аэропорт Румбала...

— Кассир, — вслух проговорил Родин.

— Кассир, — подтвердил Брок...

Родин потер переносицу, что делал всегда в минуты волнения, и попытался переварить информацию. «В Москве — кассир, здесь — кассир... Нет ли здесь связи? Может, преступник намеревался взять выручку аэропорта? Хотел привлечь девушку... Она не согласилась и... последовала развязка? Румбальский аэропорт... Ну и аппетит!»

Обычно Родин считал, что первая версия почти всегда ошибочна и что надо много поломать голову, чтобы напасть на верный след. Но сейчас, как он ни крутил, как ни вертел, все сводилось к одному: ни одно убийство не бывает случайным. Кому мешала эта девушка? И почему?

— С кем она была на пляже?

— С двумя ребятами, — спокойно ответил Брок.

— Как они выглядели?

— Впечатляюще. Первый — среднего роста, шатен, с прекрасно развитой мускулатурой. Второй — полная противоположность: не мужчина — складной стул, длинный, худой, выражение лица... Неприятное выражение лица.

— Кто их так хорошо запомнил?

— Вия Астынь, хирург. — Брок, подперев ладонью щеку, задумался, и Родин понял, что эта девушка произвела на его приятеля впечатление.

— Она тебе понравилась? — спросил он.

Витавший в облаках Брок резко выпрямился, с осуждением посмотрел на Родина.

— Ты ни о том думаешь.

— Не понял.

— Не понял — объясню. Не мужчина — складной стул, длинный, худой, выражение лица неприятное — это точный портрет того парнишки, фотографию которого ты уже неделю таскаешь в своем боковом кармане.

Когда-то Родин занимался боксом и славился тем, что обладал великолепной реакцией. Он развил ее до совершенства, развил настолько, что ему практически была не страшна любая атака. За эти качества он удостоился многих, очень лестных для себя эпитетов — «король защиты», «парень, который умеет держать удар»... Но, видимо, реакция на удар — это одно, а реакция на слово — совершенно другое: прошло больше минуты, прежде чем Родин пришел в себя, тряхнул головой и проговорил:

— Ты в этом уверен?

— Не я — Вия Астынь. Я ей показал фотографию твоего парня... В общем, она не сомневается.

— Ну что ж... В таком случае я завтра смотаюсь в аэропорт, а ты... ты жди меня в управлении. Договорились? — спросил Родин, вставая.

— Договорились. Только ты сперва за стол заплати.

Родин улыбнулся, полез за бумажником.

— Теперь я понимаю, почему ты меня не в буфет, а именно в ресторан пригласил.

...Аэропорт напоминал потревоженный муравейник. Улетали и прилетали самолеты, суетились пассажиры, взад-вперед сновали носильщики. Родин с трудом разыскал начальника аэропорта, представился и коротко поведал о случившемся. Тот сильно разволновался, долго хватал ртом воздух, без конца повторял: «Да как же так! Не могу поверить!», а затем, наверное в течение получаса, пытался сообразить, что же из себя представляла Круминь. Знания его о подчиненных, как и у большинства руководителей, ограничивались анкетными данными.

— Устроилась она к нам на работу года три назад, сразу же после десятого класса. Поступила заочно учиться в Рижский институт инженеров Гражданской авиации. Нарушений нет, работает хорошо... Ну, что вам еще сказать... Приветливая, за ней многие ухаживают — она не замужем — народ у нас молодой, летчики... Но держится стойче, молодец.

— Чем увлекается, как проводит свободное время?

Пачальник замаялся.

— Вам, пожалуй, лучше с ее подругой поговорить, Рутой Берзинь. Я сейчас ее вызову. — И он быстро, чтоб Родин не передумал, нажал кнопку звонка.

Рута оказалась миловидной высокой девушкой, застенчивой и чуть грустной. Она, видимо, стеснялась своего роста. Родин предложил ей сесть и, когда разговорились, осторожно спросил:

— С кем встречалась Валда в последнее время?

Рута подняла на Родину свои большие темные, сразу ставшие тревожными, глаза.

— Это имеет значение?

— Да, — твердо ответил Родин. О случившемся он ей не сказал ни слова.

— С одним парнем. Не здешним. Я его совсем не знаю и сказать о нем что-либо определенное не могу.

— Вы его видели?

— Раза два. Он приезжал за ней.

— Вас что-нибудь удивило в его действиях, внешности?

— Удивительного в нем ничего нет, но... Можно сказать, что держится с достоинством, а по мне — претенциозен, играет кого-то, самолюбование этакое в нем. Внешне? Пожалуй, красив.

— Худощав?

— Да.

— Цвет волос?

— Шатен.

— Вы разговаривали с ним?

— Мы втроем обедали. Валда тогда не могла с ним поехать, и он пригласил и ее, и меня в ресторан.

— Интересным он вам показался собеседником?

Рута наклонила голову, вспоминая.

— Остроумный парень. Он просто напичкан сентенциями, и своими, и чужими. Деньги — независимость, двадцатый век — век убитых чувств, все влюбленные обречены на одиночество... Он очень горевал по этому поводу. Смешно у него это выходило, по-щенячьи. По-моему, с Валдой у него серьезно... Воздержание, говорит, беременность ума, человечество сравнивал с ливерной колбасой, вывернутой наизнанку, в общем, в таком духе. Ничего, кое-что занятно.

Родин, слушая, кивал головой, одобрительно улыбался и благодарил бога, что ему попалась такая славная собеседница. Из некоторых, как, например, из их начальника, клещами по слову приходится вытягивать.

— А как Валда относилась к нему?

— Почему относилась? — поправила Рута. — Она и сейчас к нему хорошо относится. С ней такое редко бывает.

— Он не говорил, кем работает?

— На эстраде. Акробат или гимнаст... Что-то в этом роде. Окончил цирковое училище.

— Хорошая профессия... — Родин чуть не сказал: для грабителя, но вовремя сдержался.

— Не знаю, — проговорила Рута. — Мне не нравится. Я ему об этом сказала.

— И что же он вам ответил? — полюбопытствовал Родин.

— Сказал, что непременно поменяет.

— Сговорчивый парень... Как его зовут?

— Володя.

— Володя, значит. — Родин задумался. — А фамилия?

— Не знаю.

— Больше ничего не вспомните?

— Нет, вроде все, — нахмурив брови, сказала Рута.

— Вы сидели рядом с ним и, наверное, хорошо рассмотрели его лицо...

— Над правой бровью, почти у виска — небольшой шрам. И потом глаза у него шальные. Беспокойные. — Рута поправила прическу. — А теперь объясните мне, пожалуйста, все, не утаивая. Сразу — лучше.

Родин рассказал. Рута долгое время сидела неподвижно, закусив губу, крепко сжав в кулаки тонкие нервные паль-

цы. И это было странно. То, что могло вылиться в слезы, в крик, оставалось в ней. Такие переживания особенно мучительны. Родин не стал тратить слов, зная, что это бесполезно. Он просто вывел девушку на улицу, посадил в машину и отвез домой, где сдал на попечение обеспокоенной матери, посоветовав крепкий чай, снотворное и поменьше вопросов.

Родин долго плутал по закоулкам старой Риги, пока не отыскал дом Круминей. Дом был обветшалый, потрескавшийся, давно требовал ремонта. Родин позвонил, но дверь оказалась незапертой, и он, толкнув ее, вошел. Приход его оказался некстати — дома уже знали о случившемся, но Родину все же удалось поговорить с братом Валды Имантом, учеником девятого класса. Мальчишка хоть и был убит известием, но, узнав, что Родин — инспектор уголовного розыска, проявил природное любопытство и с готовностью ответил на все интересующие его вопросы. Затем проводил в комнату Валды. Комната была небольшая, но уютная. В ней не было ничего лишнего, но необходимое было представлено так, что, казалось, есть все, даже с излишком. И все было на месте, начиная от платяного шкафа и кончая большой, по-видимому, вырезанной из какого-то журнала, любовно вставленной в простую рамку черного цвета фотографией Экзюпери.

— Имант, ты знал ее друзей? — спросил Родин.

— Конечно.

— И Володю?

Имант задумался.

— Может, Вольдемар? Вольдемар Каминский?

— Он русский?

— Латыш.

Родина покачал головой.

— А дневник она не вела? Знаешь, некоторые имеют такую привычку, — сказал он смущенно.

Имант молча вытащил из среднего ящика стола альбом с фотографиями и дневник. Но и здесь Родина постигла неудача. Последняя запись гласила: «Итак, школа позади! Что нас ждет за ее порогом? Дорог много, но надо выбрать одну». Кончилась мысль твердо и по-мужски: «Не надо отчаиваться, надо помнить слова Сиднея: «Или найду дорогу, или проложу ее сам».

Родин сидел, склонив голову, накручивая на палец колечки волос, и думал о том, как глупо и жестоко оборвалась жизнь этой девчонки. Столько задумано — планы, за-

мысли, мечты... И все — в дым, вдребезги, как фарфоровую чашку об пол!

Из дома Круминой Родин вышел в самом грустном расположении духа. У него стучало в висках и слегка покалывало затылок. Он прошелся по набережной, вдыхая горькие, еле уловимые запахи водорослей, нагретого за день камня, солярки. Все и везде смеялись, шутили. И он улыбался, но не со всеми вместе, а как бы отдельно. В гостиницу он пришел усталый и, едва успев раздеться, уснул.

В восемь утра Родин разбудил телефонный звонок. Звонил Брок.

— Доброе утро, — сказал он. — Одевайся. Я за тобой выслал машину.

— Что случилось? — предчувствуя недоброе, спросил Родин.

— Еще один утопленник.

— Кто? — Он моментально вскочил.

— Парнишка, которого ты разыскивал. — Брок помолчал и, так как Родин ничего не ответил, повесил трубку.

— Вот здесь. — Брок поддел ногой камешек. — Вот здесь его и нашли.

Родин осмотрелся. Место как место. На побережье таких тысячи. Ничего примечательного.

— Для таких дел места выбирают поглуше, как ты думаешь? — спросил он.

— Вообще-то, да, — неопределенно ответил Брок. — Только учти: ночь была темная — вытянутой руки не увидишь. И волны... Шумело сильно.

— Во сколько это произошло?

— От двенадцати до двух.

— Да... И все-таки, почему именно здесь?

— Меня тоже это удивляет, — помолчав, сказал Брок. — Ведь именно здесь утонула Валда Круминь. Совпадение это или?..

— Ребус, — проворчал Родин, — дикий ребус! Сильно его избили?

— Прилично.

— А что говорят медики?

— Еще рано, — взглянув на часы, проговорил Брок. — Часов в одиннадцать, думаю, сообщат.

— Кто его опознал? Ты?

— Вия Астынь.

— К ней удобно сейчас подъехать?

— Хочешь убедиться, что это действительно он?

— Это, во-первых, а во-вторых... — Родин замолчал, поглядывая на беззаботно прогуливающиеся вдоль кромки прибоя пары, на резвящихся в море ребятишек, на дрожащий в мареве горизонт, куда уходили пароходы. — А по дороге заедем в аэропорт, за Рутой Берзинь.

...Вия Астынь была в коротком, давно вышедшем из моды платье. Родин подумал: что это, желание продемонстрировать точеные ножки или стремление выглядеть моложе своих лет? Поразмыслив, понял, что оба его предположения не имеют смысла — возраст обычно скрывают дамы, которым за сорок, а кокетничать... Вия была начисто лишена кокетства. В этом Родин убедился, когда пригласил ее в просмотровый зал и, столкнувшись с ней в дверях, совсем близко увидел ее глаза — темные, спокойно-внимательные. Ему понравились ее глаза, и он понял, что они понравились и Брок, и порадовался за приятеля.

Следом за ними в полутемный просмотровый зал вошли Брок и Рута Берзинь. Рута с любопытством осмотрелась. Зашторенные окна, правильные ряды кресел, огромный экран. И все. Ничего лишнего.

— Садитесь, — предложил Брок. — И представьте, что вы в кино.

— Только не зрители, а режиссеры, — сказал молодой человек, стоявший рядом с проектором,

— Это Янис, наш киномеханик, — представил его Брок. — Образование — высшее, ученая степень — магистр спиритических наук. Начинаем, Янис?

— Поехали.

— Значит, так... Шатен, лицо овальное, нос с маленькой горбинкой, подбородок чуть выдвинут вперед, с ямочкой, над правой бровью, почти у виска — небольшой шрам...

Вспыхнул экран, и на нем появилось лицо молодого мужчины.

— Нет, — сказала Вия. — Лицо чуть круглее...

Проплыло еще одно лицо, еще, еще...

— Стоп! — Вия завороченно смотрела на экран. — Уши...

— Что «уши»? — рассмеялся Янис.

— Очень большие... У него плоские, прижатые, злые уши.

— Сделаем злые, — сказал Янис. — Подходят?

— Да.

— Прическа, — вздохнула Рута. — Прическа короче, волосы падают на лоб... Еще короче... Вот так!

— Он? — спросил Брок.

— Нет, — подумав, ответила Рута. — Нос исправьте... Чуть длиннее... И губы. У него маленький рот, верхней губы почти не видно...

— Брови, — сказала Вия. — У него мощные надбровные дуги, поэтому глаза кажутся чуть запавшими и блестят...

— Глаза у него очень выразительные, — согласилась Рута и вдруг изумленно вскрикнула: — Он!

— Вы согласны? — спросил Родин Вию.

— Сходство есть.

— Кто же из вас прав? — Родин задумчиво потер переносицу.

— Я думаю, что Рута, — сказала Вия. — У моей сестры двое близнецов, так из всех родственников только я одна могу отличить их друг от друга. Я скорее нахожу несходство, чем сходство.

— Вы чрезмерно наблюдательны, — рассмеялся Родин.

— Это плохо?

— Для человека, который вас полюбит, плохо: вы открываете в нем столько недостатков, что от стыда сбежит.

— Так это он или не он? — не выдержал Янис.

— Он, — сказал Брок. — Отдай его в фотолабораторию. Пусть размножают.

Брок проводил девушек до выхода, прощаясь, спросил:

— Надеюсь, наш киносенс не утомил вас?

— Обогастил, — рассмеялась Вия. — Я наконец-то поняла, почему до сих пор не замужем.

III

Лошадь шла мягким галопом, чуть не в кольцо выгнув шею. Ее выхоленное тело блестело, и, каждый раз проскакивая мимо Родин, она злобно косила большим налившимся от напряжения кровью глазом. Из-под копыт веером летели опилки.

— Балует, черт, — сказал директор. — Как увидит постороннего, так первым делом напугать старается. Смотри, мол, какой я страшный.

Родин понимающе улыбнулся и продолжал с неослабевающим вниманием следить за наездником. Тот, закончив

джигитовку, теперь стоял на лошади в полный рост. Ноги, обутые в черные кожаные полусапожки, выискивали точку опоры. Наконец он утвердился и резко выбросил вперед и в сторону правую руку. В воздухе мелькнула булава. Одна, вторая, третья... пятая. Еще мгновение — и они превратились во вращающееся колесо.

— Смелее, Гриша, смелее! — крикнул человек, находившийся в центре манежа. — Ничего, если одну потеряешь. Главное — уверенность. Темп, темп!

— Вот у него Швецов и учился, — сказал директор. — Если, конечно, я не ошибаюсь — фотография у вас больно расплывчатая. Но, по-моему, он. — И громко крикнул: — Вадим Александрович, можно тебя на пару минут?

Вадим Александрович оказался человеком общительным и веселым.

— Так вас Швецов интересуется? — улыбаясь, спросил он.

— Если в вашей группе учился один Владимир и его фамилия Швецов, то да, — сказал Родин.

— По-моему, один, — ответил Вадим Александрович.

— А как это поточнее выяснить?

— Проще пареной репы. Идемте.

Кабинет Вадима Александровича представлял собой нечто среднее между фотовыставкой циркового искусства и мастерской художника-декоратора. Чего здесь только не было! Камзолы, костюмы, жокейские принадлежности, статуэтки лошадей, гипсовые маски, хлысты, фотографии. И все это висело и валялось в таком беспорядке, что у Родина даже слов для сравнения не нашлось.

— Не стесняйтесь, располагайтесь, как дома, — предложил Вадим Александрович. — А я сейчас постараюсь удовлетворить ваше любопытство. Вот смотрите... — Выудив из груды бумаг два пакета с фотографиями, он веером разложил их на столе. — Не он?

Родин придвинул к себе фотографию. Высокий, атлетического сложения парень жонглировал тарелками. «Худощав, шатен, великолепно развитая мускулатура, — вспомнил Родин. — По-видимому, он. Можно сказать, что повезло. Если и дальше так будет продолжаться...»

— Вы не одолжите эту фотографию? Хотя бы для временного пользования, с возвращением, как говорится.

— Могу и без возвращения, и не одну эту. — Вадим Александрович отобрал еще несколько снимков. Швецов на выпускном вечере, Швецов на лошади, Швецов в воздухе — исполняет двойное сальто. — Выбирайте.

Родин взял первую фотографию — Швецов на выпускном вечере.

— Все? — спросил Вадим Александрович.

— Все, — ответил Родин. — Вы даже не спросите: зачем?

— Мы не любопытны. К тому же не дураки. Прекрасно знаем, что кроме нашей профессии существуют и другие.

— Можете сказать что-нибудь интересное об этом парне?

— По вашей части — ничего. А так... Способный юноша. Хороший собеседник и, как говорил Игорь Северянин: «Во имя этого все жертвы мира...» Славы жаждал, как мясник крови. Честолюбив. Да... Где работает сейчас, не знаю: давно из виду потерял.

— Женщины?

— Вторым планом.

— Деньги?

— Не волновали.

— Спиртное?

— Почти не пил. А если и приходилось, то в меру. Мне он нравится.

— Мне тоже, — сказал Родин.

— Желаю, чтобы ваше знакомство было приятным.

— Спасибо, — поблагодарил Родин. — Если потребуются ваша помощь, вы, я думаю, не откажете?

— Как можно! — воскликнул Вадим Александрович. — Всегда к вашим услугам.

Они тепло пожали руки и расстались, каждый с вполне определенным мнением друг о друге.

Первым делом Родин размножил фотографии Швецова и одну из них отправил Броку для предъявления на опознание. Через несколько дней пришел ответ: «Он!» Теперь карты противника были у него в руках. Но, как с горечью признался себе Родин, небо от этого яснее не стало. Кто все-таки взял деньги? Сопин или Швецов? Климов был в полной уверенности, что «друзья» работали вместе. В Риге решили взять еще один лакомый кусочек — Румбальский аэропорт. Но Валда, при помощи которой они хотели провернуть это дельце, оказалась ненадежной. Ее убрали. Швецов решает: «Семь бед — один ответ» и... Сопина находят мертвым. Все правильно и логично. Допустить это можно. Но...

— Надо брать! — решительно проговорил Климов.

— Хорошо. — Родин встал, прошелся по кабинету. — Возьмем. А факты? Как ты его припрешь к стенке? Думаешь, он тебе сам все расскажет?

— Не выдержит, сломается. Куда ему деваться?

— В том-то и дело, что есть куда. Если он с таким хладнокровием отправил в лучший мир друга и девушку, которая, как мне кажется, была ему далеко не безразлична, — это сильный человек, и защищаться он будет до последнего. Это — его единственный выход.

— Два убийства, что ж он, машина...

— Подожди, — остановил приятеля Родин. — Дальше — Кошелева. Почему она не ответила на телеграмму Сопина? Почему не выехала к нему?

— Она просила предоставить ей отпуск за свой счет, но ей отказали.

— Отказали, значит. — Родин потер переносицу. — Как ты думаешь, имела она отношение к этому делу?

— Без сомнения, — возбужденно проговорил Климов. — И если мы не возьмем Швецова, то я за ее жизнь гроша ломаного не поставлю.

— Основания?

— Швецов не любит свидетелей.

Крыть было нечем. Родин безнадежно махнул рукой, но точку зрения не изменил.

— Я бы воздержался, — тихо, но достаточно твердо проговорил он.

Этот диалог происходил в кабинете полковника Скокова, но адресован был не ему, а Красину, который, стоя у окна, с интересом наблюдал за действиями вороны, нашедшей на соседней крыше огромный кусок черного хлеба. Убедившись, что добыча не по зубам, хозяйка мусорных свалок принялась осторожными, точно дозированными движениями подталкивать хлеб к краю крыши. Красин долго не мог понять — зачем. Но когда увидел воду, оставшуюся в желобе карниза после недавнего дождя, услышал победный крик птицы, наконец-то скатившей хлеб в эту воду, восторженно ахнул: «Ну и ну, а мы ее за дурочку держим!»

Диалог был адресован Красину не случайно. Несмотря на то что он был моложе Скокова, да и на иерархической лестнице их разделяло довольно внушительное пространство, решать и приказывать в данной ситуации мог только он, майор Красин: он возглавлял расследование и полностью отвечал за его результат. Но... полковник есть полковник. Поэтому Красин, несмотря на данную ему власть,

в отношениях со Скоковым всегда был вежлив, предупредителен и тактичен: учитывая большой опыт полковника, никогда, как говорится, наперед батьки в пекло не лез.

— Значит, вы воздержались бы? — переспросил Красин, продолжая наблюдать за вороной.

— Воздержался бы, Виктор Андреевич, — сказал Родин. — Не могу я поверить в эту версию, не могу поверить, что Швецов мог так поступить. Не могу! Понимаете?

— Понимаю.

— Давайте повременим. Не уйдет он от нас. Куда ему деваться? Дальше Советского Союза не убежит.

Климов хмуро молчал, а Родин, чувствуя, что Красин колеблется, еще жарче продолжал:

— Увидите: через недельку-другую что-нибудь да выясним. Терпение — наш козырь. Уж столько ждали...

Красин посмотрел на Скокова, но Семен Тимофеевич ушел от вопросительного взгляда — сделал вид, что до смерти занят собственными ногтями, а Красин понял, что полковник тоже на распутье и что право сделать очередной ход предоставлено ему. И задумался, снова обратив взор на крышу соседнего дома. Ворона с удовольствием поедала размокший в воде хлеб.

— Так как решим? — не выдержал Родин.

— За вас уже все ворона решила, — рассмеялся Красин и объяснил, что сделала с хлебом мудрая птица перед тем, как его склевать.

— Действительно мудрая, — улыбнулся Скоков, подходя к окну. — Значит, подождем?

— Подождем. Против Швецова улик и впрямь нет. А без вещественных доказательств ни один мало-мальски соображающий прокурор санкцию на его арест не даст.

Родин ликовал. «Ну что ж, посмотрим, что ты за гусь, Владимир Петрович, — думал он, выйдя вместе с Климовым из кабинета, — посмотрим, крепки ли твои крылышки?» Из анкетных данных Родину удалось выяснить немного. Швецов — из обеспеченной семьи. Отец — мастер-жокей международной категории, мать — учительница, преподает русский язык и литературу в школе. Есть сестренка. Учится в восьмом классе. С милицией никогда не сталкивался. Ни приводов, ни задержаний. После окончания училища работает в Мосэстраде. Год назад купил кооперативную однокомнатную квартиру. Очевидно, помогли родители. И все. Конечно, мало, но подумать уже есть над чем.

— Правильно сделал, — сказал Скоков, когда Родин и

Климов вышли. — Сопин и Швецов в общем-то еще мальчишки, не могли они самостоятельно на такое дело пойти.

Красин кивнул, очевидно соглашаясь, толкнул дверь, но на пороге замешкался.

— Я назначил Кошелевой свидание.

— Вызвал на допрос?

— Скорее, это будет доверительный разговор.

— О чем?

— О пустяках.

— Например?

— С кем Сопин собирался в Прибалтику? Не было ли у него там друзей? В общем, придется изобразить недоумение по поводу его смерти — ведь парень неплохо плавал.

— Хорошо, — кивнул Скоков. — Только ради бога ничего лишнего, ни одного неосторожного вопроса — Кошелева должна быть в полной уверенности, что мы ее ни в чем не подозреваем.

— Не беспокойтесь. — Красин сердито сдвинул брови и вышел из кабинета.

...В дверь резко постучали. Красин выпрямился, крикнул: «Войдите» — и, сделав вид, что ужасно занят, снова уткнулся в бумаги. В кабинет решительно вошла высокая, стройная темноволосая женщина. На вид ей было лет двадцать пять, и по тому, как смело, почти вызывающе она держалась, Красин понял, что орешек ему попался крепкий.

— Здравствуйте, — сказала женщина. — Мне Красин нужен.

— Я — Красин, — с трудом оторвавшись от бумаг, сердито проговорил Виктор Андреевич.

— Я — Кошелева.

— Очень приятно. Садитесь, пожалуйста. Я через пару минут освобожусь.

Кошелева присела на краешек стула, с любопытством взглянула на вновь заскрипевшего пером Красина. Затем осмотрелась.

— С кем уехал в Ригу ваш друг Игорь? — неожиданно спросил Красин.

— Простите, кого вы имеете в виду?

— Сопина. Вы его хорошо знали?

— Не настолько, чтобы с уверенностью ответить на ваш вопрос.

— Ну, а все-таки?

— По-моему, один.

— Он писал вам?

— Прислал телеграмму. Вас, конечно, интересует текст.

— Если послание сугубо личное, можете не говорить.

— Послание сугубо личное, но я вам скажу, — отрезала Кошелева. — Он приглашал меня отдохнуть.

— А почему вы сразу с ним не поехали?

— Это мое личное дело.

— Личное так личное, — вздохнул Красин, придвинул к себе стопку бумаги, задумался. — Не говорил ли он вам, что собирается делать: снимать комнату или жить в гостинице?

— Это вопрос? — вспыхнула Кошелева.

— Это беседа, — сказал Красин. — И прошу вас не нервничать. Я бы и не затрагивал этот вопрос, но... обстоятельства вынуждают. Мать Игоря, Любовь Александровна, требует вещи сына, те, что он брал с собой, память, говорит, а мы не знаем, где он останавливался, у кого комнату снимал. Любовь Александровна сказала, что с вами он дружил, и посоветовала обратиться к вам.

Кошелева закинула ногу на ногу.

— Чтобы вы меня не мучили бесполезными вопросами, поясню: Сонин для меня — никто. Простите, что я так резко...

— Да, о покойниках плохо не говорят, — согласился Красин. — На чем же все-таки зиждился ваш роман? Простите, дружба.

— Можно и роман, — уже без всякой обиды заметила Кошелева. — Односторонний роман. А сущность его такая. Он, кажется, действительно был в меня влюблен, а я... Ну, как вам сказать... В общем, у него всегда можно было достать билеты на кинофестиваль, на какую-нибудь заезжую знаменитость, па...

— Понятно, — кивнул Красин. — А в Прибалтике у него не было друзей, у кого бы он мог остановиться?

— Нет, не было, — подумав, ответила Кошелева. — В Тбилиси у него кто-то был, а в Риге — нет.

— Странно, — сказал Красин. — Не жил же он на пляже.

— В наше время все может быть.

Ни один мускул не дрогнул на лице Кошелевой, но Красин заметил, как она, отпустив ручку сумочки, осторожно провела ладонью по платью. «Трудно тебе врать, милая. Потеешь».

— Ну что ж, не буду вас задерживать, — проговорил

Красин. — На большее, конечно, мы рассчитывали, но что делать... Спасибо и за это. Всего хорошего.

Он подписал ей пропуск и, когда она вышла, крепко задумался.

IV

Швецов пил вторую неделю, и конца этому, кажется, не предвиделось. Да он и не желал другого. Все надоело, опостылело, и, кроме тупого равнодушия к окружающим, он ничего не испытывал.

...Около двенадцати дня его разбудил телефонный звонок. Звонил Жорка Турянский, товарищ по работе.

— Старик! — заорал он, как только Швецов снял трубку. — Когда номер начнем готовить? Шеф кричит: выго-ню к чертовой матери!

— А ты пошли его подальше.

— Не могу, старик, он мне зарплату платит. Два раза в месяц, а другим способом я деньги зарабатывать не умею.

— Научись.

— Лепь.

— Она тебя и погубит.

— Слушай, — обозлился Жорка, — если ты не бросишь свои шуточки, я найду себе другого партнера.

— Завтра, — подумав, ответил Швецов.

— Что завтра?

— Завтра я буду в форме.

— А сегодня?

— Сегодня... — Швецов на мгновение запнулся. — Женщина звонила... У нее приятель в ящик сыграл.

— А ты-то тут при чем?

— Не знаю... В жилетку, наверное, поплакаться хочет.

— А ты, конечно, пожалеешь.

— Может быть.

Жорка присвистнул и поинтересовался, где и во сколько Швецов встречается с вдовой.

— В Доме кино, в семь.

— Если я подгребу...

— Подгребай, — подумав, согласился Швецов. Положил трубку и потянулся за пиджаком.

...Перед началом сеанса Швецов с Турянским зашли в буфет. Швецов выпил кофе и вдруг почувствовал, что его личность кого-то интересует. Он повел корпусом и глаза в глаза столкнулся с высокой привлекательной девушкой, занятой пирожком. Взгляд ее подведенных, похожих на

спелые сливы глаз был жадным до откровенности. Швецов подобрался, нервно вытер губы.

— Фирма, старик, — одобрил Жорка, заметивший их молчаливый диалог.

Швецов, не ответив, повернулся и медленно вышел из буфета. Турянский догнал его уже в фойе, когда тот закурился.

— Ты чего, старик, — загудел он на ухо, — гениальная баба!

Швецов недовольно поморщился.

— Я с ней знаком.

Жорка недоверчиво взглянул на приятеля.

Тут Швецов снова увидел ее. Она шла прямо на них и улыбалась. Но как-то странно. Одними глазами. Походка у нее была чуть скованной, пальцы нервно теребили сумочку.

— Сгинь, старик! — тихо проговорил Швецов и, когда девушка поравнялась с ним, просто, без обиняков, спросил: — Простите, это вы мне звонили?

Кошелева — это была она — кивнула головой и нахмурилась.

— Я думала, вы меня сразу узнаете. У вас плохая память на лица.

— Если девушка с кавалером, я обычно не обращаю на нее внимания. А вы, как мне помнится, были тогда с высоким, пожилым, очень импозантным...

— Значит, все-таки запомнили?

— Старика. Евгений Евгеньевич, кажется?

— Удивительно! Он вас тоже запомнил.

— Очень рад. Привет ему при случае.

— Спасибо.

— Простите, я забыл ваше имя, — сказал Швецов.

— Инна.

— Вы одна?

— С подругой.

— А где же она?

— В зале.

Швецов незаметно дал знак Турянскому. Тот, казалось, только этого и ждал. Подлетел стремительно, как бильярдный шар, пущенный умелой рукой.

— Знакомьтесь...

В ресторане было свободно, и они заняли угловой столик — Швецов не любил видных мест.

Подруга Инны — Лена — оказалась невысокой голубоглазой блондинкой. Была она не так уж красива, но обая-

тельна, умом не блистала, но говорила беспрерывно, чуть посмеиваясь при этом и отчаянно жестикулируя. Ее энергия и жизнерадостность в два счета привели Турянского в телачий восторг.

Швецов, изучая меню, искоса посматривал на Инну, на ее руки — широкое запястье, узкую кисть и длинные, очень красивые пальцы — и пытался вспомнить, что ему говорил о ней Игорь, но кроме обрывочных, обыденных фраз в голову ничего не приходило: «Потрясающая баба! Старик, женюсь! Свадебное путешествие по территориальным водам Советского Союза!» И так далее, и в таком духе.

— Что будем пить? — спросил Швецов.

— Сухое, — коротко ответила Инна.

Швецов продолжал пылливо смотреть на нее, но в его взгляде не было мысли. Инна смутилась.

— Можно рюмку водки.

— Я обожаю ликер, — вставила Лена.

— Я закажу для вас «В полет». Это коктейль, — пояснил Турянский. — Крылья вырастают после третьей рюмки.

Лена состроила глазки.

— И куда же мы полетим?

— Жора хороший штурман, — серьезно сказал Швецов. — С ним вы побываете везде: в Париже, Барселоне, Лондоне, Сингапуре. Последний раз он приземлился... в двадцать шестом отделении милиции.

Лена забилась в мелком ознобе смеха.

— Пилот пьян, — отпарировал Жора. — Не обращайтесь внимания.

— Вы хорошо загорели, — сказала вдруг Инна. — Южный загар?

— Да, — ответил Швецов.

— И где же вы были?

— Естественно, на юге.

— А вы действительно штурман? — спросила Лена, взглянув на манипулирующего напитками Жору.

— Вы сомневаетесь? — обиделся он.

— И с вами можно слетать в Сухуми или, например, в Иркутск?

— Конечно. У нас ребята замечательные. Довезут и фамилию не спросят. Простите, а почему вас Иркутск волнует?

— У меня там мама.

— Мама? — почему-то удивился Жора. — Замечатель-

но! Старик! — Он толкнул в бок Швецова. — У нее мама в Иркутске.

— Сперва за дочек, — сказал Швецов, поднимая бокал. — За ваше здорoвье!

— Спасибо, — негромко ответила Инна и, выдержав паузу, заметила: — Вы много пьете.

Сказала она это не осуждающе, а как-то заботливо, с участием. Швецов уловил эти нотки и тихо, с какой-то грустью в голосе прочитал:

Я пил и буду пить,
В том выпшее предназначенье.
Возможно власти нас лишить,
Возможно нас лишить имения,
Но то, что выпито, поверьте:
Останется при мне до самой смерти!

— Хорошие стихи, — проговорила Инна. — Чьи?

— Не помню, — улыбнулся Швецов. — Мистика какo-то. Но Блок считал его неплохим поэтом.

— Инна, — влез Жорка, — он может часами шпарить. И здорово! Я ему говорю: бросай цирк к чертовой матери, иди на эстраду, стихи читать будешь.

— Какой цирк? — спросила Инна.

Турянский моментально схватил со стола три пустые тарелки и одну за другой, как голубей, выпустил их под потолок.

— Ой! — вскрикнула Лена, но тарелки уже стояли на своих местах. — Вы фокусник?

— Он штурман, — поправил ее Швецов. — Просто Жорка сбился с курса. — И недовольно поморщился, заметив вытянувшиеся от любопытства физиономии за соседними столиками.

Инна исподволь наблюдала за Швецовым. Ей нравились его небрежная ирония, уверенность, с которой он излагал свои мысли, от него веяло силой, и в то же время поражала легкая грусть, камнем лежавшая на дне его расширенных круглых зрачков. Это было неожиданно, и это влекло к нему. Хотелось залечить эту маленькую ранку, ибо все остальное было крепким, тренированным, надежным.

— Вы Игоря хорошо знаете? — неожиданно спросил Швецов.

Вопрос, видимо, застал Инну врасплох.

— Да, — растерянно ответила она. — Вообще-то не очень. Я встречалась с ним только по делу.

— Жаль, — сказал Швецов.

— Странная история, — сказала Инна, легким наклонном головы поправляя волосы.

— Что вы имеете в виду?

— Он хорошо плавал.

— Он и сейчас неплохо плавает.

Инна в упор взглянула на Швецова. Он стряхнул пепел в свою недоеденную котлету по-киевски и мило улыбнулся.

— Прекратите! — Голос Инны сорвался.

Швецов удивленно посмотрел ей в глаза, холодно заметил:

— Истерики я не люблю.

— Володя, — сказал Жора, не сводя влюбленных глаз со своей соседки, — не поменять ли нам курс? Здесь слишком шумно.

Швецов посмотрел на Инну.

— Поедьте ко мне.

Инна взглянула в его неподвижные, блестящие зрачки, и ей стало страшно.

— Я прошу вас, — еще настойчивей повторил Швецов.

Инна ничего не ответила, но когда он встал, поднялась тоже, точно сработал в ней некий безотказный механизм, который был взаимосвязан с тем, другим механизмом, заложенным в Швецове.

...В прихожей Инну поразили рога. Красивые, изящно изогнутые, диаметром почти с блюдце у основания и острыми, устремленными вперед концами, они свидетельствовали о силе и мощи носившего их животного.

— Рога, — только и сказала Инна.

— Фамильный герб, — усмехнулся Швецов, но тут же серьезно пояснил: — Равнинный тур. Последний экземпляр был убит в тысяча восемьсот каком-то году. Очень редкие рога. Я их у соседки на телевизор выменял. А она, вернее ее отец, их из Германии в свое время вывез. А потом умер, муж сбежал, хозяйство прахом пошло... Трудно, наверное, без хозяина.

— А без хозяйки? — спросила Инна, окидывая взглядом сваленную в раковину грязную посуду.

— И без хозяйки, — вздохнул Швецов. — Вы уж извините меня за кавардак, я что-то в последние дни расклеился.

— Я уберу у вас, не возражаете?

— Не надо. — Швецов поморщился, но, чувствуя, что не убедил, добавил: — По крайней мере, сейчас. — Он вытащил из кармана плаща бутылку «Столичной». — Лучше побеседуем.

— На вашем языке это называется побеседовать?

— А как это на вашем языке называется?

— Напиться до бесчувствия.

Швецов, не зная что ответить, прошел к письменному столу и включил приемник.

— Вы еще и охотой увлекаетесь? — заметив на стене ружье, спросила Инна.

— Увлекаюсь. — Швецов вытащил из холодильника банку шпрот, лимон и заварил кофе.

— Вы любите кофе?

— Можно, — кивнула Инна.

Швецов пил ожесточенно, с какой-то непонятной злостью. Временами он внезапно замолкал, о чем-то думал, уставясь в одну только ему видимую точку, то вдруг, встретившись, вспомнив, что не один, становился не в меру говорлив, нежен, сентиментален, при этом улыбался, но так, что блестела только узкая полоска зубов.

— Что с вами происходит, Володя? — спросила Инна.

— Не знаю, — отрывисто сказал Швецов и, видя ее недоумение, как-то недобро ухмыльнулся и налил себе рюмку. Она, видимо, оказалась той последней, роковой, которую пить уже не следовало. Он жалобно замычал, попытался ухватиться за столик, но так и не найдя его, рухнул на подушки. Инна сняла с него ботинки и подумала, что в более идиотское положение еще не попадала.

— Володя, — позвала она.

Швецов с трудом приоткрыл веки, попытался приподняться, но тело его не слушалось.

Он заснул на боку, неудобно подвернув под себя правую руку, а другой ухватил Инну за запястье и не отпускал даже во сне, словно это был спасательный круг, благодаря которому он еще держался на поверхности.

V

Родин сидел в скверике, напротив кинотеатра «Россия», и нервно курил сигарету за сигаретой. Наконец, когда, казалось, у него и терпение лопнуло, появился Климов.

— Где тебя носило? — накинулся на него Родин. — Как сквозь землю провалился!

— Подожди, Саша, — взмолился Климов. — Дай дух перевести. — Он пошарил по карманам. — У тебя нет трех копеек?

— На газировку перешел? — съязвил Родин, протягивая другу монету.

Климов вынул у кинотеатра стакан воды и, вернувшись, устало опустился на скамейку рядом с Родиным.

— Ты прав, Саша, — удрученно проговорил он, — самое большое, на что я способен — это регулировать движение на каком-нибудь безлюдном перекрестке.

— Орудовцам тоже люди с головой нужны, — усмехнулся Родин. — Рассказывай.

— У них роман, — выпалил Климов.

— У кого это у них?

— У Швецова с Кошелевой.

Родин посмотрел на приятеля так, как смотрят на явившегося с того света.

— Ты в этом уверен?

— Так же твердо, как в том, что ты не женат, что пиджак у тебя в клеточку, сорочка нелепо-желтого цвета.

— Чем тебе не нравится моя рубашка?

— Ты пижон, Сашка, но мозги у тебя работают в полный накал, как у академика.

— Спасибо. Но на чем все-таки зиждится твоя уверенность?

— Она у него сегодня ночевала.

— Ну и что?

— Как что? — взорвался Климов. — Ты думаешь, она приходящая домработница?

— Дальше, — спокойно сказал Родин.

— А утром они отправились в гости к некоему Евгению Евгеньевичу Крайникову... Адрес: Серебряный переулок, шесть.

— Что за личность?

— Исчерпывающий ответ на этот вопрос я смогу тебе дать только завтра. А вкратце... Работник министерства торговли. Холост. Живет вдвоем с племянницей. Бойкая современная девочка из города Одессы — Алена Войцеховская.

— А родители этой современной девочки?

— По всей вероятности, в Одессе. Она приехала сюда учиться. Занимается в университете, на факультете журналистики.

— Интересно, — пробормотал Родин. — Все?

— Кажется, да.

— А если без «кажется»?

— Маленькая деталь, — рассмеялся Климов. — Евгений Евгеньевич имеет собственную машину и посещает школу верховой езды. Источник — товарищ Галаджева, очень деликатный и душевный человек.

— Кто такая?

— Дворник.

— Тебя это удивило?

— Что?

— Что Крайников посещает школу верховой езды?

— Очень. В наше время человек на лошади — явление редкое, необычное, я бы сказал.

— Ты зарядку по утрам делаешь? — помолчав, спросил Родин.

Климов хотел было возмутиться, но Родин, взглянув на часы, сказал:

— Пойдем. Точность — вежливость королей.

— На ковер?

— На ковер. А чего ты волнуешься? Мы же не с пустыми руками.

Они молча шагали вниз по бульвару. Климов, который был почти на голову ниже Родина, еле поспевал за приятелем, ежесекундно сбивался с ноги и от этого все больше и больше злился. Наконец не выдержал, сердито спросил:

— Почему ты решил, что я зарядку по утрам не делаю?

Родин придержал шаг, задумался.

— Этот Евгений Евгеньевич пожилой человек?

— Около пятидесяти.

— А скачет регулярно...

— Ну и что? — возразил Климов. — Может, он в кавалерии служил — привычка.

— Вот ты и выясни, проверь, когда и где он первый раз сел в седло.

— Нахал! — рассмеялся Климов. — Крепкий нахал! Мою же идею мне и подкидывает.

Была суббота. Евгений Евгеньевич встал как обычно, ровно в восемь, сделал зарядку, принял душ, побрился и принялся за приготовление завтрака. Он любил вкусно поесть и соответственно готовил. Затяжная холостяцкая жизнь многому научила и была ему не в тягость. Он хорошо переносил одиночество, пил в меру, много читал — преимущественно классику и переводную литературу — размышлял, даже пробовал писать. Но критик в нем оказался сильнее художника, и он без сожаления отложил перо. При первых симптомах хандры Евгений Евгеньевич срочно менял обстановку — ехал путешествовать. В деньгах он не нуждался, и машина всегда была на ходу. Правда, пользовался он ею редко, предпочитал общественный транспорт, так как с техникой был не в ладах и отличить гайку от цилиндра ему

порой было так же трудно, как дальтонику уяснить, на какой свет он едет.

Приготовив завтрак, Евгений Евгеньевич разбудил племянницу.

— Какой час? — спросила Алена, не изъявляя ни малейшего желания вставать.

— Одиннадцатый.

— Одиннадцатый?! — Алена моментально проснулась. — Не может быть!

— Вот тебе и не может быть! — Евгений Евгеньевич взглянул на часы. — Ровно десять минут одиннадцатого.

— В одиннадцать меня ждут. У метро.

— Свидание? — поинтересовался Евгений Евгеньевич.

Алена стеснительно улыбнулась и помчалась умываться.

Приезд племянницы Евгений Евгеньевич воспринял без энтузиазма, но и не особенно огорчился. Алена разнообразила его жизнь, внесла свежую струю. Сестра писала, что Алена спокойна, задумчива, вся в занятиях, мешать ему не будет и просила присмотреть за начинающей журналисткой. «Если есть у тебя в писательских кругах знакомые, представь ее, пусть сотрудничает в каких-нибудь газетах, журналах, конечно, внештатно. Это настроит девочку на серьезный лад и быстро приучит к самостоятельности. Она очень эмоциональна и восприимчива, постарайся по силе своих возможностей и свободного времени оградить ее от случайных знакомств и дурного влияния».

Беседы с Аленой не только развлекали Евгения Евгеньевича, но и заставляли о многом задуматься. Он давно не сталкивался с молодежью и представление о ее возможностях и запросах имел самое смутное, вернее, никакого не имел, и то, что он услышал и увидел, было для него открытием.

Евгений Евгеньевич сидел за столом и в ожидании племянницы просматривал свежие газеты. Вошла Алена и сказала, обнажив в улыбке ослепительно белые зубы.

— Вы без газет, как без хлеба.

Евгений Евгеньевич удивленно приподнял очки.

— Каждый культурный человек должен знать, что происходит в мире.

— Абсолютно верно, — заметила Алена, усаживаясь за стол. — За событиями нужно следить и делать соответствующие выводы.

— А ты думаешь, что с миром может что-нибудь случиться?

— Ни-че-го.

— Откуда такая уверенность?

— В наше время, по-моему, каждый понимает, что быть разумным — самое разумное.

— Веский аргумент. — Евгений Евгеньевич допил кофе и спросил: — Ты куда спешишь, если не секрет?

— В бассейн.

— А кто он?

— Слава.

— А-а, хоккеист, — протянул Евгений Евгеньевич.

— Не понимаю, почему такое пренебрежение? — Алена в упор посмотрела на дядю. — Конечно, по вашим понятиям, единственная игра, в которую может играть мужчина, не уронив своего достоинства, это теннис. Но уверяю вас: вы — архаичны. Нельзя жить суждениями, которые были хороши полсотни лет назад. У каждой эпохи свои зрелища, свои законы, вообще... свое лицо.

— Не обвиняй меня во всех грехах тяжких, — взмолился Евгений Евгеньевич. — Я не против хоккея, я — за, если когда-нибудь пригласишь на интересный матч, буду только благодарен.

— Ловлю на слове, — сказала Алена. — А Слава хороший парень и порядочный человек. У нас вообще ребята классные.

— Не буду спорить, не хочу, — сказал Евгений Евгеньевич. — Но иногда мне эти ребята напоминают американских парней, которым один черт на ком жениться — на выпускнице университета или на продавщице из модного магазина.

— Я не хочу расписываться за американцев, — сказала Алена, отставляя в сторону чашечку с кофе, — я их не знаю и на этот счет придерживаюсь английского правила: увидеть — поверить, но за наших ребят могу поручиться: черное с белым не перепутают.

— А вдруг?

— Слава не перепутает, — упрямо повторила Алена.

— Ты в этом уверена?

— Он сделал мне предложение.

— Довольно вежливо с его стороны.

— На что вы намекаете?

— Он в полной уверенности, что ты ему откажешь.

— Я согласилась.

— Алена, ты ставишь меня в идиотское положение, — холодным, отчужденным тоном проговорил Евгений Евгеньевич. — Мать просила меня присмотреть за тобой...

— Я не девочка, не в przygotowительный класс хожу.

— Допустим. А каким образом вы собираетесь организовать свой быт?

— Я могу переехать жить к нему...

— Исключено. Твоя мать меня живьем съест.

— В таком случае мы все оставим на своих местах.

— То есть?

— Он будет жить у себя, а я — у вас. А после института разберемся.

Евгений Евгеньевич жестко усмехнулся.

— Ты — здесь, он — там. На кой черт тогда жениться?

— Чтобы избежать сплетен и кривотолков. Еще вопросы будут?

— Мне, наверное, придется познакомиться с его родителями, — устало проговорил Евгений Евгеньевич. — Оставьте мне их телефон.

Алена ушла. Евгений Евгеньевич выпил еще чашечку кофе, закурил и некоторое время размышлял об извечной проблеме отцов и детей. Затем вернулся в кабинет и достал записную книжку. Долго листал ее. Дойдя до фамилии Янкиной, он откинулся на спинку кресла и задумался. Видимо, эта особа давно занимала его мысли, ибо Евгений Евгеньевич выкурил целую сигарету, прежде чем пришел к какому-то решению. Наконец он придвинул к себе телефон и набрал номер.

— Будьте любезны Татьяну Лазаревну... Нет дома? Простите, а кто это говорит?.. Александра Васильевна? Извините, что не узнал. Не знал, что вы приехали. Это Крайников беспокоит... Куда?.. Ах, в Манеж, на выставку. С Вадимом?.. Ясно... Нет, ничего не надо. Я вечером позвоню. Всего хорошего.

Евгений Евгеньевич положил трубку и удивленно потер переносицу. «К культуре приобщается. Впрочем, ей это необходимо. Надо ж оправдать свое служебное положение».

Приглушенно прозвенел звонок. Евгений Евгеньевич с недоумением взглянул на трещащий телефон, дождался вторичного звонка и только тогда снял трубку.

— Я вас слушаю... Здравствуй, Володя... Нет, не знаю. А что?.. Ну, об этом мы еще поговорим... Послушай, что ты делаешь?.. Не желаешь прогуляться со мной в Манеж? Там, говорят, интересная выставка молодых художников... Тогда приезжай. Это тебя не затруднит?.. Ну и отлично. От меня и тронемся. Жду.

Когда приехал Швецов, Евгений Евгеньевич, одетый с тщательностью человека, собравшегося на дипломатический прием, сидел за столом и выписывал из записной книжки

фамилии знакомых. Лист белой бумаги, лежавший перед ним, был разделен на две части, и одни попадали в левую колонку, над которой жирно чернела цифра четырнадцать, а другие — в правую, над ней стояла цифра пятнадцать.

— Список приговоренных к расстрелу? — пошутил Швецов.

— Нет, — сказал Евгений Евгеньевич. — Им суждено погибнуть более благородно: они обоньются и объедятся.

— За что такая немилость?

— Его Высочество приглашает их на свое пятидесятилетие.

— Умереть за здоровье монарха — великая честь. Его надо заслужить.

— Ты — заслужил.

Швецов поморщился.

— Я вегетарианец.

— Мужчины, которые не едят мяса и не пьют вина, подозрительны, — усмехнулся Евгений Евгеньевич. — Смотри, как бы тебе не попасть в список неблагонадежных.

— А что означают эти странные иероглифы? — Швецов указал на цифры четырнадцать и пятнадцать.

— Эти цифры? — Евгений Евгеньевич потер лоб. — Видишь ли, одни товарищи будут приглашены на торжество четырнадцатого, другие — пятнадцатого.

Швецов продолжал вопросительно смотреть на юбиляра, и последнему пришлось объяснить столь странное разделение.

— Знакомые бывают разные. И директор универмага мне нужен, и писатель мне не помешает. В смысле полезности здесь параллели проводить нельзя — каждый выполняет свои функции, но смешивать их нецелесообразно, не стоит и знакомить друг с другом. Это может вызвать легкое недоумение, шокировать и даже оттолкнуть от тебя человека. — Евгений Евгеньевич поправил съехавший набок галстук, с интересом посмотрел на собеседника. — Тебя в какой список занести?

— Я любопытен, — отвертелся Швецов, явно не желая попасть в одну компанию с торгашами и в то же время боясь показаться нескромным, заявив, что его место среди интеллигентной публики.

— Хорошо, — сказал Евгений Евгеньевич. — Я заносу тебя в оба списка.

Швецов произвольно, точно пытаясь освободиться, повел плечами. Он уже давно заметил, что между ним и Крайниковым протянулась невидимая нить, которая свя-

зывает их день ото дня все крепче и крепче. Вот и сейчас затянулся еще один незаметный, но крепенький узелок.

В Манеже было немногочленно, и Евгений Евгеньевич со Швецовым быстро переходили из одного зала в другой. Интересного попадалось мало. В студенческих (это была Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов) работах еще чувствовалась скованность, заданность, подражательность. Особенно это проявлялось в скульптуре. В них не было свежести, четкости замысла и вдобавок ко всему поражало однообразие тем. В графике и живописи дело обстояло лучше. Особенно понравились Евгению Евгеньевичу эскизы декораций к «Зависти» Ю. Олеша.

— Как ты к нему относишься? — спросил он Швецова.

— Положительно.

— А конкретнее?

— «Трех толстяков» не перевариваю.

— Резко. — Евгений Евгеньевич задумался. — И все-таки автор недостаточно четок.

— Здравствуйте, Евгений Евгеньевич! — прервал его негромкий женский голос.

Швецов обернулся. Перед ним, улыбаясь хорошо поставленной театральной улыбкой, стояла породная, лет сорока, женщина с тонкими, слегка подкрашенными губами и черными, блестящими, как антрацит, глазами.

— Вот так встреча! — воскликнул Евгений Евгеньевич. — Здравствуйте, Татьяна Лазаревна!

— Добрый день, Евгений Евгеньевич!

— Да вы с сыном! Здравствуй, Вадим.

Вадим, вихрастый семиклассник с бойким, капризным взглядом, вежливо поклонился. Евгений Евгеньевич представил Швецова.

— О чем вы здесь спорили? — спросила Татьяна Лазаревна.

— Вот обсуждаем сей шедевр. Как вы его находите?

Татьяна Лазаревна долго рассматривала эскизы, но мнение свое не высказала.

— Евгений Евгеньевич говорит, что замысел у автора недостаточно четок, — заметил Швецов. — Так я вас понял, Евгений Евгеньевич?

— Так, — ответил тот. — Французский скульптор Бурдель любил приводить пример с ушедшим поездом. Если вы, говорил он, опоздали на поезд, то несущественно — пришли вы на вокзал через минуту или через час после его ухода. Неточность — всегда неточность — поезд ушел. Так и в искусстве. И замысел, и его претворение должны быть чет-

ки. Если же этой четкости нет, то степень приближения уже не имеет значения.

— Верно, — заметил бойкий семиклассник. — Я вчера в школу опоздал, а мне — двойку по математике. За что?

Швецов прыснул в кулак, не забыв при этом тактично отвернуться. Евгений Евгеньевич поспешил на помощь смятенной мамаше.

— Я вам звонил сегодня, Татьяна Лазаревна, — сказал он.

Антрацитовые глаза распахнулись еще шире, замерли в ожидании.

— Что-нибудь срочное?

— Хочу отметить в этом году свое рождение... Круглая дата, — словно оправдываясь, пояснил Евгений Евгеньевич. — Четырнадцатого в семь жду вас.

— Спасибо, Евгений Евгеньевич. Непременно буду. Сколько, если не секрет?

— Много.

— А выглядите лет на десять моложе.

«Интересно, в каком возрасте женщины перестают кокетничать?» — подумал Швецов, продолжая наблюдать за бойким семиклассником, который, воспользовавшись занятостью взрослых, незаметно смылся и теперь торчал у противоположной стены, с жадным, почти вдохновенным интересом рассматривая купающуюся женщину. Конечно, обнаженную.

— Бог мой, это что-то нездоровое, — озабоченно проговорила Татьяна Лазаревна, перехватив взгляд Швецова. — Я просто не знаю, что с ним делать.

— Выпороть, — спокойно сказал Швецов. — Выпороть и заставить заниматься спортом.

— Да он слабый, все время простуживается.

Швецов промолчал. Больные и хилые были ему непонятны и, кроме раздражения, никаких эмоций не вызывали.

— Ничего страшного, — сказал Евгений Евгеньевич, — переходный возраст.

— Папины гены! — с неожиданной злостью проговорила Татьяна Лазаревна. — Хоть кол на голове теши... — Губы ее сложились в презрительную усмешку, глаза сузились, отчужденно вспыхнули. — Нас ждут к обеду, Евгений Евгеньевич. Всего хорошего.

— Всего доброго, Татьяна Лазаревна.

— До свидания, Володя.

Швецов пожал протянутую ему руку. Ладонь была узкая, сухая, но крепкая.

— Ты на нее, по-моему, произвел впечатление, — переходя к следующей картине, как бы между прочим, заметил Евгений Евгеньевич. — На связь она идет охотно. Чувственная женщина.

— Возможно.

— Я не думаю, что ты однолюб.

— А вы сами с этой дамой давно расстались?

Евгений Евгеньевич бросил на Швецова холодный, насмешливо-проницательный взгляд.

— Мне хочется, чтобы в отношениях с этой женщиной ты был столь же умен и проницателен.

Швецов почувствовал, как щелкнуло и замкнулось еще одно звено связывающей их цепи, и неуверенно пробормотал:

— Не понимаю, на кой черт она мне нужна.

Евгений Евгеньевич пожал плечами.

— Просто мне кажется, что тебя тянет к интересным людям.

Швецов не ответил, но когда они вышли на улицу, неожиданно спросил:

— А что из себя представляет эта Татьяна Лазаревна?

— Директор комиссионного магазина редких и антикварных вещей. Живет вдвоем с сыном. Двухкомнатная квартира. Умна. Настолько, насколько может быть умна женщина. Любит лести. Ловка. Собирается приобрести дачу. Тысяч за двадцать. Денег у нее куча, и потому ищет мужа, которого можно использовать как прикрытие. Тогда она заживет...

Швецов сунул в рот сигарету, прикурил, жадно затянулся. Ему показалось, что он уловил мысль Евгения Евгеньевича, но она скользнула так стремительно и скрылась столь внезапно, что он успел заметить только ее хвост. Так иногда по мгновенному ожогу, уколу, по точечной капельке крови на теле человек понимает, что его укусила змея, хотя в глаза он ее и не видел.

— По чашечке кофе? — предложил Евгений Евгеньевич.

— Можно, — согласился Швецов.

Они зашли в «Националь». В холле продавались сувениры: матрешки, значки, открытки с видами Москвы и памятными местами, резьба по дереву — герои русских былин и сказок. Швецов купил себе ваньку-встаньку. Евгений Евгеньевич недоуменно посмотрел на Швецова. Тот пожал плечами и сунул деревянного дурачка в карман.

— Здесь? — Швецов кивнул на стойку.

— Пройдем лучше в зал, — сказал Евгений Евгеньевич. Они разделись и заняли столик на двоих.

— Мешать никто не будет, — буркнул Евгений Евгеньевич.

Подошла официантка — белокурая стандартная красавица с ярко накрашенными губами и со следами пудры на полных щеках. Швецов бросил на нее любопытный взгляд и вытащил ваньку-встаньку. Тот немедленно стукнулся лбом об стол и пошел раскланиваться направо и налево.

— Он рад, что вы не заставили нас ждать, — заметил Швецов официантке. — И будет отвешивать вам поклоны еще битый час после нашего ухода.

Девушка улыбнулась, бойко спросила:

— Что будете пить?

— Этот негодяй, — Швецов указал на продолжающего раскачиваться дурачка, — не пьет.

— А вы?

— А мы, к сожалению, пьем. Триста коньяка, лимон, кофе, черный, естественно, и закуску... Евгений Евгеньевич?

— Жюльен.

— Два, — сказал Швецов. — И боржоми.

...Швецов сидел как на иголках. Он понимал, что идет по лезвию бритвы, понимал, что что-то должно случиться, произойти, и в ожидании этого события, как боксер после хитроумного финта противника, напряжился, на всякий случай прикрыл подбородок. Но его ударили ниже пояса.

— А теперь расскажи мне, что у тебя произошло в Прибалтике с Сопиным? — спросил Евгений Евгеньевич.

— Я не понимаю вас, — сказал Швецов, как ни в чем не бывало продолжая помешивать ложечкой кофе.

— В двух словах поясню. — Евгений Евгеньевич выпустил колечко дыма и, не глядя на Швецова, негромко проговорил: — На это дело мне наплевать, меня это не касается, я ничего не видел и ничего не слышал, но... Есть маленькое «но»... Игорь иногда оказывал мне мелкие услуги. Теперь его нет... Будем считать, что он утонул... И его функции выполнять некому. И мне бы хотелось...

— Я не знаю, какие функции выполнял Сопин, — тихо и спокойно проговорил Швецов. — И не интересуюсь этим. В Прибалтике я с ним никогда не был и, признаюсь, удивлен вашей лжеинформацией.

— Ты мне не веришь на слово?

— Нет.

Евгений Евгеньевич достал бумажник и протянул ему фотографию, на которой Сопин и Швецов преспокойненько

потягивали пиво на станции Булдури. Что это именно Булдури, а не какая-нибудь подмосковная Малаховка, свидетельствовала надпись на портале здания.

Швецов повертел фотографию в руках и вернул хозяину.

— Как вам это удалось?

Евгений Евгеньевич упер локти в стол и с подкупающей откровенностью проговорил:

— Игорь был нечистоплотен в отношениях, и я решил его проверить. Так в поле моего зрения попал ты. Ну, а теперь расскажи мне, как все было на самом деле?

— Я отдыхал в Майори и там случайно встретился с Игорем.

— Случайно?

— Абсолютно.

Евгений Евгеньевич подался вперед.

— Ты, наверное, из тех детей, что называют трудными.

— Может быть.

— Тогда песколько наводящих вопросов. У Сопина хорошо работал мыслительный аппарат?

— Не очень.

— А человек, который научил его мыслить, имеет право получить причитающиеся ему пятьдесят процентов?

— Не понимаю.

— Тогда еще один вопрос. Ты сумеешь доказать свою непричастность к убийству Сопина?

— К убийству?! — переспросил Швецов, и по тому, как отлила у него от лица кровь, Крайников понял, что наконец-то угодил в десятку.

— Да, дорогой мой, так думают работники милиции. И не только думают, но и установили.

— Странно... — Швецов повертел в руках фужер, затем вылил в него остатки коньяка и залпом выпил.

VI

Родин лежал на диване и думал. Вернее, читал и думал. Но мысли забивали прочитанное, мешали вдумываться в смысл фраз. В конце концов он так замусолил страницу, с которой не мог сдвинуться, что ему стало жаль книгу.

В столовой мать гремела тарелками. Для нее такой день — праздник: вся семья в сборе. Поэтому обед обещал быть отменным. На кухне с самого утра кипит, шинит, жарится, и по всей квартире, по всем ее закоулкам, разносится острый, дразнящий запах еды. Отца нет. Ушел пропустить кружечку пивка. И Славки нет. Но будет. Обещал нигде не

задерживаться и ровно в два сидеть за столом на президентском месте. Славка — полная противоположность старшему брату — вдумчивому, серьезному, собранному.

Карьеру Славка делал ногами, а знаменит был тем, что играл за дубль «Спартака» и был лично знаком с Игорем Ларионовым. В свободное от тренировок время он исправно посещал лекции. Но, вообще, он был славным малым, и Родин-старший относился к нему уважительно. Добился этого Родин-младший своим поступлением в университет. Правда, после зачисления не удержался и съехидничал: «И в хоккей можно с головой играть».

В комнату заглянула мать. Родин закрыл глаза и сделал вид, что дремлет. Нина Григорьевна постояла, взглядываясь в черты сына, и вдруг неожиданно, словно знала, что он не спит, проговорила:

— Сходил бы прогуляться, аппетит лучше будет.

— Твои обеды в меня и без аппетита влезают.

— Тебе Лена звонила.

— Кто еще? — спросил Родин, пытаясь уйти от щекотливого разговора.

Но мать было трудно сбить с мысли. Если уж она за что-то цеплялась, то намертво.

— Славка, наверное, скоро женится, — с печальным вздохом обронила она.

«Провокация, — подумал Родин. — Желает ускорить мои отношения с Ленкой».

— Неладно это, когда младший брат раньше старшего женится, — продолжала Нина Григорьевна. — Плохая примета.

— Мама, я же не виноват, что Лена нравится тебе больше, чем мне. — Родин отложил в сторону книгу. — Ты насчет Славки серьезно?

— Конечно, серьезно. Это только ты ничего вокруг себя не замечаешь.

— Что надо — замечаю. Кто она?

— Алена.

— У него этих Ален...

— Было, было... Но эта такая заноза попалась... Не приведи господь!

Щелкнула входная дверь, и в прихожей кто-то завопил.

— Славка, ты? — крикнул Родин.

— Я, — ответил Славка.

На кухне что-то грохнуло и упало.

— По кастрюлям полез! — изумилась Нина Григорьевна, стремительно выскочив из комнаты.

— Я же не виноват, что они такие вкусные, — услышал Родин Славкино оправдание. — Дай еще один, Сашке.

— Он потерпит.

— Не понимаю, почему он должен терпеть?

Славка влез к нему в комнату с пирожком в руках, довольная улыбка сияла на его круглой, резко очерченной физиономии.

— Привет, старик! Ты наконец-то понял, что лежать гораздо удобнее, чем сидеть.

— Отдай пирог, — сказал Родин.

— Я же говорил ей, что ты мой брат, — взвыл Славка. — А она не дала.

— Врешь, — сказал Родин. — Дала.

— Может, и дала, — согласился Славка, откусил кусок пирога, а вторую половину протянул брату.

— Ну, как успехи? — спросил Родин.

— Ничего, — сказал Славка и почесал в затылке.

— У тебя, говорят, новая девочка?

— Классная девочка.

— Где ж ты ее заценил?

— На улице, но... — Славка оживился. — Понимаешь, стою я у автомата, а она названивает. Я от печего делать детализировкой занимаюсь. Ну, не единого дефекта! А ноги... Я не выдержал и говорю: «Девушка, у вас изумительные ноги». А она: «А у вас — нет». Но я-то знаю, что у меня ноги в порядке. «Вы ошибаетесь», — говорю. А она: «А вы — нет». Вышла и застучала — так и буравит своими шпильками асфальт. Я — за ней. Два квартала топал. Наконец она не выдержала, остановилась, смотрит на меня и в упор не видит. У меня язык одеревенел.

— Не поверю, — усмехнулся Родин.

— Честное слово, — поклялся Славка. — Стою и слова из себя не могу выдавить.

— Ну и чем же ты ее очаровал?

— Подфартило мне. Понимаешь, мне вдруг показалось, что я ее где-то видел. Ну я ей, конечно, и сказал. А она: «Посвежее ничего придумать не могли?» И испарилась. А на следующий день я ее встречаю у себя на факультете. Оказывается, она тоже журналистка. Мы с ней на одном курсе учимся, только в разных группах.

— Она москвичка?

— Из Одессы.

— А как зовут?

— Алена. Алена Войцеховская. Звучит?

Родин, вспомнив, что племянница Крайникова из Одессы и что фамилия ее Войцеховская, с трудом подавил волнение. Ведь это уму непостижимо, как сплетаются иногда нити человеческих судеб! С одной стороны — уголовное дело, с другой — любовь. Дело распутывает он, Родин-старший, на любовном костре горит Родин-младший, и оба, независимо друг от друга, встречаются с... Евгением Евгеньевичем Крайниковым. Ну как здесь не воскликнуть: «Абра-кадабра». «Нет, такое даже в романах не бывает, — подумал Родин. — А в жизни...» Года три назад судьба занесла Родину в Дудинку (он расследовал дело о незаконном отстреле и продаже песцов), и в тундре он носом к носу столкнулся со своим давним приятелем Димой Корсунским, с которым вместе учился в университете. «Ты как сюда» — оторопев, спросил Родин. «А я каждый отпуск здесь провожу — оленей отстреливаем, — ответил Дима. — А ты?» — «А я по делу».

Еще раз подивившись превратностям судьбы, Родин прикинул, что он может иметь от столь неожиданного Славкиного знакомства. Информацию? Вряд ли. Откройся он брату... Кто даст гарантию, что Славка не наломает дров? На таких делах горели даже профессионалы, профессионалы самой высокой пробы. «Не пойдет, — решил Родин. — Что же делать? Запретить ему с ней встречаться? А с какой стати? Да и не послушается его Славка. Он уже не мальчик. Пошлет куда подальше, и будет прав. Значит... значит, пока пусть все остается на своих местах».

— Она тебе нравится? — спросил Родин.

Славка пронично улыбнулся.

— Старик, ты до сих пор не разучился задавать глупых вопросов. Скажи, с какой стати мне бегать по улицам за девчонкой, которая мне безразлична?

— Виноват, — сказал Родин. — Я хотел спросить: на какой стадии ваш роман?

— До сегодняшнего дня мы борт о борт летели на всех парусах к экватору.

— А сегодня сели на мель?

— Разругались.

— Из-за чего?

— Она курит.

— Нынче многие курят.

— Понимаешь, когда он курит и она курит, это куда ни шло, но когда она курит, а он... В общем, мне неприятно.

но, когда от нее табачищем прет, мне даже целоваться не хочется...

— Ты ей так и сказал?

— Так и сказал.

— А она?

— Заявила, что я деспот.

— Обиделась?

— Я гоже обиделся.

— Правильно. Пошли ее...

— Не могу, старик. Неделию назад мы подали заявление в ЗАГС.

Родин чуть не выронил книгу.

— Ты серьезно?

— Понимаешь, старый, ее дядька, Евгений Евгеньевич, нас застукал...

— И заставил тебя жениться?

— Нет, он человек современный и на эти вещи смотрит как на нечто само собой разумеющееся, он нас ни словом, ни взглядом не упрекнул, но... — Слава замаялся. — В общем, наши отношения стали достоянием общественности, и в университете на Алену кое-кто поглядывает как на девочку... легкого поведения. Ей это не нравится. Мне — тоже.

— И ты решил жениться?

— Да.

— Ну что ж, поступок, достойный джентльмена.

— Не иронизируй.

— Я тебе вполне серьезно говорю: ты поступил, как настоящий мужчина.

— В таком случае ты мне должен помочь.

— Деньгами?

— Это само собой, — улынулся Слава. — Я хочу, чтобы ты достойно представил наше семейство.

— То есть?

— Представился Евгению Евгеньевичу.

Такого расклада Родин никак не ожидал. Не зная, что ответить, он сел и, положив книгу на журнальный столик, прихлопнул ее ладонью.

— Но почему именно я?

— Ты у нас самый элегантный, значительный, контактный.

— А родители... Ты что, стесняешься, что у тебя отец простой рабочий, а мать домохозяйка?

— Нет, но... Вам легче будет понять друг друга. Я уверен, что ты ему понравишься.

— Я не девка, чтобы нравиться.

— Значит, отказываешься?

Родин помолчал, нервно постукивая костяшками пальцев по полированной крышке стола.

— Евгений Евгеньевич знает о моем существовании?

— Пока нет.

— Я подумаю, — сказал Родин, облегченно вздохнув. — Я подумаю.

Славка кивнул и выкатился из комнаты.

Красин считал, что из всех опасностей самая неприятная, которую заранее ожидаешь. Кажется, чего бы лучше, обстоятельства дают тебе возможность взвесить все «за» и «против», но если при этом взвешивании оказывается, что почти все «против» и почти ничего «за», а вместе с тем назад пути нет, вот тут ждать становится трудно. Однако и к этому человек может себя приучить.

Красин еще раз перелистал дело Швецова, собрал в кулак факты и, приплюсовав к ним еще один, который подкинули рижане, понял, что ждать больше не имеет смысла — глупо ждать, когда у тебя на руках улики, полностью изобличающие преступника. Он взял телефонограмму, которую час назад получил из Риги, и еще раз внимательно изучил текст. Оплеуха была хоть и дружеской, но приличной. Рижские коллеги не только нашли доказательства виновности Швецова, но и тактично намекали, что, мол, готовы оказать помощь при его задержании.

Красин поправил галстук, что было признаком волнения, и придвинул к себе телефон.

— Не по мою душу названиваешь?

Красин положил трубку и медленно, всем корпусом, повернулся. В дверях стоял полковник Скоков, стоял и улыбался, по-кошачьи округлив свои неопределенного цвета — не то серо-зеленые, не то желто-карие — глаза.

— Здравствуйте, Семен Тимофеевич. — Красин все-таки растерялся, но, представив, как взвывается под потолок полковник, когда он сунет ему под нос телефонограмму из Риги, взял себя в руки, и на лице его заиграла легкая, беспечная улыбка.

— Мы уже сегодня виделись, — улыбнулся в ответ Скоков.

— Виделись, но...

— Что «но»?

— Я говорил с прокурором. Он может дать санкцию на арест Швецова.

— А почему вчера не дал?

— Оснований не было.

— А сегодня есть?

— Есть.

— И серьезные?

— Утром мне звонили рижане... Этот капитан Брок оказался расторопным парнишкой...

— А кто его торопил?

— Наверное, начальство. Убийство-то на их шее висит.

— Сопина?

— Сопин, по мнению экспертов, утонул — вода в легких.

— Но перед этим-то его избили.

— Ни один удар опасности для жизни не представлял.

— Ловко! — Скоков прошел к столу и сел в кресло напротив. — С больной головы да на здоровую. Я думаю, водяной им этого не простит.

— Какой водяной? — Красин насторожился. Он понял, что Скоков располагает информацией более существенной. Иначе чем объяснить эту непринужденность, игривость тона?

— Тот самый, что людей на дно затаскивает. Угости сигаретой.

Красин бросил ему пачку «Явы» и нанес последний, решающий удар.

— Капитан Брок нашел двух свидетелей, которые видели, как Швецов надевал на Валду Круминь акваланг.

— Ну и что?

— Это статья — преднамеренное убийство.

— А про универмаг ты забыл? Он на нашей шее висит. — Скоков вытащил из кармана и бросил на стол фотографию. — Как тебе сей товарищ?

Красин взял фотографию, пристально взглянул на нее. По залитой солнцем улице шагал, улыбаясь, почтенный, седеющий человек благородной внешности. Собранный взгляд, прямой, с гордо очерченными ноздрями нос, светлые аккуратно зачесанные волосы. Костюм серый, тщательно отутюженный, явно не фабричного производства, сидел безукоризненно. Элегантные ботинки, со вкусом подобранный галстук... В общем, весь он состоял как бы из одного куска, без малейшего изъяна, без самой малейшей трещинки.

— Да-а! — восхищенно протянул Красин. — Аристо-

крат, воспитание чувствуется, внешность — безукоризненная.

— Настолько, что вызывает подозрение, — усмехнулся Скоков.

— Кто такой?

— Некто Крайников. Евгений Евгеньевич Крайников. Окончил Плехановский институт, работает в Министерстве торговли — курирует ряд магазинов «Мосодежда».

— Вы на него через Швецова вышли?

— Да.

— Ну и чем он вам показался?

— Крайников посещает школу верховой езды. На первый взгляд странного в этом ничего нет, но... Вместе с ним скажут: Барбара Крeгер — сотрудница посольства ФРГ, Джон Смайлз — работник дипломатического корпуса США, Фрэнк Корн — представитель австрийской фирмы «Арго». Крайников и Корн знакомы. И, видимо, давно. Часто беседуют.

— Ну, и что в этом криминального? — помолчав, спросил Красин.

— Надо бы проверить.

— Проверим. Дальше.

— По службе Крайникову несколько раз предлагали повышение, но он отказывался, ссылаясь на плохое здоровье... Но здоровье у него отменное: в парилке по два-три часа торчит. И плавает прекрасно.

Скоков полез в карман за спичками — у него погасла сигарета, и Красин, воспользовавшись паузой, сказал:

— Сейчас многие плавают — это хороший тренинг.

Скоков выпустил колечко дыма, пропустил сквозь него второе и, когда они оба где-то под потолком расстались, сказал:

— Виктор Андреевич, я так же, как и ты, прекрасно понимаю, что если мы будем подозревать каждого, кто знаком или имеет какое-либо отношение к Швецову, то дело нам это не закрыть, как говорится, до второго пришествия, но... Третьего дня случилось неожиданное — у Стеблева угнали машину.

— Директора универмага?

— Именно. Нашли ее всего в двух километрах от города на опушке леса... Стекла разбиты, резина проколота, кузов ошкорежен до неузнаваемости — кто-то очень здорово поработал ломом или заводной ручкой.

— И что вы на сей раз думаете?

— Шантаж, вымогательство, прямая угроза.

— Швецов не мог?

— Швецов в это время находился в Москве.

— Тогда кто же?

— Об этом знает только Стеблев. Но никогда не признается — боится!

«Похоже, что это ракет, — подумал Красин. — А чего эти ракетеры могли от него требовать? Проценты с наворованного? Но ребята из ОБХСС самым тщательным образом проверили бухгалтерию Стеблева и ничего подозрительного не обнаружили».

— Вы всерьез думаете, что Крайников имеет какое-либо отношение ко всей этой истории?

— Чтобы ответить на твой вопрос утвердительно, нужно иметь на руках факты. Фактов у меня нет, но... Я начисто отрицаю случайность встречи Швецова и Крайникова. Что их связывает? Дружба? Отпадает: слишком велика разница в возрасте. Швецову — двадцать семь, Крайникову — сорок девять. И интересы у них соответственно разные. Швецов — человек общительный, большой любитель выпить, Крайников — затворник и, кроме кефира, ничего не употребляет, так что... В общем, я думаю, что только Крайников мог вычислить Стеблева и узнать про его левые заработки. Большие заработки, — подчеркнул Скоков и, помолчав, добавил: — Поэтому, мне кажется, мы направились на мафию. Ракет — это ее почерк.

Красин пришел в милицию после армии. И не по зову сердца, как пишут обычно в таких случаях (он хотел стать журналистом), а по причине чисто материальной: отца не было — погиб в автомобильной катастрофе, мать работала приемщицей в химчистке, еле-еле сводила концы с концами, поэтому надеяться можно было только на себя, на свой собственный заработок.

Красин поступил на вечернее отделение факультета журналистики в МГУ, а вот устроиться на работу в редакцию не смог. Везде говорили одно и то же: «Поработай годик-другой внештатно, тогда посмотрим...» Отчаявшись, Красин пришел в милицию. Там взяли — с кадрами было туго — но с оговоркой: «Переходи на юридический». И Красин после некоторого колебания перевелся. Решил: журналистикой займусь на досуге.

Уже через год Красин поразился несоответствию того, что видел, и того, о чем читал в учебниках и слышал на лекциях. На занятиях ему объясняли, что «в СССР ликвидирована профессиональная преступность», а на службе... На территории отделения милиции, в котором служил

Красин, находился автомобильный магазин, и то, что происходило вокруг него, удивляло и настораживало. Красин стал присматриваться, анализировать и вскоре понял, что налицо — организованная преступность. Одни «кидали» машину, выступая в роли покупателей, другие страховали их действия, третьи нейтрализовали возмущение потерпевшего. И всем этим процессом кто-то руководил — четко, уверенно, грамотно. Красин докладывал начальству, что все, что они делают, — полумеры, что надо не обезвреживать отдельных лиц, как правило «шестерок», а внедряться в мафию, выходить на Главного, собирать против него улики, факты и только тогда... Но над ним смеялись, спрашивали, скаля зубы: «Красин, ты когда-нибудь видел «вора в законе»?» А начальник уголовного розыска на полном серьезе предложил своим сотрудникам скинуться на туристическую путевку в Италию — «Красин съездит и расскажет нам потом, как выглядят эти самые мафиози».

Устав от насмешек и подзатыльников, Красин однажды подошел к заместителю начальника Научно-исследовательского института МВД Бурову, который читал у них курс лекций по уголовному праву, и выложил все, что беспокоило и мучило. «Я больше не могу так работать, — сказал он в конце беседы. — Или кто-то должен понять меня, или... я уйду из органов». — «Я тебя понимаю, — сказал Буров. — Тебе этого достаточно? Молчишь? Тогда слушай... Времена меняются, крепко меняются, и я верю, что мы скоро свернем шею всем этим разномастным бюрократам и чиновникам, которые дальше своего стола ни черта не видят, а если и видят, то ничего не предпринимают — так спокойнее! И ты верь, тебе двадцать пять, тебе сам бог велел верить!»

С того памятного разговора прошло десять лет. Многое изменилось за эти годы. И сама жизнь, и люди, которые впервые получили возможность говорить то, что думают, но даже сейчас, когда все газеты и журналы резали правду-матку, слово «мафия» было не в чести, выглядело чужеродным и диким, и многие работники управления внутренних дел, особенно старшего поколения, шарахались от человека, зараженного проказой.

Скоков был, так сказать, работником старшего поколения, поэтому Красин, несмотря на его заслуги и большой опыт, относился к нему несколько предвзято, считая, что полковник давным-давно отстал от жизни. «Он привык ловить бандитов, которые орудуют по ночам, словно волки, а мафиози живут открыто, но их надо вычислить, подловить,

припереть к стенке неопровержимыми фактами. По зубам ли ему это? Ведь здесь алгеброй не обойдешься, здесь высшая математика требуется». Так думал Красин о своем коллеге. И вдруг — «мафия»... Это непроизвольно и неожиданно вырвавшееся из уст полковника словечко заставило его расхохотаться, зычно, раскатисто.

— Простите, Семен Тимофеевич, я думал...

— Знаю, что ты думал, — снисходительно ответил Скоков. — Ты думал, что я только стрелять и догонять умею, а я и думать еще умею, я, может быть, первый догадался, что блатной мир по Дарвину развивается...

— По Дарвину?! Это как?

— Видоизменяется, меняет окраску, привычки, хватку в соответствии с окружающей средой. Приспосабливается.

— Я рад, что мы с вами одинаково мыслим, — сказал Красин. — И прошу: не сердитесь, извините, что держал вас на расстоянии, поверьте, причины на то были... Одних гонят, других повышают, третьи, воспользовавшись ситуацией, в хвост пристраиваются, в общем, все мы немножко замкнулись, отгородились друг от друга небольшими, но крепенькими заборчиками...

— Ладно, мы с тобой не красны девицы, — смутился Скоков. — Давай конкретно.

Красин посмотрел на полковника долгим, изучающим взглядом и подумал, как сложно и порой трудно взять всю ответственность на себя. Если дело закончится успешно... К успеху привыкли, этим никого не удивить, а вот в случае неудачи... В случае неудачи все шишки посыпятся на него. И хлопот тогда не оберешься.

— Первое, что необходимо выяснить, это каким образом Стеблев прикарманивает деньги.

— Родин уже этим занимается.

«Оперативно, — подумал Красин. — Даже со мной не посоветовался. Впрочем, ничего удивительного. Недоверие рождает ответное недоверие. Скоков небось давно раскусил меня, но в амбицию не полез, дождался момента и ткнул меня носом в собственное... дерьмо. Ну что ж, спасибо за урок».

— А какие именно магазины курирует Крайников, выяснили?

— Мужская и женская одежда.

— А теперь выясните, в каких отношениях он с директорами этих магазинов и что они из себя представляют?

— Климов побежал. Он страсть как любит по магазинам бегать.

Красин некоторое время сидел в глубокой задумчивости, поглаживая ладонью щеку. Затем придвинул к себе телефон.

— Нина, генерал у себя?.. Соедини, пожалуйста.

— А зачем ты к нему рвешься? — высказал недоумение Скоков.

— Получить очередной нагоняй.

— А ты не горюй. На то и начальство, чтобы подгонять. Я, например, всю жизнь чувствую, как хлыст надо мной гуляет, а имею... одни благодарности. — Скоков постучал костяшками пальцев по дереву и, улыбнувшись, философски заключил: — В нашем деле главное — юмор и терпение.

— Они обедают. Смогут принять лишь через полчаса, — сказал Красин, положив трубку. Затем скрестил на груди руки и спросил: — И долго мне еще терпеть, уважаемый Семен Тимофеевич?

— Если хочешь ускорить развязку, прими предложение Родина. Случай — великая вещь. Славный мушкетер д'Артаньян говорил, что на голове у случая растет одна-единственная прядь волос, за которую его можно схватить. Вот за эту прядь я бы на твоём месте и ухватился.

— Очень велика вероятность, что его раскроют.

— Не думаю. Как можно заподозрить человека, который случайно оказался братом жениха? Нет, для внедрения такая комбинация слишком сложна. В нее даже сам дьявол не поверит. Опасность не в этом. Крайникова, как, впрочем, и всякого другого, оказавшегося на его месте, без всякого сомнения заинтересуют родственники — кто такие, чем занимаются? Так вот, Родин свою профессию скрывать не должен. Да, работаю в милиции, эксперт-криминалист, профиль — судебная баллистика.

— Заманчиво. — Красин ребром ладони резко ударил по карандашу, и тот, свалившись, пропеллером завертелся на месте. — Очень заманчиво!

VII

В воскресенье Алена решила позаниматься — приблизился коллоквиум по языкознанию. Но, как сказал великий Чехов, человек велик в замыслах, но не в их исполнении. До обеда Алена проболтала с Евгением Евгеньевичем, утверждая, что журналист — это прежде всего талант и что, только обладая этим даром божьим, человек может

интересно писать и с успехом работать в печати. Евгений Евгеньевич не соглашался.

— Журналистом может быть любой образованный человек, — говорил он, легко выбрасывая слова и без труда плетя из них сложные предложения. — Вот писатель — это другое дело, здесь необходим талант. Писатель — это, во-первых, художник, во-вторых, мыслитель, философ и, в-третьих, критик. А журналист...

— Нет, — горячилась Алена. — Проблемная статья, хороший фельетон, очерк — под силу только талантливому человеку, думающему, имеющему свой взгляд на вещи, тому, кого волнует то, о чем он пишет. Там важен ход, сюжетное построение, надо правильно решить поставленную перед тобой задачу. И наконец, вы не можете отрицать факта, что большинство писателей начинали свой творческий путь именно с работы в газете. Даже ваш любимый Хемингуэй.

Спорили они долго, резко, и это в конце концов надоело Евгению Евгеньевичу. Он махнул рукой, сказал, что говорят они, кажется, об одном и том же, только на разных языках, и ушел к себе в кабинет.

После обеда позвонил Слава.

— Алена, — сказал он, — бассейн на сегодня откладывается.

— Почему?

— Хоккей. СССР — Канада. Могу пригласить.

— А это интересно?

— Когда играет Ларионов — всегда интересно.

— Ладно, пойдем на Ларионова. Ты зайдешь за мной?

— Обязательно.

У Славы оказались свободные билеты, и Алена, помня о недавнем споре с дядей, рискнула его пригласить на матч. Евгений Евгеньевич неожиданно согласился.

— Скоро ты меня и камни заставишь переваривать, — пошутил он.

— Вегетарианцы в наш век обречены на вымирание.

— Вы, Слава, такого же мнения?

Слава пожал плечами.

— Лично меня парниковые огурцы не устраивают.

— Людвиг Фейербах сказал: «Человек есть то, что он ест». С этой точки зрения духовная пища, которую вы каждый день потребляете, представляется мне малокалорийной. — Евгений Евгеньевич остановился напротив Славы и щелкнул подтяжкой. — Или, может, я ошибаюсь?

Слава, смешно наморщив лоб, молча переваривал вопрос. Спорт под таким углом зрения он не рассматривал.

— Я могу ответить только за себя.

Евгений Евгеньевич кивнул, соглашаясь.

— Я хоккеем люблю, и он в какой-то мере для меня творчество. Поле — это шахматная доска, это чертеж машины, которая вот-вот должна прийти в действие.

— Хорошо, — сказал Евгений Евгеньевич. — Но вы ведь учитесь, мечтаете стать журналистом. Так кто вы? Журналист или хоккеист? Совмещать несовместимое трудно, почти невозможно.

— А я пытаюсь, — скромно сказал Слава. — Ведь драма спорта в том, что рано или поздно с ним приходится расставаться, как летчику со штурвалом, как балерине со сценой, и надо найти достойный заменитель, найти смысл в другом, а я хочу продолжить борьбу за шайбу даже тогда, когда настанет время смотреть на нее с трибуны. Спортивный обозреватель...

— Вам повезло, — улыбнулся Евгений Евгеньевич. — У вас четкое представление о своих возможностях и их претворениях в жизнь.

— Основная задача — обезопасить свои ворота.

— А может быть, забить гол?

— Важно и то и другое, — невозмутимо ответил Слава. — Главное, чтобы разница забитых и пропущенных мячей выражалась положительной цифрой.

Алена торжествовала. Дядя был разбит наголову, а самое гениальное — она доказала, что умеет выбирать себе друзей и в няньках не нуждается.

Позвонил Швецов, долго мусолил слова и наконец сказал, что было бы неплохо, если бы они встретились — есть разговор.

— Ну что ж, — хмыкнул Евгений Евгеньевич. — Если желаешь проветриться, милости прошу... Как ты относишься к хоккею?

— Положительно.

— В таком случае мы за тобой заедем.

— Я буду ждать вас у подъезда.

Евгений Евгеньевич положил грубку и пошел одеваться. Но на его пути решительно возник Слава.

— Евгений Евгеньевич, вы звонили моим родителям и...

— Да, мы договорились встретиться.

— Так вот, пока суть да дело, я решил вас с братом познакомиться.

Евгений Евгеньевич задумался, насторожился, как волк, почувствовавший инородный запах. Сразу же противно заняло сердце. Он закурил, глубоко затянулся и с мрачной усмешкой, скривившей губы, вспомнил, как много лет назад пришел к врачу и пожаловался на регулярно повторяющиеся боли в сердце. Ему сделали кардиограмму, прощупали, простукали и сказали, что он... абсолютно здоров. И прописали валерьянку. Но валерьянка не помогла. И не могла помочь, ибо страх, закравшийся в душу, перестал быть чувством, он превратился в какой-то живой орган, который, ни на секунду не замирая, жил в нем, как сердце, легкие, печень. Даже во сне он не давал ему покоя, и это было особенно ужасно, потому что во сне Евгений Евгеньевич был перед ним совершенно беспомощен.

Особенно остро схватывало сердце, когда Евгений Евгеньевич видел перед собой незнакомого человека. «А вдруг оттуда?» — мелькала мысль. Чтобы оградить себя от столь острых ощущений, Евгений Евгеньевич резко сузил круг знакомств, перестал посещать кафе, рестораны, в гостях держался в тени, а рот открывал только в том случае, когда уже неудобно было не отвечать. Но пока ты жив, дверь в мир захлопнуть невозможно. В нее беспрестанно кто-то звонит: сослуживцы, родственники, знакомые и малознакомые люди. Приходилось открывать. Евгений Евгеньевич открывал, но каждый раз, когда раздавался очередной звонок, вздрагивал и чувствовал в сердце тупую, ноющую боль.

Евгений Евгеньевич прошел на кухню, где у него была аптечка, принял таблетку седуксена (на валерьянку у него уже выработалась аллергия), повязал галстук, надел пиджак, плащ и, немного успокоившись, сказал:

— Я не против, но мотивы... Он у вас что, глава семьи?

— Он у них самый нравственный, — язвительно заметила Алена. — И он так же, как и вы, против нашего... бракосочетания. Можно, говорит, подождать и до окончания института.

— Ну что ж, буду рад познакомиться со своим единомышленником.

Евгений Евгеньевич вел машину по всем правилам уличного движения — скорость не превышал, а при появлении светофора тормозить начинал чуть ли не за добрую сотню метров. «Береженного бог бережет», — говорил он своим нетерпеливым пассажирам. Но внешне выглядел молодцевато и за баранку держался с небрежностью бывшего шофера.

Швецов стоял около газетного киоска и от нетерпения отбивал ногой такт.

— Я уж подумал, что ваша «Антилопа» рассыпалась на самостоятельные части и люди в белых халатах вшивают вам чужие сердца, — сказал он, усаживаясь в машину. — Здравствуйте!

Евгений Евгеньевич улыбнулся.

— А ты бы мог жить с чужим сердцем?

— Только с сердцем д'Артаньяна.

— Твой любимый герой?

— А вам это трудно представить? — Швецов повернулся к Алене. — Ты сегодня какая-то особенная, так и светишься... Клад, что ли, нашла?

— Жениха, — проворчал Евгений Евгеньевич.

Швецов перевел взгляд на Славу.

— Поздравляю, — сказал он, а про себя подумал: «Лихо тебе, парень, придется. С таким тестем сполна хлебнешь».

Родин сидел на лавочке у подъезда и читал газету. Вернее, делал вид, что читает, а на самом деле приводил в порядок мысли, пытаясь систематизировать то, что ему и Климову удалось узнать о Крайникове — его образе жизни, привычках, склонностях, и, исходя из этого, выработать линию поведения в общении с этим далеко не ординарным человеком. «Крайников для нас — темная лошадка, — сказал Красин, провожая Родина на задание (провода, естественно, были относительные. Родин по-прежнему должен был ходить на работу, систематизировать полученный материал, но от своих прямых обязанностей сыщика он все-таки был отстранен). — Прижать его трудно. Ни одного вещественного доказательства. В чем мы его можем обвинить? В том, что он знаком с Корном? В том, что он изредка получал от него посылки с тряпьем? Да он и отрицать этого не будет. Да, скажет, знаком и посылки получал, а разве это возбраняется? Так что, Александр Григорьевич, ищи...» — «Найдем, — сказал Родин. — Даже змея след оставляет». — «Есть твари страшнее змей. Каракурты! Знаешь, что это такое?» — «Черный паук». — «Что черный — твоя правда, а сущность его такова: самка после брачной ночи сжирает самца». — «Не приведи господь!» — «То-то и оно. Так что ищи, копай, постарайся понять, где, когда, при каких обстоятельствах он впервые преступил закон? Где и когда сложилась ситуация, в которой он почувствовал себя как рыба в воде?»

У обочины дороги, мягко затормозив, остановилась «Волга». Родин сложил газету, встал. Из машины ему навстречу вышел Крайников, представился, усадил гостя на заднее сиденье, вежливо бросив при этом: «В тесноте, да не в обиде», и спросил:

— Вы тоже хоккеем увлекаетесь?

— Нет, — ответил Родин, почувствовав некоторый сарказм в вопросе. — Это мой брат с ума сходит. А я — от скуки холостяцкой жизни.

— Играешь? — спросил Швецов Славу.

— За дубль «Спартака».

— Молодец! — Швецов поймал недоумевающий взгляд Евгения Евгеньевича и зло отчеканил: — В наше время любая профессия в почете.

— Поэтому ты выбрал цирк?

Швецов покрутил головой, словно он был в тугом воротничке и этот воротничок невыносимо резал ему шею.

— Если откровенно, то надоели мне эти фляги до чертовой матери! Как скоморох! А главное — это сейчас никого не интересует. Зритель ждет не дожидется, когда твой номер закончится. Ему барда, битла с гитарой подавай, экстрасенса, что-нибудь такое?.. — Он покрутил в воздухе рукой. — Чтобы нервы щекотало.

— Тебе не хватает устойчивости, — сказал Евгений Евгеньевич.

Швецов вопросительно взглянул на него.

— Бальзак считал, что мужчина — источник движения, а женщина — устойчивости...

— Так то Бальзак! Гений!

— Первый раз вижу артиста, который недоволен своей профессией, — сказал Родин. — Они ведь сродни детским врачам — те искренне любят свою работу.

Ему никто не ответил. Алена задумалась о выборе профессии, Слава — о том, как сыграет в предстоящем матче Ларионов, а Швецов угрюмо молчал, уткнувшись в воротник плаща.

На стадионе Родин сел рядом со Швецовым. Он интуитивно чувствовал, что танцевать придется от этого парня, и старался закрепить знакомство.

Матч начался вяло. Игра преимущественно шла в центре поля, и издали казалось, что игроки ткут какой-то замысловатый, пока еще никому не понятный узор. Правда, было несколько опасных прорывов, но они как внезапно вспыхивали, так внезапно и гасли — защита работала четко.

В перерыве Родин пригласил Швецова выпить пива. Тот нехотя согласился. За ними увязался Славка. Вокруг буфета бушевала толпа жаждущих. Слава нырнул в самый водоворот и через минуту предстал перед изумленным братом с бутылками и бутербродами.

— Порядок! — сказал он весело.

Швецов одобрительно взглянул на Славу и принялся разливать по бумажным стаканчикам пиво.

— Я пас, — сказал Слава. — Пиво — напиток мастеров.

— Совсем не пьешь? — спросил Швецов.

— Только молоко.

— Полезное воздержание. — Швецов залпом осушил свой стаканчик и наполнил его снова. — Часто оно оборачивается страстью.

Вторая половина игры протекала бурно. Команды взорвались. На трибунах поднялся невообразимый гвалт, замелькали наспех скроенные транспаранты, призывающие к победе. Первыми в атаку бросились канадцы и дважды добились успеха. Казалось, игра сделана. Канадцы успокоились и попытались перевести игру в спокойное русло. Но не тут-то было. Шайбу передали Ларионову, но он, заметив сзади своего игрока, пропустил ее. Бросок! Трибуны радостно взревели. Шайба врезалась в сетку. Комбинация была красивой и эффектной. Швецов непроизвольно ткнул в бок Родину.

— Видел! Вот это класс! Пас без паса. Золотая голова!

Славка восторженно выли и орал что-то нечленораздельное. Алена хлопала в ладоши. Невозмутимое спокойствие хранил только Евгений Евгеньевич, искренне стараясь вникнуть в смысл происходящего и понять, что привело людей в такое неистовство.

Матч закончился со счетом 3:2 в пользу сборной СССР.

— Впечатляющее зрелище, — сказал Евгений Евгеньевич, когда усаживались в машину, осмотрелся и, не заметив ни племянницы, ни Славы, спросил:

— А куда молодежь исчезла?

— Они не вернутся, — ответил Родин. — Ушли знакомиться со знаменитостями.

В перерыве Родин попросил брата, чтобы после матча он испарился. И желательно с Аленой. Слава вытаращил глаза и сказал, что не понимает, как может испариться человек без монеты в кармане. Пришлось откупиться.

— Вот как! — сказал Евгений Евгеньевич. — Ну бог с ними. — И он осторожно тронул машину с места.

— Хоккей есть хоккей, но сегодня нас, по-моему, интересует совершенно другой вопрос — проблема быта молодой семьи, — сказал Родин, пытаясь направить беседу в нужное ему русло.

— Да, — кивнул Крайников. — Как у вас со временем?

— Свободен.

— Может, заедем ко мне? У меня там коньячок остался...

— Не возражаю.

Вечер прошел как нельзя лучше. Евгений Евгеньевич расчувствовался, размяк, вспоминая молодость, бывшие увлечения, сетуя, что молодежь нынче не та... Швецов смешил анекдотами и чуть не до колик довел обоих рассказом о том, какой необыкновенный скандал он закатил своей бедной маме, узнав от бабки, что та во время беременности чуть было не решилась сделать аборт. Родин больше слушал, вставлял остроумные замечания, вспоминал забавные случаи из собственной практики. В общем, все остались довольны, обменялись адресами, телефонами, обещали не пропадать.

Ночь стояла лунная, безветренная, и Швецов, выйдя из квартиры на улицу, с удовольствием глубоко вздохнул и предложил прогуляться. Родин согласился. Они дошли до Арбатской площади. В кинотеатре «Художественный» шел новый фильм, рассказывающий о подвиге советского разведчика в послевоенные годы.

— Смотрел? — спросил Швецов.

— Вчера, — ответил Родин, с благодарностью вспомнив брата, который чуть не силком затащил его на эту остро сюжетную, но далекую от совершенства картину.

— Разведчики — все-таки загадка природы, — сказал Швецов. — Для психолога-исследователя — суший клад.

— Интересные люди, — согласился Родин.

Но Швецов, словно не слыша его, продолжал развивать свою мысль.

— Недавно по телевидению выступал Анохин, летчик-испытатель, и на дилетантские вопросы типа «Страшно — не страшно?» в одном из ответов вскользь бросил: «У меня нет вервов». Мне кажется, что это не рисовка. Это признание человека, которого не удовлетворяет простой испытательный полет, ему нужно что-то такое, чтоб первыцекотало, вернее, то, что от них осталось. Тогда он будет ощущать жизнь на сто процентов. Тогда он живет. То же самое, я думаю, испытывает профессиональный разведчик.

Жизнь дома, вне работы ему кажется пресной, он должен все время идти по острию бритвы, быть на грани.

— Это утомляет, — заметил Родин. — В последних донесениях Зорге писал, что он и его люди настолько взвинчены и раздражены, что он удивляется, как они еще не провалились.

— Я этого не отрицаю. Но в конце концов эта напряженность, жизнь на пределе становится нормой их психики.

Из подземного перехода неожиданно выпрыгнули, как впоследствии выразился Швецов, две длинностольные девицы. Выглядели они впечатляюще. У одной — подбит глаз, у второй — почти до самого бедра разорвана юбка.

— Мальчики, закурить не будет? — спросила первая, причем таким тоном, будто они были знакомы сто лет.

Швецов угостил их сигаретами, и они, кивнув в знак благодарности юными головками, поплыли дальше.

— Крепко девкам досталось, — посочувствовал Родин.

— Пусть бога молят, что ноги унесли, — усмехнулся Швецов. — На прошлой неделе у «Праги» двоих так отделили, что пришлось «скорую» вызывать.

— За что?

— Здесь, на Арбате, работают центровые, это их район, а эти две кикиморы — залетные, по всей вероятности, с трех вокзалов, вот им на орехи и досталось...

— Волчьи законы! — непроизвольно вырвалось у Родина.

Швецов сплюнул и продолжил прерванную мысль.

— Так вот, — сказал он. — Разведчик... Ему можно все. Его принцип: цель оправдывает средства. Мораль сей басни...

— Мораль такова, — перебил Родин. — Человек из любой грязи может выйти чистым.

— Наш?

— Любой. Если он — Человек. С большой буквы.

— Ладно, — махнул Швецов. — Это частный вопрос. Давай копнем шире — в рамках нации. Психология фашизма до сих пор не выяснена. Я, например, уверен, что на Нюрнбергском процессе многие нацисты действительно не понимали, в чем их обвиняют. Их норма морали...

— Подожди, — остановил его Родин. — Здесь ты совсем перегнул. Многие воюки на Западе обвиняли нас в том, что мы воюем не по правилам... Они имели в виду партизанское движение. А топтать сапогами детей, проводить на военнопленных, как на подопытных кроликах, чудовищные по своей жестокости эксперименты, замораживать лю-

дей, живьем закапывать — это по правилам, это достойно солдата и офицера? Ты говоришь, что они не понимали, за что их судят. Прекрасно понимали, потому и травились, боясь, что им отомстят их же оружием.

— Да, я малость ошибся, — вздохнул Швецов. — Тут что-то не так.

— Не так, — сказал Родин. — А с чего это ты в такие дебри полез?

Швецов указательным пальцем потер переносицу, шутливо заметил:

— А вот вчера задумался: всегда ли убийца испытывает угрызения совести?

«Тебя мучает, что ты их не испытываешь!» — чуть не вырвалось у Родина, но он сдержался и, пряча улыбку в уголки рта, покрутил головой.

— Не знаю, не убивал. — И тут же подумал: «Что это, наглость или святая простота? Впрочем, и то и другое — прекрасная ширма. Но как естествен. Разве можно подумывать, что перед тобой убийца?»

— Может быть, есть люди, предрасположенные к таким делам? Как ты думаешь?

— Может быть, и есть.

— Интересен мир, — значительно и медленно проговорил Швецов. — В лесу — козы, волки, ужи, медведи, лягушки, а в городах — двуногие, мыслящие, но как их взаимоотношения схожи со взаимоотношениями лесной нечисти! Да и сами... Один ужом ползает, второй, как сова, по почам промышляет, а некоторые... хуже гадюк... Каракурт! — добавил он с неожиданной злостью.

Родин вздрогнул и, чтобы не выдать себя, опустил глаза. Его поразило, как два столь разнящихся между собой человека — Красин и Швецов — не сговариваясь, одним и тем же словом, так метко и ядовито охарактеризовали Крайникова. Что Швецов имел в виду Евгения Евгеньевича, Родин не сомневался, но на всякий случай с самым беспечным видом спросил:

— Евгений Евгеньевич... Почему он столь категорично настроен против замужества своей племянницы?

— Что ты сказал?

Родин понял, что Швецов, занятый своими мыслями, не слышал вопроса, что имя Крайникова подействовало на него, как свист хлыста на цирковую лошадь.

— Почему Евгений Евгеньевич не желает, чтобы его племянница вышла замуж?

— А черт его знает, — процедил сквозь зубы Швецов. — Между прочим, какое он произвел на тебя впечатление?

— Эффектный мужчина.

— Это внешне.

— Умный человек, приятный в общении, эрудит... Удивляюсь, как он при своих знаниях и любви к своей профессии занимает столь незаметную должность.

— На командные должности у нас чаще всего дураков выдвигают, — придерживав шаг, сказал Швецов. — Меньше опасности для начальства — не сожрут.

«Что верно, то верно, — подумал Родин. — По иерархической лестнице у нас шагают в затылок. Обгонишь — моментально пожку подставят».

— Женат он не был?

— Не знаю. А вот любовница есть. Некая Анна Григорьевна Цветова. Я ее однажды в Доме кино встретил. После сеанса в ресторан пригласил. Думал, откажется — уж больно экстравагантная, неприступная... Но согласилась. И накочегарилась так, что я ее с трудом в тачку загрузил.

— Интересная женщина?

— Магнит. Ей лет сорок шесть-сорок семь, но она любовью телке десять очков вперед даст. Я бы сам за ней приударил, но... Она умеет держать на дистанции.

— Редкое качество, — заметил Родин.

— Редкое, — согласился Швецов, помолчал и, вздохнув, подвел итог своим раздумьям: — Жаль, что пьет. Но, видимо, не без причины. Боль какая-то в ней сидит и, по-моему, боль эту причинил ей Крайников.

— Почему так думаешь?

— Так мне кажется. — Швецов неожиданно остановился и глянул на окна верхних этажей. Два из них горели. — Кажется, меня ждут.

— Ты женат? — спросил Родин.

— В церкви венчались, — отшутился Швецов.

— Удачно?

— Об этом только бог знает. — Швецов задумался, и на его физиономии проступило простодушно-дурашливое выражение. — Спокойной ночи, Саша. Звони. Буду рад. — И, пожав Родину руку, он скрылся в подъезде.

Дома, вспоминая этот вечер, разбирая его по косточкам, — не допустил ли в чем просчет или ошибку, — Родин изумлялся откровенности Евгения Евгеньевича и непосредственности Швецова. Так могли себя вести милейшие и честнейшие люди, биографии которых без сучка и задор-

ринки. «Артисты!» — крутил головой Родин. Швецова, видимо, в этом перевоплощении здорово поддерживали спиртные напитки — помогали на время забыться, богатое воображение и природные артистические способности. Он все время кого-нибудь играл. А вот Евгений Евгеньевич... Неужели он действительно ни в чем не виноват и его участие во всей этой истории — только роковая случайность? Или, наоборот, — матерый преступник, который проиел длительное оседание и вживание в роль. Но где и когда он преступил закон, откуда начался его опасный, извилистый путь? Ни трещинки, ни выемки — не за что зацепиться. Единственное, что бросало тень на этого безукоризненного человека, это знакомство с Корном и Швецовым.

VIII

Дни шли, можно сказать, бежали, а Красин и его помощники все топтались на месте — дело не продвинулось ни на шаг. Евгений Евгеньевич прилежно трудился. Швецов со своим напарником Турянским готовил новый номер, и почерпнуть из их деятельности что-нибудь полезное, что помогло бы положить следующий кирпич в кладку предположений, не представлялось возможным. Ничего нового не мог сообщить и Родин. Это вынужденное бездействие злило, раздражало, выводило из равновесия.

«Очень милые ребята», — шутил Красин, хлопал Климова по плечу и тащил в просмотровый зал анализировать информацию о деятельности Швецова и Крайникова за предыдущий день. «Вышел из дома в одиннадцать тридцать. Сел в такси, доехал до площади Революции. У проезда Сапунова встретился с гражданином К. — светловолосым, в коричневом плаще человеком лет двадцати шести».

Каждая встреча фиксировалась. Затем этот кадр из немого фильма начинали озвучивать. Фамилия? Профессия? Чем занимается? Где служит? Персонажи оживали, начинали говорить.

— Честный человек, — с сожалением вздыхал Климов. — Неинтересно.

Красин только посмеивался над этими парадоксальными огорчениями своего подчиненного и принимался просматривать следующую пленку.

«...Восемь тридцать вечера. Поужинал в кафе-закусочной на Дзержинской, взял машину, доехал до Энергетической, дом 20. Вошел в четвертый подъезд. Вышел... утром

с дамой лет тридцати пяти, высокой, смуглой, в плаще кремового цвета...»

— Янкина? — спросил Красин.

— Татьяна Лазаревна, — подтвердил Климов.

— Давно с ней Швецов связался?

— Да уж вторую неделю влюбленного разыгрывает.

— Думаешь, что разыгрывает?

— Видите ли, Виктор Андреевич, Швецов, как мне кажется, не бабник, поэтому жить одновременно с двумя женщинами не будет, не такая у него натура. Сейчас он живет с Кошелевой, а шляется к Янкиной. Зачем? Голову даю на отсечение, что он преследует какую-то цель. Но какую — ума не приложу.

— Мне кажется, ты все усложняешь, — возразил Красин. — Пьяница твой Швецов, бабник и подонок. Этим все и объясняется.

— А мне он напоминает боксера, который готовит завершающий удар — собрался, финтит. Но кого ударит, представить, к сожалению, не могу.

— А кто познакомил Швецова с Янкиной? — помолчав, спросил Красин. — Крайников?

— Да.

— Тогда можно предположить, что не Швецов, а Крайников преследует какую-то цель. — Красин задумался. Неожиданно фраза превратилась в конкретную мысль. Эта мысль и раньше приходила к нему, но вела себя, как случайный гость в доме, стеснялась, все больше молчала, спешила уйти. Теперь она вторглась с бесцеремонностью старой знакомой, уселась, заложив ногу за ногу, и иронично усмехнулась — чего ж ты, мол, растерялся? Красин в первое мгновение действительно растерялся, настолько эта мысль показалась ему ошеломляющей, невероятной и... простой. Но сейчас он в нее поверил окончательно.

— Костя, что из себя представляет Янкина?

— На первый взгляд — особа малоинтересная. С мужем разошлась три года назад. Сыи на пестидневке, в школе-интернате. Кончила Плехановский институт. Член партии. В должности директрисы — третий год. Раньше работала заведующей отделом.

— А магазинчик у нее интересный?

— Музей это, а не магазинчик. Лавка древностей. Ранняя итальянская бронза, французская бронза XVIII века, бронза русская, бра, люстры, канделябры, зеркала, часы. И все на ходу. И какие! Каминные, настенные, напольные, каретные — глаза разбегаются. Фарфор, столовое серебро!

И картины... Айвазовский даже есть. В общем, полный сервиз. Публика разношерстная: художники, иностранцы и просто любопытные.

— Так вот, Костя, проверь-ка ты этот магазинчик. Если я прав, то ты там наткнешься на массу интересных вещей.

Климов приехал в магазин к закрытию. Народу было много, и он с трудом протиснулся к отделу, где продавался фарфор, посуда, статуэтки и прочая дорогая мелочь. Его интересовала продавщица — невысокая серьезная девушка с коротко стриженными волосами. Она привлекла его внимание еще вчера, и он решил довериться своему чутью.

Девушка стояла, заложив руки за спину, облокотившись о переборку полки, на которой, словно безмолвные часовые, выстроились в ряд статуэтки монархов и великих людей всех времен и народов. Ее серые глаза были спокойны, взгляд, казалось, не замечал мельтепавших перед самым ее носом людей.

Прозвенел звонок, возвестивший о закрытии магазина. Климов вышел на улицу. Вскоре вышла и девушка. Она была в черном плаще с белой окантовкой, на согнутой руке — модная хозяйственная сумка.

— Простите, — сказал Климов, — мне нужно с вами поговорить.

Девушка вскинула глаза, удивленно посмотрела на него.

— Если вам что-нибудь нужно, обратитесь к милиционеру.

— Я сам милиционер. — Климов предъявил ей свое удостоверение.

— Чем могу быть полезна?

— Нипа...

Девушка удивилась еще больше.

— А откуда вы знаете мое имя?

— Я о вас знаю все, — улыбнулся Климов. — Знаю, что вы комсомолка, что вы были замужем, разошлись, что у вас растет чудесный парень, которому послезавтра исполняется четыре года, что живете вы вдвоем с мамой, а по вечерам занимаетесь в Плехановском институте.

— Откуда такие подробности?

— В каждой профессии есть свои небольшие тайны.

— И вы хотите, чтобы я поделилась с вами нашими?

— Верно.

— А почему вы обратились с этим вопросом именно ко мне?

— У вас большой стаж работы, и потом... я вам верю.

— Понимаю, — кивнула Нина. — Но все это так неожиданно... Я должна собраться с мыслями.

— Я вас не тороплю, — сказал Климов. — Хотите мороженого? Пока я схожу, вы соберетесь, как говорите, с мыслями.

— Хорошо, — сказала Нина.

Климов купил у метро два пломбира и не спеша возвратился на место. Нина ждала его на скамейке.

— Спасибо, — сказала она. — Так вас интересует наш магазин?

— И люди, которые у вас работают.

— Но я могу только предполагать... Сами подумайте, в какое идиотское положение я попаду, если все окажется не так, как я думаю.

— Насчет этого не беспокойтесь. Меня интересует сам факт или возможность его существования. Вас же эта история никаким образом не коснется.

— Ну ладно, — решила Нина. — По правде говоря, я давно хотела поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, да все боялась — ведь нет никаких доказательств. В отделе «Прием вещей на комиссию» у нас работает оценщик Кириц, на вид свойский, компанейский человек, а на самом деле — лиса, палец в рот не клади. Это, конечно, мое личное мнение.

— Понимаю, — как можно серьезнее проговорил Климов.

— Так вот, этот Кириц и его помощник Горин в прекрасных отношениях с Татьяной Лазаревной. Это, по-моему, и есть gordiev узел. Почему я так думаю? В магазине имеется небольшая темная комната, или внутренние покои, как называет ее Янкина. В этой комнате стоят или лежат вещи, принятые на комиссию, ждут своей очереди, покупателя. Но часто на стеллажи они так и не поступают — их покупают прямо там. Заходят какие-то люди, изучают, осматривают и уносят. Этих людей немного. Я запомнила двоих. Они чаще других бывают и чаще приобретают. Один высокий, в шлеме, с орлиным носом, в золотом пенсне, другой — среднего роста, худощавый, лицо интеллигентное, породистое, и всегда безукоризненно одет... Противозаконного эти люди ничего не делают. Единственное, в чем их можно обвинить, это в том, что они не дают залеживаться товару, но... Мне кажется, что этот товар недооценивают и эти махинации не что иное, как чистойшей воды спекуляция, крупная спекуляция.

— Понятно, — сказал Климов.

— Но повторяю: доказать это почти невозможно. Вещи оцениваются от и до. По какой цене мы их приняли, по такой и продаем. Но перепродают их...

— И эта разница иногда выражается круглой суммой?

— Крупной суммой.

Климов протянул девушке фотографию Крайникова.

— Это он, — без колебаний кивнула Нина. — Знакомый Татьяны Лазаревны.

Климов ликовал. Наконец-то они зацепились. Трещинка, правда, маленькая, еле заметная, но ее уже не замажешь. Теперь они дойдут до вершины. Ему не терпелось броситься в управление и рассказать все Красину. Он представлял, как округлятся у него глаза, как он взволнованным жестом проведет рукой по волосам и скажет свое любимое: «Этого я ожидал». Но Климов уже давно научился оставлять свои эмоции на потом и сейчас сидел с самым невозмутимым видом и спокойно обдумывал ситуацию.

— Хорошо, — сказал он, пряча фотографию в карман. — Нина, о нашем с вами разговоре никто не должен знать. Это первое. Второе. Сумеете ли вы осторожно указать мне других людей, которые посещают вашу, так сказать, темную комнату?

— Конечно, — твердо ответила девушка.

— Как мы это сделаем?

— У вас, наверное, есть телефон, — несмело проговорила Нина. — Я могу позвонить. Они обычно торчат в магазине тридцать — сорок минут, если не больше.

— Хорошо. — Климов записал девушке свой телефон и, проводив ее до метро, простился.

В первое мгновение Климов не узнал Швецова. Из подъезда вышел высокий худощавый парень в плаще, спортивной кепке и темных очках. Кроме кепки спортивность молодого человека подчеркивали темно-синие тренировочные брюки со штрипками и сумка с выдвигными кожаными ремнями вместо ручек.

Швецов вырнул в подземный переход, поймал такси и поехал в сторону центра. Не доезжая Сретенки, такси свернуло на Садовое кольцо. Незаметно проскочили Колхозную площадь, улицу Чехова. Машина шла быстро. Благодаря подземным переходам скорость движения повысилась, и шоферы больше не боялись задавить незадачливого пешехода. Вот уже промелькнули площадь Маяковского, площадь Восстания, Смоленская, Зубовская. Миновав Таганку, машина свернула в Лефортово. На Энергетической око-

ло дома номер двадцать остановилась. Швецов дал шоферу десятку и быстрым, решительным шагом направился к подъезду.

«К Янкиной, — сообразил Климов. — Интересно, что он у нее забыл?»

В подъезде было полутемно и тихо. Ни лифтерши, ни пенсионеров. Швецов нажал кнопку вызова лифта, но когда кабина спустилась, внезапно передумал и пошел пешком. На третьем этаже его подозрительно оглядела выскочившая из восьмидесят второй квартиры высушенная, похожая на камбалу старушка. Ее вытаращенные глазенки шмыгнули по нему, словно испуганные мышата, и тут же спрятались в свои глубокие норки-глазницы.

Дверь Янкиной была обита черным дерматином. Швецов прижал к ней на секунду ухом и вытащил из кармана ключ...

И снова такси, снова петляние по улицам. На этот раз Швецов приехал к Евгению Евгеньевичу. Через полчаса вышел и отправился домой.

— Где находилась в этот момент Янкина? — спросил Красин, выслушав Климова.

— Где и положено — на работе.

— А сын?

— В интернате.

— Твои соображения?

Климов помял подбородок и, подумав, заключил:

— Он ее ограбил.

— Теперь тебе картина ясна?

— Вполне. Крайников — наводчик, Швецов — исполнитель. Добычу делят пополам.

— Нет, — спокойно, но твердо возразил Красин. — Я думаю, роль обыкновенного наводчика — не для Крайникова.

— Теперь вы, по-моему, все усложняете, — осторожно заметил Климов.

Красин встал, собираясь с мыслями, прошелся по кабинету.

— Что бы ты предпринял на месте Янкиной?

— Первым делом сбегал бы в милицию, сообщил бы, что ограбили.

— А если она не сообщит? Такое можешь себе представить?

— Вы думаете, что Швецов на это и рассчитывал?

— Крайников на это рассчитывал. Но чтобы не быть

голословным, давай подождем до завтра. Как говорят, утро вечера мудренее. А пока...

Резко зазвонил телефон. Красин посмотрел на часы и рывком снял трубку.

— Я вас слушаю... Здравствуй, дорогой! Как дела?.. Так... Так... Повтори... Цветова Анна Григорьевна? Правильно?.. Не волнуйся, сам займусь. Все?.. Ну и прекрасно. Будь здоров!

— Родин? — поинтересовался Климов, когда Красин положил трубку.

— Он самый.

— До сих пор не пойму, зачем потребовалось отстранять его от дела и забрасывать, так сказать, в это бандитское логово?

— Это не моя инициатива, — поморщился Красин. — Ребят из госбезопасности.

— А они с вами своими секретами не делятся?

Красин раздраженно щелкнул пальцами.

— Костя, ты когда-нибудь читал документы с грифом «Совершенно секретно»?

— Приходилось.

— Так вот, у них почти каждая бумажка с таким грифом.

— Вопросов нет, — сказал Климов, поднимаясь. — Разрешите идти?

— Иди. Надоел ты мне со своей официальностью.

IX

Самое страшное — подводить итог собственной жизни, подбивать баланс, дебет-кредит. Если человек на это решается, можно собирать чемодан, и какая будет конечная остановка — сомневаться не приходится. Момент этот всегда неожидан, к нему нельзя подготовиться. Он приходит сразу, без предупреждения, и висит над головой, как топор в руках равнодушного и безжалостного палача. И волей-неволей начинаешь разматывать клубок своей жизни, пытаешься понять, когда же ты запутался, когда сделал первый неверный шаг, который привел тебя к катастрофе.

В квартире стояла мертвая тишина, и от этой тишины звенело в ушах. Янкина сидела на самом уголке двухспального дивана — маленькая, потерянная, словно птица, прибитая дождем к земле, и, сжав пальцами виски, затуманенным взором смотрела в окно. Вечерело, и темное небо ка-

залось чужим и холодным, бездонной пропастью, в которой никто не услышит твоего крика и не придет на помощь.

Когда же это все-таки произошло? В памяти Янкиной всплыла слащаво улыбающаяся физиономия Кирина, его хитро поблескивающие, какущиеся огромными из-за сильно увеличивающих стекол очков глаза и его толстые, вечно мокрые губы.

— Татьяна Лазаревна, у нас сегодня на редкость удачный день. Две картины. Великолепные картины! Одна — из коллекции Воронцовых-Дашковых, а другая, по-моему, кисти самого Федотова. И покупатель уже есть. Надежный человек.

— Как понять — «надежный»?

— Тот, кто понимает в искусстве, для кого искусство не дилетантское коллекционирование, а наслаждение, упование прекрасным. У меня сердце, Татьяна Лазаревна, болит, когда хорошая вещь к дураку попадает. Вот, к примеру, летчик к нам один частенько заходит, уже в годах, солидный, известный, а в прошлый раз увидел Айвазовского и кричит: «Заверните!» Разве так можно? Деньги тебе куда девать, так пожертвуй их на детский сад или там обездоленным беженцам, а то — «Заверните!»

Надежный человек оказался на редкость обаятельным и элегантным. Его безукоризненный вид, изящные манеры привели Татьяну Лазаревну в замешательство, и она без звука разрешила приобрести гостью картину прямо у себя в кабинете.

— За картину-то, Татьяна Лазаревна, дали немного больше, — сказал Кирин после этого случая.

— Как больше? — не поняла Янкина.

Они зашли в кабинет. Растерянный Кирин, потоптавшись, выложил на стол солидную пачку кредиток.

— Вот примите.

Татьяна Лазаревна вспыхнула.

— Как это понимать?

— Ваше... Ваша доля, — спокойно проговорил Кирин. Его глаза смотрели остро и строго, никакой растерянности, он словно гипнотизировал ее своим магнетическим взглядом. — Я пойду, меня там ждут, — сказал он.

Дверь щелкнула, наступила тишина.

Татьяну Лазаревну вызвали в трест. Она положила деньги в стол и уехала. Когда вернулась, деньги были на месте. Она долго с недоумением смотрела на них, словно удивляясь, почему они не исчезли, и после мучительного раздумья, когда уже пора было уходить домой, неловким

жестом, смяв несколько кредиток, сунула их в сумку. «Завтра разберусь», — успокоила она себя. Но это «завтра» длилось не год и не два, а до того самого момента, когда она вошла в свою квартиру и увидела, что одна из дверей шкафа, который она всегда запирала на ключ, слегка приоткрыта. Татьяна Лазаревна стремительно рванулась вперед, нашла шкатулку, дрожащими пальцами раскрыла ее и ахнула: пропали две сберегательные книжки на предъявителя и облигации трехпроцентного займа. Татьяна Лазаревна беспомощно оглянулась и только тут заметила, что многие вещи перевернуты, валяются в беспорядке. «Ограбили! Обворовали! — чуть не взвыла она в голос, в панике схватилась за телефонную трубку, но, набрав первые две цифры номера, оцепенела. Рука стала вялой, непослушной. — А кому жаловаться? Милиции?»

Вечером у нее случился сердечный приступ. Врач посоветовал ей несколько дней полежать в постели, не волноваться, хорошо отдохнуть.

— Нервы, переутомились, — сказал он ласково.

Прошло три дня. Татьяна Лазаревна уже вставала и выходила на улицу. Силы медленно возвращались к ней, а вместе с ними и уверенность. «В конце концов, — подумала она, — ничего страшного не произошло. Деньги есть, и пока тихо. Главное, что обошлось». Но она ошиблась. В тот же день, вечером, к ней нагрянул гость, молодой, симпатичный, спортивного вида мужчина.

— Вы, собственно, к кому? — открыв дверь, спросила Татьяна Лазаревна.

Она почему-то была уверена, что ее пришел навестить доктор.

— К вам, Татьяна Лазаревна. — Незнакомец широко, открыто улыбнулся. — Зовут меня Василий Иванович, но вы можете меня называть просто Васи. Разрешите войти?

— Входите, — опешила Татьяна Лазаревна.

Вася, не снимая плаща, прошел на кухню, которая находилась рядом с прихожей, сел и жестом пригласил сестр Татьяну Лазаревну.

— Я к вам от Льва Николаевича.

— Что вы мне голову морочите! — рассердилась Татьяна Лазаревна. — Не знаю я никакого Льва Николаевича.

— Зато он вас прекрасно знает. — Вася закурил и в деталях, с подробностями поведал хозяйке дома о ее махинациях на работе.

— Вы из милиции? — с ужасом спросила Татьяна Лазаревна.

— Милиция вами заинтересуется позже, — печально проговорил Вася. — В том случае, если вы не выполните просьбу Льва Николаевича.

— Какую именно?

— Вы должны ежемесячно передавать ему две тысячи рублей... Учитывая ваши заработки, это по-божески.

Спокойный, уверенный голос незнакомца обескуражил Татьяну Лазаревну, выбил из колеи, лишил смысла все ее дальнейшее существование. Она сжалась и затихла, словно подранок в камышах при приближении охотника. «Неужели нет выхода, неужели это конец? — спрашивала она себя с ужасом. Лихорадочно работавший мозг отказывался верить в действительность. — Это бред, это фантазия! Как могло такое случиться?»

— А если я скажу «нет»? — спросила Татьяна Лазаревна.

— В таком случае у вас сгорит дача, — флегматично ответил Вася.

— Нет у меня дачи!

— Ну... тогда не вернется из школы сын.

Упоминание о сыне действовало отрезвляюще. Татьяна Лазаревна резко, словно разъяренная тигрица, вскинула голову, в глазах зажглись злые, мстительные огоньки.

— Спокойнее! — предупредил Вася.

Татьяна Лазаревна, с трудом погасив вспышку гнева, задумчиво посмотрела на незнакомца.

— А Кирин вам платит?

— Да, — помолчав, сказал Вася. — Лев Николаевич им доволен.

— А кто он этот ваш... Лев Николаевич?

— Тайный агент по борьбе с расхитителями народного имущества. — Вася встал, подошел к окну. — Видите троллейбусную остановку?

— Вижу.

— Вот около нее мы с вами и будем встречаться. В каком часу вы выходите на работу?

— В девять.

— Ровно в девять пятого числа каждого месяца.

— Почему именно пятого?

— Мне так удобно.

Когда гость ушел, Татьяна Лазаревна расплакалась — ей стало жаль себя, свою загубленную жизнь, сына. Она легла на диван и, сквозь слезы рассматривая потолок, думала, вернее, хотела думать, что все случившееся — дикий, кошмарный сон, кино, спектакль из той, чужой, западной

жизни, окунуться в которую, с головой окунуться, она мечтала уже многие годы.

«Окунулась!» — Татьяна Лазаревна откинула со лба волосы, рывком встала. Надо было что-то делать — кричать, звонить, ходить, только не сидеть на месте, иначе... Иначе она сойдет с ума. Это какое-то наваждение. Нужно с кем-нибудь поговорить, посоветоваться. Но с кем? Татьяна Лазаревна поспешно, как утопающий за соломинку, ухватилась за записную книжку, стала нервно листать. «Фрепкель, Кирин... — Татьяна Лазаревна от злости побелела и неумело выругалась. — Швецов... Швецов?» Он ей нравился. Правда, она его мало знает... Впрочем, достаточно. Слушая целую ночь его пьяную болтовню, она с чисто женской интуицией определила, что у парня не все ладно, что за этими умными речами — боль, которая выплескивается из него, как вода из бочки при быстрой езде, и приняла в нем горячее, почти материнское участие.

Швецов застал Якину в крайнем возбуждении. Она металась по комнате, как разъяренная пантера в клетке, и в глазах ее блистал такой жгучий огонь бешенства, что Швецову на миг стало не по себе.

На столе стояла наспех собранная закуска и бутылка коньяка.

— Что случилось? — спросил Швецов.

— Садись, — кивнула Татьяна Лазаревна. — Садись и слушай.

Если из Швецова выплескивало, как из бочки, то из Татьяны Лазаревны рвануло, как из пробитой снарядом цистерны, под завязку залитой бензином. Это были гнев, горечь, обида, отчаяние погибающего человека, который в поисках спасения готов на любые жертвы.

— Вот и скажи, что мне теперь делать? — Татьяна Лазаревна, всхлипнув, уткнулась лицом в ладони.

— Платить, — пожал плечами Швецов. — В этой жизни за все надо платить — и за подлость, и за наслаждение.

— Мне не до шуток!

— Ну, если не до шуток... — Швецов взглянул на застывшую в ожидании совета Татьяну Лазаревну — на ее тонкие, бледные пальцы, которыми она нервно теребила спутанные пряди волос, на ее непрестанно вздрагивающие плечи и поймал себя на мысли, что ему жаль эту женщину, угодившую по его милости в медвежий капкан. — Если не до шуток, тогда плюнь! На все плюнь! Что будет, то и будет. Иди, иди с повинной. Кайся! Самое главное — решиться. Когда примешь решение, станет легче.

— Как у тебя все просто, — горько проговорила Татьяна Лазаревна.

— Советы давать просто, — сказал Швецов. — Это верно. — Он выпил рюмку коньяка и замолчал, пристально рассматривая кончик дымящейся сигареты. — Как выглядит этот тип?

— Тип довольно симпатичный... Шатен, лицо немного удлинненное, глаза темные, чуть раскосые, монгольские... — Татьяна Лазаревна глубоко вздохнула и задала сама себе вполне естественный для ее положения вопрос: — Интересно, кто мог это сделать? Кто? На это мог решиться тот, кто точно знал, что у меня есть деньги. А таких трое: Крайников, Кирин и Горин.

— И те, с кем они имеют дело, — заметил Швецов.

— Но, мне кажется, информация могла исходить только от них. И не верится... Крайников — верх порядочности, Горин — трус, вот Кирин...

— Что толку гадать на кофейной гуще, — сказал Швецов и встал. — Поздно.

Татьяна Лазаревна вздрогнула, подняла на него измученные глаза.

— Останься... Я боюсь, третью ночь заснуть не могу.

— Хорошо, — согласился Швецов. — Ты выпей, это снимает напряжение. Лучше спать будешь.

Татьяна Лазаревна покачала головой и страдальчески улыбнулась.

— У меня голова потом болит.

— Несчастный вы народец! Мужик хоть напиться может. — Он подошел к столу и плеснул себе в стакан коньяка.

— А ты-то чего пьешь?

— Пить — умирать и не пить — умирать, — говаривал мой дед.

— Он умер?

— Бог всех берет — и святых, и грешных.

— Одна, значит, дорога...

— А в конце дороги той плаха с топорами, — вспомнил Швецов слова одной разудалой песни и мрачно усмехнулся.

— Крепкий паренек! — сказал Красин, рассматривая фотографию, которая лежала перед ним на столе. — Кто такой? — Он поднял глаза на полковника Скокова. Тот, словно ожидая этого взгляда, улыбнулся, округлив свои ко-

пачьи зрочки, и молча протянул ему лист бумаги с текстом, отпечатанным на машинке.

«Кузин Вадим Анатольевич, 1956 года рождения, русский, беспартийный, холост. Образование — незаконченное высшее. Мастер спорта по боксу. Работает ночным сторожем в детском саду № 246».

— Мастер спорта, профессия — ночной сторож... Романтично! Не правда ли? — спросил Красин.

Скоков неопределенно пожал плечами.

— Оправдательный документ для такой романтики он вам всегда найдет... Оклад тренера — сто двадцать, оклад сторожа — сто тридцать. И никаких хлопот.

— Где он учился?

— В институте физкультуры. Бросил на четвертом курсе.

— Родители?

— Отец умер пять лет назад, мать — в прошлом году.

— Жаль мне таких ребят, — помолчав, сказал Красин. — Вначале — густо, затем — пусто... Срабатывает тщеславие, уязвленное самолюбие...

— На хорошую наживку такой всегда клюнет. Куда он поехал от Янкиной?

— Домой. Затем в бассейн «Москва», где встретился в парилке с Евгением Евгеньевичем Крайниковым.

Красин пыхнул потухшей сигаретой, снова раскурил ее, не то растерянно, не то удивленно пробормотал:

— Значит, все-таки Крайников! Крайников бросил ему наживку.

— Выходит, что так, — кивнул Скоков. — Я думаю, что машину Стеблева «отремонтировал» именно Кузин.

— Один?

— Один бы он не справился. С ним, по всей вероятности, работают еще несколько ребят.

— Да, это — банда, — рассеянно проговорил Красин. — Во главе угла — Крайников, «крестный отец», так сказать, Швецов — что-то вроде адъютанта по особым поручениям, Кузин и его ребята — боевики... Не удивлюсь, если у него и своя контрразведка существует.

— Ну это ты уже через край хватил, — возразил Скоков. — Банда — это не боевая единица.

— Именно боевая. У них железная дисциплина, закон смерти, своя система контроля над территорией и... друг за другом.

— Если это так, то надо ставить вопрос о создании отдела по борьбе с организованной преступностью.

— Я генералу об этом уже тридцать раз говорил. А он... Он ждет указаний сверху, — зло выдохнул Красин. — И, по-моему, дождется. Отправят на пенсию — тогда будет знать!

— Ладно, не кипятись. — Скоков провел ладонью по щеке. — Куда ты так торопишься? Если не секрет...

— На свидание. На свидание с Анной Григорьевной Цветовой, доброй и старой знакомой Крайникова.

— А со Стеблевым ты говорил?

— Говорил, но мы не договорились: больно уж крепко Кузин, — теперь я имею полное право думать, что это был именно Кузин, — его запугал. Он белее скатерти стал, когда я спросил, нет ли у него врагов. Ну и оставил я его в покое. Подумал: сейчас признается — на суде откажется. — Красин запер документы в сейф и потянулся за плащом. — Так что, Семен Тимофеевич, брать мы его будем после того, как припррем к стенке Крайникова.

— Бог мой, до чего мы дожили! — Скоков медленно поднялся и вслед за Красиным вышел в коридор. — Ты знаешь, что мне вчера Климов сказал?.. Товарищ полковник, меня тошнить начинает: в какой магазин не сунешься — везде воруют! Такое, говорит, только перед всемирным потоком бывает. Ну, я и задумался. Как же так, рассуждаю, воспитывали вроде всех правильно, все комсомольцы, коммунисты...

— Это и плохо, — перебил Красин.

— Что плохо?

— Что все коммунисты. Вы никогда не задумывались, почему у нас все коммунисты? Почему у нас люди за партбилетом в очереди стоят? Годами стоят? Да потому, что нам с детства вбили в голову: без бумажки — ты букашка, а с бумажкой — человек. Вот люди и толпятся, тянут руки, чтобы побыстрее схватить этот самый партбилет. Схватил — завождем, есть силы — карабкайся выше. И карабаются, грызутся, ставят друг другу ножки...

— Красин! — неожиданно вспыхнул Скоков. — Я в партии с 1954 года...

— Вот и поднимите этот вопрос на партсобрании, сделайте так, чтобы это безобразие прекратили раз и навсегда. У нас в конце концов блок коммунистов и беспартийных.

Они подошли к выходу, и Красин, прекрасно понимая, что негоже в такой момент ругаться с самым главным сыщиком управления, как можно мягче проговорил:

— До завтра, Семен Тимофеевич. И не сердитесь на ме-

ня. Высказал наболевшее, высказал потому, что доверяю вам и надеюсь. Всего.

— Всего, — автоматически ответил Скоков, постоял, подумал и в полной растерянности побрел в отдел.

Х

Домой Швецов вернулся только к вечеру следующего дня. Инна встретила его колючим, отчужденным взглядом, молча прошла на кухню, где готовила ужин, и уже оттуда бросила:

— Тебе Евгений Евгеньевич звонил.

— А катился бы он куда подальше... козел вонючий!

Швецов быстро разделся и залез в ванну. Его знобило, он чувствовал усталость, а из головы не выходил парень, который нанес визит Татьяне Лазаревне. Кто он? Если человек Крайникова, то выходит, что Евгений Евгеньевич не доверял ему, Швецову, с самого начала. Он просто использовал его, а затем за ненадобностью выбросил, выкинул, как половую тряпку. Действительно, зачем с кем-то делить деньги и тем более посвящать в свои дела, когда проще заплатить и послать к чертовой матери. Вот сволочь!

Набросив халат, Швецов прошел на кухню.

— Есть будешь? — спросила Инна.

— Буду. — Швецов посмотрел на нее тупым, невидящим взглядом. — Ты давно знакома с Евгением Евгеньевичем?

— Меня Игорь с ним познакомил.

— Я не спрашиваю, кто, я спрашиваю, давно ли ты с ним дружбу водишь?

— Года три.

— А меня за каким чертом с ним свела? Кто тебя об этом просил? Он?

— Он.

— Значит, ты знала...

— Нет! — Инна испуганно вскочила и отошла к стене. — Просто я думала, что тебя надо предупредить.

— О чем? — еще тише проговорил Швецов, придвигаясь к ней.

— Нет, нет! — закричала Инна, вжимаясь в стену. — Это Евгений Евгеньевич...

— Что Евгений Евгеньевич? — Швецов схватил ее за волосы, запрокинул голову.

— Он сказал, что хочет с тобой познакомиться... А мне это показалось подозрительным.

— Что именно?

— То, что она хочет с тобой познакомиться. Он редко кого принимает дома.

— Почему ты мне об этом сразу не сказала?

— Не знаю. Я люблю тебя! — Инну от страха трясло, по лицу крупными горошинами катились слезы, и она, вытирая их, размазывала тушь, которой были подведены ее глаза и брови.

Швецов сел за стол и налил себе кофе.

— А теперь рассказывай все остальное!

— Что? Что тебе от меня нужно? — продолжая всхлипывать, спросила Инна.

— У тебя сборничка на предъявителя... Пять тысяч... Откуда у скромной советской продавщицы такие деньги? Только не ври. И прекрати реветь! — Швецов с такой силой грохнул кулаком по столу, что чашка с кофе подпрыгнула и свалилась на пол.

Через полчаса он знал все. Инна и многие другие продавцы наживались на дефиците. Например, за финскую куртку типа «Аляска» сверху брали полсотни, за цветной телевизор с японской трубкой — сотню и т. д. и т. п. Три четверти денег прикарманивал директор, четвертая часть оседала в кошельках и сумках продавцов.

«Неплохо, очень даже неплохо, — подумал Швецов, мысленно подсчитывая директорскую прибыль. — Значит, так... Крайников вычислил Стеблева, Кирипа, Янкину, наверняка кого-нибудь из работников ломбарда (рассказывая Швецову историю своего падения, Татьяна Лазаревна не нарочно проговорила, что через ее магазин ежегодно проходит около четырехсот пятидесяти килограммов золота и полторы тонны серебра, которые заложили, а затем по каким-либо причинам не выкупили из ломбарда попавшие в затруднительное финансовое положение граждане; драгоценный металл взвешивался на весах средней категории точности, и таким образом с каждого золотого колечка, серебряной ложки или другого предмета старины работники ломбарда всегда имели грамм-другой лишнего веса) и... обложил их данью, причем Янкину и директора универмага не без моей помощи. Ловко! А впутал меня в это дело... Сонин. Чтоб ему черти на том свете кишки на турецкий барабан мотали!» — Швецов сжал ладонями виски, и в памяти мгновенно всплыли розовощекая физиономия, пушистая щеточка всегда аккуратно подбритых усов, расчетливо-холодный взгляд серых, чуть на выкате глаз...

Как говорит народная мудрость, рыбак рыбака видит из-

далека. Так это или иначе, но, видно, Швецову и Сопину суждено было встретиться, и они встретились, столкнувшись в длинных и запутанных коридорах Мосэстрады, куда первый забрел в надежде, что его кто-нибудь прослушает (Швецов неплохо пел, играл на гитаре и мечтал сколотить собственную рок-группу), а второй — в поисках недостающей суммы на похмелье.

— Хрипишь ты неплохо, — высказал свое соображение Сопин, прослушав новоявленного барда. — Но не оригинально. — Он задумался. — У немцев есть хорошая пословица: «Прежде чем разъединиться, нужно объединиться». Понял?

— Нет.

— Тебе нужно с кем-то начать. В общем, так... Бери пару банок, и едем к одному мастеру — у него бас-гитара в запое.

Дальнейшее происходило в темпе хоккейного матча профессиональных канадских команд, встретившихся в борьбе за Кубок Стенли. Сопин устроил Швецову несколько хороших концертов, познакомил с людьми, от которых стала зависеть его судьба. Рестораны, женщины, попойки... Результат — долги. К тому же Сопин пустил на ветер профсоюзные деньги, которые надо было срочно возвращать. И вот однажды за рюмкой водки он предложил Швецову ограбить универмаг. И представил детально разработанный план. Все было рассчитано до одной минуты, провал исключался, и в результате этого дерзкого налета они становились владельцами примерно ста тысяч рублей.

Швецов сперва пришел было в ужас, но, хорошенько все обдумав, неожиданно согласился. План действительно был настолько прост и дерзок, что он поверил в успех. Это щекотало нервы. Нужна была смелость. И он решил проверить себя. В его арсенале были: парик, грим, игрушечный пистолет и... наглость.

Все обошлось благополучно. Правда, по каким-то причинам не подъехал к магазину Сопин — он должен был страховать. Почему — Швецов понял потом, после разговора с Инной. И еще. Когда он спросил у Сопина, откуда такие точные данные о работе универмага и бухгалтерии, тот свалил все на некоего товарища, который там когда-то работал. На самом деле все обстояло совершенно иначе. Однажды Сопин был в гостях у Евгения Евгеньевича, и Инна (Игорь тогда встречался с ней) рассказала в деталях какой-то комичный случай, который произошел с их инкассатором. Крайников переварил эту мысль и подсказал Сопи-

пу. Так родилась эта идея, и инициатор ее — Евгений Евгеньевич.

Швецов уехал в Прибалтику, где предался всем земным утехам. Купался, загорал, влюблялся и... влюбился. Серьезно влюбился. Валда, так звали девушку, работала в Румбальском аэропорту, заочно училась в институте. Однажды она приехала к нему в Булдури, и они отправились на пляж. Швецов прихватил с собой акваланг, который ему привез в подарок Сопин. Первой изъявила желание поплавать Валда — разве он мог отказать? В это время на пляж прибежал Сопин. Он был необычно бледен, все время порывался что-то сказать, но Швецову было не до него. Валда вошла в воду и... Больше ее никто не видел.

Полдня Швецов ни черта не соображал, а вечером, когда выпил, когда мысли слегка прояснились, разыскал Игоря и потребовал от него объяснения случившегося. Тот сбивчиво, путаясь, рассказал, что один баллончик был заряжен пропаном, для одного, мол, человека, и все, что произошло, дикое недоразумение. Здесь Швецова и осенило. «Для меня, для меня этот подлец приготовил баллончик». Причины, как он узнал позже, у Сопина для этого были. Во-первых, если бы Евгений Евгеньевич догадался, что дело обстрелял не Сопин, а он, Швецов... В общем, Сопину бы не поздоровилось. А во-вторых... Сопин, по всей вероятности, решил прибрать к рукам его деньги. Швецов избил Сопина. Крепко избил. Зверски. И в горячах не заметил (они дрались на берегу моря), что Игорь упал лицом в воду.

«Тот утопить хотел, — вяло подумал Швецов, — а этот... Этот облопошил, как младенца». — Лицо его вдруг исказила гримаса боли и отвращения, он сжал кулаки, заорал в бешенстве:

— Суки! Предатели! Всех бы вас, сволочей, на дно!

У Инны от страха подкосились ноги. Пытаясь найти точку опоры, она привалилась к стене, не удержалась и медленно осела на пол.

— Что с тобой? — опомнился Швецов, вскочил, помог ей подняться и, как можно мягче, сказал: — Иди спать.

Инна боком выскользнула из комнаты и скрылась в ванной. Швецов сел, облокотился о стол и, обхватив голову руками, затаих. Ему было душно. Он встал, открыл форточку и так и остался у окна, смотря на опустевшую улицу, на фонари, на их тусклый свет, на аптеку, что была напротив. Перестала журчать вода в раковине, в комнате

щелкнул выключатель, и он услышал шелест разбираемой постели. Инна пожилась спать. Швецов выпил боржоми и закурил. За окном просигналила машина, резко взвизгнули тормоза, и опять тихо, так тихо, что слышишь удары собственного сердца — частые, неровные, глухие, как шаги заблудившегося слепца. Швецов прикрыл глаза и вдруг вспомнил, что завтра у матери день рождения. А он... Хороший он ей приготовил подарочек. Но это еще цветочки, ягодки впереди. Швецов представил себя на скамье подсудимых... В зале — товарищи... Нет, товарищей он всех растерял, а вот мать и отец придут обязательно. Отец — заслуженный тренер СССР... Сумеет ли он перенести этот позор? Сумеет — у старика крепкие нервы, но не захочет. Не захочет потому, что не сможет смотреть людям в глаза...

Утром, когда Инна встала и заглянула на кухню, Швецов, сторбившись, понутив голову, все еще сидел за столом. Заслышав шаги, он повернулся, и Инна не поверила, что перед ней Швецов. Глаза его были трезвы и спокойны. Но мешки под ними походили на бурдюки с вином, морщины на лбу обозначились глубже и резче, он осунулся, а на пергаментном, мертвенно-бледном лице застыло непривычное для него выражение покорной усталости и обреченности.

Инна стояла, не в силах сдвинуться с места, так поразила ее эта перемена. Швецов ободряюще улыбнулся, но улыбка вышла грустной и какой-то тихой.

— Ты не спал? — участливо спросила Инна. — Я сейчас кофе сварю.

— Иди умывайся, я сам.

Швецов достал колбасу, масло, яйца, быстро зажарил глазунью и приготовил кофе. Но это был не последний его сюрприз. Когда Инна собиралась уходить и, стоя перед зеркалом, поправляла прическу, он подошел к ней сзади, обнял и, повернув к себе, нежно поцеловал. Инна смутилась и чуть не заплакала: то ли от счастья, то ли от какого-то недоброго предчувствия, сжавшего сердце.

— Не волнуйся, — успокоил ее Швецов. — Приходи пораньше, куда-нибудь сползаем.

Инна кивнула и вышла за дверь, но на лестнице она несколько раз произвольно замедляла шаг и беспокойно оглядывалась. Ей хотелось вернуться, казалось, что она что-то забыла, и это чувство не покидало ее весь долгий путь до работы и даже там, пока не закрутили ее суета и заботы нового трудового дня.

Швецов, оставшись один, некоторое время бесцельно бродил по квартире, иногда останавливался, убирая на мес-

то какую-нибудь брошенную второпях вещь или книгу. Затем побрился, смочил лицо одеколоном и надел свежую сорочку. Пробило десять. Он подошел к зеркалу и внимательно всмотрелся в свое отображение. И не узнал себя. Перед ним стоял средних лет мужчина с болезненно-усталым лицом и сухо блестящими напряженными глазами. Швецов развернул плечи, улыбнулся, надеясь вернуть былой, независимый, молодцеватый вид, но, увы, выражение лица по-прежнему оставалось мрачным, усталым и озабоченным. Он горько усмехнулся — что, мол, поделаешь, — отвесил мужчине, который смотрел на него из глубины зеркала, вежливый поклон и позвонил Крайникову.

— Здравствуйте, Евгений Евгеньевич! Говорят, вы меня разыскивали.

— Пытался... Машину хочешь купить? Новенький «жигуленок», восьмерка... Мой приятель уезжает за кордон и...

— А зачем мне она? — перебил Швецов, чувствуя, что его снова втягивают в какую-то аферу.

— Меньше пить будешь.

— Уговорили, — сказал Швецов, не зная, что возразить на столь умное и нравственное замечание.

— Тогда записывай телефон и адрес... Записал?

— Да. — Швецов положил трубку, подумал и набрал номер Янкиной.

— Как себя чувствуешь?

— Лучше.

— Рад за тебя. Волноваться действительно не стоит. Так что не гони волну, я кое-что придумал.

— А что мне делать пятого?

— Пятого придется отдать. А там посмотрим... Завтра будешь дома?

— У меня больничный до понедельника.

— Хорошо. Я вечером к тебе заеду.

Швецов сделал круг по комнате, перед зеркалом снова задержался и... Его вдруг поразило не внешнее несходство, а внутреннее противоречие между собственным «я» и стоящим перед ним человеком, который, чуть наклонившись вперед, с дьявольской усмешкой чеканил: «Ты — покойник, отныне всеми делами буду заправлять я». И чем дольше и внимательнее он вглядывался в собственное отображение, тем больше нарастало беспокойство в груди, тем громче и беспощаднее гремел незнакомый голос: «Ты умер, запомни это и не возникай, когда я захочу сделать то, что сочту нужным». Это ощущение смерти, раздвоенности, перевоплощения в другого человека было настолько сильным и физиче-

ски законченным, что Швецов в конце концов не выдержал, понявился, думая, что сходит с ума, наткнулся на письменный стол и, нащупав руками какой-то тяжелый предмет, как потом выяснилось — бронзовую пепельницу, с силой запустил им в ненавистное зеркало. Брызнули осколки. И сразу же мир восстановился — затикал будильник, закапала вода из крана на кухне, зашелестели шины мчавшихся мимо дома автомашин. Швецов смахнул пот со лба, схватил плащ и выбежал за дверь. Но окончательно успокоился только на улице, когда сел в такси и сказал шоферу адрес, который ему продиктовал Евгений Евгеньевич. И тут же подумал: «Я делаю то, что мне приказывает этот зеркальный болван». Но мысль эта прошла задворками и была похожа на отдаленный, затихающий гром.

XI

Анна Григорьевна Цветова жила на Ленинградском проспекте на четвертом этаже роскошного девятиэтажного дома сталинской эпохи. Красин без труда нашел нужный ему подъезд, поднялся на лифте, позвонил. Дверь открыл довольно мрачный, лет тринадцати-четырнадцати подросток с косматой гривой рыжих, почти огненных волос.

— Здравствуйте, — сказал Красин. — Анна Григорьевна дома?

— В магазин ушла. Просила вас подождать. Раздевайтесь.

— Спасибо. — Красин снял плащ и прошел в комнату. Не дождавшись приглашения сел, с любопытством осмотрелся. Напольные часы, кровать-ладея, резной шкаф ручной работы, высокое овальное зеркало. Оно вращалось на шарнирах и светилось мягким золотистым светом. «Пешше», — вспомнил Красин название зеркала, а заодно и его цену и подумал о том, что на собственную зарплату — сколь высокой бы она ни была — хозяйка такую роскошь вряд ли смогла бы приобрести.

— Тебя в школе Рыжий зовут? — спросил он сидевшего напротив мальчика. Тот понуро кивнул головой. — А на самом деле?

— Лень.

— Леонид, значит. А фамилия?

— Цветов.

— Мамина? — удивился Красин. — А почему не папина?

Лень поджал губы и отвел взгляд в сторону.

- Так мама решила.
- А ты знаешь своего отца?
- Конечно.
- Как его зовут?
- Яков Григорьевич Стеблев.

Красин сделал вид, что не знает такого, хотя на самом деле его так и затрясло от возбуждения — в такое состояние приходит охотничья собака, долго и бесполезно гонявшая зайца и наконец-то взявшая свежий след.

- Ты с ним часто встречаешься?

Леня ответить не успел. Щелкнула входная дверь, и на пороге комнаты объявилась строгая, в строгом сером плаще с черной окантовкой дама, именно дама, ибо в ней все, начиная от хозяйственной сумки и кончая перчатками, говорило о безукоризненном вкусе и дышало изяществом.

- Вы уже познакомились? — строго спросила дама.

— Мы уже на короткой ноге. — Красин легко поднялся, шагнул навстречу. — Вам помочь?

- Благодарю. Мне Леня поможет.

Леня мгновенно подхватил сумку и скрылся на кухне. Когда вышел, вежливо спросил:

- Мама, мне можно погулять?
- До девяти.

Леня кивнул, схватил куртку и выбежал. Анна Григорьевна подошла к столу, закурила и, жестом разрешив Красину сесть, строго спросила:

- Так вы, значит, из прокуратуры?
- Да.

Усмехнулась.

— Ну и кто же из них вляпался, Крайников или... Стеблев?

«Что это, святая простота или игра в кошки-мышки?»

- Оба.
- Крепко?
- По уши.

— Подонки! — отчетливо и громко произнесла Анна Григорьевна. — Я так и знала, что этим кончится. Кофе хотите?

- С удовольствием.

Анна Григорьевна вышла. Красин удовлетворенно вздохнул — пока все шло по намеченному плану, еще раз осмотрелся, и ему показалось, что он в театре: дерзкий невидимый ниточку — занавес откроется и начнется представление в трех лицах. А он — зритель, смотрит, востор-

гается, делает выводы... Так оно, примерно, все и произошло.

— Пожалуйста, — сказала Анна Григорьевна, входя в комнату. В руках у нее был поднос, на котором возвышался пузатый кофейник, стояли чашки и тарелочка с бутербродами. — Вам черпый или...

— Черный. — Красин в знак признательности приложил ладонь к сердцу, решил, что пора, и дернул за невидимую ниточку. — Анна Григорьевна, вы давно разошлись со Стеблевым?

Занавес поехал в стороны, спектакль начался.

— Я никогда не была замужем.

— А Ленька? — смутился Красин.

— Ленька? — Анна Григорьевна снисходительно улыбнулась. — Леньку я с таким же успехом могла родить и от Крайникова.

— Ничего не понимаю, — сказал Красин. — Давайте начнем с самого начала.

— С самого самого?

— Да.

— А вам не будет скучно?

— Я умею слушать.

— Ну что ж, слушайте... — Анна Григорьевна добавила в кофе молока. — Жили-были два очаровательных мальчика — Яша Стеблев и Женя Крайников. И оба были безумно влюблены в девочку Аню...

— Давно это было?

— В десятом классе. Аня была красива, знала об этом и мучительно долго выбирала, кому отдать руку и сердце — Жене или Яше. У Яши было все: родители (отец — директор крупного московского гастронома, мать — учительница, преподавала в школе русский язык и литературу), шикарная библиотека, горные лыжи, магнитофон... А у Жени ни черта не было. Отец спился и умер, мать работала уборщицей, тоже попивала, и бедный малый подрабатывал по ночам в булочной. Надо сказать, что школа у нас была образцово-показательная, бывшая гимназия, занимались в ней девочки и мальчики привилегированных родителей, и скоро в нашем классе образовался, выражаясь современным языком, клан — своя музыка, свои песни, свои увлечения. Меня, естественно, в этот клан приняли — красивые девки везде нужны, а Жене показали от ворот поворот. Вот здесь-то Женя и проявил характер. Он поставил на карту все, чтобы попасть в клан и быть рядом со мной. Он стал рабо-

тать по ночам в булочной, чтобы одеться и не выглядеть белой вороной, он приналег на занятия и этим добился того, что у него все просили помощи — списать там, подсказать или еще что-нибудь в этом роде, вступил в комсомол, заручился дружбой Яшки, чтобы только бывать у него дома и иметь возможность читать редкие книги — ведь в те годы, как вы помните, Есенин, Пастернак, Набоков, Платонов и многие другие были запрещены. Меня покорила эта настойчивость, я протянула ему руку и... заработала первую в своей жизни пощечину. Вернее, даже не пощечину, а... Не знаю, как сказать... Наверное, трагедия красивой женщины в том, что она выпущена всю жизнь защищаться — от сплетен, лживых заверений, откровенной лести, от ненужных знакомств. Я, к сожалению, не сумела. — Анна Григорьевна допила кофе, закурила и снова погрузилась в воспоминания.

— Однажды Женя затащил меня в булочную. Вернее, я сама увязалась за ним: мне было интересно... Оказывается, пока мы сним, кто-то работает, развозит хлеб, молоко, картофель, в общем, делает все, чтобы мы, проснувшись, обнаружили эти продукты на своем столе... Женя разгрузил машину с хлебом, потом я ему помогла вымыть полы, а потом... мы до утра целовались. Я не придавала этому значения — со многими уже целовалась, а Женя... Женя окончательно влюбился и, чтобы добиться меня, пошел на подлость, — сказал Яшке, что спал со мной. Тот, идиот, поверил и гордо удалился — прекратил со мной всякое общение. Я рассвирепела, Женя ухаживал все настойчивее, и в один прекрасный день произошло то, что и должно было произойти. — Анна Григорьевна смежила веки, задумалась. — Дальше, пожалуй, неинтересно. Яша с Женей поступили в Плехановский, я провалилась, пошла работать. Однажды встретила на улице Яшку, зашли в кафе, выпили, и я наконец-то узнала, почему в свое время он от меня сбежал. Тогда я плюнула на Женьку и осталась с... Яшкой. Просто?

— Жизнь — сложная штука, — ушел от прямого ответа Красин. — Иногда годы требуются, чтобы разобраться что к чему.

— А я до сих пор не разобралась, — откровенно призналась Анна Григорьевна, и на строгом ее лице отразились как в зеркале терзавшие душу сомнения. — То с одним живу, то с другим. Сделает Яшка подлость — к Женьке уйду, Женя начудит — к Яшке. Замучилась. А поделаться с собой ничего не могу. Как привязанная.

«Она дошла до точки, — подумал Красин. — Если бы

сегодня не появился я, то завтра, по всей вероятности, она отправилась бы на исповедь к священнику».

— Анна Григорьевна, может, мой вопрос покажется вам бестактным, но...

— Валийте, я привыкла.

— Крайников вам никогда не изменял?

Анна Григорьевна расхохоталась. Это был смех взрослого человека над наивностью ребенка.

— Разве это измена — переспать с какой-нибудь торгашкой? Это так, забава, игра.

— И часто он такие игры играл?

— Вообще-то, он однолюб, но... Жизнь есть жизнь, случалось... Последний раз он втюрился в директрису магазина «Океан», спелая такая бабенка, розовощекая, с впду — дура, а на самом деле — палец в рот не клади. Он к ней каждую неделю в Ленинград мотался.

— Как ее звали, не припомните?

— Надежда. Надежда Петровна Цаплина.

— И долго у него с ней роман продолжался?

— Месяца три-четыре. Он даже жениться на ней хотел, но, видно, не судьба — кошка им дорогу перебежала.

— Как понять?

— Однажды Женя пригласил меня в гости. По-моему, был старый Новый год. Я пришла. Только сели за стол — звонок. Междугородная. Звонит Надежда и благим матом орет, что ее ограбили! Женя разволновался, а я... Меня смех разобрал, говорю ему: «Ну что, Женечка, женишься на голенькой?» А он: «Иди ты к черту!» Помрачнел, рассмеялся и... вернулся ко мне.

«Ему нужен был свидетель, который бы подтверждал, что во время ограбления он находился в Москве. И он нашел его. Этот свидетель — вы, гражданка Цветок».

— Анна Григорьевна, припомните, Крайников когда-нибудь у кого-нибудь брал деньги в долг?

— У меня.

— Сколько?

— Пятнадцать тысяч.

— Простите, а у вас...

— Понимаю, — остановила его Анна Григорьевна. — У меня отец был летчиком-испытателем, очень хорошо зарабатывал. Когда он разбился, а мать умерла, я стала обладательницей довольно крупной суммы.

— Как давно он занимал деньги?

— Для через три после ограбления. Я подумала, что

он Наде хочет помочь, и послала его к черту. Но он поклялся, что на машину...

Все сходилось. После долгих размышлений Скоков и Красин пришли к выводу, что свою активную деятельность — организацию преступной группы — Крайников начал лет пять-шесть назад.

— Анна Григорьевна, а за последнее время вы не заметили ничего странного в поведении ваших...

— Любовников? — пришла на помощь Анна Григорьевна. — Как не заметила? Заметила. Оба небывало расщедрились. Женя подарил серебряное колечко с алмазом в четыре карата, а Яша — сберегательную книжку на предьявителя — десять тысяч. Сказал: «Если со мной беда случится, позаботься, чтобы Ленька высшее образование получил».

— А какого рода «беда», не говорил?

— Нет. Но я, откровенно говоря, на это в внимания не обратила: у него вечно все не так.

— И последний вопрос, Анна Григорьевна, — сказал Красин, заметив, что хозяйка поглядывает на часы. — Вопрос, так сказать, интимного порядка... Кого вы все-таки больше любили, Крайникова или Стеблева?

— Пожалуй, Крайникова. Яшка добрый, но болтун и размазня, а Женя — человек дела. Что задумал, добьется, своего не упустит. Кремень, а не мужчина!

— Что значит «кремень»?

— Кремень? — Анна Григорьевна внимательно посмотрела на собеседника, в глазах зажглась ироничная усмешечка. — Вот вы, например... Вы наверняка свой приезд ко мне согласовали с начальством, так?

— Допустим.

— А Женя никогда ничего ни с кем не согласовывает. Задумал — сделал. Самостоятельный человек. Нынче таких мало. Поистрепались мужчины, поблекли. А ведь когда-то... — Анна Григорьевна царственно вскинула руку. — «Мужчины, мужчины, мужчины к барьеру вели подлецов!» «Может быть, она и права...»

— Спасибо, Анна Григорьевна, — сказал Красин, вставая. — Буду вам очень признателен, если этот разговор останется между нами.

— Я тоже на это надеюсь, ибо в суд, если таковой состоится, не пойду и никаких показаний против этих двух идиотов давать не буду. Они — мой крест, и нести мне его до конца.

«На чем сломался Швецов? — думал Красин по дороге

в управление. — Женщины? Честолюбие? Скарედность? Пьянство? Скорее всего, честолюбие, непомерное ницшеанское честолюбие... А противник внимателен, он умеет рассчитывать человека, играть на его тайных пружинах, он терпелив — забросит приманку и ждет: клюнет — не клюнет? Швецов клюнул. А Крайников?.. Нет, здесь случай особый. На путь шантажа и насилия мог встать человек с патологическим поражением морали. Крайников пошел на это дело сознательно, потому что безмерно жаден, эгоистичен, потому что на вершине пирамиды, которую сам возвел и сценентировал, видит только себя».

ТЕЛЕФОНОГРАММА.

Москва. Областное управление МВД.
Майору КРАСИНУ В. А.

На ваш запрос сообщаем... Цаплина Надежда Петровна, 1940 года рождения, русская, член КПСС, работает в должности директора специализированного магазина «Океан» с 1978 года. К уголовной ответственности не привлекалась. Заявлений об ограблении ее квартиры не поступало.

Ст. инспектор уголовного розыска
УВД г. Ленинграда майор ДЕЛЛЬ В. Г.

XII

Скоков оказался прав. При первом удобном случае Крайников заинтересовался, где работает Родин, и последний ответил так, как и советовал полковник: «В милиции, эксперт-криминалист, профиль — судебная баллистика». В общем, ситуация, в которую попал Родин, оказалась довольно комичной: от дела остранил, а на работу ходи.

— Что, замучился от безделья? — пошутил как-то по этому поводу Красин, встретив Родину в коридоре.

Родин сделал серьезное лицо.

— Виктор Андреевич, вы должны мне две ставки платить: днем я работаю на вас, вечером — на них.

— А может, ты действительно на них работаешь? Чего смеешься? Мафия — это прежде всего коррумпированные связи, с помощью которых «крестный папа» забирается все выше и выше. Так что не исключена возможность, что Евгений Евгеньевич захочет тебя купить. — Красин взглянул на часы. — Пойдем. — В десять тридцать Скоков просил быть у него.

— Я его полчаса назад видел, и он мне ничего не сказал.

— Запомню, наверное, — рассмеялся Красин и, взяв Родину под руку, спросил: — Ну, а если они и впрямь дадут тебе взятку, возьмешь?

— Виктор Андреевич, вы что, серьезно?

— Они много дают.

— Например?

— Сто тысяч.

Родина аж крикнул: во-первых, не мог представить, как выглядит столь внушительная сумма, а во-вторых... Он подумал, что от таких денег человеку действительно трудно отказаться.

Новенькая кофемолка визжала на таких высоких нотах, что полковник Скоков слышал шаги Красина и Родина только тогда, когда последние, остановившись от него в двух шагах, демонстративно вытянулись и щелкнули каблуками.

— Входите, входите. — Полковник выключил кофемолку и, щелкнув по ней пальцем, обратил взгляд на Родину. — Знаешь, чей подарок?.. Рижане прислали. Не догадываешься почему?.. Замасливают, хотят, чтобы мы побыстрее дело закончили. Убийство-то на их территории произошло, понимаешь? Так что старайся, если хочешь, чтобы твой друг Андрис Брок не остался вечным капитаном. — Он улыбнулся и сразу же стал похож на сытого кота. — Тебе с молоком?

— Нет, — сказал Родина. — Черный предпочитаю.

— На нет и суда нет. Я тоже черный люблю. Молоко... Это я так, для гостей держу. Для Виктора Андреевича и его тетки Виктора Афанасьевича. — Скоков бросил в стакан кусок сахара, размешал и, сделав глоток, от удовольствия замурлыкал. — Что-то он запаздывает.

— Виктор Афанасьевич, это кто? — не сдержал любопытства Родина.

— Работник госбезопасности Егоров, — пояснил Красин.

— Так они что, подключились к нашему делу?

— Как видишь.

Егоров оказался человеком среднего роста, смуглым, скуповатым на слова и улыбку. Ладонь у него была маленькая, женственная, но крепкая — стискивала пальцы, как пассажиры.

— К делу, — сказал он, присаживаясь. Взглянул на Родину и, как будто продолжая только что прерванный разговор, спросил: — Александр Григорьевич, какие новости?

— Страшные, — улыбнулся Родина, моментально располагаясь к нему симпатией, и коротко поведал о планах брата и о том, какая роль в этих планах уготована ему.

— Выходит, не вы брата использовали в своих целях, а он вас. Забавно. — Егоров перевел взгляд на Красина. — Виктор Андреевич, как, по-вашему, что на Западе в особой цене?

— Все, что может принести успех.

— В общем, правильно. Информация — это успех. — Егоров вытащил из портфеля кассету с пленкой, подбросил ее на ладони. — Продаю.

— А что там? — осторожно спросил Скоков.

— Информация.

Скоков переглянулся с Красиным, затем нагнулся и извлек из нижнего ящика стола баночку с черной икрой.

— Пойдет?

— С паршивой овцы хоть шерсти клок, — улыбнулся Егоров. — Магнитофон есть?

Скоков снова нырнул в один из ящиков стола.

— Пожалуйста.

Егоров вставил кассету и нажал кнопку воспроизведения. Послышалось легкое шуршание, звук хлопнувшей двери («Скорее всего, автомобильной», — подумал Родин), и хриплый мужской голос произнес:

— Здравствуй, Евгений Евгеньевич.

— Здравствуй. Что-нибудь случилось?

— Случилось. Грач хай поднял. Кричит: если этот интеллигент не уберется с моей территории, то я для начала пущу кровь всем его петухам. Если не поможет, самому отвинчу голову.

— Ну и что ты на это скажешь?

— Он прав. Универмаг на его территории.

— Значит, отдать?

— Не знаю. У нас, у блатных, так: уступишь — сожрут.

— Сожрать мы себя не дадим, а воевать... Моя племянница говорит, что в наше время все вопросы надо решать мирным путем.

— Мирным-то оно, конечно, лучше: меньше шума.

— Что верно, то верно, а потому передай Грачу, что впредь я на его территорию не сунусь, но... этого человека не отдам — он мне нужен. А взамен найду ему равноценную замену. Понял?

— Понял.

— А Кузе передай, чтобы пятого числа взял с собой всех своих бойцов — береженного бог бережет. И сам съезди. Ты ребят Грача знаешь?

— Не всех.

— Так вот, если они нагрянут, предупреди об этом Кую. Все. Где тебя посадить?

— У Красных ворот.

Запись закончилась. Егоров, демонстративно не замечая состояния коллег (Родин побелел, Скоков пошел красными пятнами, у Красина на скулах выступили и ходуном заходили желваки), налил себе полную чашку кофе, сделал бутерброд с икрой, откусил и выразительно щелкнул пальцами — давно, мол, такого удовольствия не получал.

— Первый — Крайников. А кто второй? — спросил Родин.

— «Вор в законе» Владимир Николаевич Юршов, кличка — Артист. Домушник. Иногда промышляет в поездах дальнего следования. Освободился пять лет назад. Ведет себя тихо, мирно. Женился. Двое детей. Работает стрелком военизированной охраны.

— Как вам это удалось?

Егоров улыбнулся.

— Маленькие тайны большого Парижа.

— Меня интересует другое, — сухо произнес Красин. — Вернее, возмущает. Почему вы, наша разведка, контрразведка, работаете, как в Париже, — на уровне мировых стандартов, а мы, милиция, — по уши в дерьме: старый фотоаппарат, вечно сломанный «уазик», триста литров бензина на машину в месяц?!

— У нас нет даже закона по борьбе с организованной преступностью, — добавил Родин.

— Это ваши проблемы, — бросив шуточный тон, жестко проговорил Егоров. — Вам их и решать. Что же касается этой записи... Здесь мы с вами на равных: магнитная пленка, фото и видеосюжеты — не доказательство. Их не один суд во внимание не примет. Так что все эти материалы, так сказать, для внутреннего пользования.

— А мы и этого лишены, — вздохнул Скоков.

— Поэтому я и решил вам помочь.

— А по вашей линии Крайников чист?

— И да и нет, — помолчав, признался Егоров. — Мы выяснили, что Крайников и Корн познакомились шесть лет назад в Вене, где работала наша торгово-промышленная выставка. Встречались и позже — Корн по делам своей фирмы довольно часто приезжал в Москву. Выпивали, разговаривали, иногда с девицами развлекались, в общем, не придерешься. Первое подозрение вкралось, когда вы нам сообщили, чем Крайников занимается. Внешнее наблюдение показало, что Евгений Евгеньевич после встреч с Корном поч-

ти всегда отгонял машину в гараж, чего никогда не делал в обычные дни. Мы заинтересовались, решили гаражик проверить. Негласно, конечно. И обнаружили тайничок — старенький, давно вышедший из строя автомобильный аккумулятор, только нажми невидимую кнопку — откроется. А в тайничке — золотые монеты царской чеканки, жемчуг и... японские подслушивающие устройства.

— А зачем они ему? — спросил Родин.

— С их помощью Крайников контролировал своих людей — всобачит, допустим, в машину того же Кузи такую штуку и... бедный Кузя на крючке: не успел слова вымолвить, а оно уже Крайникову известно.

— И вы его на собственный крючок и поймали?

— С волками жить — по-волчьи выть.

— А чем Крайников с Корном расплачивался?

— По всей вероятности, информацией. Года три назад Корн влип в неприятную историю — наркотики, но выпутался и из игры не вышел...

— Эти сведения вам Интерпол сообщил? — поддел Скоков.

— У нас свои каналы достаточно хорошо работают, — парировал выпад Егоров. — Так вот, мы думаем, Корн через Крайникова пытался выйти на людей, промышляющих у нас в Союзе наркотиками. Но пока это предположения, проверить которые нет возможности, ибо не далее как вчера Корн убрался восвояси. Вот такие дела, дорогие мои. Так что Крайников — ваш. Если у вас есть улики, факты, — Егоров снова щелкнул пальцем по магнитофону, — это, к сожалению, только пицца для размышлений, то берите его, берите, пока он не выкинул какой-нибудь фортель.

Егоров ушел. Красин отмотал назад пленку и, еще раз прослушав запись, сказал:

— Я думаю, что Крайникову теперь не выпутаться, заговорит, как миленький заговорит, и бойцы его заговорят, как только узнают, что их продали, словно последних сук, и Стеблев заговорит, и Швецов — некуда им деваться и крыть нечем.

— Значит, будем брать? — спросил Скоков.

— Пятого числа. Пятого числа Кузин поедет собирать дань. Навестит и Стеблева. Вместе со всей своей командой. Вот здесь мы их и возьмем. С поличным. На месте преступления.

— А как же Грач? — осмелился спросить Родин.

— Грача выделим в отдельное делопроизводство. И Юр-

шова. Организуйте за ним наблюдение. Он должен встретиться с Грачом, и он нас на него выведет.

— Я думаю, что после ареста Крайникова он ляжет на дно, — сказал Скоков. — Или примкнет к банде Грача.

— Может быть, — сказал Красин, вставая. — А пока... Готовьте, Семен Тимофеевич, группу захвата. Операция серьезная. Без стрельбы, пожалуй, не обойдется.

XIII

Погода стояла отвратительная — шел дождь, над городом висел туман. Швецов быстро гнал своего новенького «жигуленка» по улицам Москвы, смотрел на перекрестках на вымокших до нитки прохожих и тихо радовался теплу и уюту кабины. Думал: «И чего раньше не покупал? Машина не роскошь — средство передвижения. Так, кажется, говорил основатель ракеты товарищ Бендер?»

Около дома Крайникова Швецов остановился, три раза коротко просигналил. Через несколько минут из подъезда вышел Евгений Евгеньевич.

— Здравствуй, — сказал он, залезая в машину. — Доволен покупкой?

— Удобная штука.

— Сколько лишка он с тебя содрал?

— Два куска. А вот за гараж заломил — будь здоров! — Швецов выжал сцепление и дал газ. — Так что хочу с вами посоветоваться — брать или не брать.

— Гараж кооперативный?

— Да.

— В каком районе?

— Метро «Щелковская».

Евгений Евгеньевич взглянул на часы.

— В два я должен быть на работе. Успеем?

— Успеем. Я вас прямо к парадному подъезду доставлю.

Швецов приспустил боковое стекло и закурил, обдумывая детали предстоящей операции. План этой операции возник у него еще несколько дней назад, но окончательно созрел и обрел конкретную мысль и цель только после осмотра гаража, который ему предложил купить вместе с машиной знакомый Крайникова. И теперь он шел к этой цели с прямолинейностью и решительностью заводной игрушки.

— Слушай, — неожиданно сказал Евгений Евгеньевич. Месяца через два выйдет закон о кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности...

Швецов тряхнул головой, отгоняя картинку, вызванную

буйным воображением: он и Крайников сидят напротив друг друга и беседуют. Но вопросы задает уже не Крайников, а он, Швецов.

— Вы хотите, чтобы я открыл кооператив?

— Ты мне нравишься, — улыбнулся Евгений Евгеньевич. — Тебе разжевывать ничего не надо. Значит, согласен?

— Согласен.

— Торговать будешь мужской и женской одеждой. Не сам, конечно. Найдешь двух смазливых девчонок.

— А кто на нас будет работать?

— Индивидуальщики.

«Он хочет взять на контроль сбыт продукции, которую шьют частные портные, пустить эти вещи через себя и сыграть на разнице цен. И таким образом отмоет все свои деньги. Неплохо. Башка у него действительно работает».

— И сколько я буду иметь?

— Тысячу. Устраивает?

— Годится. — Швецов включил магнитофон, и сразу же из двух динамиков, которыми он оборудовал машину, рванул хрипловатый голос Бысоцкого: «...вы лучше лес рубите на гробы, в прорыв идут штрафные батальоны...»

— Сделай потише.

Швецов убавил громкость.

— Портные — моя забота?

— Несколько фамилий я тебе дам. Остальных сам ищи.

— А если попадутся несговорчивые?

— Уговорим.

— Кто именно?

— Не задавай дурацких вопросов. — Евгений Евгеньевич поправил галстук, бросил взгляд на часы. — Скоро?

— Уже приехали.

Гараж был и впрямь добротный — из кирпича, ворота дубовые, крыша обита оцинкованным железом, и Швецов, открывая амбарный замок, непрерывно покал языком — то ли восторгался, то ли осуждал, непонятно.

— Не гараж — крепость! И яма есть, и подпол, вот только дороговат. Знаете, сколько запросил? — Он зажег свет и плотно прикрыл за собой ворота. — Шесть штук.

— Ну и что? Он же тебе вещь предлагает. — Евгений Евгеньевич осмотрел яму и выразил свой восторг — глубокая, затем сдвинул крышку подпола, в который вела лестница с широкими, крепкими ступенями, и развел руками. — На совесть сделано!

— Спускайтесь, — предложил Швецов. — Там есть на что взглянуть.

— Например?

— Финская резина для машины. Для «жигуленка» не подойдет, а для вашей «Волги»...

Евгений Евгеньевич недоверчиво хмыкнул, отвернулся, разглядывая идущие вдоль стен антресоли, и в этот момент Швецов сильно и точно ударил его ребром ладони по сонной артерии. Евгений Евгеньевич ойкнул и, оступившись, рухнул в подпол.

— А вот теперь мы с тобой поговорим, сука! — пробормотал Швецов, спускаясь вниз по лестнице.

Евгений Евгеньевич лежал на полу, неловко подвернув под себя правую руку, из небольшой ранки на голове сочилась кровь. Швецов достал из кармана эластичный бинт и крепко связал его — сперва руки, затем ноги. Подтащил к стене, посадил. Сам сел напротив, на березовый чурбачок, закурил и стал ждать, когда жертва очнется.

— Какая же ты дрянь! — вдруг тихо проговорил Евгений Евгеньевич. — Я же тебя из дерьма вытащил, а ты...

— А кто меня в это дерьмо посадил?

— Ты сам в него вляпался.

— Сам?!

— Напомнить?

— Сделайте одолжение.

«Для него это будет полной неожиданностью, — подумал Евгений Евгеньевич. — Сей факт он, наверное, давно забыл, выкинул из памяти, выбросил, как выбрасывают отслужившую свой срок вещи. А мы ее снова на него напаяли, пусть полюбуется, вспомнит, что натворил, играя д'Артаньяна».

Швецов с детства увлекался спортом — пятиборьем. Понять и полюбить лошадь ему помог отец, остальные виды спорта — бег, стрельбу, фехтование, плавание — осваивал сам, консультируясь у лучших тренеров, с которыми его опять-таки свел и познакомил отец. Сперва все шло по намеченному плану. В шестнадцать лет Володя — мастер спорта. В семнадцать — член сборной команды Москвы. И вот здесь-то он и сорвался...

Отец Володи в свое время закончил институт и, как все родители, мечтал о том, чтобы и сын получил высшее образование. А Володя, как вдруг выяснилось, плевать хотел на это образование. С трудом закончив десять классов, он заявил: «Жизнь руками надо разгребать, а не головой. Голова нынче слишком дешево ценится». Отец влепил сыну увесистую затрещину и сделал все, чтобы его отчислили из сборной. Володя — в амбицию — ушел из дома, снял квартиру. К счастью, этот вольный период жизни длился недол-

го. Вскоре его призвали в армию, и он стал выступать за ЦСКА. С новым тренером отношения не сложились. Володя прекрасно сидел в седле, хорошо плавал, бегал, стрелял, а вот фехтовал неважно, что сильно сказывалось на общих результатах. Тренер в конце концов не выдержал и заявил, что если Швецов и дальше будет работать в таком же духе, то он вместо шпаги вручит ему винтовку и отправит служить туда, куда Макар телят гулять не гонял. Что делать? Володя думал, думал и... додумался. В ручку шпаги он вмонтировал хитрющее приспособление — маленькую, почти незаметную кнопку, нажми ее — и лампочка, которая сигнализирует, что ты достал соперника, нанес ему укол, вспыхнет, возвестит о твоей победе. Изобретение дало плоды. Володя вернул себе звание сильнейшего пятиборца, его снова включили в сборную. Но царствовал он недолго. На первых же международных соревнованиях его накрыли, скандал разразился небывалый...

«Откуда ему все известно?» — напряженно думал Швецов, заново переживая события давно минувших дней — угрюмо-отчужденные лица товарищей, последний разговор с тренером, приказ о снятии звания мастера спорта.

— Чья информация? — спросил он, прекрасно понимая, что вопрос, скорее всего, останется без ответа. Но ошибся.

— Кузина, — насмешливо процедил Евгений Евгеньевич. — Знаешь такого?

«Бог мой! На эту тварь уже сборная Союза по боксу работает!» Швецов вспомнил смуглого плечистого паренька, с которым познакомился во время сборов на подмосковной базе ЦСКА. Кузин обладал хорошим нокаутирующим ударом, и ластивый хор голосов заранее возвел его в ранг чемпиона. Кузин не подвел — занял первое место, но... не прошел допинг-контроля. Его дисквалифицировали. На год. С тех пор Кузина на ринге никто никогда не видел.

— Кто в Прибалтике за мной следил, Кузин?

— Я же тебе говорил: не задавай дурацких вопросов.

«Ясное дело — он. И к Янкиной приезжал он — смуглый, плечистый, симпатичный...»

— Мразь! — рывкнул Швецов, побелев от злости. — Мразь и гнида!

— А ты лучше? — В голосе Евгения Евгеньевича сквозила явная издевка. — Вы — два сапога пара! Хорошо начали, да плохо кончили: пороха для выстрела не хватило. А теперь ищите козла отпущения. Боль свою выплескивае-

те. Ожесточились! Озлобились! А кто в этом виноват? Сами виноваты. И никогда вам эту боль не выплеснуть. Она — внутри вас. Поэтому ненавидите всех и вся, и себя в том числе, и готовы сожрать друг друга. И жрете, забыв про честь и совесть!

— Не распаляйтесь, Евгений Евгеньевич. У вас аппетит похлеще — волчий! А что касается совести... Я думаю, при рождении ее вам просто-напросто забыли вспрыснуть. Забыли! Понимаете? Поэтому она вас и не мучает.

— Ты прав — не мучает. Только совершенно по другой причине: я — порядочный человек! Я, если хочешь знать, даже в перестройку вписываюсь, ибо каленым железом выжигаю ее врагов — всякого рода нечисть, хапуг, взяточников!

— С ворьем вы справляетесь мастерски, согласен. Но почему же в таком случае деньги, которые вы изымаете у этого ворья, кладете в собственный карман, а не пересылаете в какой-нибудь там Фонд мира или защиты детей, как небезызвестный вам Юрий Деточкин?

— А тебя оклад в двести рублей устраивает? Можно жить на эти деньги месяц? — Евгений Евгеньевич задумался, на лоб набежали темные прорезы морщин. — Александр Сергеевич Пушкин однажды сказал: «Почему я со своим умом и талантом родился в такой стране, как Россия?» Но Родину, как и родителей, не выбирают. Так что где родился, там и живи. Но жить-то по-человечески хочется, на всю катушку, с огоньком, дымом! Хочется реализовать свой талант, богом отпущенный, и вознаграждение соответствующее получить! А тебе вместо вознаграждения — фигу под нос: не высовывайся, шагай в ногу, живи, как все, ибо мы — советские люди! Понимаешь — «Мы»! Бюрократ никогда не говорит: «Я». «Я» — это личная ответственность. Он всегда говорит: «Мы». Меня это «мы» в конце концов взбесило. Думаю: я есть я, а вот кто вы, в этом надо еще разобраться. Ну и стал разбираться, раскладывать бюрократа на составные части. И что же? Властолюбцы, ворье, взяточники! Таких с потрохами и кушать, и продать можно. Лишь бы цена была подходящая...

Евгений Евгеньевич говорил зло, напористо, стараясь убедить собеседника в своей искренности и правоте, но Швецов слушал его, как говорится, вполуха, думая о дальнейших действиях, которые, оказывается, рассчитал с точностью и аккуратностью сапера, обезвреживающего мину.

— Вы эту речь для народных заседателей приготовили?

— Чтобы посадить меня на скамью подсудимых, следователю нужны факты, улики. А где он их возьмет? Я не воровал, не грабил, не убивал...

— Ангел с крылышками, да? — Швецов взял стоявшую у стены штыковую лопату. — Кто на вас работает?

— Я же тебе сказал: Кузин.

— Кузин шестерка.

Евгений Евгеньевич откинул голову и закрыл глаза, всем своим видом показывая, что на подобного рода вопросы отвечать не собирается.

— Ну что ж, пеняйте на себя! — Швецов поплевал на ладонь и с хрустом вогнул лопату в землю. — Живьем зарую!

Первые десять минут Евгений Евгеньевич наблюдал за своим мучителем с легким недоумением: не мог поверить в реальность происходящего, не мог представить, что он, магнат, босс, суперворотила, по приказу которого звонили в самые высокие инстанции, раздавали должности, награды, судили, прощали, держали в страхе, попал в столь жалкое и унижительное положение, но когда увидел, что Швецов уже по пояс ушел в землю, что дело приближается к развязке, ощутил панический, животный ужас. Гулко, неумно заколотилось сердце, тело ослабло, лоб покрылся влажной испариной.

— Володя, давай поговорим. Только без эмоций, серьезно. Я верю, что два умных человека всегда могут договориться.

— Два умных и порядочных, — язвительно заметил Швецов.

— Володя, я тебя хотел сделать своим, доверенным, человеком...

— Своим?! А кому пришла в голову идея отправить меня на дно? Вы же сами говорили, что у Сопина мыслительный аппарат работал туговато — он бы сроду не догадался зарядить акваланг пропаном.

— Чувшь собачья! Неужели ты ему поверил?

— Может быть, и не поверил бы, но когда вы продали Янкину...

— Да кто такая Янкина? Дойная корова!

— Эта дойная корова исправно работала на вас много лет, а вы ее — под топор!

— Володя, без меня пропадешь: или тебя мои ребята грохнут, или менты возьмут — любой уголовник кончает свой путь в тюрьме.

— С вашими ребятами я разберусь, а что касается тюрь-

мы... Я так же, как и вы, люблю спать в собственной постели.

— Дурак! У меня связи, знакомства, меня всегда прикроют, с того света вытащат! А что ты можешь? Тебя спапают на второй же день и, как паршивого котенка, сунут мордой в парашу. И будешь хлебать, пока не подавишься.— Евгений Евгеньевич взглянул Швецову в глаза, ощутил их льдистый холод и вдруг понял — кожей, внутренностями, — что проиграл, что не выбраться ему из этого каменного мешка, не увидеть больше ни собственной дачи на берегу моря, ни притихшую в ожидании неминуемого женщину у камина, не почувствовать ее губ, тела, пьянящего аромата волос, не услышать шум утреннего прибора, ни крика оголтелых чаек, внимательно и зорко высматривающих заигравшуюся на мелководье рыбешку, и, отчаявшись, отрицая саму мысль о поражении, замотал головой, закричал, завыл иступленно: «Помогите-е-е!»

— Вас здесь сам бог не услышит. — Швецов загнал ему в рот кляп — картофелину средних размеров — и столкнул в яму. — Приеду завтра. Если не одумаетесь, не называйте имена людей, которые на вас работают, зарюю. Живьем похороню!

Швецов закрыл гараж, осмотрелся и прошел в домик к сторожу. Тот, бросив читать газету, глянул поверх очков.

— Ты, дед, часом не глухой? — спросил Швецов. — Кричу, кричу — бестолку.

— А чего кричал?

— Помощь требовалась.

— Пойдем помогу, — с готовностью вскочил дед.

— Я уже справился. — Швецов поблагодарил его за участие, дал трояк на чай и уехал.

«Денежный черт!» — проворчал дед, смотря в окно и наблюдая, как ловко и быстро гонит машину новый владелец гаража.

Приехав домой, Швецов без особого труда отыскал старую записную книжку и позвонил Кузину.

— Здравствуй, — сказал он. — Швецов беспокоит.

— Очень приятно.

— Мне необходимо с тобой поговорить.

— Срочно?

— Немедленно.

— По какому вопросу?

«Не доверяет, сволочь!»

— Евгений Евгеньевич просил...

— Где встретимся?

— Ресторан «Арбат» знаешь?

— Кто этот вокзал не знает.

— Я тебя буду ждать в нижнем зале. Все. — И повесил трубку.

У ресторана толпился народ, на дверях висела табличка: «Свободных мест нет».

— У меня столик заказан, — сказал Швецов, привычным жестом выуживая из кармана трояк.

— Милости просим. — Швейцар услужливо распахнул дверь.

Швецов спустился в нижний зал, нашел подходящего к случаю официанта, рослого, крепкого, наглого, у которого, казалось, даже на роже было написано: «Подонки, учитесь жить!», заказал столик на двоих и сунул ему в верхний карман фирменного пиджака десятку. Сказал:

— Это на чай. Обслужишь быстро, вежливо, но... с достоинством. Работай так, чтобы мой собеседник понял, что ты не из шестерок.

— Сделаем.

Кузин подъехал через полчаса. Войдя в зал, он внимательно осмотрелся и, заметив Швецова, который со скучающим видом наблюдал за танцующими, неторопливо закурил и подошел к столику.

— У вас свободно?

— Пожалуйста. — Швецов кивнул и тут же увидел, как в зал вошли еще два паренька, и по их внешнему виду — у первого был чуть заметно искривлен нос, у второго — бесформенные, отбитые, как у всех профессиональных боксеров, губы — мгновенно сообразил, что Кузин приехал с охраной.

— Что будешь пить?

— Кофе. Двойной. Со сливками.

— А я, пожалуй, выпью, — вздохнул Швецов. — У меня сегодня денек был не из легких. — Он наполнил рюмку и залпом опрокинул ее, продолжая незаметно наблюдать за ребятами Кузина. Они прошли в глубь зала и сели так, чтобы Швецов их не видел.

— Кому живется весело, вольготно на Руси? — с иронией в голосе продекламировал Кузин.

— Кто жить умеет.

— Ты умеешь?

— На этот вопрос придется ответить тебе. — Швецов кивком головы подозвал маячившего в поле зрения официанта. — Славик, ты забыл принести икорки.

Славик извинился и мгновенно исчез.

— Твой паренек? — проводив его взглядом, спросил Кузин.

— Не задавай дурацких вопросов, — ответил Швецов словами Евгения Евгеньевича. — Я же не спрашиваю тебя, чьи козлы сидят за моей спиной.

— А ты спроси.

«Пора быка за рога да в стойло».

— Спрошу. Сколько тебе платил Евгений Евгеньевич?

Это был удар из серии запрещенных, но Кузин даже не поморщился.

— Тысячу, — сказал он, откинувшись на спинку стула.

— Даю полторы. Будешь работать на меня?

Кузин несколько оторопел. Глаза сузились, беспокойно забегали. «Что это, проверка на прочность, которая исходит от Евгения Евгеньевича, или действительно деловое предложение? Скорее всего — проверка...»

— Я, старик, работаю на Магната, — сказал он и, сказав это, побледнел, ибо понял, что от волнения невольно выдал кличку Евгения Евгеньевича, которой последний пользовался в блатном мире. — Работаю честно, а ты... Если ты решил отколоться, то поищи себе людей на стороне.

— Не трепыхайся! — жестко проговорил Швецов. — Уехал твой Магнат.

— Надолго?

— Если соскучишься, то через недельку можешь дать в газету объявление... Такой-то, мол, и такой-то пропал без вести. Кто видел его в последний раз, прошу сообщить по телефону...

— Ты шутишь?

— Шутят комики, а я — человек серьезный. — Швецов бросил на стол паспорт Крайникова, служебный пропуск, сберегательную книжку, абонемент в бассейн «Москва».

— И что ты хочешь? — возвращая документы, спросил Кузин. Лицо его сделалось багровым, горло перехватило, тяжелый комок мешал дыханию.

— Ты спросил: умею ли я жить? Вот и ответь.

— Допустим.

— Будешь на меня работать?

— Если ты этого черта действительно пустил на дно... У меня нет выбора.

— Вот это уже другой разговор. — Швецов снова наполнил рюмку, выпил. Лицо окаменело, стало непривычно серьезным. — С Янкиной завтра оброк не бери. Я с ней сам разберусь. Твое дело Кирип, Стеблев...

Названные фамилии добились Кузина, убедили, что Швецов и впрямь в курсе событий, и он, окончательно уверовав в крах прежнего и торжество нового короля, раскололся — выдал третьего налогоплательщика.

— А с Дворцовым как быть?

— С Дворцовым? — повторил Швецов и, вспомнив, что именно эту фамилию упоминала Янкина, рассказывая о делах в ломбарде, зло скрипнул зубами. — Сколько эта сука платит?

— Три куска.

— Бери пять. Будет выкобениваться — передай от меня привет и скажи, что мне доподлинно известно, сколько золота и серебра он переправляет ежегодно в магазин Янкиной. Не поможет — пусть им твои ребята займутся. — Швецов ткнул большим пальцем за спину. — Они тоже на окладе?

— Нет. Магнат платил им сдельно.

— Сам?

— Через меня. Его лично никто никогда не видел.

— Кто, кроме тебя, имел с ним связь, так сказать, напрямую?

— А ты разве не знаешь?

Швецов молчал. Глаза зло и упрямо сверлили собеседника.

— Артист, — не выдержал Кузин.

— Кто такой?

— Правая рука Магната. Его связь с блатным миром.

— А на кой черт ему этот блатной мир?

— Видишь ли, кроме нашей существуют и другие группировки, и руководят ими люди не столь брезгливые, как, например... Евгений Евгеньевич.

— Понятно, — кивнул Швецов. — Так вот, передай этому Артисту, что сегодня в одиннадцать вечера я буду ждать его у метро «Полянка».

— Там один выход?

— Один. А теперь забирай своих ребят и смывайся. Встретимся завтра. Вечером.

— Где?

— Где обычно — бассейн «Москва».

XIV

— Евгений Евгеньевич! — Красин легонько похлопал Крайникова по щекам. — Как вы себя чувствуете?

Веки задрожали, приподнялись, и сквозь пелену тумана

на Крайников увидел свежее, гладко выбритое лицо незнакомого мужчины.

— Спасибо. — Он хотел приподняться, но тут же отказался от этой попытки — ноги свело судорогой.

— Спасибо — хорошо или спасибо — плохо? — продолжал допытываться незнакомец.

— А вы, собственно, кто?

— Следователь прокуратуры майор Красин.

— Спасибо, — повторил Крайников. — Спасибо за оперативность. Если бы не вы... Вы арестовали этого подонка?

— Кого вы имеете в виду?

— Швецова! — разыграв крайнее удивление, простонал Евгений Евгеньевич. — Я посоветовал ему купить машину, этот гараж, а он вместо благодарности избил меня до полусмерти, ограбил и оставил здесь... Подыхать!

«Артист! Великий артист!» — Красин покачал головой, присел на березовый чурбачок, на котором совсем недавно восседал Швецов, и бросил на сопровождавшего его Климова долгий, изумленный взгляд.

— Крепкий нахал твой подопечный!

— Крепкий, — согласился Костя.

— Хватит играть, Евгений Евгеньевич! Вы арестовали!

— Я? — Глаза Крайникова округлились. Появлению перед собой марсианина он удивился бы, наверное, меньше, чем этому, столь неожиданному для него заявлению.

— За что? Мне сдается, что произошла нелепая ошибка. Или... или вы нарушаете нормы социалистической законности.

— Вы не хотите признаться во всем чистосердечно?

— В чем?

— Подумайте. Чистосердечное признание все-таки учитывается.

— В чем я должен признаться?

— В организации преступной группы, в которую входили Сопин, Швецов, Кузин, Юршов... Знаете такого?

— Владимира Николаевича?

— Владимира Николаевича, — хмуро подтвердил Красин.

— Милейший человек и прекрасный специалист.

— Не сомневаюсь.

— А вы не пронизируйте. Если у вас когда-нибудь сломается машина, обратитесь к нему. Он все делает на совесть — быстро, надежно, с гарантией.

— Спасибо за рекомендацию. Где вы с ним познакомились?

— В поезде. В поезде Москва — Ленинград.

— Вспомните, пожалуйста, подробности... Зачем вы ездили в Ленинград, зачем — Юршов, на какой почве вы с ним сошлись.

— Постараюсь. — Евгений Евгеньевич смиренно прикрыл веки.

После окончания института Евгений Евгеньевич Крайников получил должность в Министерстве торговли. Зарплата маленькая — сто двадцать рублей в месяц, а жить хочется по-человечески, на широкую ногу, как, например, его коллега Чаклин, с которым он подружился и стал вхож в его дом.

Однажды Чаклин заболел, позвонил на работу и попросил Крайникова съездить на ревизию в один из магазинов, которые он курировал. Крайников съездил, подписал заранее заготовленные директором бумаги и со спокойной совестью удалился. А дома в кармане плаща обнаружил ту-гую пачку кредиток...

Крайников был не так прост, как это могло показаться на первый взгляд. За веселой развязностью скрывались глубокий ум и проницательность. Он хорошо разбирался в людях, прекрасно ориентировался «на местности», а следующий шаг делал, лишь убедившись, что опорная нога стоит крепко и неизбежно, как фундамент многоэтажного дома.

С Чаклиным Крайников решил не связываться: в магазинах, которые он курировал, слишком откровенно и грубо воровали. Но выводы сделал и, прикинув что к чему, принялся мозговать над проблемой «деньги — товар — деньги». Дилемма была не нова, но после мучительных размышлений оказалась вполне разрешимой и осуществимой. Теория, выработанная Крайниковым, состояла из нескольких пунктов, которые гласили следующее: 1. Работать добросовестно. Это не так трудно, коли уж работаешь. 2. Искать знакомства с теми, кто ворует. (Вторая часть предложения резала слух, и Евгений Евгеньевич заменил ее другим словосочетанием — кто часто ошибается при расчете с государством.) И крупно. 3. Если уж брать, то по-королевски. И по возможности — чужими руками. 4. Не спать. Случай подвернется. И не зевать. Когда рыба на крючке, надо вовремя дернуть удилище.

Случай подвернулся. На юге. Во время отпуска. На первых порах Крайников не придавал большого значения пляжному знакомству. Надя была миловидна и приятно вписывалась в легкомысленную атмосферу отпускного флирта и шумных вечеринок. У нее был веселый и легкий характер,

красивое лицо и красивое тело, поражавшее Крайникова своей мраморной белизной. Лишь спустя некоторое время Евгений Евгеньевич понял, что Надя человек не простой, что простодушие ее искусно наиграно и за ним скрываются сильная воля, решительность и железная расчетливость. Надя оказалась директором крупного продовольственного магазина и приехала, как она сама шутила, подлечить расшатавшиеся на напряженной работе нервы. Крайникову было не до шуток. «Белый мрамор — ценный материал», — решил он про себя и с этой минуты не отходил от Нади ни на шаг. Он играл свою роль с блеском, продуманно и точно, как азартный игрок, поставивший на крупную ставку. Надя принимала его ухаживания с искренней радостью, и через неделю при встрече с Женей у нее томно блестели глаза и кружилась голова... Крайников проводил ее домой, в Ленинград, а вскоре по возвращении в Москву занялся вопросом обмена жилплощади. Так они решили с Надей. Он часто внезапно вылетал в город на Неве — тоска по любимой — страшная вещь, — и однажды... Однажды он не вылетел, а выехал, и в пути его обокрали — вытащили из бумажника деньги. Пропажу Евгений Евгеньевич обнаружил перед самым прибытием поезда в Ленинград, когда в купе вошла проводница и попросила пассажиров расплатиться за чай. Евгений Евгеньевич внимательно посмотрел на попутчиков. Молодая пара, по всей вероятности муж с женой, была вне подозрений, а вот узкоплечий, с впалой грудью и длинными, по-крестьянски жилистыми руками мужчипа средних лет... Евгений Евгеньевич поймал его взгляд, притихший, настороженный, бросил бумажник на стол, демонстративно отвернулся и стал смотреть в окно — на проплывавшие мимо пакгаузы и пристанционные постройки. Мужчину, по-видимому, понял, что его вычислили, но, как говорится, даже бровью не повел — как сидел, так и остался сидеть, спокойно и равнодушно рассматривая свои желтые, выдавшие виды полуботинки. И это спокойствие и равнодушие поразило Евгения Евгеньевича.

— Зачем вы это сделали? — спросил он, когда молодые жены, простившись, вышли из купе.

— Я из лагеря, — мрачно ответил мужчина. — На все про все выдали четвертак, а добираться пять суток... Жрать хочется, выпить хочется... Вот и попутала нечистая сила. — Он вытащил из кармана четыре сотни, которые «позаимствовал» у Крайникова, и положил на стол. — Извините.

Евгений Евгеньевич спрятал бумажник в карман и, необычно смутившись, спросил:

— А почему вы все не забрали? У меня же шесть...
— И у ворья совесть есть. — Мужчина скупно улыбнулся.
— Вам этого не понять.
— Вы профессиональный вор?
— Я — «вор в законе». Слыхали про таких?
— Приходилось. Вас как зовут?
— Артист. — Мужчина впервые поднял на Крайникова глаза. — Простите, это кличка... Владимир Николаевич Юршов.

Говорят, что семя, брошенное в землю, должно в конце концов произрасти. Полуголодное существование в детстве, беспробудное пьянство отца, отсутствие элементарных жилищных условий, пожалуй, и было тем семенем, которое родило в душе Жени Крайникова зависть, тщеславие, желание любой ценой встать на ноги, жить, как все, а если возможно, то и лучше, чтобы не он завидовал, а ему — его связям, женщинам, дорогим картинам, которыми бы он украсил свой загородный дом, и это желание было настолько сильным, всемогущим и пожирающим все остальные чувства, что он уже не мог с ним бороться, он вступил с ним в тайный союз и теперь ждал только одного — момента, который бы помог осуществить задуманное. И вот этот момент настал...

Крайников пригласил Юршова в кафе, что находилось рядом с Московским вокзалом, и, хорошо угостив, предложил обстричь одно небольшое, как он выразился, дельце. Он дает своему напарнику ключи от квартиры, говорит, что забрать — жемчуг, золотые монеты царской чеканки, две сберегательные книжки на предъявителя, а сам ждет его в такси на противоположной стороне улицы. Затем они едут в аэропорт и первым же рейсом вылетают в Москву.

Юршов, подумав, согласился.

— Тогда за дело, — сказал Евгений Евгеньевич.

Они пошли в универмаг, где приобрели добротное, но на вид не очень броское темно-синее пальто, недорогой костюм, рубашку, галстук, полуботинки. «В этом обличье его родная мать не узнает», — подумал Евгений Евгеньевич, вручая Юршову саквояж.

— Идите переодевайтесь.

— Перчатки. Для работы мне нужны еще и перчатки, — сказал Юршов.

Евгений Евгеньевич купил перчатки.

Юршов переоделся в общественном туалете на Московском вокзале. Когда вышел и независимым шагом направился к стоянке такси, Евгений Евгеньевич удовлетворен-

но вздохнул: понял, душой поверил, что дело выгорит, что счастье наконец-то улыбнулось ему.

Так начиналось это необычное деловое сотрудничество.

— Вспомнили? — не выдержав столь длительного молчания, переспросил Красин.

— Вспомнил, — кивнул Евгений Евгеньевич. — Я ехал по делам, а Владимир Николаевич... Он только освободился... В Москве его не прописали, сказали: уматывай, иначе еще на годик отдыхать поедешь! А вору стыдно по такой статье садиться... Что делать? Вот вы... Что бы вы сделали на его месте?

— Обо мне в другой раз поговорим, — сказал Красин. — В данный момент меня Юршов интересует. Так что он предпринял? Обворовал вас?

— Покаялся. И я понял его, вошел в положение, помог...

— Чем?

— И с работой, и с пропиской.

— И в благодарность за это он стал служить вам верой и правдой.

— Не служить — помогать. Помогать следить за машиной — профилактика там или еще какой мелкий ремонт...

— Мелкий ремонт, значит... Ну, а кто вас с Грачом свел?

— Вы меня с кем-то путаете. — Крайников с трудом приподнялся. — Вы оскорбляете меня своими подозрениями! Все, что вы говорите, полнейшая чушь! Нелепица!

— Трудный вы человек, Евгений Евгеньевич. На что вы рассчитываете?

— На гласность и справедливость. Я верю в справедливость!

— Я тоже.

— Ваша справедливость заменена на лжи. Вам не удастся меня оклеветать! Времена не те, кончились ваши времена! Ясно?

— Ясно.

— И заверяю вас: в самом скором времени я буду на свободе. Все. Я больше не намерен отвечать на ваши дурацкие вопросы!

— Нахал! Крепкий нахал! — не выдержал Климов. — В машину его, товарищ майор?

— В машину, — кивнул Красин.

Швецов подъехал к месту встречи ровно в одиннадцать и среди редких прохожих, сновавших у метро, мгновенно выделил плотную фигуру Артиста. Они долго, пытливо и настороженно рассматривали друг друга, затем пошли навстречу...

— Это ты меня желал видеть? — спросил Артист.

— Я.

— Ты действительно такое сотворил?

— Да.

— Ну и дурак!

Швецов молчал, ожидая разъяснений, и дождался.

— Ты меня куска хлеба лишил, — сказал Артист.

— Я вам хлеб с маслом предлагаю. Согласны?

— Тебе цена — рубль с мелочью. Да и то в воскресный день. А Евгений Евгеньевич — голова. У него — связи! Там... — Артист ткнул пальцем в землю. — И там... — Палец уперся в небо.

— Значит, отказываетесь?

— Завтра мы решим, что с тобой делать, — помолчав, ответил Артист. — А сейчас — иди. Спокойной ночи.

— Это ваше последнее слово?

— Я два раза не говорю. — Артист выбросил сигарету, повернулся и пошел прочь.

XV

Скоков пил небольшими глоточками черный кофе, курил, жадно затягиваясь, и нетерпеливо поглядывал на молчащие телефонные аппараты. Сигарета, зажатая между средним и указательным пальцами, непрерывно гасла, и он, чертыхаясь, искал по карманам спички. Родин, который сидел напротив, в конце концов не выдержал и протянул ему зажигалку.

— Дарю, Семен Тимофеевич, — сказал он, улыбаясь. — «Ронсон». Лучшая фирма в мире.

— Спасибо, — сказал полковник, любясь изящными формами зажигалки. — Безделушка, а приятно.

— Если учесть, сколько коробков спичек, которые, как известно, делают из дерева, вы тратите за неделю, то это не только приятно, но и экономно.

— Сам додумался или кто подсказал?

— Крайников.

— Так это, значит, его подарок?

— Его.

— Умел жить мужик, — задумчиво проговорил Ско-

ков. — А сгорел... Как ты думаешь, Швецов заранее все вычислял или эта идея захвата власти возникла у него, так сказать, спонтанно?

— Не знаю. Мне ясно только одно: Швецов — не из шестерок. Крайников это не учел и поплатился.

— Коса на камень нашла?

Родин ответить не успел. Резко зазвонил один из телефонов, и полковник рывком снял трубку.

— Первый слушает.

— Первый, докладывает второй...

— Понял. Почему так долго не выходили на связь?

— Пивка пришлось попить, товарищ пол... — Говоривший осекся, но тут же исправил свою ошибку. — Кузин после встречи с Кириным заехал в пивной бар на Пушкинской, где встретился с Дворцовым. Дворцов передал ему пакет, хотел было уйти, но Кузин придержал его и целых полчаса что-то втолковывал. Видимо, неприятное. Дворцов аж красными пятнами пошел...

— Дальше, — не выдержал полковник.

— Затем Кузин выехал на Садовое, добрался до Каширки и свернул на кольцевое шоссе. Здесь встал, покопался в моторе, минут через пять к нему присоединились три «жигуленка» и «Волга» — двадцатьчетверка. В каждой машине по три человека, считая вместе с водителем. Сейчас они... Сворачивают на Рижское шоссе. Идут плотно. Скорость — сто десять.

— Хорошо, — кивнул полковник. — Передайте третьему номера машин, в какую сторону они двигаются. Об исполнении доложите.

— Есть!

Полковник положил трубку и нажал кнопку телефона, связывавшего его с Климовым.

— Костя, Кирина взяли?

— Взяли.

— Теперь берите Дворцова. Задание ясно?

— Предельно.

— Ну и отлично.

Полковник прикурил, чиркнув зажигалкой, и посмотрел на Родина, отмечавшего стрелками на карте Москвы маршрут, по которому следовал Кузин.

— К Стеблеву направились?

— К нему, товарищ полковник.

— Соедини меня с Красиным.

Красин в это время находился в квартире того самого летчика Воронова, из окна которого в день ограбления уни-

вермага якобы торчала винтовка с оптическим прицелом. Сейчас у окон, а их было три, и из всех трех отлично просматривалась площадь, действительно расположились снайперы — молодые ребята из группы захвата. Для маскировки полковник Скоков решил их приодеть, поэтому внешний вид ребят — стоптанные ботинки, латанные-перелатанные джинсы, неопределенного цвета рубашки, грязные, замусоленные халаты — вызывал крайнее недоумение — то ли душманы, против которых они совсем недавно воевали в Афганистане, то ли алкаши, подсобные рабочие винно-водочного магазина.

— Стрелять только в крайней необходимости, — инструктировал Красин. — И желательно в такие места, чтобы... Понятно?

— Сделаем, товарищ майор, — бубнил в ответ сержант Коктыбаев. — Видимость отличная, расстояние... Лева, — он кивнул в сторону своего товарища, расположившегося у соседнего окна, — с такого расстояния белку в глаз бьет.

— Ему про Фому, а он про Ерему, — рассердился Красин. — В ж... бей, а не в глаз! Мне, повторяю, покойники не нужны. Ясно?

— Ясно! — щелкнул каблуками Коктыбаев, забыв, что одет не по форме.

Красин не выдержал, расхохотался.

— И не вытягивайтесь. Вы — грузчик, а не сержант специального подразделения МВД.

Зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказал Красин, сняв трубку.

— Виктор Андреевич?

— Он самый.

— Скоков. Тебе передали номера машин?

— Да.

— Через сорок минут они будут у тебя.

— А Грач? Вышли на него?

— Вышли. Сегодня в двенадцать дня Юршов встретился с ним в пиццерии. Грач работает официантом. Через день.

— Понятно. Пиццерия — что-то вроде явочной квартиры, поэтому вчера Юршов просто физически не мог на него выйти.

— Именно.

— Ну, и что Грач?

— После ухода Юршова чуть не полчаса названивал из автомата своим ребятам — видимо, дал отбой.

— Ну и ладушки.

— Ладушки-то ладушки... Как быть с Юршовым?

— Берите. Он, по всей вероятности, к банде Грача никакого отношения не имеет.

— Я тоже так думаю. Ну... удачи тебе, Виктор Андреевич!

— Спасибо!

Красин быстро пересек площадь и вошел в здание универмага. Но к Стеблеву прорваться не смог — путь преградила секретарша.

— Нет! — грозно сказала она, заслонив грудью дверь. — Директор занят, принять не может!

— Он ждет меня. — Красин предъявил удостоверение. — А вы не волнуйтесь. Сядьте и занимайтесь своими делами. Понятно?

— Понятно, — чуть слышно пролепетала девица, отступая и опускаясь на стул.

Красин вошел в кабинет.

— Здравствуйте, Яков Григорьевич!

— Здравствуйте, — сказал Стеблев, успев смахнуть в средний ящик стола небольшой, серого цвета пакет. — Я же говорил вам, что...

— Хватит, Яков Григорьевич! Хватит лгать и изворачиваться! Да и времени у нас в обрез. — Красин взглянул на часы. — Через тридцать минут они будут здесь. Вы приготовили деньги?

Стеблев втиснул голову в плечи, развел руки и стал похож на затравленного собаками зайца.

— Боже, какой вы все-таки несговорчивый! — Красин выдвинул средний ящик стола, взял серого цвета пакет, отметив про себя, что не ошибся, — пакет был действительно из-под фотобумаги, — и вытряхнул из него новенькие пятидесятирублевые банкноты. — Сколько здесь?

— Две тысячи, — скомканным голосом ответил Стеблев.

Красин сел в кресло и, пометив деньги, вызвал секретаршу. Когда та вошла, попросил ее в этом удостовериться. Затем вручил пакет Стеблеву и сказал:

— Отдадите тому, кто за ними приедет. Где у вас встреча?

— У входа в универмаг.

— Затем вернетесь в свой кабинет и будете ждать меня. Договорились? И перестаньте дрожать. От вас псиной пахнет!

— Так, у Красина полный ажур. — Полковник Скоков отодвинул от себя чашечку с кофе, встал и подошел к карте.

— Ну и где эти подонки?

Родин ткнул карандашом в только что нарисованную стрелочку.

— Примерно в двадцати километрах.

— Значит, минут через десять начнется... — Полковник задумчиво помял подбородок. — У них пять машин, в каждой по три человека... Если все вооружены, то... Пятнадцать стволов! — воскликнул он, непроизвольно сжимая кулаки. — Как думаешь, не подведут ребята?

— Не должны, товарищ полковник. Они десантники. Каждый владеет приемами рукопашного боя — самбо, дзюдо, каратэ. Да и практики у них предостаточно — Афганистан за плечами. Так что...

— Не подведут?

— Не подведут, — улыбнулся Родин.

Скоков сел в кресло и протянул руку к одному из телефонов; но тот, словно ожидая этого момента, затрещал сам. Полковник от неожиданности вздрогнул и снял трубку.

— Первый слушает.

— Докладывает Пятый. Как слышите?

— Нормально.

— Швецов вышел из дома, сел в машину и поехал в сторону центра.

— Где он сейчас?

— Проскочил «Бауманскую», движется к «Электрозаводской».

«В гараж спешит, — подумал полковник. — На свидание с Крайниковым».

— Там его и берите.

— Где? — недоуменно переспросил Пятый.

— В гараже. Как только в подпол залезет, так и берите. Ясно?

— Ясно, — усмехнулся Пятый. — До связи.

— До связи.

Скоков бросил трубку и посмотрел на часы.

— Соединить с Красиным? — догадался Родин.

— Не надо, — сказал полковник, распечатывая новую пачку сигарет. — Ему, наверное, сейчас не до разговоров.

Кузин вышел из машины, внимательно осмотрелся и, не заметив ничего подозрительного, направился к универмагу. У отдела «Спортивные принадлежности», который находился почти напротив кабинета директора, задержался и попросил продавщицу показать кроссовки. Долго рассматривал их, мял, хотел примерить, но ему отказали.

— Почему? — возмутился Кузин.

— Не положено.

— Боитесь, что подметки отлетят?

— Советское — значит, отличное! — Продащица кинула на покупателя оценивающий взгляд и неожиданно звонко рассмеялась. — Заходите завтра. Может быть, итальянские выкинут.

— Спасибо, — сказал Кузин. Улыбнулся и заспешил к выходу, к дверям, в которые буквально минуту назад нырнул Стеблев.

— Здравствуйте, Яков Григорьевич!

— Здравствуйте.

— Как настроение?

— Паршивое! — обозлился Стеблев. — Почки болят и вообще... — Он вытащил из кармана пакет и передал его Кузину. — Пожалуйста.

— Спасибо, Яков Григорьевич. До встречи. А почки... Боржом пейте, говорят, помогает.

Кузин простился со Стеблевым и заторопился к машине. И вдруг... За многие годы занятий боксом Кузин привык мгновенно реагировать на малейшее движение противника на ринге, ибо это движение почти всегда заканчивалось атакой, которую необходимо было пресечь и подавить в самом зародыше. В дальнейшем эта привычка переросла и выкристаллизовалась в острую наблюдательность, обычно свойственную людям, чья карьера, а зачастую и жизнь, как, например, разведчика, зависит от природной сообразительности и быстроты реакции. Так вот, простившись со Стеблевым, Кузин вдруг заметил, что с противоположной стороны площади к его машине направляются двое грузчиков. Насторожили его не сами грузчики, одетые, как и все их коллеги из продовольственных магазинов, в грязные и замызганные рабочие халаты, а их лица, трезвые, свежие, спокойно-сосредоточенные, и походка, мягкая, скользящая, почти бесшумная походка солдат, отправляющихся на задание. Кузин моментально охватил площадь круговым движением глаз и увидел, что грузчики берут в кольцо и остальные его машины — три «жигуленка» и «Волгу». Он бросил короткий взгляд через плечо. И за ним следовал грузчик. На какую-то долю секунды их взгляды встретились, и по этому взгляду, лишённому каких-либо эмоций, Кузин понял, что имеет дело с профессионалом самой высокой пробы.

В следующее мгновение грузчик прыгнул, прыгнул мощно, без подготовки, выбросив вперед левую и приготовив для удара правую руку. Кузин ловко уклонился и сам поймал противника на удар — встречный в челюсть. Грузчик рух-

нул, словно у него подломились ноги. Кузин рванулся в сторону, молниеносным движением схватил за волосы проходившую мимо девушку и, приставив к ее горлу пистолет, заорал:

— Кто подойдет — пристрелю!

Старший группы захвата капитан Саранцев, страховавший своего бойца, в растерянности остановился, оценивая обстановку, повел глазами. Все остальные преступники были уже разоружены, сидели тихо, с недоумением поглядывая на изящные браслеты-наручники на своих запястьях.

— Неужели ты не понимаешь, что тебе крышка? — спросил капитан, нащупывая под халатом пистолет. — Брось оружие!

Кузин грязно выругался и, прикрываясь девушкой, как щитом, стал медленно отходить к машине, которая блокировала выезд на шоссе.

— Вылезай! — скомандовал он, направив на водителя пистолет. — Быстро!

Шофер молча перевел взгляд на капитана Саранцева. Тот мрачно усмехнулся и поднял согнутую в локте правую руку. Это был условный сигнал снайперам — «Внимание!». Шофер же принял этот сигнал на свой счет, неохотно вылез и отошел в сторонку.

— Дальше! — заорал на него Кузин. — Еще дальше!

— Да чего ты прицепился, чего тебе еще от него надо? — довольно дружелюбно проворчал капитан.

— Самолет! И без пересадки... До Стокгольма! Понял?

— А карету не хочешь?

— Будешь много разговаривать, я вашу комсомолку... — Кузин с силой тряхнул девчонку за волосы. — В расход пушу! Так и передай своим... идиотам!

В это время грохнул выстрел. Вскрикнув, Кузин выронил пистолет и с удивлением посмотрел на свою беспомощно повисшую правую руку. Пуля снайпера, стрелявшего из окна квартиры летчика Воронова, угодила точно в запястье.

Сумеет ли брат с честью выйти из создавшегося положения, помочь в беде любимому человеку, проявить себя, как настоящий мужчина? — думал Родик, шагая по бульварам домой. — Алена, конечно, славная девчонка, сумеет понять, что к чему, сумеет пережить свалившееся на нее горе, — горе, как бы велико оно ни было, пережить можно, — но куда деться от долгих настороженных взглядов в спину, слетев, пересудов за углом, а порой и откровенного

презрения? Куда? От злых языков не убежишь. И вот здесь-то человек и ломается — уходит в себя, рвет отношения с окружающими, привычным укладом жизни, отгораживается от всего мира глухим забором отчужденности и недоброжелательства. В этот момент ему необходимо протянуть руку, подставить плечо, найти слова, которые вернули бы его к жизни. Нашел ли брат такие слова?

Родин бесшумно открыл дверь, заглянул в комнату. Вся семья — в сборе. А по правую руку от Славки сидит... Алена. Тихая, задумчивая, немножко отрешенная. «Ничего, это со временем пройдет. Главное, что они вместе».

— Здравствуйте, — сказал Родин. — Для меня местечко найдется?

— Место всем найдется, — сурово сказал отец, но глаза его заискрились радостью. — Садись!

Родин сел, придвинул тарелку и облегченно вздохнул. Впервые за много недель — свободный вечер. Он может идти куда угодно — в кино, в театр, на свидание. А может и посидеть дома, посмотреть телевизор. Натруженный мозг будет отдыхать, а не рыскать в поисках выхода из темных лабиринтов неизвестности... «Как хорошо все-таки дома!» Родин посмотрел на родителей, брата, Алену и невольно улыбнулся.

ПОДСНЕЖНИКИ И ЭДЕЛЬВЕЙСЫ

Приключенческая повесть

1

По узкой, извилистой прибрежной дороге — справа теплое море, слева покрытые пышной зеленью горы — я ехал в кузове полуторки среди перебинтованных рук, ног. Когда машина тормозила, шлейф пыли окутывал нас, покрывал, словно пеплом, лицо, одежду. Но я боялся двинуться, чтобы не причинить боль раненым бойцам.

Только один, рыженький, щуплый, совсем юный солдатик, был вооружен. Он сидел, привалившись к борту, вытянув перед собою забинтованную ногу, и поводил автоматом по зеленым склонам. Он как-то особенно напрягался, когда мы пересекали устья ущелий, уходящих к дальним лысым горам и к покрытым вечными снегами далеким вершинам.

— Ты куда все целишься? — спросил я его. — Кабана подстрелить мечтаешь, что ли?

— Охраняю жизнь — твою, ихнюю, свою...

— От кого, дорогой, от них, что ли? — кивнул я на беженцев, которых то и дело обгонял грузовик.

По краю дороги двигались повозки с домашним скарбом, запряженные изголодавшимися коровами, ишаками. Малые дети сидели поверх тюков. Ребята постарше, женщины подталкивали на подъемах тележки.

— А вдруг фриц выскочит? — серьезно сказал солдатик.

— Откуда, дорогой? Мы от фронта уже километров шестьдесят отмахали.

— Оттуда и выскочит. — Он кивнул на горы. — Ребята бают: фриц на перевалы сел. А вниз катиться — не вверх ползти.

— Слушай, политрук, — поднял забинтованную голову другой раненый, — выходит, большую промашку наши командиры дали?

Автоматчик зло подхватил:

— До Рицы на ЗИСах катали, вот и решили, что выше дороги нет.

— А фрицам на што дорога? У них альпинистов навалом. Пушки и минометы на мулах, выюками... Они по этим горам все равно что по проспекту...

— Вы, товарищи бойцы, панику среди раненых не сейте, — сказал я строго.

— А я не сею, — отозвался рыженький, — я автоматом слежу. Вдруг фриц просочится. Может, хоть одного срезать успею.

— Робеешь... — заметил я.

— И робею... До фронта не дотопал — под «юнкерса» попал. Куда мне теперь на одной ноге скакать? В море, что ли? Там рыба-камбале по-пластунски ползать сподручнее, не мне... Понимаешь, дуриком помирать неохота.

— А кому охота? — снова приподнял забинтованную голову его товарищ. И, помолчав некоторое время, спросил у меня: — А ты, товарищ политрук, откуда ножки свои целые везешь?

Я промолчал. Не объяснять же случайным попутчикам, что меня недавно... выгнали с передовой. Хотя в тот рассветный час трудно было определить, где передовая.

Ровно неделю назад я приехал в энский полк, чтобы написать в газету о подвиге сержанта Митрохина, уничтожившего со своим расчетом четыре танка противника. Думал пробыть в части полдня, не больше. Но... вот и Митрохина уже нет, и всего расчета, и орудия. Мы потеряли связь с соседом справа и с соседом слева. Нас зажали в клещи, которые вот-вот могли сомкнуться за спиной. Но приказа об отходе не было. Полк дрался, истекал кровью, таял, но держался за вершинку, обозначенную на карте как высота 1317. Полк вел бой, как говорилось в сводках, «на туапсинском направлении». И я собрался разделить его судьбу до конца.

Солнце поднималось в утренней полумгле. В это время педанты-фрицы не стреляли даже из винтовок. Пили кофий. Я посмотрел на часы: 5.10. Еще двадцать минут тишины, а потом снова начнется... В этот момент по цепочке передали:

— Политрука к командиру полка!

Чернявый и, несмотря на голодуху и непрерывные изматывающие бои, круглолицый майор сидел на камне, разглядывал планшетку с картой. Пригласил жестом присесть рядом. Переложил планшетку мне на колени, ткнул пальцем в извилистую ниточку дороги, над которой красными скобочками были обозначены наши позиции.

— Запомни этот квадрат и эту высоту. Вот здесь мы сегодня... ляжем. — Потом положил поверх планшетки стопку треугольничков. — Это письма родным. Отправишь. А это донесение в штаб дивизии. В случае встречи с противником — уничтожить. Если фрицы до полудня перехватят вот эту высотку, не прорвешься. Отправляйся немедленно.

— Я останусь с вами.

— Приказываю покинуть расположение части!

Я не двинулся с места. Тогда майор вскочил и, нервно сдергивая ремешок с кобуры пистолета, заорал:

— Вста-а-ть!

Он размахивал дулом перед моим носом:

— У меня пуля считанная! Сва-аю влеплю! Напра-аво! Марш из части!

Ошарашенный, униженный, я подчинился приказу. Но тут же услышал тяжелое топанье.

— Притормози, политрук...

В руке у майора все еще была его «пушка», в глазах еще не остыл сумасшедший блеск. Но голос был глухой, словно осипший после истерического крика:

— Не серчай, политрук... Негоже так прощаться... Ну, руку...

Я пожал запястье правой руки.

— Понимаю, трудно уходить, когда... И мне каждый штык сегодня дорог, — продолжал майор. — Но ты боец аховый, больше карандашом мастер работать... Ты уж напиши по-честному, как ребята мои дрались. — И вновь перешел на официальный тон: — Устно в штабе добавишь: полк продержится до вечера... если кто останется. Ну а теперь прощай. Там, в лопатке, кобыла. Седлай, включай скорость.

...И вот, уже давно сдав документы, «лошадиную силу», трясусь я в полуторке, набитой ранеными, по прибрежной дороге: справа море, слева зеленые горы. Бойцы молчат, видимо обиженные, что я не пожелал им отвечать, а может быть, просто боль и усталость сморили.

Мы въехали в курортный город. Замелькали таблички с названиями знакомых с довоенных времен домов отдыха и санаториев, фанерные стрелы с какими-то военными обозначениями. Наконец грузовик остановился у приморского дома отдыха, превращенного в один из бесчисленных госпиталей. Из кабины вылез водитель:

— Пришли-приехали, товарищ политрук!

Я соскочил на асфальт, кое-как стряхнул пыль и пошагал, размышляя о том, на каких перекладных мне двигаться дальше, в редакцию...

В ту осень цветы цвели буйно, как никогда. Неужоженные, казалось, никому не нужные, они разрослись, пошли в атаку на каждый свободный клочок земли, словно хотели скрыть от человеческих глаз раны, нанесенные бомбежками, стереть с лица земли саму память о войне. Огромный куст хризантем спрятал в своей зелени поверженные наземь перекрытия еще недавно уютного, бело-голубого домика. Мой взгляд скользнул дальше и остановился на плакате: матрос, сжимающий в руке винтовку, а внизу надпись: «Отстоим Кавказ!» Фигура плакатного матроса, десятки раз повторенного на скособооченном заборе, то и дело заслонялась силуэтами людей, идущих по узкой улице южного города. Как были они непохожи в своих новеньких, необношенных гимнастерках на обожженных, измученных, тех, кого я оставил на высоте 1317...

Я повернул за угол и оказался на набережной. Она была пуста, лишь на парапете сидела тоненькая девушка с длинными косами в темной, вдовьей одежде. Разложив на коленях аккуратный платочек, вышитый цветочками, девушка жевала лаваш с сыром, время от времени растирала кулачком слезы. Скорее не она даже, а этот лаваш поразил сначала мое воображение — настоящий домашний хлеб, который пекут только у нас, в Армении. Я не пробовал его с июня сорок первого.

Девушка, почти девочка, подняла лицо, окинула испуганным взглядом мою серую физиономию, запыленную гимнастерку с черным от копоти подворотничком, галифе — одно колено заштопано на живую нитку, стоптанные сапоги и вдруг оторвала от лепешки лаваша кусок, протянула мне. Не в силах отказаться, я впился в лаваш зубами. Она наблюдала, как я жую, горестным, взрослым, материнским взглядом. Но стоило мне наклониться, спросить, что она тут делает одна, как девочка сразу замкнулась, отвернула от меня прозрачное личико. Я взял ее за руку...

— От своих отстала, да?

Она сердито выдернула руку, быстренько завязала узелок, отодвинулась.

— Тебе помочь? Чем? — настойчиво продолжал я. — Хочешь, в эшелон попытаюсь устроить, до самого Еревана?

Не отвечая, она бочком, бочком тихонько отходила от меня, потом побежала.

Девушка совсем было затерялась среди людей, безмолвно стоявших у черной граммофонной трубы радиоточки. Люди слушали сводку с фронта: «В течение 15 октября наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда, северо-восточнее Туапсе и юго-восточнее Нальчика. На других фронтах никаких изменений не произошло...»

Я слушал, думал о «своем» полке, который дрался там, северо-восточнее Туапсе, и, не зная почему, следил за тоненькой фигуркой девушки, которая, робко постояв у ворот какого-то дома, вдруг решилась, шагнула во двор.

«...В заводской части Сталинграда, — продолжал диктор, — немцы силою до полка пехоты несколько раз атаковали наши позиции. Все атаки противника отбиты...»

Ох, как неладно получилось с этой девочкой: чего она испугалась, почему убежала? Я ведь ото всей души, а она... Из-за забора, куда она скрылась, раздался громкий, многоголосый хохот. А вдруг ее кто там обижает? И я пошел вслед за нею.

По всему, это был школьный двор. Самоделный, скрученный из тряпок мяч плюхнулся рядом со мной. Я машинально отфутболил его и охнул, схватившись за ушибленную ногу. Кирпич они в тряпку завернули, что ли? Мяч подхватил кто-то из стриженных новобранцев и самозабвенно погнался, едва не натыкаясь на товарищей, блаженно дремавших на солнышке.

Не обращая ни на кого внимания, солдат-армянин, гонимый всем этим вчерашним школьникам в отцы, что-то строгал из куска дерева.

— Здравствуйте, — сказал я ему и смутился, когда этот пожилой человек отложил работу и вскочил, пытаясь встать по стойке «смирно». — Да вы сидите, сидите... Издалека, земляк?

— Все мы тут земляки, — пожилой солдат вновь уселся, — видишь, форму дали, чтобы все одинаковые были... Сижу и думаю: зачем мы сыновей растили?

— Ты ж говорил, что у тебя дочка, — вмешался лежавший рядом сухощавый, остроносый солдат.

Ничего не ответив, пожилой солдат снова углубился в работу.

— Что режешь, отец? — полубопытствовал я.

— Ложку.

— Зачем?

— Чем кашу есть будешь?

— Вам же дадут.

— Дадут... — проворчал солдат. — Винтовку мне дадут, а ложка у человека своя должна быть, как и голова. — Он полюбовался своим изделием. — Бери, командир, на память.

— Спасибо, отец. Сюда девушка только что забежала, не видел?

— Это Ануш... Бедная девочка... Глупый Левон... Это ее брат. Последний мужчина в семье. Девочка за ним едет. От самого Ахтала едет. За братом едет. А он стыдится, гонит ее...

— И прада, еще б мамку привез — портки стирать, — встрял в разговор остроносый солдат.

— Ты, Федулов, глупый человек. Недобрый человек.

— А ты больно добрый, Ашот. Добреньким на войне делать нечего!

— Много ты знаешь про войну...

В воротах появился приземистый старшина с большим кульком из газеты в руках:

— Ка-анчай перекур! Третий взвод, ко мне, построения не нада-а...

Нехотя, еще пивая тряпичный мяч, подтягивались к нему молодые бойцы.

Тут я увидел Ануш. Она шла, словно привязанная, за долговязым худым пареньком, который то и дело бросал ей через плечо какие-то резкие слова.

Плотное людское кольцо окружило старшину.

— Внимание, товарищи бойцы! — заорал он и вытащил из кулька пластмассовый патрончик. — Всем смотреть сюда!

Парни оживились:

— Гляди, какая-то хреновина...

— В винтовку, точно, не влезет...

— Дай, старшина, мне парочку, не жмись...

Старшина был обескуражен весельем, не соответствующим серьезности момента.

— Разговорчики, а то всех поставлю по стойке «смирно»! — ткнул ближайшего к нему бойца этим патрончиком в живот. — Товарищи красноармейцы, внимание! Сейчас вам будут розданы медальоны для ношения на шее. Для этого к каждому медальону приделан мотузок. С этого момента он должен быть постоянно на вас и днем и ночью. Даже когда нагишом пойдете в баню, не снимать. В медальон каждый должен вложить от такой шматок бумаги с личным номером. Дополнительно можете поместить туда адреса родных.

— Зачем адрес? — недоуменно спросила Ануш брата.

— Затем! — отрезал Федулов. — Чтобы ясно было, куда похоронку слать.

— Какую похоронку? — еле слышно спросила Ануш.

— Бумажную, по установленной форме: «Ваш брат Левка, дорогая девушка, пал смертью храбрых».

— Федулов! — громко зашипел Ашот.

Но Ануш уже никого не слушала. С криком вцепилась в худые плечи брата, прижалась к его спине.

— Разговорчики! — прикрикнул было старшина и растерянно остановился перед пылающим от стыда Левоном:

— Чего она? Говорит чего?

— Два брата, говорит, под Москвой пропали, — тихо перевел Ашот. — Левон последний... Говорит, что за нами в горы пойдет...

— Смирно! — прикрикнул на девушку старшина, но она даже головы не подняла. — Да с твоим братом, может, и ничего не случится! — Старшина в поисках поддержки пошарил взглядом вокруг, увидел меня. — Его вот спроси. Человек, видать, с самого фронта пришел. Живой!

Ануш продолжала плакать. И тогда мне в голову пришла странная мысль. Я взял в ладони ее лицо, повернул к себе:

— Слушай, ты стихи такие знаешь? — И произнес по-армянски четверостишие, включенное в школьную хрестоматию. — Учила в школе? Так это я написал.

Девушка смотрела на меня с недоумением, не веря. Тогда я вытащил из полевой сумки журнал, где были напечатаны мои стихи и фотография.

— Вот видишь, стихи Арама Петросяна. А это я. Похож?

Она отрицательно замотала головой. И правда, в запяленном политруке трудно было признать того пижона при галстук.

— В штатском, оттого и непохож, — поддержал меня Ашот. — Ты слушай его, Ануш, это уважаемый человек.

— Факт, Пушкин, — съехидничал Федулов.

— Так вот, говорю тебе точно, вернется брат. Вернется, — продолжал я, почему-то очень веря в свои слова.

В это время по двору разнеслась команда:

— В колонну по четыре, повзводно!..

И вот недружно затопали сапоги. Кто-то запел строевую песню, бойцы подхватили припев.

— Вы с ними? — с надеждой спросила меня Ануш.

Я промолчал. И тогда она бросилась за колонной, за братом. А я смотрел вслед, понимая, что помочь ничем не могу.

2

Лишь через два месяца я вновь очутился в этом городе. Командировки носили нас, газетчиков, по всей огромной дуге Закавказского фронта, левый фланг которого обозначал скелет железнодорожного вагона над цементными заводами Новороссийска, а правый терялся в веренице постов где-то в калмыцких степях, промороженных, продуваемых насквозь метелями. Трудно на таком фронте дважды очутиться в одном и том же месте, но вот случилось.

Я подошел к симпатичной регулировщице, ловко управлявшей движением транспорта. Показал документы, спросил несколько витиевато:

— Я бы просил дать азимут до штаба.

Девушка хмыкнула, сделала четкий поворот направо и указала взглядом, чтобы неосторожным движением руки не внести путаницу в движение грузовиков и подвод.

— Шагайте, товарищ старший лейтенант, до той развалюхи, потом поворот на девяносто в проулочек, там сразу и разберетесь.

«Той развалюхой» был уже знакомый мне домик, разбитый бомбой. Куст хризантем перед ним поник, пожух под первыми декабрьскими заморозками, безжалостно открыв взору приспособленную для жилья землянку. Из трубы валил дым.

Я прошел еще немного до школьного двора, где последний раз видел ту девушку, Ануш, ее брата Левона, пожилого Ашота, этого язву Федулова. Где они сейчас? Живы ли вообще? Месяц в военное время — срок огромный. Может жизнь подарить. Может отнять...

Заглянул в знакомые ворота. Школа стала госпиталем. По двору прохаживались выздоравливающие, бегали сестрички в белых халатах. Вот, сгибаясь под тяжестью тюков с бельем, мимо меня прошла тоненькая девушка. Остановилась передохнуть. И я узнал Ануш. Мы бросились друг к другу, словно давно ждали этой встречи.

— Вы с фронта? — Она увидела мою новую шинель, начищенные сапоги и смикла. — Нет, вы не оттуда...

— А ты что здесь делаешь? Почему не уехала домой?

— Левона жду. Он вернется, станет меня искать, а я тут, в госпитале.

— А ты знаешь, где сейчас брат?

— Там, — кивнула она в сторону гор, — на фронте. Ведь правда, его не могут убить? Его могут только ранить. Тогда сюда привезут. А здесь я. Лечить его буду...

— Слушай, Ануш, я сейчас спешу, но через час вернусь. Через час на этом месте, хорошо?..

Штаб я нашел быстро: по проводам, подвешенным прямо на ветки деревьев, по нескольким потрепанным эмкам, по коновязи, возле которой понуро жевали овес оседланные кони, по обилию командиров, спующих туда-сюда в распахнутые двери. Я тоже вошел.

Внутри штаб имел вид обжитой. словно в довоенные времена, на стенах в деревянных рамках развешаны разные памятки, боевые листки и — приметы времени — портреты великих русских полководцев, начиная от Александра Невского. По коридорам расставлены стулья и кресла.

На дверях даже таблички под стеклом, напечатанные в типографии. Я толкнул ручку двери с табличкой «Начальник политотдела полковник...». Дверь неожиданно легко распахнулась.

— Разрешите войти?

— погоди момент, — буркнул полковник кому-то в трубку. — Уже вошли, — ответил мне.

— Вот документы.

— А, газета! Пе-тро-сян? Читал вас, читал. Присягайтесь, а я в момент закончу... — И в телефон: — Так вот, объясни им, пусть вяжут из чего угодно — из овечьей, ишачьей, собачьей шерсти, пусть, в конце концов, кофты распустят на нитки и вяжут. Объясни им по-человечески, почему надо быстро и много. Что? Вареники трехпалые, пски, ну, эти еще... памордники... А как их еще назовешь, на-личники, что ли?

Я старался не смотреть слишком пристально на лицо полковника, потому что оно представляло довольно грустное зрелище: щеки, нос посинелись от густого слоя вазелина, под которым чернели следы то ли ожогов, то ли обморожения. Разглядывал кабинетик: этажерка, стол и продавленный диван. Над диваном большая карта Кавказа, утыканная флажками с цифирками и буквами на них.

— ...Ничего, поймут. Три щелки — одна для рта, две для глаз! — Полковник продолжал кричать в трубку: — Сколько штук? Сколько рук хватит! Все! — И повернулся ко мне: — Теперь слушаю вас.

Я кратко изложил суть редакционного задания.

— Ну, это мы вам быстро организуем, — оживился полковник. — Последние данные узнаете в оперативном отделе. Вот политдонесения последней недели. Общая ситуация... — Он поднялся из-за стола, подошел к дивану, оперся коленом о сиденье, провел ладонью по Главному Кавказскому хребту. — Вот общая ситуация. Держимся. С наклоном в сторону моря. Держим южный фланг советско-германского фронта, тылы Новороссийска и Туапсе. Сталинграду помогаем. Боевые эпизоды здесь, — он снова похлопал по папке с политдонесениями.

— Я их изучу, но, с вашего разрешения, на обратном пути. Сначала на перевал надо сходить.

— Вы представляете, что значит «сходить»?

— В общих чертах.

— Вы принимаете здравые советы? — Полковник подошел к окну. — Пройдите двести метров. За углом — госпиталь. Там о таких конкретных случаях узнаете, что... ни в какой газете не напишете.

— И этим советом воспользуюсь... на обратном пути.

Полковник понял, что отговаривать бесполезно:

— На какой срок вы рассчитываете?

— За меня редактор рассчитал. Должен в неделю уложиться.

— Гм... Я тоже думал в неделю уложиться. Буран заставил подзадержаться. Вот, на лице, так сказать, отметка о продлении командировки. Коли вы так упрямы, можете пройти по моим следам. Комполка там крепкий — майор Орлов. Я ему записку черкну... Вы намерены идти в этой шинельке на рыбьем меху и в пилоточке?

— Что вы, у меня в вещмешке ушанка, свитер, теплые носки.

— Богато... — Полковник быстро набросал на блокнотных листках две записки. — Эту передадите Орлову. А эту — интенданту. Берите все, что даст, и даже больше. Экипируйтесь. Там вас найдет инструктор политотдела. Сведет в копно-шпачную роту. Она сегодня со снаряжением идет к Орлову...

Через час с небольшим я снова шел мимо госпитального двора. Ануш стояла у ворот в накинутом на плечи платке. Холодный ветер с моря пронизывал насквозь. Она не узнала меня в новой зимней одежде. Я сам окликнул ее, и озябшее личико Ануш засветилось радостью.

— Какой вы! — восхитилась она новой одеждой, потрогала рукав полушубка.

— Красивый? — усмехнулся я.

— Красивый, — ответила она серьезно.

Инструктор политотдела деликатно отвернулся.

— Ухожу, Ануш.

— Возьмите, это лаваш, сама испекла. Вы же любите.

А это Левону, — она протянула узелок, завязанный в знакомый мне платочек.

Инструктор политотдела кашлянул: пора, мол.

— Ну, прощай, Ануш, будь умницей, — протянул я ей руку.

Но девушка рванулась ко мне, прижалась щекой к полушубку:

— Теперь я и за вас бояться буду. Вы только скорее возвращайтесь, ладно? А Левону скажите — я жду. Я даже на санинструктора выучилась.

Я шагал по улице и думал о милой, наивной девочке, которая считает, что в этом военном аду я обязательно должен встретить ее брата. Узелок нелепо болтался в моей руке, и я сунул его в рюкзак. Перед поворотом, у домика-развалюхи, я обернулся: тоненькая фигурка все еще неподвижно стояла на ветру.

3

Полк расположился в небольшой долине, стиснутой отрогами хребта, заросшими могучими деревьями. Где-то неподалеку шумела незамерзающая горная река. Под заснеженными ветвями елей ютились белые конусы палашей из жердей и прутьев, покрытые широколистым лопухом.

Приход каравана с вооружением, продовольствием, видно, был праздником для всех. Под командой интенданта бойцы быстро и слаженно разгружали ишаков и лошадей. Ящики, мешки, тюки передавались по цепочке, исчезали в распахнутом зеве какой-то землянки. Но больше всего народу собралось возле мешка с почтой.

— Айн момент! Тихо! Артемов!

— В заставу ушел, давай сюда, передам. — Письмо пошло по рукам.

— Ваганов Анатолий Мефодиевич! — Никто не отозвался. — Ваганов!

— Нема больше Ваганова...

— Ткаченко!

— Тутечки я.

— Сидоренко! Сидоренко Петр Ефимович! Тьфу, черт, це ж мое. Заморочили голову, хлопцы, — захохотал старшина. — Теперь Абдурахманов!

Я побрел прочь в поисках штаба. На меня никто не обращал внимания, и я шел через лагерь, как через чужую, неведомую мне жизнь. Кое-кто из бойцов уже читал свои треугольнички. Другой, кому ждать, как видно, было нечего, демонстративно отвернувшись, хлебал чай из кружки. На пенечке притулился раненый красноармеец и, обняв могучей хваткой баян, опухшими, непослушными пальцами пытался выжать из него какую-то мелодию.

У крайнего, прямо над речкой стоявшего шалаша горел костер. Я проходил мимо него, когда совсем рядом раздалось шипение, как от летящей мины. Не раздумывая, бросился плашмя в снег. Рядом мелькнули голые ноги. Кто-то пронесся мимо меня и нырнул в сугроб. Взрыва не последовало, и я, подняв голову, с изумлением увидел, как голый человек кувыркался в снегу, радостно покрякивая. Затем с довольным воплем он вновь промчался в шалаш, из щелей которого струился пар.

Я со стыдом понял, что спаниковал. Дай бог, чтобы никто не заметил. И тут же увидел, что рядом со мною стоит — в сапогах прямо на подштанники, в бязевой рубахе с тесемками, с лопатой в руках — остроносый усмехающийся Федулов.

— Ты глянь, товарищ Нушкин! — признал он меня.

— Федулов, елки-моталки, поддай пару! — донеслось из шалаша.

— Счас! — то ли мне, то ли тому, другому, крикнул солдат и, поддев лопатой из костра раскаленный камень, шуганул его в шалаш. Оттуда снова раздалось шипение. Донесся довольный вопль.

— Будя, Федулов, а то шкура сползет!

И снова знакомый мне солдат появился из шалаша с лопатой наперевес.

— А где твой взвод, где Левон, Ашот?

— Где надо, там и есть, докладать без разрешения не имею права.

— А ты что, не с ними?

— При бани. Вшу морю.

— С кем ты там, Федулов? — раздалось из шалаша.

— Тут до вас, товарищ майор, политрук снизу пришли. Из верхнего штабу.

— Пусть подождет. А ты наподдай еще!

Наконец из самодельной бани вышел майор, покрасневший, довольный. Я собрался было представиться по всей форме, но он первый признал меня:

— Ты, политрук? Значит, выскочил, жив!

Теперь и я узнал того сумасшедшего майора, что в рас-светный час на высоте 1317 размахивал перед моим лицом пистолетом. В душе поднялась былая обида, и я сказал официально, сухо:

— Старший политрук Петросян. Прибыл из газеты фронта.

А он словно и не заметил моего тона.

— Ну вот, слава тебе господи, и встретились. Пошла, политрук.

Штабная землянка была, словно сакля, наполовину вре-зана в скалу. Узкое окошко едва пропускало тусклый свет. У стены, на нарах, кто-то храпел под грудой шинелей.

Майор сидел напротив меня потускневший, посеревший, тяжело положив руки на грубо оструганные доски стола.

Он рассказывал:

— Сменил нас тогда полк НКВД. Не мы — они там все полегли. А мой полк, черт... ключья от полка — тридцать шесть штыков, два «максима» и четыре ПТР — направили в Сухуми. Влили в восьмьсот десятый полк в качестве роты неполного состава — и сюда. А знаешь, я с того дня те два патрона, последние, в кармане ношу. Вроде амулета. Вот, возьми один. Это тот, что в тебя грозил влечь...

Майор налил мне в кружку кипятка, придвинул сухари.

— Заправляйся, старший лейтенант. У нас тут сухари-ки-сударики слаще пирогов с грибами, на счет идут. И ра-зуйся, ноги вытяни. Небось гудят ноги-то с дороги?

Это было верхом блаженства: греть озябшие руки о ме-талл кружки, впервые за несколько дней пути расслабить-ся, растегнуть полшубок. Слова майора проплывали буд-то вдалеке, доходили до меня слабым отзвуком. И все же я постарался собраться.

— Я бы хотел, товарищ майор, для начала сориентиро-ваться. Общую, так сказать, картину...

— Ну, картина тут получается, я бы сказал, хренова-тая. — Майор отодвинул свою кружку, вскочил, прошелся по тесной сакле. — Не больно красивая картина. Фрицы си-дят на перевалах. А мы растянули батальоны пониже их, вдоль хребта. И сидим. Тут они, тут мы.

— Как говорят, на Шипке все спокойно, — пробормо-тал я.

— Какая там, к черту, Шипка, какое там спокойно! — разсзился Орлов. — Это говорится только, что сидим — и ни с места. Да фрицы сейчас, после того как их двинули под Сталинградом, совсем озверели. Жалят. Сегодня здесь, завт-ра — черт его знает, в каком еще месте... Лазейку к морю

все ищут. Пляж-то невооруженным глазом видят. Обидно им небось.

— А нам не обидно? — Из-под шинелей на нарах вынырнула кудлатая голова. — Нам, спрашиваю, не обидно?

— Обидно, — согласился майор, — еще как обидно.

Проснувшийся оказался совсем молоденьким лейтенантом. Он уселся на нарах и, оживленно жестикулируя, продолжал:

— Они же на перевалах как фонбароны расположились, со спальными мешками, с керосиновыми печками. Клозеты себе понастроили. Одно слово — «эдельвейсы», элита, горные стрелки. А мои ребята мягче камня подушки третий месяц не видят... Сугроб — одеяло. «Подснежники»...

— Ну, ну, притихни, — шикнул на него майор и повернулся ко мне. — Не думай, что он расхныкался. Гаевой у нас парень — орел. Прямо для твоей газеты. Хотя, что и говорить, обмундирование у «эдельвейсов» действительно классное. И каждый — альпинист. А у нас мальчишки-курсанты, горы впервой увидели многие. Альпинистов, считай, шиш, на ходу учим...

Голос его все отдалялся от меня, затухал, как в тумане.

— Э-э, да ты сиинь, политрук, — встряхнул меня за плечо Орлов. — Ясное дело, умаялся... А ну, Гаевой, освободи место гостю, пусть покемарит малость. А тебе уж собираться пора.

Высокий, стройный лейтенант вскочил с нар, смачно потянулся. Это было последнее, что я видел, прежде чем провалился в мягкий, теплый сон.

Проснулся я от шороха тихих голосов. Над расстеленной на столе картой склонилось несколько незнакомых мне людей. Майор сразу уловил мое движение.

— Лихо спишь, корреспондент, — засмеялся он, — эдак все интересное проспять можно. Тебя тут Гаевой ждал, в разведку с собой взять хотел. Будить пожалел.

— Где он? — вскинулся я.

— Полчаса как ушел. Да не горюй, еще не вечер, будет тебе работа. Тут ребята «языка» приволокли. Дохлый, правда, «язык», подмороженный, но ничего, скоро очухается. Погоди несколько минут, пройдем, посмотрим. — И он снова уткнулся в свою карту.

Я вышел из штаба и зажмурился от сияющей белизны снега. Спустился к горной речке, плеснул водой в лицо — она обожгла, взбодрила. Чуть левее щуплый человек тащил

от реки ведра с водой. Это был Федулов. Я в несколько прыжков догнал его:

— Стой! Тот мальчик, Левон, живой? Он здесь?

— А что ему сделается? Живой, — потирая озябшие руки, хмуро ответил Федулов.

— Проводи к нему. У меня... дело есть.

— Ушел он. В разведку. К перевалу.

— Когда ушел?

— А сейчас и ушел. Весь взвод товарища лейтенанта Гаевого ушел.

— А ты почему не с ними?

— Я при бане, — огрызнулся Федулов и подхватил свои ведра.

В штабной землянке майор явно ждал меня, разглядывая какой-то яркий журнальчик.

— Везет тебе, Петросян, — весело сказал он, — глянь, какая наглядная агитация у этого дохлика «языка» нашлась. — Он пролистнул несколько страниц. — Это карта Баку. Видишь, линейкой отчеркнуто. Отсюда ветераны возвращаются в фатерланд, домой то есть. Так сказать, предел мечтаний. Вот это все, синим закрашенное, собственность германского рейха. А что красное — земля акционерного общества «Немецкая нефть на Кавказе». Красиво назвали: «Фриц унд Гретхен акционер-гезельшафт».

— А Гретхен при чем?

— Э-а, не скажи... Гретхен у них баба хозяйственная. Ей что детская кофтенка, что бакинская нефть — все сгодится. Ну что, интересно?

— Интересно, — согласился я. — Товарищ майор, а можно их догнать?

— Кого это?

— Да взвод Гаевого.

— Так они ж час как ушли. А в горах без привычки сам знаешь...

— Я до войны альпинистом был.

— Что ж молчал? Альпинист им ох как сгодился бы. — Но майор тут же пригасил пыл: — Нет, не пущу. Сгинешь, а мне потом отвечай. Не положено человека одного в горы пускать.

— Зачем одного, сопровождающего дайте. Вон Федулов, тот, что при бане, он же из взвода Гаевого. Вместе догоним.

Это мое предложение почему-то развеселило сидевшего у стола незнакомого мне капитана, начальника штаба.

— Ну, попал, политрук, в яблочко! Ну, писатель, зна-

ток человек! Отдай ему Федулова, Виктор, а то рассоба-
чился, стервец, при бане. Морду отъел. Небось сколько пат-
ропов в обойме — забыл. Политрук — горный человек. На-
шу пехоту догонит.

— Ладно, убедили. Только так договоримся: в пекло не
лезть. Дойдешь с ним до заставы, где взвод Размадзе сейчас
на вахте. Подождешь там, пока Гаевой из разведки вернет-
ся. Иначе не пушу.

Поднялся, выглянул из землянки!

— Федулов, ко мне!

Федулов тут же явился, полный рвения.

— Растоплять по повой? — Глянул понимающе в мою
сторону, мол, ясно, кому легкого пару захотелось.

— Рубаху чистую надел? — поинтересовался Орлов.

— Так точно, товарищ майор.

— Ну так пойдй поменяй на старую... чтоб живым ос-
таться. Через пять минут быть тут с полной выкладкой.
Политрука поведешь.

— К... куды?

— Туды, вдогонку за взводом. И чтобы все — полный
порядок: патроны, провизии на три... нет, на четыре дня.
На двоих. Ну, действуй!

4

И вот — Федулов впереди, я следом за ним — караб-
каемся мы по узкой тропе. Далеко внизу остался лагерь.
Наконец и он скрылся в тумане. Страшное это дело, когда
в горах в двух шагах ни зги не видно. Кто знает, что впе-
реди — поворот тропы или обрыв. Но вот туман рассеялся.
Еще несколько метров подъема, и ровный слой облаков,
словно зыбкое серое поле, остался под нами. На фоне яркого
темно-синего неба засияли ослепительным блеском вершины,
пока безымянные для меня. Впервые за все время обернул-
ся Федулов — ушанка, брюки, воротник покрыты ине-
ем.

— Глядите-ка, товарищ политрук, догоняем, вон они! —
ткнул рукавицей куда-то вперед.

Теперь и я увидел бойцов, карабкавшихся по морене
ледника, сползавшего с Главного Кавказского хребта.

И вдруг где-то рядом, над нашими головами, застучала
пулеметная очередь. Бойцы рассыпались, попрятались за
камни, открыли ответный огонь.

Мне достаточно было нескольких мгновений, чтобы оце-
нить весь трагизм ситуации, в которой неожиданно очутил-

ся взвод. Немцы каким-то образом проникли в тыл — на вершинку, почти отвесной скалой нависавшую над тропой, по которой мы шли с Федуловым. Пока взвод двигался, как и мы, по узкому проходу, пребитому горной речушкой, бравшей свое начало из ледника, немцы их видеть не могли. Наверное, слышали... И ждали, терпеливо, затаившись, ждали, пока бойцы все, до последнего человека, выйдут на открытую морену, на ледник, который лежал перед нами, словно мятая простыня.

— Пришли-приехали... И нам до пули — сто шагов. — Привалившись к скале, Федулов стал лепить самокрутку.

— Ты здесь раньше бывал? Сколько, по-твоему, над нами?

— Там от такая седловинка. С той стороны проходимая. А отсюда — стенка. Метров сто, а может, больше... До той стороны через ущелье часов пять ходу, а потом метров триста у них на виду. А отсюда... Не проходит идея, товарищ политрук...

— Так что же, стоять и смотреть, как наших там поодиночке расстреливают? А потом вернуться и доложить: товарищ майор, вот наши шкуры, в полной сохранности...

— Да мне их еще жальче. Я ж с ними два месяца...

— Сколько у тебя гранат?

— Три.

— Давай две. Следуй за мной. Предупреждаю: ни звука...

— Ой, улетим, товарищ политрук.

— Даже улетать молча.

— Крик не парашют... Дай, политрук, только докурю. — Федулов явно тянул время.

— Останешься здесь. Я не пройду, тогда... сам решишь, что делать.

Если бы я на такое решился в пору увлечения альпинизмом, меня бы наверняка дисквалифицировали за лихачество и больше никогда в жизни не пустили в связку. Но здесь не было связки. Не было крючьев. Ничего не было. А был только прижатый к камням и льду взвод, к которому я шел.

Не знаю, сколько времени прошло, как вдруг в каких-то считанных метрах я увидел четыре подошвы горных ботинок, два зада, две пары плеч, две каски, а между ними — щиток пулемета. Немцев было там всего двое! Или пока двое. Они устроились очень даже удобно. С наветренной стороны соорудили стенку из снежных кирпичей. На снегу плащ-палатка.

Раздалась короткая очередь. Мимо меня прокатились латунные гильзы. Немцы не оборачивались, увлечены. Убеждены, что тыл их надежно прикрывает обрыв и бездонная пропасть.

А я ничего не мог сделать. Я прилип к стене, цепляясь руками за выступы, правая нога повисла в воздухе в поисках точки опоры. И я уже не мог на нее опереться, перенести тяжесть тела, уцепиться вон за тот камешек... Открыл бы себя. Но и останавливаться нельзя: затекут ноги, судорога сведет пальцы, и тогда полет в пропасть, в которую я за все время подъема не глянул. Но все же я нашел точку опоры для правой ноги. Высвободил правую руку. Достал из кармана «лимонку». Сорвал зубами кольцо. Шепотом отсчитал: «Двадцать один, двадцать два, двадцать три» — и каким-то замысловатым движением зашвырнул туда, где торчали эти два круглых зада. Сдернул кольцо со второй гранаты. И в тот момент, когда раздался взрыв, швырнул ее туда же. Снова взрыв.

Каким-то единственным, неповторимым способом я бросил себя на площадку, на секунду оказавшись в полете, который мог оказаться для меня последним. Свалился на камни, схватился за острый выступ, чтобы не съехать вниз под неумолчный, оглушительный треск пулемета.

Один фашист был отброшен за снежный барьерчик. Другой навалился на магазин пулемета. Дуло задралось вверх, и струя трассирующих пуль улетала в синее, ясное небо до тех пор, пока край ленты не выбросило из магазина. И лента застыла как свернувшаяся змея.

Разряжать свой ТТ было уже незачем и не в кого. Я снова пододвинулся к краю площадки, к тому месту, откуда взобрался. И вот теперь страх свел скулы. Я увидел отвесную стену и услышал едва доносившийся шум горного потока. Увидел, что до того уступчика, с которого совершил свой цирковой прыжок, теперь не дотянуться.

Но и встать я теперь не мог. Меня запросто прошили бы снизу, припав за немца. Я подполз к тому краю площадки, где, по моим расчетам, внизу должен был ждать Федулов. Действительно увидел его, вжавшегося животом в скалу. Голова задрана вверх. Рот широко открыт.

— Все! — крикнул я.

— Ну! — раздалось снизу.

— Ну а теперь ори, ори во всю глотку, Федулов, чтобы тебя узнали наши. Ори, что ты здесь. Ори, что это я наверху.

И Федулов вылетел на открытое место. Рискую свалиться с обрыва, устроил какой-то дикий танец. Он размахивал винтовкой, шапкой-ушанкой и орал, действительно орал во всю глотку:

— Гура-ам! Ашо-от! Левка-а! Хапа-а! Фрица-ам! Вылазы! Там наши-и!!!

Это я один — «наши». Теперь и я рискнул подняться во весь рост, несколько раз взмахнул над головой шапкой. Винтовки, я это видел, были нацелены на меня. Командир внимательно исследовал меня в бинокль. Наконец он взмахнул рукой. И бойцы стали выбираться из-за камней.

Но теперь нужно было самому спускаться. Склон, обращенный к взводу, показался мне достаточно пологим. Я собрал фляги, вещмешки, спальные мешки, соорудил из лыж сани, пулемет и все добро уложил на них и пустил вниз. Убедился: снег лежит прочно. Я встал на вторую пару лыж и — была ни была, авось шею не сверну — помчался вниз. В общем, и я и Федулов добрались к взводу почти одновременно.

— Какой бог вас привел? — обнял меня лейтенант.

— Да вот он, жмет во все лопатки, — показал я на Федулова.

— Товарищ лейтенант, — подлетел он, — так что приказание майора... уф... доставить журналиста политрука Пуш... — осекся он.

— Петросяна...

— Так точно, Петросяна, выполнил.

Бойцы, чудом избавившиеся от смертельной опасности, отряхивали снег, собирали разбросанные вязанки хвороста, которые тащили с собой в горы, вещмешки. Федулов был в центре внимания, бойко разглагольствовал:

— Ну, подошли. А потом видим — в вас палат. Он тогда — гранаты есть, Федулов? А я — как же, конечно. Он тогда — хап у меня две и по отвесу, как по шоссе...

— А ты? — спросил пожилой солдат. В нем я узнал Ашота, который когда-то подарил мне деревянную ложку во дворе школы. Она и сегодня лежала в моем рюкзаке.

— А он мне — страхуй, говорит. Я погибну — ты пойдешь.

Чуть поодаль, смущенно переминаясь с ноги на ногу, стоял, смотрел на меня Левон, брат Ануш. Я видел, что ему очень хочется подойти и... неловко. И сам двинулся к нему.

— Ну, здравствуй, Левон, — сказал я ему по-армянски.

— Вы помните мое имя? — удивился он.

— Даже гостинец тебе привез. От сестры.

Он зарделся и, будто не расслышав мою фразу, спросил:
— А как там внизу, вообще?

— Все в порядке внизу. — Я наконец нащупал в рюкзаке узелок, переданный мне Апуш. — Это тебе от сестры.

Увидев знакомый платочек, он совсем смутился, не знал, куда девать руки...

— А в Сталинграде как?

— В Сталинграде дают фрицам прикурить. Да ты бери, бери. Там лаваш, Апуш сама пекла.

— А письма нет? — не выдержал Левон.

— И письмо есть. Бери, бери.

— Спасибо вам! — Он запрятал узелок на грудь, под шинель, и вдруг погасил улыбку, вытянулся, глядя мимо меня, приложил варежку к виску:

— Разрешите идти, товарищ лейтенант?

Я оглянулся. За спиной стоял Гаевой. Он коротко кивнул Левону, а мне протянул бинокль.

— Извините, что помешал. Просьба есть. Посмотрите, пожалуйста, вон туда внимательно. Что-то не пойму я...

— Что пужно разглядеть, лейтенант?

— Внимательно посмотрите правее вон того взгорбочка...

— Ничего, лейтенант. Снег. Камни.

— Что ж они там, заснули, раз фрицев пропустили? Ведь другого пути, кроме как мимо них, к этой вершине нет. Сколько немцев было там?

— Двое. По лыжня пакатанная. И в обе стороны.

— Значит, вы думаете, что двое зацепились, а остальные вернулись и снова прошли мимо них?

— Мимо кого, лейтенант?

— Да мимо Размадзе! Мимо взвода Размадзе! Они же там должны быть!

Мы осторожно двигались вперед. Нашупывали и обходили трещины. Время от времени останавливались, чтобы дать подтянуться отставшим. Конечно, в добрые довоенные времена ни один нормальный инструктор-альпинист не выпустил бы на такое восхождение столь разношерстную команду, неумелую, без элементарного снаряжения. Порывы ветра, казалось, вот-вот сдуют нас с ледника. Крупные хлопья снега, вдруг повалившие с потемневшего неба, застилали глаза. Все тяжелее, хватая ртом разреженный воздух, дышали бойцы.

Вот приотстал, опустил на лед ручной пулемет и сам свалился рядом богатырского сложения парень. Я уже знал, что все зовут его Вася-сибиряк. Кто-то из друзей помог ему подняться. Теперь пулемет тащили двое. Затем, глухо ок-

нув, осел в снег солдатик в шинели на вырост — из носа у него пошла кровь.

— Ничего, ничего, Илюшка, дорогой, — склонился над ним Ашот. — Это горная болезнь. Не смертельная болезнь. Пройдет.

— Чаю ему надо, — сказал Левон, — может, у кого есть горячий чай?

Вопрос был нелеп — какой тут чай! И потому все промолчали. Ашот запрокинул голову солдата, положил на лицо его снег. Мимо, медленно увязая в снегу, проходили товарищи...

И снова весь наш небольшой отряд карабкался вверх. Я шел в цепочке, и мне было стыдно за свой роскошный белый полушубок, так выделявшийся среди их шинелей, за крепкие горные ботинки, которые здесь были несравнимо удобнее кирзовых сапог и валенок. Мне казалось, что мы не на равных, что меня, опытного, сильного, они, впервые ощутившиеся в горах, оберегают, прикрывают своими телами от любой неожиданности.

На привале, когда, спрятавшись от ветра за скалой, решили перекусить, все вытащили по два-три сухаря. А я нашарил в рюкзаке (да, в рюкзаке, а не в «сидоре», где в уголках мешка по пустой катушке от ниток, чтобы держались брезентовые ремни) пачку роскошных американских галет — тоже забота дивизионного интенданта. На мое «Угощайтесь» никто не ответил. Все жевали свои сухари. Лишь Федулов на правах проводника потянулся было, да под взглядом командира отдернул руку.

Меня пока не признавали своим. Я был для них заезжим гостем, у которого свои задачи, своя судьба. Вот как косо поглядывали, когда я по старой журналистской привычке решил тут же познакомиться и записать в тетрадку имена, чтобы потом не перевернуть, не перепутать: «Вася Потапов — сибиряк. Ашот Гукасян (ложка), Илья Резник (длинная шинель), Гурам Челидзе...»

Он был веселый парень, этот Гурам. Вокруг него сразу сбились бойцы, а он с серьезным видом, только веселые чертики блестели в карих глазах, рассказывал байку:

— Чистая правда, генацвале, — говорил он, пряча усмешку в тонких щегольских усиках. — Сам, лично, на первой странице ихней газетенки читал.

— Какой газетенки? — уточнял обстоятельный Вася-сибиряк.

— Ихней, фрицевской. Дрянь, скажу вам, газетенка, са-

мокрутку и ту противно делать. Но зато раз в жизни правду написала.

Бойцы дружно засмеялись, чувствуя подвох.

— Ну, значит, так, — продолжал Гурам, — приехал Гитлер в гости к Муссолини в Рим. Сначала разговоры там всякие... Потом повел дуче фюрера в музей. Посмотри, мол, дорогой, какие мы герои. То, что мое итальянское воинство из-под Сталинграда драпануло, — чистая случайность.

— Прямо так и сказал? Ну, брешь, — чистосердечно удивился Вася.

— Я ж газетку цитирую. Так вот. Видит фюрер, в одном зале портрет, человек в красной рубашке и с пистолетом. «Кто такой?» — спрашивает. «Гарибальди», — отвечает Муссолини. «А чего он в красной рубашке, большевик, что ли?» — спрашивает грозно фюрер. «Н-нет, — задрожал Муссолини, — это народный герой из прошлого века. А красную рубашку надевал, когда в бой шел, на случай ранения, чтобы кровь не видна была солдатам и их моральный дух всегда был в порядке». «Здорово придумал, — сказал Гитлер, — значит, и я правильно сделал, что надел желтые штаны, когда против Советского Союза пошел...»

Бойцы захохотали так, что эхо, десятикратно усилив звук, отдалось в скалах веселым грохотом.

— Тихо! — прикрикнул Гаевой.

Но смеяться сил не было. Поэтому, еще теснее сгрудившись вокруг Гурама, что вполголоса продолжал «травить», тихо постанывали ребята, вытирая варежками слезы со щек.

Пока отряд отдыхал, лейтенант пристроился рядом со мной.

— А вы, товарищ старший политрук, погоны уже видели?

— Видал... Примерял даже.

— Ну и как?

— С непривычки неудобно как-то... Особо когда шинель надевать. Цепляются за подкладку. Вам, лейтенант, положены вот такие...

Я нарисовал пальцем на снегу:

— Тут красный просвет, тут, по бокам, две звездочки.

— Ну, мне не светит, — грустно сказал Гаевой. — У меня и кубики, считай, липовые.

— То есть как? — не понял я.

— А вот. — Он достал из кармана гимнастерки бумажку и прочитал: — «Выдано... в том, что является курсантом Сухумского пехотного училища. Действительно по 31 декабря 1942 года». Скоро срок выйдет...

— Почему курсантом?

— Да вы не подумайте чего такого... Нас даже аттестовали лейтенантами. Мы чубы стали к выпускному вечеру отращивать... А вместо вечера приказ: всех на перевал! А это, — он дотронулся до алых кубиков в петлицах, — это товарищ майор, Орлов Виктор Петрович распорядился. Было тут дело... Снял с одного... И мне отдал. Вместо ордена, говорит, заслужил, говорит, командуй. Потом, говорит, разберемся...

Смех позади нас снова стал громким. Гаевой обернулся, сердито прикрикнул:

— Кому приказано не шуметь?!

5

И снова мы шли — все ближе, выше к перевалу. Непонятное оживление царило в отряде: то ли от ощущения близкого отдыха, встречи с товарищами, то ли от высоты... Такое, я знаю по себе, бывает. А вот Гаевой почему-то все больше нервничал, то и дело вполголоса передврал по цепочке:

— Отставить разговорчики... Идти тихо... Не шуметь... Котелками не стучать...

Еще одной засады боялся, что ли? Но я-то горы знал: на этой высоте с комфортом, таким, как устраивались те два фашистских пулеметчика, уже не расположишься, ночь не выдержишь.

Наконец мы остановились. Перед нами меж скалами лежала белоснежная лощина. Скалы закрывали перевал, на котором сидела застава «адельвейсов». В лощине царил первозданная тишина. Ни души, ни дымочка.

— Ну замаскировались, черти. Постов не видеть... Да что они, позасыпали все?! — недоуменно воскликнул Гаевой, когда мы, по всем расчетам, почти вплотную приблизились к той части лощины, где должна быть застава Размадзе.

Федулов первый заметил поодаль фигуру солдата. Тот стоял прижавшись к скале, лицом к перевалу, опершись на винтовку. Он не обращал никакого внимания на наш отряд. Федулов подбежал, хлопнул солдата по спине:

— Че, кореш, неласково гостей встречаешь? — И вдруг понятился.

От удара снег, запорошивший солдата, осыпался, и в мареve сверкавших на солнце снежинок стало видно окаменевшее, восковое лицо, губы, сжавшие дотлевшую до самых

усов самокрутку. Федулов все пятился, не смея отвести взгляда от замерзшего солдата, споткнулся обо что-то, упал.

У его ног торчал ствол пулемета. Лихорадочно, по-собачьи, Федулов стал разгребать снег. Он не заметил, как рядом с ним опустились на колени, стали шарить в снегу Гурам, Левон. Сначала они увидели лишь руку, сжимавшую гашетку пулемета... Где-то рядом прощупывали снег и другие бойцы. Кое-кому попадались просто валуны. Андрей и Ашот вырыли еще двоих замерзших бойцов... Из-под неловко накинутаго плащ-палатки на солнце сверкнули, словно капельки крови, кубики в петлицах.

— Ну, вот и Размадзе... — тихо сказал Гаевой. — Он там, внизу, в нашей землянке бутылку коньяка припрятал. До Нового года, говорил. А я ему — чего держать, выдохнется... А он мне: выпить сейчас — тактика, сохранить — стратегия...

В этот миг раздался взволнованный возглас Левона.

— Сюда, сюда! — кричал он, размахивая автоматом.

Он стоял у входа в блиндаж, если можно было так назвать это странное сооружение из досок, камней и снега. На спешном козырьке был виден серовато-желтый палат, будто там, в черной глубине, что-то горело, дымило совсем недавно. Круг света от фонарика, включенного лейтенантом, лихорадочно прыгал в зияющей темноте. Сначала показалось, что земляника пуста. Затем удалось разглядеть: громадный, двухметрового роста парень в ватнике, который словно драли зубами волки, задубевшем от черной смершей крови, — видимо, граната разорвалась рядом, — лежал лицом к двери, широко раскинув руки, будто защищая, прикрывая собой что-то дорогое.

Левон, словно заранее зная, что найдет там, в глубине, ринулся мимо нас, приподнял, сдвинул гиганта, опустился на колени:

— Теплая... Она еще теплая...

Я не заметил, куда бойцы отнесли мертвых. Мертвые освободили место для нас, живых, и для единственного своего товарища, девушки-санинструктора, которая была еще жива. Если она очнется, может быть, расскажет, что тут произошло.

Да мы и сами представляли себе, как это было.

...Метель бушевала несколько дней, а когда она утихла, лыжники-«эдельвейсы» устремились с перевала на заставу Размадзе. Они точно все рассчитали, знали: мало кто мог

выдержать такой ураган и мороз. Вот один распахнул вход в землянку, швырнул гранату. Потом для верности дал очередь из автомата.

Потом немцы проложили лыжню вдоль всей позиции. Ее и сейчас было видно. Убедились, что вся застава погибла, и ринулись в тыл, оседлали вершину, которая господствовала над проходом.

Судя по следам, фашистов было немного, человек пять. Ну, судьба двоих мне известна. А остальные трое, куда ушли они? За подмогой?

В дымном блиндаже, рядом с полыхавшей огнем железной печкой, сделанной из бочки для бензина, в свете коптившего неимоверно каганца — расплющенной сверху снарядной гильзы — спали рухнувшие от усталости, долгого пути бойцы, мои новые товарищи. Лишь двое не спали: пожилой Ашот и юный Левон. Ашот, видно, уже давно растирал маленькие, словно детские, босые ступни и приговаривал в такт ласковым, однообразным движением.

— Ничего... ничего, Нюся, слава богу, немного прихватило. Ты не стесняйся меня, дочка... У меня дома тоже такая... Ей шестнадцать... Вот теперь больно будет... Да?

Девушка жалобно застонала.

— Хорошо, — продолжал Ашот, — это кровь по жилам пошла. А теперь, — он говорил с девушкой, словно с ребенком, вытащил из-за пазухи согретые теплом его тела портянки, — теперь портяночки намотаем. А теперь валенки натянем. И рукавички... А теперь, Левон, давай флягу! Теперь пей.

Нюся испуганно замотала головой.

— Пей, говорю. Ты солдат — значит, пей.

— Ой, — задыхнулась Нюся, — гадость какая! — И вдруг тихонько засмеялась. — Никогда не научусь эту дрянь пить.

— И не надо учиться. А сейчас — пей.

Она смотрела на Гукасяна изумленными, округлившимися глазами, потом тихо спросила:

— А где наши? Я помню — страшное что-то было. Огонь, гром...

— Все здесь... Все. А теперь спать надо.

— А ты, Левка, откуда взялся?

— К тебе шел, — серьезно ответил Левон.

— Ну вот и садись теперь сюда, поближе, — сказал, уступая свое место, Ашот. — Садись и молчи. Пусть она спит.

В блиндаж заглянул и поманил меня пальцем Гаевой. Я выбрался на уже утоптанную площадку, от которой в разные стороны разбегались прорытые в снегу траншеи, ведущие к постам. Вслед за мною вышел Ашот. То ли извиняясь за что-то, то ли поясняя мне, новому человеку, сказал:

— Ах, дети, дети... Даже в ледниках находят друг друга...

— Гукасян! — окликнул его Гаевой. — Вернитесь в блиндаж, возьмите с собою еще двух бойцов, поднимитесь во-он на тот гребень. В снег заройтесь и глядите в оба. Задача ясна?

Минут сорок прошло, пока передовой дозор выбрался на гребень и как бы растворился в белом пространстве. Я стоял рядом с Гаевым, выжидающе помалкивал, постукивал ботинками, пытаюсь согреть озябшие ноги.

— Да... хорошо в штабе пальцем по карте водить, — вроде бы ни к кому не обращаясь, пробурчал Гаевой.

Я пожал плечами. Что отвечать?

Лейтенант поднял бинокль и в который раз стал шарить взглядом по белым склонам и черным скалам. И опять, будто обращаясь не ко мне, а к этой белой пустыне, сказал:

— Что ж вы типете? Что ж вы первы мои, как веревочку, мотаете, сволочи?! Вы ж должны вернуться... Ты как думаешь, Арам?

Он впервые обратился ко мне вот так, по имени, без всяких там «товарищ старший политрук, старший лейтенант», и это означало, что мы перешагнули наконец рубеж, за которым оставили деление на старших и младших по званию, что все мы теперь в одной связке перед лицом белого безмолвия, смерти, смотревшей на нас с белых зубчатых вершин, с белого языка огромного ледника, сползавшего с перевала.

— Пока я ничего не думаю, Андрей, — в тон лейтенанту ответил я. — Пока ориентируюсь на местности.

А Гаевой снова повторил, еще резче, злее, чем в первый раз:

— В штабе по карте пальцем просто водить... А нам что теперь делать? Размадзе должен был тут крепко сидеть. А моя задача другая — без остановки двинуть во-он по тому хребтику, — и он указал рукой на отрог, который отсюда, снизу, казалось, напрямую соединялся с вершиной горы, у которой словно ножом была срезана острая макушка. — И дальше, за ту гору... Хорошо фрицу затылок почесать. А теперь? Заставу оставить нельзя — это факт.

А там, внизу, товарищ майор ждет не дожидется данных разведки. Хоть разорвись!

— Сколько их оставалось здесь перед бураном? — спросил я.

— С Нюсей двенадцать.

— А если разделить твой отряд?

— Сориентировался... Я же к этому и веду. Продержишься пару дней, Арам? Лучших ребят тебе оставлю...

Сверху, с нашей тайной заставы, раздался свист. Оттуда, из-за камней, Ашот махал нам рукой, стараясь привлечь внимание. Андрей снова вжал бинокль в глазницы. Даже сквозь трехпалые варежки было заметно, как напряглись его руки.

— Ну вот, давно ждали.

Я тоже схватился за старенький бинокль, на котором было выцарапано «Размадзе», память о командире заставы, которого я живым никогда не видел. Сначала перед моими глазами плясали два белых пустых круга. На них то появлялись, то исчезали зубцы вершин, куски синего неба. Потом я повел бинокль ниже и тут наконец заметил вереницу людей в белых маскировочных халатах, около роты... А у нас — взвод неполного состава.

Вот головной лыжник притормозил у черной полосы-трещины. Сразу же из-за его спины выехало еще два егеря, перекинули какие-то жерди, возможно складную лестницу, через трещину. И передний немец неловко, не снимая лыж, зашагал по «мосту». За ним последовали остальные. У отряда было что-то вроде обоза. Прошлой зимой, под Москвой, я уже видел такие двухметровой длины лодки-плоскодонки. В них практичные гитлеровцы волоком вытаскивали раненых с поля боя. Сейчас несколько таких лодок были заполнены с верхом.

Гаевой тоже внимательно рассматривал цепочку «едельвейсов». Комментировал вслух:

— Все хозяйство волокут. Даже бревнышки для блиндажа в два наката волокут... Небось там и печка, и горючка для нее, и кофий в термосах. И еще чего-нибудь покрепче... А осторожничают, черти, видишь, дозор головной выставили. Неужели нас высмотрели? Не должны бы. Небось просто устав соблюдают...

Вслед за лейтенантом я перевел бинокль вправо и увидел еще трех лыжников, которые, далеко опередив колонну, стремительно неслись по склону. Изредка они тормозили, внимательно осматривались. И снова летели вперед. Классные горнолыжники, ничего не скажешь.

— Все рассчитали, — пробормотал Гаевой и добавил: — Точно! Детали одной не учли — что мы здесь. Небось думают, что мы там внизу сидим и ждем, когда после бурана снег сирессуется.

Вскоре и без бинокля я мог разглядеть сторожевое охранение фашистского отряда.

Рядом со мною расположился монументальный Вася-сибиряк. Он не спеша уложил в небольшой нише из камней четыре гранаты-«лимонки», подровнял их. Гранаты напоминали кротов, уткнувшихся носами в снеговую стенку. Потом Вася вытащил из подсумка запасной автоматный диск и поставил на ребро рядом с гранатами. Еще прислонил к стенке винтовку — из тех, что остались от погибшей заставы. Выставил автомат в щель амбразуры, примерился, пробормотал:

— Для этой штуки рано.

Отставил автомат, взял винтовку, прицелился и, удовлетворенный, откинулся:

— Ну, теперь погодим маленько.

А передовая тройка лыжников подходила все ближе. Вот они миновали тот участок, над которым затаились Ашот и еще два бойца. Гаевой все медлил... А сибиряк неторопливо, основательно пристроился у амбразуры, бормоча под нос:

— Возьмем на мушку от того хорька... В глаз целить не будем — шкура не ахти...

Теперь и голова колонны приблизилась к нам, втянулась под скалу, на которой затаились наши. И тут я увидел, как на правом фланге нашей позиции вскочил лейтенант Гаевой, дважды махнул рукой, а потом выстрелил из ракетницы, но не вверх, как это обычно делают, а целя прямо в переднего лыжника. Зелепая звезда зашипела, завертелась, рассыпая огненные брызги перед немцем. Ошарашенные егеря замешкались, промедлили какие-то считанные секунды. И тут раздались автоматные очереди. Рядом со мною щелкнул выстрел винтовки. Пемец, словно его ударили в грудь, упал на спину. Одна лыжа задралась вверх, стала вертикально, как шест, как вежа.

— Все, был хорек, — удовлетворенно сказал Вася, клацнул затвором винтовки и снова тщательно прицелился. — А теперь шлепнем от того лиса, чтоб хвостом не вертел...

Снова щелкнул выстрел, точный, охотничий:

— От так... Неча зад задирать, однако...

А я все еще ни одного выстрела не сделал. Для моего ТТ дистанция была пока далековатой.

Слева от меня, будто слившись с автоматом, палил Левон. Я заметил, что глаза его плотно зажмурены, на лице отрешенная решимость, и понял, это для него первый бой, первая пальба не по мишени, а по настоящему противнику, которого он так отчетливо, близко увидел перед собой. Я хотел было подползти к нему, но Федулов опередил. Резко дернув паренька за полу шинели, бросил зло:

— Что палишь в белый свет, как в копеечку? Патронов авались, что ли?

Автомат Левона замолк. Сам он словно бы очнулся: лицо растерянное, виноватое, совсем мальчишечье лицо. Я пристроился рядом, коснулся его плеча:

— Страшно?

Левон отчаянно замотал головой: нет, мол.

— Страшно, — сам ответил я. — А ты про себя не думай. Про дом свой думай. Про маму, про Ануш... Если бы твою сестру кто захотел обидеть, ты заступился бы?

Левон смущенно улыбнулся. Поосновательнее приладили к автомату, прицелился и дал короткую очередь, спокойной, четко, как на полигоне.

В отставшем немецком санном обозе засуетились, что-то поспешно стали устанавливать. И вдруг раздалось шипение и негромкий разрыв мины. Третий разрыв взял наши позиции «в вилку». Донесся чей-то стон. Мимо проشمыгнула с санитарной сумкой Нюся.

А сибиряк Вася — все так же, с присказкой:

— Ну-ка, вороне в глаз... — Выстрелил, чертыхнулся. — Эх ты, Вася-мазила...

Минометчики заметили, что и к ним пристреливаются, перебрались за большой валун.

И тут ожила скала над ложиной, в которой залегли немцы. Сверху открыли огонь Гукасян и двое бойцов, что пошли вместе с ним. Немцы тоже стали палить вверх, по нашей засаде. Но попасть им было так же нелегко, как по летящей высоко птице. Шанс попасть почти нулевой. Немцы стали переползать поближе к скале, в «мертвую» зону. И тогда там, наверху, наши товарищи, не таясь, встали во весь рост, придвинулись к самому краю обрыва. Их очереди взрывали снег, выбивали искры из камней рядом с егерями в нескольких шагах от миномета.

Я увидел, как Гукасян закинул за спину ставший бесполезным автомат и стал в обнимку с огромным камнем. Потом уперся в него плечом, подозвал еще одного бойца на помощь. Это было похоже на невиданный сеанс классической борьбы с противником совершенно другой весовой ка-

тегории. Мне поначалу даже показалось, что Ашот просто сошел с ума. Но огромная глыба слегка шевельнулась, потом стала раскачиваться и вдруг стронулась с места и пошла, пошла вниз, увлекая за собой другие камни и все увеличивающуюся массу снега. Загремела лавина. Она сошла так стремительно, что немцы ничего не успели предпринять. Белая масса накрыла и отряд, и миномет...

Стрельба смолкла. Пораженные, смотрели мы, как оседает, искрится снежная пыль, как сверкает радуга над тем местом, где только что был враг. А на скале, воздев руки вверх, что-то радостное кричал Ашот.

И тут я увидел Гаевого. Он шел как-то странно, боком, словно пьяный. И упал бы, и скатился к нашим ногам, если бы его не поддержал Левон.

— Вы ранены, товарищ лейтенант, — удивленно спросил он, словно бы сомневался, что их лейтенанта вообще могла тронуть пуля или осколок.

Я тоже подскочил к Андрею. Коричневое от горного загара лицо его стало каким-то серым. Он улыбнулся виновато:

— Что-то голова закружилась... Сначала думал, может, камнем в плечо двинуло... А оно вот так...

6

Андрей стоял, привалившись к камню у входа в землянку. Там, в полутьме, белела бинтами чья-то голова. Еще один раненый лежал, укрытый телогрейкой. Няся, словно заправский врач, командовала Левоном, превратившимся на время в медицинского брата.

— Йод, — строго бросала она.

Левон мгновенно вкладывал в вытянутую руку склянку.

— Тампон!

— Чего?.. А, бинтик, на...

Наконец перевязка была закончена. Няся обернулась.

— Трое раненых, товарищ лейтенант.

— Три с половиной, — сказал Андрей и качнулся, с трудом устоял на подгибавшихся ногах.

— Ой! И вы? Куда?..

Няся бинтовала плечо Гаевому. В одежде он казался могучим, широкоплечим богатырем. А оказалось — худенькая спина, ребра можно пересчитать. Няся перевязывала, приговаривая успокоительно:

— Ничего... Вам еще повезло — кость цела. Прямо такой умница осколочек! Пожалел. Только вынуть его не смо-

гу. Резать надо. И это даже не страшно. Тут морозище, микробов нету. А рубашку нижнюю и гимнастерку я отстираю и зашью потом. Вот натаю снега в котелках и постираю. Вода мягкая — без мыла можно...

— А, дьявол, — отреагировал Гаевой.

— Что, больно? Шевелить рукой не надо... Утихнет...

— А, черт... Пошел в разведку, называется, — мрачно выдавил Гаевой.

Я открыл рюкзак, вытащил запасную смену белья, свитер, протянул ему.

— Перестань ныть, командир. Согрейся, поспи, потом разберемся.

— Чего уж разбираться...

Мы с Нюсей кое-как натянули на него рубаху и свитер, накинули на плечи ватник. И он тут же, привалившись здоровым плечом к стене, забылся.

И Нюся, обхватив подбородок руками, задумалась, затихла. Левон сидел рядом, не спуская с нее горячих глаз. Я чувствовал, как трудно пареньку не прикоснуться к руке девушки, не сказать ей ласковое слово. Что он нашел в Нюсе такого особенного? Курносая, в капельках веснушек простецкое круглое лицо, коротко стриженные светлые волосы. Обыкновенная девчонка, каких тысячи. А вот для него — одна-единственная.

Левон все же протянул руку, дотронулся до ее плеча, и Нюся тихонько, чтобы никто не заметил, потерлась щекой о его ладонь...

Мне нужно было кое-что набросать в дневнике о минувшем бое, дне. Я раскрыл полевую сумку, вытащил тетрадку, где у меня были заметки для будущих очерков, статей, строки будущих стихотворений и даже первые главы давно задуманной поэмы.

— Вы кому пишете, товарищ старший политрук, если не секрет? — тихонько спросила Нюся. — Девушке?

— Ах, Нюся, девичье любопытство всех чувств на земле сильнее.

— А она красивая?

— А у тебя мама жива, здорова?

— Угу.

— Так это письмо твоей маме, Нюся.

— Ой, шутите! Вы даже адреса ее не знаете!

— Это ничего! Вот однажды утром выйдет она на крыльцо, развернет газету и прочтет про то, как ее дочка в горах воюет.

— Что вы, не падо! Я ж ей писала, что в госпитале, в санатории под пальмами работаю. Мандарины кушаю... А вы про такое! Мамка у меня махонькая, слабенькая. Она даже мышей боится.

— А ты сама разве ничего не боишься?

— Боюсь, всякий день боюсь, — вздохнула она, — особенно когда раненого тащу... Пока вниз по льду — ничего. А как снег глубокий или в гору надо — прямо сил нет. У нас ведь как в правилах записано? Чтобы через восемь часов раненый боец был эвакуирован в дивизионный госпиталь. А где он, госпиталь? Я и есть госпиталь... — Нюся отвернулась, всхлинула.

— Вы лучше стихи красивые напишите, — подал голос Левон, — чтобы можно было выучить.

— Можно и стихи.

— Правда? — обрадовалась Нюся и простодушно попросила: — Вы как сочините, дайте списать, ладно? У меня даже тетрадочка специальная была — там разные песни хорошие про любовь. Правда, ее ребята на курице разодрали... Ну, ничего, я и так запомню.

— А у вас в тетрадке строчки вон там, как стихи, — заметил зоркий Левон.

И никому никогда не давал читать еще сырые, с моей точки зрения, строки. Но тут неожиданно для себя протянул Левону тетрадку. Нюся заглянула через его плечо, разочарованно протянула:

— Не по-нашему...

— Это по-армянски, — сказал Левон. — Можно, я вслух прочитаю?

Левон читал хорошо. У него был простуженный, но звучный голос. Я давно не слышал, как другие читают мои стихи. И еще мне странно было, что Нюся так внимательно слушает непонятные слова. А может быть, я обольщался и она просто слушала голос Левона?

— А у нас в Вологде леса ясные, светлые, — задумчиво сказала девушка, когда Левон замолк, — луга заливные. Выйдешь в поле — от края до края все травы да травы... А дальше лес синий. А над ним небо голубое и белые облака плывут. Тихо-тихо...

В глубине послышалась возня — это поудобнее устраивался молоденький солдат-узбек.

— А ты пустыню видела? Солнце там вот такое огромное. Теплое-теплое. На песке сидишь, как на печке. И солнце над тобой тоже печка. — Он зябко потер руки и вдруг тихонько зашел.

— Это что за самодеятельность? — проснулся Гаевой, не сразу поняв, где он и что с ним.

— Тс-с-с, он про свой дом поет, — шепнула Нюся.

— Эх, дом, дом, — вздохнул пожилой усатый солдат. — Мою хату ветром сдуло, пеплом запорошило.

— Ничего, будет и на твоей улице праздник, — окончательно проснулся Гаевой.

— Покуда по моей улице фриц ходит, — зло ответил солдат. — Гомель слышал? От него, говорят, одни головешки остались. А у меня там баба, дитенки... — Солдат повернулся ко мне. — Тебе, товарищ политрук, не понять, твоя Армения в тылочке. Она-то и войны настоящей никогда не бачила.

Я не успел ответить, как вскинулся Ашот Гукасян.

— Это моя земля в тылочке? Армения никогда войны не знала? — с горечью сказал он. От волнения Ашот с трудом подбирал русские слова. Акцент его стал особенно резким. — Я был совсем, совсем мальчик, когда турки сожгли мой дом. Зарезали всех братьев, сестер. Семью... Да что — семью! Весь мой народ хотели уничтожить! Реки были красные от крови. Младенцам головы о камни разбивали...

— Ой, да они что, фашисты?! — горестно и недоуменно воскликнула Нюся и, сама не заметив, сжала ладонь Левона.

— А ты что думала, фашизм так сразу и родился? — сказал я. — Тогда, в пятнадцатом году, во время прошлой войны, немцы помогали своим союзникам туркам. А сегодня турецкая армия стоит на нашей границе, только и ждет, когда «здельвейсы» одолеют Кавказ, нас с вами.

— Мы что, — пробурчал усатый, — мы тут сидим, тропочку охраняем. А их, тропок, воиа сколько по всем горам. Каждую щелку не убережешь.

Не знаю почему, но тут я вспомнил одну историю, которую когда-то в детской книжке прочитал, и неторопливо стал рассказывать о том, как шел однажды голландский мальчик домой и вдруг видит — вода сквозь плотину сочится. Он знал — капля за каплей размочет, снесет плотину. Люди погибнут и цветы. На их земле много цветов. Вот и заткнул он ладонью эту щелку. И стоял, пока не замерз на холоде, пока не пришла подмога. Вот и мы, стоим, всего одну тропку охраняем, защищаем. А за нами весь берег — от Новороссийска до Батуми. И люди наши, и цветы... И пока мы стоим...

Я замолк на полуслове, заметив пристальный, изучающий взгляд Гаевого.

— Ну, комиссар, смотри, какую политбеседу провел, — сказал он и, поняв мое смущение, добавил: — Все правильно говорил. Из данной беседы, товарищи, вытекает...

Он попытался рубануть воздух рукою в подтверждение какой-то своей мысли, но скривился от резкой боли.

Мы спали, тесно сбившись, прижавшись друг к другу, укрывшись плащ-палатками. Но и это не могло уберечь от дикой ночной стужи. Время от времени раздавались то пушечные залпы, то рокот далекой канонады. Это лопались ледники, сходили вниз лавины.

Лишь перед рассветом удалось забиться. И тут же мне привиделся лес, сомлевший в лучах жаркого солнца, и тоненькая длиннокосая девушка. Она стояла под деревом и прислушивалась к голосу кукушки. И считала, тихонько шевеля губами: раз, два, три...

Я очнулся. Но голос кукушки все не замолкал в ушах. Хотя нет, это была не кукушка. Но что означал этот сухой, отрывистый перестук, понять я не мог. Осторожно, чтобы не потревожить товарищей, выбрался из-под плащ-палатки, вышел из землянки.

Дозорных было двое. Зарывшись в снег, лежал, наблюдая за «тропочкой», сибиряк Вася. А чуть поодаль, возле расщелины, где мы вчера похоронили погибших товарищей из взвода Размадзе, похоронили молча, без салюта — надо бороться патроны, — стоял Ашот Гукасян и бил, бил по скале обломком немецкого штыка.

— Кончай, — сказал ему Вася, видно, уже не в первый раз, — поднял, понимаешь, шум, небось до самого Сухуми слышно.

— Фанерная дощечка до первого весеннего дождя. Или пурга сметет, — отозвался Ашот, не прекращая работу.

— Ты хоть имена напиши. Без имен что же это будет!

— Хачкар будет...

— Чего, чего?

— Как это по-русски... — задумался Ашот. — Крестный камень, по-русски. Плита над прахом умерших. У нас говорят: не поставишь хачкар — душа в рай не попадет...

— Ты что, в бога веришь?

— Не верю я в бога, — рассердился Ашот, — в человека верю. В память людскую верю... Только кошки забывают.

— Это точно, кошки не собаки. — Вася скрутил «козью ножку». — На, Ашот, покури, а я подсоблю.

Вася встал, взял у него из рук обломок штыка, саданул по нему изо всей силушки и... штык вылетел из руки.

— Эх, Вася, Вася, камень понимать надо. Поймешь, тогда он мягкий как сыр станет. Знаешь, что из камня можно сделать? Все. Хочешь — дом. Хочешь — храм.

— А ты что, на гражданке тоже камни бил?

— Каменщик я. И отец и дед... К любому хорошему дому в нашем селе подойди, спроси: кто строил? Гукасыны — ответят. Вот кончится война, приезжай, тебе дом построю. Из розового туфа. Как утро красивый.

— Не-е-е... В горах тесно, голо. Вот у нас в тайге — каждое дерево в лицо узнаешь.

— Невесту тебе найду, — не унимался Ашот. — Знаешь, какие у нас девушки? Помнишь сестру Левона? Все такие.

— Уж больно черна да тонка... Моя Верка погабаритнее.

— Девушка твоя?

— Жена, — широко улыбнулся Вася, — и сынок весь в нее. Василий Васильич. Второй годик. Башковитый мужик...

Неподалеку от землянки меня ждал еще один сюрприз. Лейтенант Гаевой стоял лицом к каменной стенке и, перебирая по ней пальцами, цепляясь за выступы и выемки, тянул свою раненую руку все выше и выше. Боль, видно, стала нестерпимой, потому что он застонал, выругался и сел прямо в снег.

— Ты что, сдурел, у тебя же там осколок!

— Тренируюсь, — смущенно усмехнулся Андрей. — Вот проклятый! Всю душу вымотал. Сиди теперь здесь и жди у моря погоды.

— Слушай, Андрей, разведку поведу я, — сказал как можно решительнее.

— Хочешь, чтобы майор за тебя мне голову открутил?

Но напоминание о майоре Орлове еще более укрепило мою решимость. Я вспомнил тот неприятный разговор в окопах под Туапсе в рассветный час, когда он прямо сказал: «Боец ты хреновый, занимайся своим делом». А на войне какое дело «свое», какое «чужое»?

— Товарищ лейтенант, — сказал я официально.

— Товарищ старший политрук, — в тон мне отозвался Андрей.

— Между прочим, ты меня ведь по старинке политруком называешь. Институт политруков и комиссаров в армии отменен. Теперь я для тебя просто старший по званию.

— Ну и что?

— Теперь я, как старший по званию, могу и приказывать.

— Что же ты хочешь при-ка-зать? — обиделся Гаевой.

— Объяснить мне задачу, поставленную перед отрядом.

— Ну, это пожалуйста, — вздохнул Андрей и перекинул на колени пляшет. — Ну, смотри. Вот мы, а вот они. По прямой — рядом. Но это дуриком под огонь лезть, как они давеча. Реальный путь — в обход. Вот по этому отрогу, потом по хребту... Где-то там надо затаиться... На горе Безымянной.

Он перевел взгляд от карты к реальной вершине, макушка которой выглядела из облаков там, на «фрицевской» стороне.

— Видишь красавицу? Так вот, план минимум — разведать всю ихнюю дислокацию, изучить пути доставки боеприпасов, график смены застав... План максимум — хорошо бы «языка» раздобыть, желательно офицерского звания.

— Ясно. Тогда слушай приказ. Передать в мое распоряжение людей для выполнения задачи. Кого, сколько — на твое усмотрение. А ты останешься тут. Другого варианта нет. Сам посуди.

— Что нет, то нет. — И Гаевой потерянно пошевелил рукой...

Моя разведгруппа собиралась в путь. Ашот Гукасян разулся и стал поверх портянок обматывать ноги бумагой-воощенкой, которой переложены в ящике гранаты-«лимонки». Затем снова втиснулся в сапоги, пригнул.

— Молодец, Гукасян, — сказал Андрей, — народная мудрость, так сказать. Всем рекомендую. Никакой мороз не будет страшен.

Пока Гурам, Левон, Вася переобувались, Нюся приставала ко мне просительно, жалобно:

— Товарищ командир, ну возьмите...

— Сказал — нет! Не женское это дело.

— Вот еще! А если ранит кого?

— Это она за Левку своего драгоценного боится, — ехидно бросил Федулов, — везет же пацану на бабью ласку. То одна, то другая...

— Тебя, Федулов, как зовут? — поинтересовался Ашот. Федулов в ответ повертел пальцем у виска.

— Имя твое как? Мама как тебя называла? — не отставал Ашот.

— Мама? — лицо Федулова вдруг обмякло. — Славик... Славик я, Вячеслав.

— Вот видишь, имя у тебя хорошее, а ты...

— Что «а ты»? — взъярился Федулов. — Все вы тут чистенькие, благородные, героев из себя строите. А Федулов вам — дерьмо на палочке! Выходит, раз в плену был, так всю жизнь не отмоешься? Только я проверенный уже. В штрафбате оттарабанил... По всем правилам. До первого ранения...

— Что ты несешь? — Я даже привстал.

— А вы не знали?! В разведку небось таких не берете?!

— Возьму, — отрезал я. — Возьму тебя в разведку. Собирайся.

— Ну, товарищ командир... — опять заняла Нюся.

Но я от нее просто отмахнулся. Сейчас достаточно дел посерьезнее. Снаряжать отряд к альпинистскому переходу высшей категории трудности, да еще зимнему, дело нешуточное. Неучтенная мелочь может обернуться драмой для всех.

Андрей вздохнул, глядя на лежавшую перед ним небольшую горку провизии.

— Да, не густо... Сухари, две банки тушенки... Совсем не густо. А ну-ка, вынимай, что у кого из жратвы осталось.

Бойцы зашевелились, протягивая лейтенанту жалкие остатки пайков. Я вынул и сунул в общий котел злосчастные галеты. Левон вытащил из-за пазухи беленький узелок, развернул его, положил на сухари остатки лаваши и сыра.

Нюся подошла к Левону, как-то нежно и осторожно прискоснулась к белой косыночке, в которую был завернут лаваш.

— Хочешь — возьми, — обрадовался паренек. — Это Ануш, сестра, вышивала.

Нюся прыснула, словно он сказал ей что-то очень смешное:

— Нет, ты представляешь: сапоги, шинель, а на голове — косынка! Умора! — Она обернулась, приглашая и нас представить себе эту забавную картину и посмеяться. Но все молчали. Тогда Нюся аккуратно сложила косынку — уголок к уголку — и сама сунула снова Левону за пазуху, аккуратно застегнула на нем шинель.

— Потом подаришь. Вернешься — и подаришь.

Андрей тем временем разложил продукты на две равные части. Подумал, отделил от своей еще половину, придвинул ко мне:

— Нам сидеть. Вам идти.

Ну вот, кажется, и все. Ребята медлили.

— Перекурим на дорожку, — сказал Вася и вытащил кисет с махоркой. — У кого завертка найдется?

Все молчали. Тогда я вынул свою неразлучную тетрадку. Вырвал из нее чистый листок. Еще несколько рук протянулось ко мне за бумагой.

7

Мы вышли задолго до рассвета. Было ясно и звездно — здесь, на высоте, звезды гаснут позже. Снег слежался. Шатать было сравнительно легко.

Я оглянулся.

Короткая цепочка черных силуэтов.словно мазки краски стального цвета — ответ луны на плечах, рукавах маскировочных халатов. А за спиной замыкающего оставался след, напоминающий длинную, узкую извилистую трещину.

Мы шли медленно. Куда медленнее, чем хотелось бы. Молчали. Зачем тратить силы на слова? Только скрип снега да шумное дыхание идущего следом, за спиной, в двух метрах — словно тихий и однообразный аккомпанемент к голосу гор: к пушечным валпам лопавшегося от мороза льда и камня или к вдруг нараставшему грому невидимых в ночи лавин, разбуженных этими валпами.

Потом я сделал шаг влево. Тому, кто шел за мною след в след, не нужно было объяснений. Он молча миновал меня, выпел вперед, и я стал на его след. Теперь он прокладывал тропу. Теперь он, словно слепец, тыкал перед собою в снег длинной суховатой палкой, проверяя путь, и вел отряд за собою.

Горы мерцали в лунном свете. Они казались совсем рядом. И отрог хребта, в тень которого мы скоро должны были войти, и зубчатая линия гребня, по которому нам предстояло добраться, пройти, проползти до еще неизвестного мне зубца или впадины и там затаиться на весь долгий день. Будет ли новый день таким же ясным?

Шатать становилось все труднее. Мы вышли на камни, одетые льдом. Увеличилась крутизна ската. Теперь приходилось рубить ступени.

Могучий сибиряк Вася работал ледорубом, словно донецкий шахтер киркой.

— Руби белый уголь Кавказа, — подбодрил его Гурам.

— Слушаюсь, генацвале, — отозвался Вася.

Ребята даже теперь не теряли чувства юмора. Это неплохо.

Но вот мы оказались на крохотной площадке перед отвесной обледеневшей стеной. Такие стенки даже на картах-трехверстках, какая лежала у меня в планшете, не обозначаются. А может быть, ее и не было тогда, когда делались съемки этих диких, пустынных мест. То был каток, поставленный вертикально. Мы уперлись в него и остановились. До гребня было всего несколько метров, но как их преодолеть?

Какое-то время все растерянно молчали. И вдруг Левон сказал:

— Пирамида...

— Товарища Хеопса или товарища Рамзеса? — мрачно съязвил Гурам.

— Нет, как в школе, на спортивном празднике.

Вася сразу все понял и поддержал Левона с неожиданным азартом:

— Два стали на корточки. Один им на плечи — и пирамида. К нему на плечи — еще один. Потом — р-р-раз, встали и вон до того выступчика дотянулись... А?

Я не помню, чтобы не то что зимой, летом в горах альпинисты проделывали подобные номера на краю отвесного склона. Но война вносила и в альпинизм такие коррективы, которые никогда никому и не снились... Да, мы, конечно, предприняли какие-то возможные меры предосторожности, страховки. Но как знать, смогли бы мои товарищи — и каким образом — удержать гроздь из четырех тел, если бы она начала скользить вниз.

И вот эта единственная в своем роде пирамида, на вершине которой был я с ледорубом в руках, начала медленно выпрямляться... Выпрямилась, застыла. И терпеливо, нерушимо стояла, пока я вгонял крюк и крепил на нем веревку, пока вырубал уступ для упора ноги, потом еще один уступ там, где я должен был вцепиться в лед рукой и, подтянувшись, ухватиться другой рукой «за тот выступчик». И мне все это удалось. Я лег плашмя на кромке стенки, прополз несколько метров по скользкому, градусов в тридцать, скату до острого, выраставшего из самых недр хребта камня, показавшегося мне надежным. Именно за него удобно было захлестнуть веревку. Потом я вернулся и позвал:

— Давай!

Первой появилась голова Ашота. Он ухватился за мою руку и выполз, тяжело дыша, пофыркивая, словно морж, выбравшийся из воды.

— Ползи выше, следи за веревкой, — шепнул я ему.

Вот так, один за другим, взбирались по ледяной стене мои товарищи. Вот, кажется, последний. Я ухватил... топешкую руку в варежке.

— Черт побери, ты?!

Передо мною было лицо Нюси.

— Да тяните же, тяните, потом, — прокряхтела она и व्यюном проползла мимо меня, больно двинув в плечо санитарной сумкой.

Последним выбрался Левон.

Я не мог успокоиться от негодования и злости на самого себя. Как это за всю дорогу ни разу не удосужился оглянуться и пересчитать идущих со мною людей. Хотя что это теперь меняло? Назад эту настырную девчонку не отпущешь — замерзнет, пропадет в горах. Но и так оставить подобное самовольство тоже нельзя. Я повернулся к бойцам, притихшим на пяточке, среди камней.

— Сержант Четечкина, как вы сюда попали?

— Следом шла, — жалобно и все-таки с вызовом ответила она. — Сперва за камешками ховалась, а потом в строй стала.

— Кто был замыкающим?

Смущенно, будто провинившийся школьник, поднялся Левон.

— Почему не доложил?

— А он не мог, товарищ старший лейтенант, — вместо парня, бойко ответила Нюся. — Я сказала, что все равно не вернусь. А с ним, если предаст, слова больше никогда не скажу.

Была в этом ответе такая несвойственная Нюсе самоуверенность женская, что я едва подавил улыбку, сказал сухо:

— По возвращении доложите командиру полка. Оба... пять суток гауптвахты.

— Вместе? — под тихие смешки съехидничал Федулов.

— Не с тобою же, схидина костлявая! — отрезала Нюся.

— Откуда ты знаешь... костлявая... — обиделся Федулов.

— Издали видно!

— Ладно, — махнул я рукой, — кончайте перекур. А на «губе» отсидите как миленькие.

— Так точно, — дуэтом ответили «грешники».

...А там, где вот-вот должно было взойти солнце, небо порозовело. И перед нами был пусть довольно крутой, но, кажется, без таких вот стенок гребень, который там, дальше, смыкался с другим. А за ним была только густая, без-

донная синева предутреннего неба. И, словно на японской акварели, вырисовывалась надо всем, возвышалась гора Безымянная, цель нашего похода.

Сама вершина оказалась плоской и немного пологой, как лужайка, заваленная снегом. Подав руку запыхавшейся Нюсе, я помог взобраться ей на это малепькое плато. И все остальные выбрались, остановились, пораженные грозной красотой Главного Кавказского хребта.

— Товарищ командир, тут совсем как на самолете, — сказал возбужденно Гурам и засмеялся. — Все видно. Я перед войной летал один раз, честное слово.

Вася отошел немного в сторону, неловко задел какую-то пирамиду из камней. Она разлетелась, а к ногам скатилась консервная банка.

— Ребята, что я нашел! Судак в томате!

Банка была пустая, легкая. Вася легко вскрыл ее.

— А ну, дай сюда, дорогой, — сказал Гурам и вытащил из банки листок бумаги, стал читать расплывшийся от сырости текст:

«12 июля 1939 года на эту безымянную вершину поднялась группа студентов Киевского политехнического института в составе мастеров спорта Марчука, Голубева, разрядников Ходько, Павлова, Шульгина. Ура первопроходцам!»

Помолчав, Гурам добавил уверенно:

— За такую гору до войны значок давали «Альпинист СССР».

Федулов тем временем подобрался к самому краю площадки, на который мы были, и вдруг резко, зло зашипел:

— Ша! А то будет нам и значок, и вечная память.

Немецкие позиции были совсем близко, метров на 300—400 ниже нас. Ясно видны были проталины землянок и блиндажей, над которыми вставали дымки, насыпи камней, где притаились пулеметы. Прихотливо вились тропинки. Одна сползла с гребня вниз — по ней к землянкам двигалась вереница людей, навьюченных мешками, ящиками. Их подгоняли немецкие солдаты с автоматами.

— Гляди, гляди, бабы... И мальчонки... Будто лошадей захомутали, гады, — возмутился Вася.

Внизу раздался выстрел. Одна из фигурок неловко ткнулась в снег, но движение «людского каравана» не прекратилось.

— Эх, достать бы их! — привстал Гурам.

Я предостерегающе погрозил ему кулаком. Стал делать пометки на карте.

— Забегали, затевают, видно, что-то, — сказала Нюся.

— Готовятся, — подтвердил Ашот. — Вниз, к морю. У них одна дорога — через нашу заставу.

— А может быть, они не собираются вниз... пока, — осторожно предположил Федулов.

— Как же, они сюда прибыли ультрафиолетовые лучи принимать, — съязвил Гурам.

— Потихе, потихе, братцы, — остановил я самых разговорчивых.

И тут мы слышали необычного тембра и силы звук, похожий на сигнал тревоги.

— Гора кричит, — пояснил Ашот, озабоченно вслушиваясь, — буран будет.

Этого нам еще недоставало... Я приказал готовиться к спуску.

— Нельзя вниз идти, командир, — твердо возразил мне Ашот, — не успеем. Ты посмотри на небо, вон гуда... Черное небо. Скоро буран сюда придет. Нельзя идти.

— Совсем слурел, — поежился Федулов.

— Пещеру надо искать или нишу, — настаивал Ашот, — быстро надо искать.

Внизу тоже, видно, почуяв неладное, всполошились, забегали гитлеровцы.

...Карниз, который мы отыскиали, был метров на двадцать ниже вершины — узкая кромка, только ноги поставить. Сверху нависал ледяной козырек. Мы полусидели, тесно прижавшись друг к другу и к скале.

— Шевелите пальцами рук, ног, — тихо приказал я. — Не засыпать. Хочешь жить — контролируй себя. Дежурный контролирует всех. Ну, держитесь, прометеи...

— У него, говорят, хоть огонь был, — успел еще пошутить Гурам.

И налетел шквал.

— ...Эй, хлопцы, шевелите пальцами, не поддавайтесь! — Мне казалось, что кричу, но застывшие губы шептали едва слышно.

...Сквозь кружащую мглу снега вдруг начала проступать сначала неявно, потом все ярче зелень виноградника, искрящаяся быстрая горная речка, домики, прилепившиеся к скалам. Чернобровая женщина с таким знакомым, родным лицом, заслоняя глаза от солнца рукою, смотрела куда-то вдаль.

— Мама, — прошептал я, — я живой, мама...

— Знаю, сынок, — отвечала она и вновь смотрела туда, где тоненькая девушка легко несла кувшин с водою.

— Ануш! — Рванулся к ней и уже наяву почувствовал, как что-то треснуло. Это лопнула обледеневшая веревка, страховавшая нас.

Я мгновенно очнулся, подался назад, прижался к камню, тяжело дыша. И увидел, что метель стихла и оставила после себя лишь белую пелену, укутавшую все вокруг.

— Кто живой?

Мне никто не ответил.

От страшного отчаяния, что так, ни за что, погубил людей, от чувства одиночества, не идущего ни в какое сравнение с физической болью, я вдруг закричал зло и отчаянно. Я ругал и войну, и горы, и немцев, и эту ледяную ловушку. «Мне ведь только двадцать пять! Сегодня, именно сегодня, двадцать пятого...»

— Дернул же вас черт, товарищ лейтенант, в такой позиции родиться, — прошептал Гурам.

— Обмыть бы это дело, — хрипло поддерживал Вася.

— Спирт есть, — раздался тихий голосок Нюси. Она осторожно вынула из санитарной сумки флягу и протянула стоявшему рядом Левону... Шевельнулся, отряхивая снег, Ашот...

Вскоре мы вновь были на вершине, сверкавшей на солнце. Наши движения были неловкими, замедленными. Лица черны от мороза и ветра. Мы молча смотрели на тропу в немецком тылу, где перед бураном было так оживленно. Немцев не видно, а вдоль дорожки лежали окоченевшие, скрюченные фигурки, которые, дотащив до лагеря ящики со снаряжением, так и не успели спуститься вниз.

Я вглядывался в слабо проступающие из-под снега очертания блиндажей. Отсюда они казались такими близкими, доступными. И главное, там нас никто не ждет. Издали доносилось нестройное пение, звук патефона. У них же сегодня рождество! Переньются, наверное, по поводу праздника. Лучшего случая, чтобы выполнить план-максимум, и не придумаешь. Если спуститься по противоположной от немцев стороне, где надо и выйдем. Конечно, придется до ночи подождать. При свете дня с нашими силами на них не погрешь открыто.

— А что, очень возможный вариант, — вслух сказал я. Ребята замолкли в ожидании моего решения.

— Будем спускаться, сказал я, — а так подзадержались малость.

— Склизко, — взглянув на склон, поежился Федулов.

И хотя склон, по которому мы теперь шли вниз, был более пологим, чем тот, нависший над немецкими позициями, ноги скользили, непослушные руки не могли ухватиться за обжигающий камень, глаза слезились. О связке нечего было и думать. Обледеневшая веревка рвалась от небольшого напряжения.

Когда до цели оставалось совсем немного, случилось несчастье. Рухнул вниз, увлекая за собою камни, Вася-сибиряк. Он лежал, распластавшись, у подошвы горы. Первой добралась до Васи Нюся. Приподняла его окровавленную голову, стала обматывать бинтом.

— Живой он, дышит. — Нюся склонилась над солдатом, шептала ему ласковые, ободряющие слова.

— Я его быстро к нашим доставлю. Нельзя за вами тащить, замерзнет...

Легко сказать, доставлю. Ей, малышке, громадного Васю и с места трудно сдвинуть. Я скользнул взглядом по напряженным лицам: кого выделить Нюсе в помощь? Левона? От него пользы в этом деле немного. Все возьмет на себя. Вначале погорячится, а потом выбьется из сил. Как бы не пришлось Нюсе в конце пути волочить двоих...

— Рядовой Челидзе, вместе с санинструктором доставите раненого.

— Почему я? -- возмутился Гурам.

— Не надо, я сама, — в ту же секунду возразила Нюся. — Вас и так мало.

Но приказы командира менять нечего. Я передал Гураму планшет с картой:

— Доложите Гаевому обстановку. Скажите: пусть ждут нас завтра... с «языком».

Нюся не стала прощаться с Левоном. Лишь издали посмотрела на него долгим взглядом и взялась за край плащ-палатки, на которую уложили раненого.

— Лес шумит, — вдруг ясно, отчетливо в бреду сказал Вася. — Слышь, тайга говорит...

8

В сером небе, где-то вдаль, над четким профилем гор, взлетели ракеты. Потом еще... О чем-то переговаривались немецкие посты. Мы лежали, зарывшись в еще не замутненный снег. Уже рассвело, и неподалеку стало заметно темное пятно. Я дал знак Левону и Федулову оставаться на месте, а сам вместе с Ашотом подполз поближе. Вдруг пятно качнулось. Из-за отворившейся двери блиндажа, окутанный

клубами пара, вывалился здоровенный немец и саперной лопаткой начал расчищать тропинку, спокойно насвистывая песенку «Розамунда».

До немца было всего несколько шагов, и он все сокращал расстояние. Вот между нами осталась лишь узенькая снежная перемычка. Миг — и на полуслове оборвалась песенка. Дежурный торчал головою в сугробе. Ашот метнулся по снежному коридору, перерезал финкой красный телефонный провод, тянувшийся к другим блиндажам.

В землянку мы ворвались так стремительно, что обитатели не успели подхватиться с нар. Я полоснул автоматной очередью. Ашот быстро и точно работал финкой. Когда дело дошло до последнего, крупного, белобрысого обер-лейтенанта, Ашот бросился на него плашмя. Прижал к камням и стал засовывать в рот тряпку. Я скрутил руки немцу веревкой, и мы потащили «языка» по снежному коридору туда, где притаились свои.

— Когти рвать пора отсюда. — Федулов кивнул в сторону другого блиндажа, где из проталины вылез дежурный и уставился недоуменно на распахнутую дверь «нашего» блиндажа.

Держа обер-лейтенанта «на поводке», мы заскользили вниз по леднику.

Конечно, наш визит не прошел незамеченным. Там, у блиндажей, послышались выстрелы, команды. Собиралась погоня. А нам пути дальше не было. Впереди зияла широкая расщелина — верная смерть глубиной в несколько десятков метров. Ни обойти, ни перепрыгнуть.

Ребята начали готовить автоматы к бою. Лишь Ашот все время заглядывал в пропасть.

— Прыгать надо, — сказал он вдруг, — там снега свежего много, мягко.

Немцы приближались.

— Прыгать надо, — повторил Ашот, — я буду первый, попробую, — Он подобрался к самому краю выступа, потом обернулся. — Только не делай из себя камень. Так, — он раскинул руки, — как лист, спокойно лети.

И, вздохнув, шагнул в пропасть.

Мы напряженно смотрели вниз. Вот из белой перины снега вынырнула и закопошилась фигурка. Теперь можно рискнуть и остальным.

Пленный попятился от расщелины, всем своим видом показывая, что прыгать не собирается.

— Вяжи, ко мне его вяжи, — приказал я Левону.

Как обер ни сопротивлялся, мы подтащили его к краю.

— Теперь толкайте, ну, раз, два...

На счет «три» мы оба полетели в бездну, плюхнулись в снежную перину. Конечно, она была не столь мягкой, как казалось. Я и пленный какое-то время барахтались в белой массе, потом вынырнули. И я отвязал от себя обер-лейтенанта. Куда ему теперь деваться...

А наверху происходило вот что.

Левон посмотрел вниз и нерешительно отступил. В глазах его поплыло от высоты, от сверкающего снега, а может быть, и от страха. Обернувшись, он увидел, что немецкие лыжники молча окружают его и Федулова, неторопливо, без выстрела. Федулов неожиданно шагнул им навстречу, подняв руки.

— Федулов, — крикнул Левон, — ты что, Федулов!

Тот повернулся, прошипел яростно:

— Прыгай, салага! — А сам сделал еще шаг по направлению к немцам.

— Федулов, давай вместе! — Левон не хотел, не мог поверить в то, что видел.

— Да шевелись скорее! — нетерпеливо крикнул тот.

— Славик! Не падо в плен, а то я... стрелять буду!

— Ах ты, мамипа дочка! Сигай, кому сказали! — заорал Федулов, и только тут Левон заметил зажатую в варежке гранату. Короткое движение — и граната полетела в преследователей. Раздался взрыв, крики немцев. Федулов метнулся назад, сбил Левона своим телом одновременно с треском автоматных очередей. И оба полетели вниз.

...Мы ползли по узкой расщелине, волоча за собою оглушенного для лучшей транспортировки «языка». Выстрелы гремели позади: прыгать за нами немцы не решились.

Ветер задувал все сильнее, швыряя в лица снежные заряды. Мы уже давно выбрались из трещины, но ничего не видели впереди. Сбились с пути и не знали, куда идем. И как спасение, посланное судьбой, увидели вдруг у подножия горной гряды заброшенную пастушью хижину. Здесь можно было наконец спрятаться от метели, передохнуть.

Мы ввалились в хижину, не подумав, что там может кто-то быть, и чуть не поплатились за свою беспечность. У порога какая-то фигура тигром прыгнула на идущего впереди Ашота, подмяла под себя. Ашот ругнулся, пытаясь вернуться, я едва не дал очередь из автомата. И вдруг услышал изумленный голос Гурама:

— Нюся, свои!

Увидев Левона, она бросилась к нему, обхватила за плечи и, уткнувшись в его шинель, расплакалась.

— Ну что ты, что ты, — смущенно говорил Левон, — это же мы...

— Его нельзя было дальше тащить, — сквозь рыдания говорила Нюся, — он нетранспортабелен. Я так испугалась!

— А это что такое? — Гурам разглядел неподвижного обера, которого мы втянули в хижину.

— «Язык» будет. Говорить будет, — пояснил Ашот.

— А Федулов где?

Мы молчали...

— Нет Федулова, — наконец выдавил я.

— Они его на лету, — голос Левона звенел слезами, — Федулов меня спасал, а они его — на лету...

Левон считал себя виновным в гибели Федулова и не находил себе места. Мы оставили солдата там, наверху, в ледяной могиле. Наверное, через много лет ледник вынесет его вниз, и тогда туристы, не знающие о короткой схватке, разыгравшейся высоко в горах зимой сорок второго года, предадут его останки земле... И у меня не было ни сил, ни времени убедить Левона в том, что судьба Федулова просто одна из бесчисленных трагических военных солдатских судеб. И только Нюся здесь нашла какие-то странные, свои слова:

— Не надо, не надо, миленький, — она еще крепче прижалась к Левону, — не казни себя...

— Лес шумит... Слышишь, командир, как тайга шумит? — громко и четко сказал Вася-сибиряк.

Я думал, что он в бреду, но взгляд его, устремленный на меня, был осмыслен:

— Сверни, командир, закурить.

— Что ты, что ты, миленький, нельзя тебе, — метнулась к раненому Нюся.

— Мне теперь все можно.

Ашот молча вынул кисет, пошарил по карманам:

— Простите, товарищ командир, бумажки бы кусочек...

Я вытащил заветную тетрадку. Чистых листов на ней больше не было. Мгновение я колебался, вчитываясь в написанное, затем вырвал листок. Пока Ашот развязывал кисет, Вася протянул руку, взял страничку.

— Что тут? — спросил.

— Стихи.

— Твой?

— Мои.

— Почитай...

Я помедлил, потом стал читать свои старые, довоенные стихи, так странно звучащие в этой хижине.

— Переведи, — попросил Вася.

Я перевел, хотя и понимал, что в прозаическом подстрочнике от поэзии ровным счетом ничего не остается. Вася протянул мне страничку:

— Не надо ее на самокрутку.

— Ну что ты, жив буду, новые напишу. — И я решительно разорвал листок.

Вася с удовольствием затыкнулся крепким табаком Ашота, закрыл глаза и снова стал шептать:

— Деревья шумят... Слышь, как тайга шумит?..

Самокрутка выпала из его губ. Рука бессильно откинулась...

9

Мы с Ашотом полулежали, привалившись спинами к стене хижины. Затах, положив голову Нюсе на колени, Левон. Лишь Гурам бодрствовал. Он с автоматом пристроился у входа в хижину, вслушивался в пургу. Сторожил наш покой.

— Слушай, парень, — вдруг по-армянски сказал мне Ашот. — Говорят, большая турецкая армия на нашей границе стоит?

— Говорят, двадцать шесть дивизий.

— Что же мы здесь сидим? Нужно сказать командованию, сегодня армянин должен защищать свою родину... Как тигры драться будем.

— Ты здесь защищай. Сегодня Армения большая. И Москва — Армения, и Сталинград. На всех фронтах наши парни жизнь за нее отдают.

— Дай тетрадку, — помолчав, решительно сказал Ашот.

— Курить?

— Стихи учить буду.

— Ты?!

— Сейчас ты один их знаешь, а так, если что, нас двое будет. Хорошие стихи. Они людям нужны... Ты не бойся, у меня память хорошая, — заверил Ашот, усаживаясь рядом со светильником. — Запомню, не перепутаю.

Я смотрел, как медленно двигается, запинаясь, по строкам грубый палец Ашота, как шевелятся его губы. И незаметно для себя забылся, заснул.

Очнулся сразу от громкого Нюсиного голоса:

— Ты, дурак, обезручить хочешь? — говорила она пришедшему в себя «языку», разглядывая обмороженные его руки. Затем налила на тряпицу спирту из фляги, принялась

растирать. Обер дернулся, взвыл от боли. — Смотри какой нежный! Ничего, ничего, потерпишь, потом «данке» скажешь.

Я смотрел на пленного, на его сытую, заросшую русой щетиной физиономию, так похожую на лицо стандартного арийца с обложки трофейного журнала. И тут... В его лице стало проступать что-то давно мне знакомое, забытое, запечатленное событиями последних лет... И как на фотобумаге в проявителе, в красноватом, неверном свете копилки стал возникать альплагер, довоенный альплагер в Приэльбрусье... Веселый, гладковыбритый, светловолосый парень с пробором-ниточкой в густых белокурых волосах...

— Эрик? — произнес я вслух. — Эрик Вебер?

Нюся смотрела на меня как на сумасшедшего.

— Это Эрик Вебер из Кёльна. Художник, — говорил я Нюсе. — Он два года назад прислал мне к рождеству открытку... Желал хорошего Нового года... Счастливого сорок первого...

Я перевел дух и продолжал, теперь уж глядя в лицо «языку». Он, точно он, я не мог ошибиться... Я продолжал говорить на русском языке. Он ведь тогда знал русский язык, не мог забыть так быстро:

— Мы ведь с тобой в Баксане познакомились. Ты стихи читал. Наши песни пел. Добрый, свой парень был...

Но немец процедил, повернув ко мне ненавидящее лицо.

— Эршиссен мих бессер... Унд инеллер...

— Чего он? — спросила Нюся.

— Лучше, говорит, чтобы расстреляли. И быстрее...

— Скажи ему, что мы не фашисты. Переведи.

— Да знает он русский... Пушкина паззусть ншарил.

— Цум тойфельс... Алле зинд швайл...

— Чего он сказал? — любопытствовала Нюся.

— Чертыхается. Все свиньи, говорит.

— Ах ты, жаба, — возмутилась Нюся, — сам ты... вша безрогая!

Этот невероятный, придуманный Нюсей образ, видимо, настолько озадачил Эрика Вебера, что он забыл о своем «незнании» русского языка:

— Фрау еще пожалеет...

— Смотри, еще угрожает! — удивился Ашот. — Да мы тебя...

— Нет, нет, герр солдат, я пошутил... — И куда вдруг улетучилась «арийская» гордость, желание расстаться поскорее с жизнью. — Майн фатер, отец, был рабочий, — обмяк Эрик.

— Ничего себе шуточки, — проронил Гурам.

— Уф, жуткий холод, — продолжал немец, — русский климат нехорош. Европейец не может себе представить русской зимы.

Конечно, Эрик не мог себе представить, каков наш декабрь. В Баксанском альплагере он был в июле. На Эльбрусе, у «Приюта одиннадцати», подставлял летнему солнцу свой мускулистый торс.

— А чего воевать полезли? — оторвавшись от стихов, спросил Ашот.

— Война — это высшее состояние человека! — с пафосом начал было вещать Эрик, но тут же осекся. — Германия вынуждена бороться за свое будущее. Нам нужна земля. В России слишком много хорошей земли.

— Но ведь на этой земле люди живут, — заметил Ашот спокойно.

— После войны всегда людей бывает меньше, — замялся Эрик. — Часть можно переселить, часть будет работать. Мы научим...

— Это ты будешь меня учить? — поинтересовалась Нюся.

— О, фрау шутит. Я художник — портрет, пейзаж... У меня фермы нет.

— Вот не повезло мне, — ухмыльнулась Нюся, — надо же как не повезло, правда. Левочка?

Левон смотрел на немца сухим, горячим взглядом.

— И убью его, — вдруг приподнялся он. — Гад, гад! Фашист! Из-за тебя Федулов... Он спасал меня... А ты живой...

И тогда Нюся с отчаянной решимостью крепко обняла его, зашептала:

— Что ты, Левочка... Не надо сейчас. Жизнь-то долгая... Сквитаетесь...

Я решил прекратить эту бесплодную дискуссию. Ребятам-то сейчас не взвинчивать свои нервы нужно, а хоть немного расслабить. Заснуть. Кто знает, что ожидает нас потом...

Вскоре совсем тихо стало в землянке. Сморила усталость моих товарищей. И Ашот задремал у раскрытой тетрадки. И Гурама я отправил спать, заняв его место у входа в хижину. Немец тоже полулежал, закрыв глаза. То ли на самом деле дремал, то ли делал вид, что спит, не желая больше со мною ни о чем говорить. Вдруг он открыл совсем не

сонные глаза, осторожно пошевелился, стал стягивать с рук зубами повязку.

— Не надо, Эрик, — приказал ему. — Послушай, я все думаю... Ты тогда уж знал? Ну, когда вместе в горы ходили?

— Я солдат. Был приказ изучать Кавказ. Я подчинился.

— Но ведь ты песни пел, тосты говорил, с девушками нашими танцевал...

— Я солдат. — И добавил высокопарно: — Великая борьба заставляет забыть интеллигентские кодексы чести.

— И тогда не было у тебя чести, значит, и сейчас...

Пленный смотрел на меня холодным, оценивающим взглядом.

— Ты будешь мне помогать, — сказал он, — мы будем вместе ухаживать.

Я даже сразу не нашелся, что ответить на это наглое предложение.

— Скоро тут будет ад, — продолжал Эрик спокойно, — сначала пушки, много пушек. Потом большая атака. Аллес капут. Тебе я гарантирую жизнь.

— Ты что? Мне? Плен?!

— Не плен, — возразил Эрик. — Просто хочу показать, что я помню старую дружбу. Ты ведь не русский. Ты будешь работать на великую Германию.

— Верно, я армянин, но...

— Армения — страна древней культуры, — перебил меня Эрик. — Русские — свиньи. Они не боятся умирать. Ты цивилизованный человек. Германии нужны образованные люди из местных племен.

— Когда атака?

— Надо спешить, — засмеялся Эрик, обретая уверенность, — завтра утром. Солнце нового дня осветит немецкое знамя на горных вершинах Кавказа.

Я молча потянулся к пистолету.

— Да, да, — закивал Эрик, — ты прав, свидетелей не надо.

— Ах ты, мразь! — задохнулся я ненавистью, схватил его за грудки. — Ах ты!..

Немец освободил руки, умелым, профессиональным ударом оглушил меня и ужом скользнул к выходу. Не знаю, откуда взялись силы, но я намертво впился в Эрика. Так мы оба и вывалились наружу, в снег. Это была борьба обесиленного от голода и холода человека со здоровым и сильным противником. Странно замедленная, но от этого не менее жестокая...

Когда Гурам с автоматом выскочил из хижины, все было кончено. Я медленно поднялся. На душе было скверно. Прежде, когда стрелял из окопа, я не видел врага в лицо, не знал его. Он был просто враг, фашист, пришедший с огнем и мечом на мою землю. А с этим человеком я когда-то сидел за общим столом, пил вино. Вместе свеживал барашка и поворачивал над угольями шампуры с шашлыком. Он был у меня в горах. Значит, был мой гость! Стал мой враг. В моем доме...

Товарищам я сказал:

— Завтра они наступают. Сначала будет артналет, потом атака. — Я глянул на часы. — Уже сегодня.

Они молчали. Тогда я спросил:

— Среди вас есть коммунисты?

Ашот сделал шаг вперед:

— Я... С двадцать второго года...

— Все мы здесь коммунисты, — сказала Нюся и встала рядом с ним.

Вслед за нею шагнули и Гурам, и юный Левон.

— Хорошо... Их нужно опередить. Пусть они сначала парвуются на нас. Примем бой.

— Патронов маловато, — сказал Гурам.

— Десятка по четыре на нос наберется, — возразил Ашот, — еще гранаты.

— Вот что, Нюся, теперь пойдешь одна, — сказал я. — Предупредишь Гаевого — и вниз. Без подмоги ему не продержаться.

— Никуда я вас не брошу...

— Это приказ, Нюся. Санинструктор Четкеткина! Повторить боевое задание!

— Ну... до наших добраться...

— Без «ну», ты же военный человек...

— Я и стреляю не хуже вас, пусть Левка скажет...

— Ради нас ты пойдешь. Одна.

Нюся посмотрела на Левона. Сказала с какой-то ворчливой ложностью:

— Ты без меня тут не суйся куда не надо. А я скорее...

Мы сидели над картой тесным кружком, плечо к плечу.

— Здесь оставаться нельзя, сразу накроют, — сказал я.

— А если вот на эту горку взобраться? — предложил Гурам. — Очень даже удобно. Они обязательно мимо пойдут. А мы их сверху, как Ашот тогда.

— Одиночными будем стрелять, — деловито сказал Ашот.

Серый зимний рассвет застал нас на вершине горы, нависшей над узким проходом, который немцам не миновать на пути к нашей заставе. Гурам выкладывал рядочком под правую руку гранаты, Левон и Ашот прилаживали между камнями автоматы. Молодцы. Решили стрелять с упора. Наверняка. Я прикидывал: нашей горсточке нужно продержаться часа два, не меньше...

— Черт, ногу сбил, теперь когда заживет, — проворчал Гурам.

— Внимание, — негромко сказал я, взглянув на часы, и добавил, помня о немецкой пунктуальности: — Кажется, сейчас начнут.

И в тот же миг горы наполнились грохотом. Разрывы вздымались там, где была застава Гаевого.

Нюся должна была уже пройти слой облаков и спуститься по течению горной речушки к базе полка. Если дошла до заставы, если не провалилась по пути в предательски запрятавшуюся под слоем снега трещину...

Пушки замолкли так же внезапно. Видимо, немцы решили, что трех десятков фугасок достаточно, чтобы разнести в пух и прах заставу, известную им до последнего поворота траншеи. В наступившей тишине далеко раздалась гортанные слова команд. И вскоре множество фигур в маскахалатах выросло будто из снега. Спокойно, во весь рост, двинулись они по узкому проходу, не замечая нас.

Напряженно застыл с зажатой в руке гранатой Гурам. Приготовились мои считанные автоматчики.

— Раю... Еще раю, -- повторял я. — А теперь — огонь!

Немцы не сразу сообразили, откуда наступают их пули. Залегли, постарались слиться со снегом.

— Ура, наша взяла! — не выдержав, закричал Левон. Он лишь немного, совсем немного приподнялся над только что сложенным бруствером и тут же стал медленно оседать, схватившись рукой за грудь. У него еще хватило сил вытащить уголок сестриногo платочка. Он с недоумением смотрел, как темнеет ткань, набухает кровью, его кровью.

— Не говорите им, — с трудом шептал Левон. — Ануш... Нюся... Анушка...

Наверное, в этот предсмертный миг образы двух таких разных, непохожих девушек — сестры и любимой — сли-

лись в его душе воедино, в образ великой женской любви, преданности, верности.

Немцы тем временем очухались от неожиданности, стали медленно подбираться к подошве горки, на которой мы закрепились.

— Слушай мою команду, — закричал я, — батальон, к бою! Огонь!

Снова застучали выстрелы. И вдруг смолкли. Ашот отложил автомат, вытер пот со лба.

— Все, у меня патроны кончились. Да и камешек не раскачаешь, не хватит на них на всех камешка.

Немцы не стреляли. Я понимал, что там у них сейчас происходит. Какая-то группа, вбивая в щели крючья, медленно поднимается вверх, все ближе и ближе к нам, надеясь взять нас легко и просто. Они не вызывали огонь орудий. Можно было израсходовать сотню снарядов, прежде чем хоть один угодит точно в наш пятачок. А может быть, просто боялись своих же снарядов. Так легко вызвать обвал, который их в первую очередь погребет под грудой камней и снега.

В это мгновение у меня созрело решение. Шансов на то, что все выйдет именно так, как я мечтал, было мало. Как говорится, пап или пропал...

— Скалу, скалу подорвать надо. Завалить проход...

А немцы подбирались все выше. Я явственно слышал стук их альпинистских о скалы. Но они пока были недосыгаемы для нас.

— Эх, кто нам хачкар поставит, — вздохнул Ашот, глядя, как Гурам деловито загоняет одну за другой гранаты — весь наш запас — в узкую щель между острым выступом скалы и монолитом горы.

— Горы будут нам хачкаром, — сказал я, обнимая Ашота.

Гурам попробовал, прочно ли сели в щель гранаты. Потом дернул сквозь кольца остатки веревки, отполз к нам. И веревка тянулась за ним, как бикфордов шнур. Но прежде чем дернуть за этот шнур, прежде чем раздастся взрыв, который и нас, возможно, ударной волной сметет с пятачка, Гурам вынул из застывших ладоней Левона пропитанный кровью платочек. Он привязал платочек к дулу ставшего бесполезным автомата, всадил с силой приклад между камнями, и над вершиной затрепетал алый флаг.

Мы бросились в снег, и Гурам рванул на себя конец веревки.

...Торопливо, расцарапывая руки в кровь, Нюся карабкалась вверх по крутому склону. Лишь изредка оглядывалась она на автоматчиков, обещала:

— Скоро, теперь уже скоро... Рядом совсем.

И бойцы уже слышали редкую перестрелку и наступившую вдруг тишину. И слышали они потрясший воздух одновременный взрыв двух десятков гранат, которым и танк даже перевернуть можно. Они увидели, как сдвинулась, поползла вниз по склону снежная шапка с нарастающим гулом и грохотом.

Нюся подняла голову и увидела там, наверху, на безлюдной вершине, в солнечных лучах красное пятнышко. Она смотрела на этот флажок, не замечая, что отряд автоматчиков обгонял ее. Где-то впереди уже завязалась рукопашная схватка...

Мы не слышали звуков боя...

Виктор ПШЕНИЧНИКОВ

ШПИОН УМИРАЕТ ДВАЖДЫ

Приключенческий рассказ

I

Море дыбилось, плотик на волне вставал едва ли не вертикально, и вся жизнь летела под рев шторма к черту на рога, в преисподнюю, а Рыжий, обלאив пистолет обеими руками, выцеливал жертву, метя ей непременно в голову.

— Эй, не дури... Слышишь?

Их разделяло всего лишь пять небольших шагов — ровно столько, сколько насчитывалось от одного резинового надувного борта рыбацкого плота до другого, и ступить дальше, а уж тем более укрыться, было куда и негде. Вокруг, застилая горизонт, вскипали, ходили ходуном высокие злые волны — непроглядные, как сама судьба.

— Предупреждаю: для тебя это может плохо кончиться...

Рыжий словно оглох. Он старательно щурил глаз, но силы его уходили больше на то, чтобы удержаться под ногами зыбкую надувную палубу, и выстрел все запаздывал, томя душу неминуемой развязкой.

— Опусти оружие, тебе говорят! Скотина...

Пенный клоч слетел с гребня косо́й волны, хлестнул Рыжего по лицу, усеяв мелкой влагой плохо выбритые щеки с пучками неопрятной, должно быть, жесткой поросли. Не теряя из поля зрения противника, Рыжий отер рукавом лицо. Рот его свело не то судорогой, не то зевотой, губы поползли в стороны, оголяя узкие и длинные, как у старого мерина, отменной крепости зубы.

— Я тебя ненавижу... К-как же я т-тебя ненавижу! — даваясь словами, прошипел Рыжий, теряя опору при очередной броске волны.

Костлявые кулаки Рыжего, в которых пистолет казался игрушечным, были сплошь покрыты коричневыми пигмент-

ными пятнами, огромными и отчетливыми, будто ленеги коровьего помета на ровном лугу. Шишковатые, с короткими обрубками ногтей, пальцы не выпустили бы пистолета, случись Рыжему рухнуть внезапно замертво или ненароком свалиться за борт.

— Брось оружие, идиот! Оно ведь заряжено!

— Не твоя забота, Джек, или как там тебя...

— Мы должны держаться вместе, иначе пропадем оба!

Рыжий кричал: видно было, что ему приходилось круто, и животный его инстинкт искал если не избавления от мучений, то хотя бы жертвы.

— Ты втянул меня в это дело, а теперь пришла пора нам с тобой посчитаться.

Подогнув колени, Рыжий уравнивал-таки вихляющееся тело, пружиня ногами в такт вздымающейся волне. Блеклые, выцветшие за годы глаза его от тоски и злобы и вовсе остекленели, на губах выступила соль. Заострившийся нос побелел, будто вылеплен был из свежезатворенного алебаstra, а только мощные отогнутые крылья, дрожа, гневно раздувались при каждом вздохе Рыжего.

— За борт, собака! — прорычал он недавнему поделщику, компаньону, работодателю в прибыльном и непыльном деле, а теперь волею случая, волею обстоятельств — смертельному врагу.

Под овальным нейлоновым куполом плота омерзительно пахло резиной. Из бачка бесполезного сейчас подвесного мотора, захлебнувшегося на первой же серьезной волне, то и дело подтравливал бензин. Тошнота от качки и вони вызвала спазм, тянула кишки, и это заботило больше, чем пляшущий почти у глаз пистолет в тупом ухвате сцепленных, как зубья шестерен, рук.

— За борт! — раскатывая «р», неистовствовал Рыжий, готовый раньше времени нажать на курок. — Быстро прыгай! Считаю до трех. Раз...

«Джек, или как там тебя» поудобней, насколько позволяла болтанка, скрестил на груди руки, демонстрируя полное презрение, более того, полное равнодушие к Рыжему. Он был терпелив, потому что знал истинную цену терпению, и умел ждать.

— Два...

«Джек» закусил губу, потому как едва тошнота подступила к самому горлу, и унизиться перед Рыжим в такую минуту, стравить, как все люди, которых внезапно захватил

и уж который час бессмысленно мотал посреди пучины крутой шторм, ему не хотелось.

— Ну, молись богу, чужак: три...

II

Трижды за короткий срок он видел одинаковый сюжет, и трижды вздрагивал, кляня в темноте ночи так неудачно сложившуюся ситуацию и собственную память, способную цепко ухватывать не только суть, но и мельчайшие детали, чудом не выветрившиеся из головы после всего, что произошло.

Дурацкий эпизод с пистолетом, мешая спать и копить силы для будущей нелегкой борьбы за жизнь и свободу, каждый раз назойливо, с незначительными вариациями, возвращался, и его натренированный мозг сейчас был бессилён что-либо изменить, впервые не повиновался ему, так же как и его универсальная память не способна была отторгнуть, пренебречь совершенно не нужными в данный момент подробностями вроде хрящеватого алебастрового носа Рыжего и его ржавых пигментных пятен наподобие коровьих лепех посреди ровного луга.

Рыжего больше не существовало, и о нем следовало забыть, как забывают о сношенных, ещё недавно таких удобных, банниках или отслужившей срок сорочке. В конце концов Рыжий сам себя наказал, собственной рукой подвел черту.

«Бедняга, он даже не узнал напоследок моего настоящего имени. «Джек!» Так называют дворовых псов. Велика честь...»

Приказывая себе забыться, уснуть после растрепавшего видения, он плотно сомкнул веки, ощущая глазными яблоками их припухлость и тяжесть — следствие недавнего неимоверного напряжения. Жесткий ворс казенного одеяла грубого сукна тоже не располагал к неге, натирал шею и лицо, так что он вынужден был сменить найдённое раньше удобное положение, перевернуться с боку на бок. Всякое лишнее движение тянуло мышцы, причиняло боль. Но стоило убаюкать себя, погрузиться в сон, как воспрявший из небытия Рыжий снова принимался выцеливать его лоб, тарача блеклые, выцветшие глаза на обречённую будто бы жертву, и «Джек», с трудом удерживаясь на грани яви и сна, натужно улыбался, чуть ли не вслух говоря: «Напрасно стараешься, дядя! Прежде чем взять в руки оружие, на-

до вначале хорошенько его изучить. Не про тебя ли сказано: «Оружие в руках дикаря — дубина»?

Что ж, видит бог, ему можно было улыбаться и под направленным в упор оружием. Можно было, глубоко презирая взбешенного Рыжего, уничтожая его полнейшим равнодушием, спокойно ждать развязки, выжидая со скрепченными на груди руками у бортика утлого прибежища — единственного на все беспокойное море островка суши...

Он знал, что выстрела в его сторону не последует, что снабженный полной обоймой пистолет-перевертыш своим единственным «обратным» выстрелом поразит не жертву, а владельца. Знал и все равно продолжал хищно, хотя и исподволь, следить за тем, как тонкий ствол зигзагами, будто в пляске, маячил перед лицом, то заваливаясь вниз, к животу, то утыкаясь в небо... «Джек» не верил, что Рыжий, еще недавно послушный его воле, решится нажать на спуск, не верил в реальность происходящего. Реальными были лишь вздыбленное море с оранжевым, как пожар, плотом для двоих, да промокшая насквозь обувь, да еще дикая, прямо-таки чудовищная тошнота, уносившая последние силы. Все остальное слишком походило на спектакль.

— ...три! — командовал Рыжий перекошенным ртом, и тот, кого должны были убить, просыпался в усталом смятении посреди ночи, а убийца замертво валился с подогнутых раскоряченных ног, так и не успев понять, что же произошло.

Так продолжалось трижды, и трижды этот покойник, этот нелепый призрак, досаждая и зля, исправно являлся к единственному свидетелю его последних минут, а это кого хочешь могло вывести из себя, потому что казалось мистической, роком.

«Черт! Дался мне этот чичако, новичок...»

Дышать было нечем: в помещениях такого рода, где он вынужденно коротал ночь, форточки не предусмотрены. Он лежал какое-то время на спине, бездумно пялясь в неопределимой высоты потолок. Синий выморочный свет, струившийся из крошечной лампочки, забранной плафоном и решеткой, непостижимым образом связывался в сознании с йодоформом, вдохнуть который ему довелось однажды. Подслеповатое контрольное освещение не давало бодрствующему в ночи никакой надежды на избавление или хотя бы малейший выход из создавшегося положения, и оттого раздражало, мешая думать.

«Что им известно обо мне? Что они могут мне предъявить?»

Факты и фактики, мгновенно вызванные из недр его арифметического мозга, выстраивались в доводы, а те, едва сформировавшись, перерастали в версии, которыми руководила его отточенная, без изъянов, логика и их собственная неоспоримая простота. Именно на простоте должен строиться весь расчет: его, отпускника, приехавшего из Горького на Балтику, чтобы полюбоваться архитектурой и хорошенько отдохнуть, пригласил на рыбалку абориген, островной житель, с которым их свело в городе случайное знакомство. Они спустили плот, навесили мотор и на зорьке вышли в море, а затем разыгрался шторм, мотор захлебнулся, и неуправляемый плот понесло, увлекая стихией все дальше и дальше от берега... Нет, они вовсе не намеревались забираться слишком далеко и уж тем более задерживаться в море столь долго. В этом легко убедиться — достаточно заглянуть в их мешок с провизией и снастями и удостовериться: кроме термоса и целлофанового пакета с бутербродами у них не было с собой ничего. Даже запасной канистры с бензином, предусмотрительно выброшенной вместе с другими вещами за борт, и той не мог обнаружить следа самый придирчивый взгляд.

Был еще один, бесприщипный, с его точки зрения, вопрос, который могли задать ему на дознании: как он, не имея специального разрешения, оказался в пограничной зоне? Но помилуйте, с «младых ногтей» живя и работая в глубине России, в Горьком, он и понятия не имел ни о какой погранзоне, не то что о допуске в нее по специальному разрешению! Что в этом особенного или противоестественного, если человек он сугубо гражданский, обычный инженер-строитель, каких тысячи и тысячи... Не всем же проявлять бдительность и крепить обороноспособность страны, кому-то надо и пахать, и сеять, и строить дома... Вот именно.

Естественно, по месту жительства немедленно пошлют запрос, и оттуда по телетайпу придет подробное подтверждение, что да, такой-то и такой действительно и проживает, и работает, а в данное время находится в законном очередном отпуске за пределами города... Этого вполне будет достаточно при такой пустяковой, такой очевидной вине — нарушении програнрежима. В ту неведомую строительную контору направят официальный акт о задержании, чтобы администрация применила к подчиненному соответствующие строгие меры, а его самого, завершив формальности, рано или поздно отпустят с внушением, и этим все кончится... Что касается настоящего горьковчанина, чьими документа-

ми он воспользовался, то истинное его нахождение, истинная судьба никому на свете, кроме него, неизвестны.

Лежа в неподвижности, он удовлетворенно чмокнул губами: гут сработано чисто, не оставлено и малейших следов. Значит, выбросить из головы даже само напоминание. Что в итоге?

Он прикидывал, не особо вникая, и другие вопросы, могущие возникнуть вскоре. Его новый знакомый, островной житель, тья жизнь закончилась столь трагично? Да, крайне неприятно, он очень сожалеет, что так получилось, но ведь был шторм, светопреставление, а у стихии свои законы, и жертвы она выбирает сама. Дело случая, что за борт смыло одного, а не двоих; произойди иначе, и спрашивать, восстанавливая истину, было бы не у кого.

Здесь Рыжий, вновь ярко, будто почтовая марка на конверте, возникнув в напряженно работающем сознании, уже не докучая почти натуральной свирепой игрой, а выступал чуть ли не в роли союзника и спасителя. Мертвый, он был ему не опасен, потому что уже самим фактом гибели снимая с напарника лишний обременительный груз, явные свидетельства его вины и причастности к преступлению, как именовались подобные деяния на юридическом языке враждебной, столь ненавистной ему страны, где приходилось отрабатывать куда как не сладкий хлеб.

Упоминание о еде на миг приостановило логические построения, вожделенной болью набежавшей голодной слюны свело челюсти. С каким наслаждением он закусил бы сейчас бутербродом и выпил большую чашку кофе! Не того жидкого коричневого пойла за двадцать копеек в уличной забегаловке, а сваренного по-восточному в серебряной джезве на прокаленной мелкой гальке — так, как он обычно готовил себе — в память о Востоке! — когда пребывал в хорошем расположении духа и дела его шли отлично.

Правда, и сейчас нельзя было сказать, что фортуна явила ему вместо прекрасного лица костлявую спину, и сейчас он ни минуты не сомневался, что выпутается из щекотливого положения, в которое попал уже на финишной черте, уже сделав все, за что, собственно, и получал ежедневный кусок хорошего хлеба с хорошим маслом. Но сейчас под рукой у него не было ни привычной джезвы старого черного серебра, ни банки жареных зерен томительного запаха, ни даже обычных домашних тапочек, в которые он облачался, когда были, давая знать о прошлых невзгодах, его натруженные ступни.

«До рассвета еще далеко, — прикидывал он на глазок,

потому что часы — не «Сейко», не еще какой-нибудь суперхронометр, а обычный, ничем не примечательный «Луч» Угличского часового завода — с него предусмотрительно, как и положено, сняли. — Надо уснуть. Обязательно постараться уснуть».

Чувствительный до болезненности к различного рода запахам, он, едва дотянув одеяло до подбородка, тотчас уловил специфический душок не то карболки, не то еще какого-то дезинсекта, столь свойственный всему казенному, в том числе и гостиницам, где приходилось бронировать номера или останавливаться на ночлег. Правда, нынешний «номерок» мало напоминал комфорт «Интуриста» в Юрмале, но все же ниоткуда не дуло, не капало, что можно было счесть за благо в пору, когда отовсюду напознала осень, земля превращалась в слякоть и ветер обрывал с деревьев последнюю ненужную листву.

Он всегда относился с неприязнью, раздражением и глухой враждебностью к этой поре года, потому что слишком хорошо помнил стылую, бесприютную осень в Гамбурге, где ему однажды пришлось особенно тяжело, где он загибался в полнейшем одиночестве и тоске, будто последний пес, пока его не подобрали и не вывели, пока впереди не забрезжил мучительный и желанный свет избавления и надежды...

О, не хотел бы он такого повторения пройденного пути, врагу бы не пожелал изведать то, что изведal сам. Не надо подробностей, останавливал он себя; не стоит углубляться в душу и ковырять иголкой в ране, которая давно отболела и затянулась розовой новой кожей, реагирующей на всяческие перемены и внешние раздражители... Он умел быть благодарным, никогда не забывал, в какой оказался яме с крутыми и осыпающимися краями, откуда самому не выбраться ни за что. Он умел помнить добро и готов был платить за это добро любые проценты, и тот, кто жестоко голодал без гроша в кармане, кто, покрываясь коростой, заживо гнил, кого кропил дождь и жгло немилосердное солнце, — о, тот знает, что это такое — плата за жизнь...

Он спохватился, что забрел памятью не туда, куда нужно, когда почувствовал, что дыхание его сбилось с ровного привычного ритма, поцеслось скачками, будто настеганная лошадь или, точнее, строптивый автомобиль в неумелых руках новичка.

«Стоп! — сказал он себе. — Что-то я становлюсь сентиментальным. Или старею? Не о том теперь надо думать. Не о том, не о том, не о том...»

В сущности, что о нем было известно, кому, может быть, уже наутро предстояло вести с ним беседу? Практически ничего. И узнают только то, что он сочтет нужным, сообразуясь с легендой, им заявить. Прежде ему это легко давалось — искренность, особая доверительность в разговоре, которые сразу располагали к нему людей. Отработанный механизм взаимоотношений, верил он, не подведет его и теперь. Главное, держаться избранной тактики, первую часть которой он уже осуществил: благополучно избежал первичного, самого результативного, в общем, допроса, убедительно изобразив донельзя изнуренного, измотанного вконец человека. Все остальное должно пойти как по накатанным рельсам. Иначе, считал он, все пройденное и приобретенное им за прошлую жизнь, очень специфичные навыки и собственное недюжинное чутье, поистине универсальное образование, включавшее знание четырех языков, иначе все это ничто, шелуха, дым. А он пока что, до сего дня, ставил перед алтарем три свечи и твердо верил в три начала: себя, свои природные способности и, чего греха таить, капризную стерву — удачу, и потому не допускал мысли о случайном промахе или, упаси бог, провале.

«Ведь им даже не известно мое настоящее имя! — с тихой радостью подумал он и усилием воли вновь смежил веки, чтобы на сей раз уже без сновидений и нервотрепки докоротать ночь. — Для них я — всего-навсего Горбунов Николай Андреевич, ничем не примечательный инженер ничем не примечательной стройконторы. На том и будем держаться. Хороший бегун, если не может достичь призовой черты первым, сходит с дистанции. А мне до финиша еще далеко...»

В минуты, когда пропахшая духотой закрытого помещения и карболкой ночь сомкнулась над ним спасительной темнотой, давая отдых уставшему телу и истрепанным нервам, когда сознание меркло, успокоенное радужной феерией цветных картин, возникавших под крепко сжатыми веками, — в эти бестрепетные минуты он даже не подозревал, как недалек собственный его сход с дистанции, как неумолимо реален и близок последний его финиш в сумасшедших гонках по круто изгибающейся спирали... Много позже, по привычке суммируя итоги, он с иронией подумает, что, пожалуй, трех свечей перед алтарем всевышнего было мало. Наверно, не столь безмятежен был бы его сон в ту душную осеннюю ночь, подсажки ему провидение, дай намек, что подлинное его имя — Джеймс Гаррисон — стало известно компетентным органам задолго до того, как в Управление

комитета государственной безопасности по Горьковской области поступил сигнал о странном пациенте — некоем Горбунове Николае Андреевиче, доставленном в травмопункт с тяжелейшей травмой черепа, в полуживом состоянии. Это был сильный и мужественный человек, который, едва обретя способность говорить, обрисовал приметы напавшего на него человека, в точности совпадавшие с обликом того, кто проходил по служебным документам под малопривлекательным псевдонимом Крот.

А пока... Пока его чуткий мозг, по инерции довершая дневную работу, без усталости всасывал поступающий кислород и насыщенную гемоглобином кровь, перегоняемую по миллиардам капилляров крепким сердцем, жаждущим жить.

Дыхание снящего выравнивалось, пульс входил в норму.

III

— Янис, я жду доклада.

— Докладываю: объект — Рыжий — пересек трамвайные рельсы, вышел к аптеке. Заходил в два магазина — продуктовый и хозяйственный. Ничего не купил. Сейчас направляется к площади.

— Как ведет себя?

Динамик компактного переговорного устройства шипел и потрескивал, должно быть, питание «подсело», но голос руководителя слышен был хорошо.

— Угрюм. По сторонам не смотрит.

— Будь внимателен, не упускай его из виду. У них сегодня встреча. Круминьша не видишь?

— Нет еще. Много народу.

— Круминьш на связи, — вклинился в эфир приятный басок.

— Илмар, как дела?

— Крот сегодня в отличной форме, исколесил полгорода. Дважды брал такси.

— Что-нибудь почувствовал?

— Вряд ли. Проверяется, как обычно.

— На тебе особая задача, Круминьш.

— Понимаю... Крот вышел на площадь. Столкнулся с мужичной. Кажется, случайно. Попросил прикурить.

— Ведь он же не курит, Круминьш!

— Сейчас смолит вовсю, как заядлый курильщик.

— Чего-нибудь необычного не заметил?

— Нет. Как всегда. В руках «дипломат». Больше ничего. Смотрит на часы. Вошел в молочное кафе.

- Что у тебя, Янис?
- Объект пересек площадь. Он что-то ищет. Остановился у кафе. Вошел. Все. До связи!
- До связи, Янис. До связи, Илмар.

IV

Кафе в этот предполуденный час было пустынным. Вялые официантки, должно быть, еще не пришли в себя окончательно после сна, погромыхивали посудой, нарезали салфетки и веером рассовывали их по вазочкам.

Ожидая, пока на него обратят внимание, Джеймс выудил из «дипломата» книгу, нехотя пролистал две-три страницы и положил ее на край стола.

Что-то подгорало на плите, в кухне, и оттуда в зал вылся чуть заметный дымок, к которому Джеймс принюхивался с подозрением.

Свято следуя правилу, что завтрак должен быть плотным, он заказал себе рисовую кашу, горку блинов и стакан кефира с творожной ватрушкой, и пока масло таяло, янтарной желтизной разливаясь по рису, медленно, с наслаждением отхлебывал кефир, держа в поле зрения весь небольшой зал кафе и входную дверь, за которой кипела в многолюдье и прощальном осеннем солнце центральная площадь.

Прямо к его столику, неуклюже выбрасывая ноги, протопал через весь зал Рыжий, глухо спросил:

— Можно? Тут свободно?

Джеймс приглашающе взмахнул ладонью:

— Прощу!

— Спасибо.

Видно было, что как-то по поутру приходилась Рыжему вся эта игра в вежливость и чуждый его натуре галантерейный этикет. Джеймс в душе рассмеялся внезапному желанию позлить этого островного бирюка утонченным европейским обхождением. В отличие от Рыжего настроение у него было отменным, а будущее сулило только хорошее. Еще день, максимум два — и тогда он вытянет голову из той петли, в которую добровольно дал себя всунуть, рискуя не где-нибудь в привычном Гонконге или Алжире, а здесь, в России. Минуют сутки, максимум двое — и спустя сорок восемь часов он с гордым и независимым видом ступит на привычную землю, доберется-таки до возжеленных таночек и кофе, которые единственно и способны ослабить его уже потерявшие былую эластичность, ставшие чересчур хруп-

кими нервы. Где-нибудь на траверзе Копенгаген — Стокгольм, в максимальной близости от советских берегов, специальное пассажирское судно, сделав порядочный крюк, поднимет его с утлого рыбацкого плота, который за немалые деньги, отчаянно торгуясь, подрядился гнать Рыжий. И прощай, страна Муравия, прощайте, открытые и доверчивые славянские души!.. Джеймс вас не забудет и непременно бросит в благословение и память о вашей замечательной нации лишнюю монету в жертвенную копилку церкви своего прихода. Ведь он всегда был благодарным и до щепетильности верен принципу, когда платил проценты за полученное добро... Смешно подумать, но, однако, именно этот угрюмоватый рыжий дундук, что сейчас истуканом сидел напротив него и мучительно потел в непривычной обстановке, служил гарантом его будущего благополучия, единственным пока залогом освобождения от напряженки, в которой Джеймс пребывал последнее время. И это обстоятельство нельзя не учитывать, какую бы иронию, почти фарс, ни заключало оно в себе.

— Рекомендую, коллега: закажите себе рисовую кашу. Здесь ее готовят прекрасно.

Ервая на пластиковом сиденье, не зная, куда убрать громадные руки, Рыжий буркнул, что предпочел бы сейчас закусить куском говядины.

— Увы, в молочном кафе говядину не подают, здесь другой ассортимент, — с улыбкой склонил голову набок Джеймс и, не меняя тона, спросил: — Все готово?

— Готово. Деньги принес?

— Сначала дело, потом расчет.

Рыжий убрал со стола руки, принялся мять ими мосластые колени.

— Мы договаривались, что аванс сейчас. — Рыжий смотрел в упор не мигая, крылья носа с серыми складками от глубоко въевшейся пыли тревожно напряглись. — Я рисковать за здорово живешь не собираюсь.

Джеймс осторожно промакнул тисненой бумажной салфеткой уголки губ.

— Ты свое получишь. Немного погодя. Пока что сделай официантке заказ. Потом обсудим детали.

Наблюдая, с какой неохотой Рыжий принялся поглощать молочный вермишелевый суп, обильно приправляя его хлебом, Джеймс сквозь отвращение к этому мужлану ощутил безотчетную тоску и тревогу.

— Как ты намереваешься доставить меня на остров?

Рыжий перестал бренчать ложкой.

— Вместо груза. Мне надо купить в городе новую сеть и тюфяк, чтобы спать, старый совсем расползся по швам. Ну, еще кое-какие мелочи по хозяйству. — Рыжий бегло смерил взглядом фигуру собеседника. — Пожалуй, вместе столько и наберется.

Джеймс разочарованно, в немалом сомнении уставился на Рыжего, снова принявшего за свой суп и жевавшего с механичностью коровы.

— Ты что же, намереваешься тащить меня волоком?

— Я оставил грузовик у паромной переправы. Начальство разрешило. А соседи знают, что я уехал в город за большими покупками. — Добавлять что-либо еще Рыжий считал излишним.

Тем не менее кое-что прояснялось, и к Джеймсу вновь вернулось хорошее расположение духа. Он с удовольствием расправился с пышными блинами из дрожжевого теста, раздумывая, не попросить ли еще порцию. Но официантка ушла куда-то за ширму, и Джеймс в ожидании рассеянно окинул зал, в котором за это время ничуть не прибавилось народу, исключая разве что опрятную старушку с ребенком, должно быть, внуком, которые чинно расположились в самом уголке зала, под длинными, как сабли, лаково-зелеными стеблями цветущей кливии. Помнится, в Филадельфии он видел точно такие же. А может, он ошибается и это было в одной из оранжерей Гамбурга? Тогда пышное их цветение, не сообразное со стылым временем года, поразило его как некий вызов окружающему, вызов и лютой стуже, и gazeющим изумленно на это чудо природы людям... Когда-то и в его отчем доме, на подоконнике, стоял раскидистый цветок, похожий вроде бы на герань, но цветок чах и загибался, будто старик, потому что, как говорила мать, вынужденный работать и по почам отец задушил его табаком, а цветы не очень-то жалуют никотин. Однако отец, тихий конторский служащий, был вовсе тут ни при чем. Это Джеймс, желая проследить, как долго может продержаться цветок, один за другим подрезал ему корешки, лишая питания и влаги. Растение держалось молодцом, цеплялось за жизнь просто-таки отчаянно, как к одежде репей, но против ножа все же не устояло, и матери пришлось выбросить его на помойку. Ах, детство, детство...

Джеймс повернул к Рыжему блесевшее удовольствием и отменной сытостью лицо:

— Послушай, у тебя в детстве была клитчка?

Рыжий не удивился, зачем чужаку это знать, ответил:

— Была.

- Какая?
- Пыж. А чего?
- Почему именно Пыж?

Жизнь, включавшая в себя и этот на редкость солнечный балтийский денек, и чудесный завтрак, и эту прехорошенькую официантку, подавшую ему новую порцию сложенных горкой блинов, все больше и больше нравилась Джеймсу — может, потому, что он видел в ней четкий сплюснутый смысл и скорый — уже скорый — конечный результат осуществления ближайших планов.

— Так все же почему?

Рыжий скривил рот:

— Откуда я знаю? Пыж — и Пыж.

Это была пока что работа «на нижнем уровне», которая не требовала от Джеймса ни малейшего напряжения. Его компаньон был не той фигурой, ради которой следовало держаться «верхних этажей», когда бешено расходуется энергия ума и сжигается неимоверное количество нервных клеток. Рыжий был ему до предела ясен, как ясна была рассыпчатая рисовая каша или вот этот тонкостенный стакан с наполовину выпитым кефиром. Такие натуры — однажды крепко задетые за больное место, озлобленные, недовольные всем и вся, — после удара уже не способны были подняться, как не способны были ни к самостоятельности, ни к созиданию. Единственное, что их интересует и выдает с головой, — деньги и непомерная жадность. Ведь он, думал Джеймс, оглядывая малосимпатичное лицо собеседника, и понятия не имеет, кто Джеймс на самом деле. Его вполне удовлетворило простенькое объяснение, что там, куда стремится щедрый горожанин, ему выпало неожиданное наследство от безвременно покинувшей этот мир тетки, и что как только он уладит дела и получит денежки, то даст о себе знать перевозчику, и тот привезет его обратно, — за отдельную плату, разумеется. Все, таким образом, складывалось благополучно, и у Джеймса были причины и повод, чтобы повеселиться.

«Пыж! Отличная аллегория! — восхитился Джеймс, оглаживая языком першпективное небо. — Я охотник, а он пыж. И клянусь, я потуже забую его в патрон, чтобы мой выстрел паверняка достиг цели. Именно пыж. Ни на что другое этот вахлан не пригоден. Да, черт побери, он доставит меня на своем хребте прямехонько к дому и... к гонорару. А сам, если уцелеет на переправе, пусть покупает на заработанные деньги дурацкие сети и мягкие туфьяки, побольше туфяков, чтобы без продыху спать, когда вокруг тебя ки-

пит, бурлит, когда сладко пенится и в бешеном темне проносится мимо жизнь... Ах, хорошо!»

Что ни говори, а не зря Джеймс считал себя везунчиком. Только удача, эта капризная девка, могла пос к носу столкнуть его именно с тем, кто был ему нужен позарез, кого он в другое время безуспешно отыскивал бы среди тысяч и тысяч, каждый раз рискуя свернуть себе шею на пустяке. С Рыжим все получилось просто. Ему не хватало денег, чтобы расплатиться за товар, какой-то сущей ерунды, около двадцатки. По всему, знакомых, чтобы перехватить, у него в городе не было. Он стоял посреди хозяйственного магазина, как пень, не обращая ни на кого внимания, и в который раз мусолил одни и те же бумажки. Перед ним на постаменте сиял эмалью цвета неба мотоблок с комплектом культиваторов, борон и прочих сельскохозяйственных насадок, в которых Джеймс мало что смыслил.

«Хорошая штука, а?» — вступил в разговор с ним Джеймс, зная наперед, что и на этот раз не испытает трудности в общении.

«Еще бы! У нас на острове такой нишчем не достать. Не завозят», — отозвался покупатель.

«А что она может делать?»

«Да все! — воодушевился рыжеволосый мужчина. — Хочешь — паша, хочешь — лущи, а то и бороши...»

«И бороши?» — подогревал Джеймс чужой интерес.

«Еще как! Сюда и тележку можно приделать, грузы везить».

«Ну и... сколько вам не хватает?» — с мягкостью, чтобы не обидеть, спросил Джеймс у рыжеволосого.

Покупатель нахмурился, глянул исподлобья: тебе-то, человек, что за дело? Чужая беда — не своя...

«Не удивляйтесь, я могу одолжить. После отдадите, когда сумеете. Так сколько?»

«Тридцать дашь... дадите? Двадцать на покушку и червонец — чтобы довести. Не попрешь же на себе. Я сразу же отдам, только скажите адрес, я завезу», — разговорился Рыжий.

Из всего разговора с мужчиной Джеймс сразу ухватил и выделил главное: «У нас на острове...» Редкая удача на сей раз сама подъезжала к нему, сидя верхом на мотоблоке. Остров — это то, куда Джеймс, нащупывая пути, так отчаянно, так осторожно и долго стремился. Оттуда до чистой воды, до выхода из залива в открытое море — рукой подать...

«Пустяки! — как можно небрежнее бросил рыжеволосо-

му Джеймс. — Не утруждайте себя. Я буду здесь по своим делам в субботу. Скажем, в час дня вас устроит? Ну и отлично! Вот ваша сумма».

Не укрылось от глаз Джеймса Гаррисона, как жадно схватил деньги рыжеволосый, с какой прытью, опасаясь, что магазин закроют раньше времени или какой-нибудь конкурент уведет из-под носа его мечту, кинулся к кассе. Джеймс не стал дожидаться, когда порозовевший обладатель мотоблока заполучит упакованный товар, и потихоньку покинул магазин.

В субботу он задолго до назначенного срока обследовал все подходы к магазину. Только ничего подозрительного не обнаружил. Рыжий уже топтался у двери, был мрачен и проявлял беспокойство. Джеймс дотомил его ровно до тринадцати ноль-ноль и сразу, не оставляя должнику времени на рассуждения, объявил с приятной улыбкой, что для островного жителя найдется другая, более верная и легкая возможность заработать, чем выращивать укроп и редьку на собственном огороде. Увидев, что мужчина клянул, Джеймс объяснил, в чем дело.

В принципе, он мало чем рисковал. Заранее позаботясь о тыльном отходе, выбрав специально место, где улица просматривалась в обе стороны и делилась на два рукава, Джеймс держался настороже, так что при осложнении у мужика вряд ли хватило бы резвости догнать подрядчика и задержать. Да и назначенная за «выход на рыбалку» сумма была слишком фантастичной, чтобы кто-нибудь, случись при этом свидетели, воспринял ее всерьез.

«Сколько?» — выдохнул Рыжий.

«Штука. — Видя, что его не понимают, Джеймс пояснил: — Тысяча вас устроит?»

Должно быть, оглушенный неслыханной цифрой, тем, что странный богач вернул ему и взятую в долг тридцатку, Рыжий не торговался. Джеймс предложил ему самому, хорошо знакомому с правилами проживания в пограничной зоне, обдумать подходящий план. На том и расстались.

Эта их встреча в кафе была третьей, решающей.

Кажется, Рыжий, к этому времени покончив с едой, почувствовал, что богатый чужак размышляет о нем, но истолковал это по-своему, опасаясь, как бы его не надули в самом начале.

— Мне нужны деньги. Задаток, — сказал он твердо.

— Деньги при мне. Я привык держать слово.

— Хозяин, — начал Рыжий, уводя глаза в сторону, — я тут прикинул кое-что и решил: одной за такое дело мало.

Надо немного изменить договор. Пришлось издержаться на плот, на бензин, с начальством договориться. Сейчас все не так просто...

— Короче! — оборвал Джеймс его угрюмое длинноречие. — Твое условие?

— Еще одну.

— Ну ты и жук, дядя! — в искреннем восхищении присвистнул Джеймс. — Две штуки за какую-то паршивую морскую прогулку! Смеешься?

Впрочем, такой вариант он предвидел, был готов, что жадный островитянин, поразмышляв на досуге, как бы не упустить верный куш, сдерет с нечаянного клиента семь шкур. Такой оборот тоже входил в расчет Джеймса, но вот немного осадить, попридержать нахала следовало, а то, чего доброго, примется набавлять за сложность, за точность и дальность, за погодные и климатические условия, будто Джеймс печет сотенные, как эти блины.

— Послушай, а что если я шепну о тебе кому следует?

Рыжий не повел и бровью, только засопел, склонясь ближе к столу:

— Ты эти штучки брось! Не тобой пуганный. В случае чего я из тебя вот этими выжму все масло до капли. — Он потрянул руками, едва не свалив пузатенькую керамическую вазу с салфетками.

— Ну хорошо, хорошо, не будем. Я пошутил. Твой аванс — десять сотенных — в книге. — Джеймс кивнул на угол стола, где лежал обложкой кверху «Остров сокровищ» Стивенсона на плохой, чуть ли не макулатурного издания, него-пестрой бумаге, делавшей перьяпливым книжный обреш. — Потом возьмишь, когда будешь уходить. Кстати, о доверии... — Джеймс небрежно откинулся на спинку стула. — Я привык полагаться на людей, с которыми имею дело, и не хочу, чтобы в будущем между нами возникали недоразумения или какие-то трудности. Мне нравится, что ты так серьезно относишься ко всему, и мне кажется, на тебя можно положиться. Но ты боишься, что с тобой обойдутся нечестно, что тебя обманут...

Рыжий с беспокойством следил за приглушенной речью напарника, пытаясь уяснить, куда он клонит.

— Так вот, мое доверие к тебе абсолютно. Если ты решишь, что я нарушаю договор, пытаюсь надуть с твоей долей, можешь разделаться со мной, и это будет справедливо. Я решил отдать тебе пистолет, с которым никогда не расставался. Он там же, в вырезе книги. Не волнуйся, не выпадет, страницы подклеены, дома подрежешь. Можешь по-

сидеть его при себе, можешь спрятать подальше. Дело твое. Будь осторожен, случайно не выстрели, в нем полная обойма. Я хочу, чтобы в отношении ко мне у тебя ни в чем не оставалось и тени сомнений и чтобы ты понял: мы делаем одно, общее дело, выгодное обоим.

Судя по недоверчивому, смятенному выражению лица, Рыжий не совсем понял, на кой ляд ему еще и пистолет, но то, что давали, а не отнимали, ему явно понравилось, ибо упускать, что само плыло в руки, Рыжий не привык. На этом и строил Джеймс нехитрый расчет.

— Значит, договорились?

— Идет.

Теперь, после завершения разговора, можно было и расслабиться, со скучающим видом оглядывая зал. Аккуратные старушка с внуком, завершив трапезу, чинно покинули стол, потянулись на выход. Джеймс с умилением проследил за этой парой, которую совершенно необъяснимо объединяло чудовищное, по сути, противоречие: у одной было уже все позади, в прошлом, а у другого, наоборот, впереди, у самого горизонта, и пропасть между ними лежала гигантская... Запавшая на входной двери колыхнулась еще раз. Вошел парень в добротном кожаном пиджаке и кепке с пуговкой, крутнулся на пороге и, не заходя в зал, тут же исчез. Ничего необычного не было в таком поведении, мало ли, перенутал человек заведение или передумал, решил перекусить позднее, но это не понравилось Джеймсу.

— Вот что, — сказал он Рыжему, — сейчас уходи через кухню. Так надо. В случае чего — мы из санитарной станции, проверяем, как утилизируют отходы производства. — Он с сомнением еще раз оглядел нескладную фигуру Рыжего. — Тебе лучше помалкивать, я сам все улажу.

По случайности, никто не встретился им в кухонном заповедном царстве, и двери подсобок, за которыми ощущалось движение людей, тоже были прикрыты. Они благополучно миновали коридор и вышли во внутренний дворик, заставленный проволочной тарой из-под молочных бутылок. Почти вылетную ко входу был подогнан «Москвич» с надписью на фургоне «Продукты». Шофера нигде поблизости не обнаружилось, должно быть, оформлял накладные на привезенный товар, но ключ зазывно торчал в замке, и блестящий брелок из нержавеющей стали в виде кукиша еще покачивался на кольце, будто его только что трогали.

— Садись на правое сиденье! — приказал Джеймс.

— Зачем? — удивился Рыжий.

— Потом объясню. Садись, — повторил Джеймс, и по-

трепаный продуктовый фургон, в бешеном вращении с места черня колесами асфальт, устремился к овальной арке, которую уже на выезде пересекала косая солнечная полоса.

V

— Что случилось, Круминыш? Докладывай.

— Крот ушел. В кафе его нет.

Эфир затаенно молчал.

— Так... — вскоре вновь раздалось знакомое. — Янис с тобой?

— Рядом. Рыжий тоже исчез.

— Запасный выход проверили?

— Пусто. Никто ничего не видел. Внутренний дворик глухой, посторонних там не бывает. Официантка утверждает, будто бы недавно у входа стоял продуктовый фургон, зеленый «Москвич». Номеров, конечно, она не помнит.

— А шофер?

— Пока не объявился. У него где-то неподалеку отсюда живет подружка. Видимо, решил к ней заскочить.

— Ладно, с ГАИ я свяжусь, оповещение будет. Хотя вряд ли «Москвич» угнали надолго. Наверняка бросят за несколько кварталов. Сейчас надо отыскать шофера и установить Рыжего. Крот теперь в гостиницу вряд ли вернется. Ясно? Действуйте. И держите меня в курсе.

Динамик умолк, и голос руководителя как отрезало.

VI

— Эй, помоги мне! За что-то зацепилось.

В сарае было адски темно, но зажигать фонарь, не привлекая бы внимание, не решились.

— Ты даже не спросишь, как меня зовут! — В темноте Джеймс не видел собственной руки, но ощущал близкое дыхание Рыжего.

— Зачем мне знать твое имя? Ты был и уйдешь. А мне оставаться. Нашунал?

Джеймс освободил крученный фал от державшего его крюка в деревянной стойке сарая, подхватил груз снизу.

— Пошли!

В дверном проеме сарая свежим воздухом обозначилась ночь — необозримая в темноте, необъятная, будто сама вселенная.

— Заходи справа: тут лаги. — Теперь Рыжий отдавал команды, безраздельно властвуя в родной стихии, и Джеймс

ему безропотно подчинялся. — Выше поднимай, черт побери! К самому борту.

Кое-как, в несколько приемов, они взгромоздили тяжеленный плот в деревянной обрешетке для крепления мотора на борт грузовика, на сей раз ночевавшего не на стоянке гаража, а во дворе, под домом Рыжего.

Оба дышали с натугой. В горле Рыжего что-то булькало, срываясь на хрип. Джеймса так и подмывало сказать ему, чтобы он закрыл рот и не будил округу.

Но вокруг и без того было тихо: хутор Рыжего стоял на отшибе, защищенный с трех сторон густым ольховым колком, и лишние звуки сквозь него не проникали, увязали в ветвях. Ощущать себя и дальше затерянным в этой пустыне ночи для Джеймса было выше сил.

— Ну что, пора?

Рыжий подтянул выше рыбацкие сапоги с отворотами — резина под его руками противно скрипнула.

— Часа три, наверно. Сейчас двинем. Народ дрыхнет.

— А пограничники?

— Они вон где... — Рыжий невидимо махнул рукой. — У них свои дела, не до нас. Похоже, будет ветер, а там, гляди, и туман.

Он громыхнул ключами от машины, ступил ближе.

— Если застукнут на берегу, выкручивайся сам как можешь. А уж и море я о тебе позабочусь, — добавил Рыжий, и Джеймс угадал в его словах второе, скрытое значение.

Не говоря больше ни слова, Рыжий полез в кабину. Но Джеймс не поспешил следом за ним. У него были собственные соображения на этот счет, когда он сказал Рыжему, что останется в кузове.

— Твое дело. Мерзни.

Грузовик с потушенными фарами тронулся со двора, потом, когда дорога сразу за хутором пошла под уклон и Джеймс почувствовал, как его потянуло вперед, Рыжий и вовсе выключил мотор, старательно лавируя между редкими стволами вдоль обочин.

Глаза привыкли к темени и уже различали серое полотно петляющей прихотливо дороги, нагромождения валунов, зыбкую крошку стыка земли и неба.

Уклон кончился, и Рыжий легко, без надрыва, запустил двигатель, по-прежнему держа одному ему ведомое направление к морю.

Море угадалось издалека. Оно источало резкий йодистый запах влаги и гниющих растительных и животных выбросов. Джеймс представил, как, должно быть, отвратительно

скрипят под ногами раздавленные ракушки, вынесенные на берег волной... В такие обостренные минуты внимания и тревоги ему еще доставало сил думать о постороннем, и эта раздвоенность, как Джеймс догадывался, вряд ли сулила хорошее.

Однако прибыли благополучно. Рыжий приткнул машину в лесопосадках, на довольно высоком месте береговой отмели.

— Ближе нельзя: увязнет, — объяснил он продрогнувшему в кузове пассажиру, хотя все было ясно без слов.

От постороннего взгляда грузовик защищали густые заросли, так что можно было спокойно, без суеты, сгружать плот и тащить его к спуску. Две деревянные сходни, предусмотрительно заброшенные Рыжим в кузов грузовика, помогли смайнать немалый груз на землю, а дальше его предстояло тащить волоком.

— Взяли! — скомандовал Рыжий, нисколько не заботясь, в отличие от Джеймса, о маскировке. Не первый раз выходящий по разрешению в море, Рыжий и здесь действовал, как на обычной рыбалке, тогда как Джеймс напоследок чутко прослушивал и оглядывал молчаливое пространство. Глаза то и дело подергивались слезой — сказывались предупредительный холод с тонко секущим, хотя и не сильным, ветерком и проведенная в сарае у Рыжего беспокойная, почти без сна, ночь.

— Что ты копаешься? Тащи!

Волоком они потянули надутый плот на деревянной раме по замусорившей землю листве ольхи и черемух. Потом под днищем, сопротивляясь, зашуршал песок, и тут уж обоим пришлось попотеть, упираясь каблуками в рыхлую, податливую почву, все время порывавшую уйти из-под ног.

— Черт! — вдруг выругался Рыжий. — Кажется, где-то травит воздух. — Он бросил фал, принялся оцупывать плот. — Так и есть: борт обмяк. Хорошо, догадался захватить с собой клей. Но придется повозиться. — Он со свистом зтянул в себя острый, будто нашатырь, запах моря. — Ох, не нравится мне все это! Похоже, будет шторм...

«Дубина! — выругался в душе Джеймс, беспокойно оглядывая пустынное побережье залива. — Еще и здесь будет ломать комедию, цену набивать».

— Ты что же, приятель, до рассвета метеорологией заниматься будешь? Прилаживай мотор!

Рыжий сплюнул в нахлынувшую волну.

— Прыткий какой. Мне еще жить хочется. А потонуть я всегда успею.

В наглухо запечатанном кабинете, хозяин которого недавно перенес грипп и оттого всячески избегал сквозняков, было душно. Оперативка в неурочный час на сей раз проходила хотя и коротко, но вяло, без огонька: сказывался допущенный днем прокол.

— Сейчас не время разбираться, почему Круминьш и Янис упустили подопечных. — Полковник Рязанов намеренно назвал Яниса по имени: Круминьш был старше, опытнее, и на нем, таким образом, лежала основная ответственность. С Яниса тоже не снималась вина, но его участие в этом деле как бы относилось на второй план, и это чувствительно задевало оперативника, работавшего в органах первый год. — Сейчас важно снова выйти на след Крота, чтобы нейтрализовать его деятельность и исключить возможность ухода за рубеж.

Рязанов машинально кутал горло шейным платком, выглядывшим на фоне строгого гражданского костюма посторонней тряпкой, повязанной по рассеянности.

— Одно можно сказать наверняка: мы имеем дело не с дилетантом. Попытки выявить его связи результатов не дали. Горьковские товарищи тоже таких связей Крота не зафиксировали. Из этого следует вывод, что Крот — агент-одиночка, а значит, опасен вдвойне. Контакт с Рыжим... — Рязанов вновь коротко, бегло взглянул на Яниса. — Ну, здесь все ясно: он носит случайный, эпизодический характер. Скорее всего, Рыжий предоставил Кроту убежище, крышу. Или же выполняет какие-нибудь мелкие его поручения. Круминьш, что удалось выяснить?

Коренастый, сосредоточенный, Круминьш пригладил жесткий ежик волос, округлявший его и без того не худенькое лицо.

— Ни в каких других гостиницах города, включая и приезжие при рынках, Крот не объявлялся. В общественных местах или учреждениях тоже замечен не был. Транспортников мы предупредили: пока вестей от них нет. Рыжий устанавливается. Скорее всего, это житель пригорода, что значительно осложняет поиск. Завтра разошлем фотографии обоих.

— Все?

Круминьш прокашлялся.

— Из разговора с продавцом хозмага выяснилось, что Рыжий приобрел мотоблок.

— Выходит, хуторянин?

— Вполне возможно.

— Что же, неплохая зацепка. Поторопитесь с фотографиями. По всему, Крот решил сняться, и времени нельзя терять ни минуты. Если мы его уже не потеряли безвозвратно, — сказал Рязанов с особым нажимом. — Свяжитесь с товарищами на местах, подключите милицию, пусть помогут профильтровать пригород. Установим Рыжего, выйдем и на Крота. Куминьш, сегодня же оповестите пограничников, дайте им подробную ориентировку. Вопросы будут? Ну, тогда все. За дело.

Настенные электрические часы, отчетливо щелкавшие в паузах во время разговора, показывали начало третьего. Город, видимый из окна, светил огнями скупо, будто при маскировке. Начинался ветер, и оголенные ветви деревьев, отбрасывая ломаные перескакивающие тени, метались неприкаянно.

VIII

Щелчок прицельной планки Калинина различил явственно. Удар гальки о гальку звучал бы совсем иначе, глухо, но с переливом, как пуля при рикошете; металл издавал звук тугой, резкий, ни на что не похожий... Сержант остановился, усиленно щурясь в темень и пытаясь понять, о чем мог предупредить напарника младший наряда.

Спустя малый промежуток щелчок повторился, а это уже означало не просто внимание — призыв. Сержант по привычке зафиксировал собственное местонахождение или, по-военному, сориентировался на местности, чтобы после выяснения причин сигнала вернуться сюда же, и ходко поспешил на вызов напарника.

Младший наряда поджидал его, низко пригнувшись на корточках к песчаной отмели. Оловянное море, чуть серея у него за спиной, шипело и выметывало волны, добегавшие до ног напарника, похоже, не замечавшего близкой воды. «Молится, что ли?»

— Ты что, Мустафа? — позвал Калинин напарника ласковым словом.

Мустафин поднял на старшего наряда глаза.

— Тут странное что-то, товарищ сержант. — Руками он чуть ли не оглаживал песок. — След интересный, вот...

След и впрямь оказался интересным — две длинные ровные полосы, как по линейке тянувшиеся перпендикулярно морю. Калинин такие видел — зимой, у себя в деревне, когда санный полоз, убегая вдаль, прочерчивал свежую порошу.

— Волок? Что-то тащили?

Он проследил, куда уходили глубокие вмятины — до того места, где только что на возвышении нес службу; расстояние оказалось порядочным, дойти еще не успел.

— Подсвети-ка фонарем!

След был недавним, края не успели заветриться и оплывать, завалиться вовнутрь. Сбоку шла оторочка — вмятины от косо вдавленных каблуков, как бывает, когда человек, упираясь в землю, пятится, чтобы легче было свалакивать тяжесть.

— Хорошенько осмотри местность, Мустафин, — приказал Калинин младшему наряда. — А я займусь обратной проработкой следа.

Не успел он сделать и десятка шагов, Мустафин снова позвал его. В голосе нанарника сквозила радость первооткрывателя, обнаружившего бог весть какую удачную находку.

Мустафин вложил в широкую ладонь старшего наряда обшарпанный пластиковый пенал, дал свет.

— «Резиновый клей», — прочел Калинин едва сохранившуюся полужатертую надпись на тубе.

— Там же нашел, у кромки.

Калинин свинтил колпачок, припюхался: пластиковый контейнер с остатками содержимого струил свежий запах химии, еще недавно бывшей в употреблении.

— Больше ничего не нашел? — на всякий случай спросил Калинин, хотя для начала и тубы было достаточно.

Мустафин покачал головой и предусмотрительно, не дожидаясь команды, выдернул из чехла радиостанцию, брякнул гарнитурой.

— Сообщай по обстановке, — одобрил действия нанарника старший наряда.

А ветер уже тянул с напором, и море, ворча, отзывалось на его порывы тугими накатами, громыhalo поднятой со дна галькой и пеной завивалось у ног полностью экипированных для службы людей. Уходя от береговой кромки, куда доставала вода, Калинин потянулся по наклонной отмели к месту, в направлении которого вели следы волока, и встречный злой северный ветер, по-морскому норд-ост, выбивал слезу, сек его по щекам, выдувал из-под одежды тепло.

Нет, не напрасно Калинин стремился проработать обратный след, не зря так упорно, увязая в песке, тащился сквозь норд к гребню плоских дюн, обозначенных в серой предупредительней кисее только что начавшегося буса плотной грядой кустарников.

— Иди сюда! — едва достигнув верха, позвал он напарника. — Смотри...

В быстро намокавших от дождя лесопосадках, будто доисторическое ископаемое, мрачно высился грузовик, выдавшая виды бортовушка. Калинин пощупал решетку мотора: радиатор еще хранил слабое, едва осязаемое тепло.

«Полчаса максимум час, как здесь были люди», — на глазок определил Калинин. Осторожно, дав знак напарнику и взяв оружие на изготовку, он приблизился к двери. Кабина оказалась пуста, и никакие предметы не могли навести пограничников на мысль, что же здесь недавно происходило. Заглянули для очистки совести и в кузов — кроме щепы и двух добротных лаг там ничего не оказалось. Больше тут делать было нечего, и наряд, вторично выйдя на связь и сообщив дополнительные результаты осмотра, спустился к побережью, чтобы встретить выехавшую на место происшествия тревожную группу.

Море из оловянного, тусклого, делалось жестяным, потом, подсвеченное мучительным рассветом, стало проблескивать ртутью, на всем видимом протяжении вскипавшей белесыми гребнями волн.

— Наверняка движется шторм, — обронил Калинин, вовремя вспомнивший предупреждение начальника заставы, и оба они посмотрели на беснующийся залив, не сговариваясь, попытались представить тех, кого понесло за неведомой надобностью в дождь и непогоду в открытое море.

Обсудить предположение пограничники не успели — издалека, колебля фарами сумрак, притко мчался к наряду «уазик», уже одним своим появлением вселяя в их души облегчение и общая скорую развязку таинственному приключению ночи.

IX

— Эй, чужак, ты бы лишний раз не высовывался. — Рыжий плавно переложил руль, глянул насмешливо, с превосходством. — Еще смоем ненароком. Видал, идет шторм? А то привязался бы на всякий случай. Мало ли...

Джеймс захлопнул футляр компаса, по которому, часто выбираясь из-под купола надувного плота, определялся по месту. Муторно было вылезать из укрытия к близко kloкoтaвшeй воде, но еще муторней оказывалось сидеть в пeвeдeнии и темноте, даже отдаленно не намекавшей на появление долгожданных корабельных огней.

— Ты ведь не за мою жизнь беспокоишься, верно? Тебя больше интересуется мой карман. — Пассажир цатужно рас-

хохотался и достал из внутреннего кармана пиджака пачку банкнот достоинством по десятке. — Ты заполучишь содержимое моих карманов, когда сделаешь дело, или же все это уйдет на дно. Держа пачку за уголок, Джеймс опасно покачал двумя пальцами деньги над самой водой.

Рыжий облизнул губы, но удержался, чтобы не встать.

— Дернуло меня связаться с тобой, ненормальным, — только и сказал он.

Твердо решенная мысль поскорее избавиться от пассажира глубоко тлела в его душе, постепенно, исподволь дозревая на углях расчета и корысти, чтобы в какую-то подходящую минуту вылететь наружу жарким огнем и действием.

— Еще минут сорок ходу — и мы у цели, а? Как думаешь? — Джеймс бодрился, прогоняя таким образом собственный страх и нехорошие предчувствия.

— Посмотрим, — нехотя отозвался рулевой, не оборачиваясь больше в его сторону. — Однако с берега прожектором нас уже не взять: далеко.

Снизу по днищу хлопнуло, проскрежетало, будто напоролась на скальный выступ, и плот с маху сначала вздыбилось, потом обвалыло пивырнуло вниз. Мотор даже не чихнул — смолк, как оборвался.

Оглушенные, но до конца поняв, что случилось, пассажиры с минуту сидели, не двигаясь.

— Кажется, хана. — Рыжий включил маленький карманный фонарик, пощупал мотор. — Закидало. Теперь сносить будет ветром.

— Куда сносить? Зачем сносить? — Джеймс подскочил к нему вплотную.

Рыжий легко стряхнул его со своего плеча.

— Обыкновенно куда. В море. Будем мотаться, как это самое в проруби... Не трепыхайся! Сядь и сиди, пока нас не опрокинуло. А то храбрый больно, размахался деньгами...

Х

Белесым рассветом мазнуло по линии горизонта, когда пограничный сторожевой корабль, получив задачу, снялся с линии дозора и взял курс на указанный квадрат, где предполагалось в данный момент нахождение неопознанного плавсредства.

Одновременно с этим в небо поднялся со стоянки поисковый вертолет, ушел для осмотра акватории бухты, отчаянно мяся лопастями тяжелый сырой воздух, который чем вы-

ше, тем плотнее обжимал со всех сторон пляшущую в одиночестве машину.

— Борт, что наблюдаете? — запрашивали с земли.

«Синее море и белый пароход», — буркнул себе под нос командир вертолета, не отвечая дерзко вслух лишь потому, что знал, какая сейчас внизу, на земле, идет работа, какой повсюду стоит начальственный телефонный трезвон и как ширится, вовлекая в себя все новых и новых людей, начавшийся пограничный поиск.

— Штурман, сколько идем?

— Тридцать, — едва метнув взгляд на часы, отпартовал на запрос штурман.

По блистеру, по всему остеклению кабины, лишая видимости, ползла влага, будто разливалась вазелиновая мазь; тенями промахивали и уносились назад клока облаков. А надо было вырваться из этой проклятой каши, в которой увязли по самые уши, и надо было, черт побери, прозреть, чтобы не жечь напрасно горючку и не морочить пустым облетом так много ждущих от тебя людей земли.

— Потолок, командир. — Борт-техник с треском расстегнул и застегнул «молнию» на куртке. — Выше «сотки» не поднимаемся, обожгло.

— Не психуйте, ребята. Прорвемся. Ведь что главное в машине? — Это была старая шутка, которую прекрасно знали и на которую всегда реагировали одинаково, и тем не менее командир закончил: — А главное в машине — не портить воздух, а то задохнемся, не долетим...

Он отдал книзу ручку циклического шага, и вертолет, охнув, как бы присев, выдрался из пены, враз очистился, и тотчас, едва немного развиднелось, машина легла на галс, выпевая виптами мелодию надежно работающей небесной «бетономешалки», дающей сейчас людям в этой сатанинской круговерти приют и тепло.

А день тем временем попер, как на свежих дрожжах, выправился, замешав из света и влаги — взамен канувшей тьме — высокий плотный туман.

— Уходим под облачность, — объявил экипажу командир.

На миг высвободился от хмари и мороси, проглянул внизу порядочный кусок моря, в котором игрушечно, точно уменьшенной копией, обрисовывался красивыми строгими обводами и резал вспененную форштевнем воду пограничный сторожевик.

Однако и новый вираж, явив на миг впечатляющую картину мощного хода корабля, оказался холостым, не принес

желанного результата, — наоборот, лишь гасил в душах экипажа не покидавшую их прежде искру надежды. А уровень топлива неуклонно стремился к нулю, и экипаж старательно отводил от прибора глаза, из суеверия не допуская в подкормку столь очевидную и грустную информацию.

— Борт! — в самый подходящий момент прорезалась с земли команда. — Вам возвращаться. Дальше работает «ласточка».

«Спасибо, понятненько, — облегченно вздохнул командир. — Дело, похоже, оборачивается нешуточно».

Он положил машину на разворот, к берегу.

«В принципе верно, что штаб округа решил задействовать Ап. Видимо, придется утюжить не только бухту, но и морское пространство, а покрыть быстро такое расстояние нам одним не под силу...»

Ан-24, поднятый с далекого аэродрома, уже пилил навстречу, скоро должен быть на подходе, и получалось, что два экипажа как бы обменивались в воздухе рукопожатием, как бы передавали друг другу границу и все, что на ней было, из рук в руки.

Только и время не стояло на месте, летело с катастрофической быстротой. Перевалило за полдень, и взявшийся было обманно разгуливаться день снова скис, пожух, как пожухает тропутая морозом листва. Унылая и однообразная, снова придавливала землю кропящая водяная ерунда и выволакивались незаметно, будто из-за угла, новые сумерки и новая ночь, уже почти не оставлявшая шансов на успех.

Везение или нет, но «ласточке» посчастливилось больше, чем экипажу вертолета. Когда машина попала в болтанку, словно ее катили по стиральной доске, под ее брюхом мелькнуло нечто, сразу зацепившееся за внимательный взгляд.

— Похоже, цель, командир! — с порога внезапно распахнувшейся двери в салон объявил борт-техник Лопухов.

— Конкретней, что именно: бочка, бревно, буй?

Назвать конкретней — значило не оставить себе права на ошибку, на тот же простой оптический обман, которыми изобилует море и постоянно висящая над ним влага. И Лопухов сгасшим голосом протянул:

— Затрудняюсь. Цвет будто мелькнул оранжевый. Чуть бы спуститься...

В такой ситуации не грешно было и примерещиться: экипаж работал предыдущие сутки, только-только вернулся с планового облета границы, не успел разбрестись по домам:

«Воздух!» И снова небо, и снова перепады высот, — далеко ли до галлюцинаций, до оранжево-красных кругов?..

Но существовало железное правило границы: не оставлять не проверенным ничего, что заслуживало внимания. И «ласточка», метя прямо в оловянно-жестяно-ртутную стынь, круто пошла вниз. На вираже, в выгодном для экипажа ракурсе, летчики почти одновременно различили дрейфующее плавсредство — обыкновенный спасательный плот, какими комплектуются все корабли на случай бедствия. А уж обозначить его для перехвата было делом чистой техники.

«Ах, Лопушок, ну, глазастый...» — причмокнул с особым удовольствием командир, чуя сердцем близкий конец и поиску, и выпавшей на его долю гигантской нервотрепке, и скорое возвращение людей на материк, отгороженный от здешних переменчивых мест не столько географией, сколько невыгодными условиями базирования.

— Радист, сообщите на корабль: цель наблюдаем. И пусть поторопятся, скоро стемнеет. Координаты...

XI

Неуправляемый плот перекатывало с волны на волну, но чаще швыряло зло, с размаху, будто море наказывало за легкомыслие и небрежное к себе отношение беспечных людей.

— Проклятье! — стонал Джеймс, закусывая губы. — Делай же что-нибудь с мотором! Нас же пронесет мимо корабля! Ты что, дьявол, оглох?

У Рыжего сил отвечать не хватало. Привычный к морю в качке, он сломался, на удивление, раньше сухопутного пассажира и сейчас лениво, как бы пехотя отбивался от запасной канистры с бензином, все наезжавшей и наезжавшей на него немалой тяжестью, царапавшей ногу грубой самодельной заглушкой.

Сквозь чередующиеся удары воды, уже ко всему равнодушный, он уловил постронный шум, который заставил его встрепетаться, но не покинуть нагретое спиной место у борта. Он повернул серое от невыносимой качки лицо к овальной брешу тента, прислушался.

— Кажись, по нашу душу, — произнес он мрачно, скорее для себя.

— Что по нашу душу? Где? — Джеймс подгрел на коленях, оттолкнул в сторону Рыжего, намереваясь первым

обнаружить судно — грезившийся ему и в забыты океанский лайнер.

— Там... — Рыжий выставил указательный палец в потолок, и был в эту минуту похож на пророка. — Не слышишь? Летают...

И тут сквозь пустоту в сознании, сквозь безразличие и отрешенность до него дошло, что ищут не просто заблудившихся, не просто попавших в беду людей, а нарушителей. Пограничный корабль рано или поздно выйдет на цель, каковой для него сейчас был плот, и когда на борту обнаружится посторонний, неведомо как проникший на остров, всплывет и все остальное, и тогда вряд ли поздоровится взывшему чужака в море владельцу плота. Второй на этой посудине лишний, оформилось в его затуманенном мозгу, и от второго, чтобы уцелеть самому, надо избавиться как можно скорей.

Хищно глядя на узкую спину пассажира, он понял, что пришла долгожданная минута, которую он с самого начала делал и старательно оберегал, чтобы не обнаружить ее раньше времени. И Рыжий начал медленно подниматься с колен, чтобы наверняка, одним ударом расправиться со свидетелем.

Оглохший от ударов волн, но вовсе не потерявший рассудок, Джеймс чутьем уловил неладное, понял, что сейчас произойдет. Он стремительно обернулся, и момент был упущен. Рыжий покачивался на полусогнутых ногах, и поза его со стороны выглядела нелепой, а несуразные руки как бы сами собой шарили по днищу в поисках опоры, не сообразуясь с движениями тела и выдавая намерения Рыжего с головой.

— Сволочь! — со свистом прошипел Джеймс, отодвигаясь от проема под надежную защиту тента на выгнутых полусферой дугах. — Чистеньким захотел остаться, мразь! И ты думаешь, тебе удастся выкрутиться? Наверно, ты забыл, что на песке остались не только твои, но и мои следы?

Рыжий смотрел озадаченно, размышлял. Это была правда, и этого он не учел. Но ярость уже клокотала в нем, выплеснулась наружу, и погасить ее уже было не так-то просто. Самоуверенный чужак действовал ему на нервы, как бы подсказывал, сам звал, чтобы с ним расправились, и Рыжий, вовремя вспомнив о пистолете, прихваченном на всякий случай, потянул из кармана удобную рифленую рукоять.

Совсем рядом, над головой, пугая грохотом моторов, пропел невидимый из-за купола самолет, и это одновременно

и испугало, и подхлестнуло Рыжего, дало решительный толчок.

— За борт! — прорычал он чужому, налегая на «р». — Прыгай, собака! Считаю до трех...

Пуля вошла Рыжему точно в лоб. Даже не успев понять, что произошло, он выронил оружие и кулем завалился вперед, лицом вниз, придавив плоской грудью подвернувшуюся канистру.

XII

За бортом сторожевика шторм все так же перелопачивал неисчислимы кубометры воды, и от бесполезной этой работы, напрасно пропадавшей энергии, корабль мотало, норовя опрокинуть, и выдерживать заданный курс удавалось с трудом.

Верхнюю палубу, властвуя на ней безраздельно, облизывали волны, но там, за стальной обшивкой, вовсю кипела работа, жили и дышали, напряженно работали люди, привыкшие двигаться наперекор трудностям и стихии.

Тридцатилетний командир корабля капитан 1 ранга Введенский, прикипев к месту, внимал окружающему, до поры не вмешиваясь в царившую вокруг деловую суету. Штурман мало-помалу считал нужные курсы, от командиров БЧ по трансляции исправно поступали доклады, и Введенский, возвышаясь над корабельным заведованием, как Саваоф, правил службу.

Но был в этой идиллии пренеприятный, хлестнувший по нервам каперанга момент, когда трудяга-штурман, откачнувшись от маленького столика с расстеленной на нем бледно-зеленой картой и разбросанных в кажущемся беспорядке циркулей и графитовых карандашей, сообщил в унынии, что курс утерян.

— Догадываюсь, — невесело пробасил Введенский, морщась от известия, как от зубной боли. — Запросим борт.

Барражируя всего в каких-то полутора метрах над акваторией, все время держа под наблюдением столь удачно обнаруженную цель, Ан-24 качнулся с крыла на крыло. Корабль был еще далеко, к тому же отклонился от курса, и нужда заставляла экипаж «ласточки» выходить на приводные радиостанции, чтобы получить точные координаты широты и долготы, по которым сторожевик пройдет к цели, как по нитке.

— Значит, так, орелики... — Командир «ласточки» расслабленно откинулся на довольно-таки жесткую спинку

кресла. — Вызываем вертолет. Он и подсветит морякам. А позволят условия — и подценит пассажиров. Возражения? Возражений нет. Значит, принимается.

На сторожевике тоже не дремали, и Введенский, получив от вахтенных радиотелеграфистов точные координаты цели, теперь в довольстве потирал руки: худо-бедно, а корабль приближался к месту, и пяти-шестиметровые волны, выплясывая под чуткий маятник кренометра, были ему в пути не помехой.

— Что там, на камбузе? — спросил Введенский старпома. — Может, дадут чаю?

И по стальной коробке, словно кто напентал, понеслось: командир хочет чаю, командира обуяла жажда, а это всегда было верным признаком, что командир доволен и дела идут куда как хорошо...

XIII

Теперь и Джеймс, придя в себя после случившегося с Рыжим, слышал, как время от времени, грохоча моторами, над головой проносился в месиве дождя и соленых морских брызг неведомый самолет. Зная наперед, какая его постигнет участь, рассчитав все, что было возможно в такой дохой, тушиковой ситуации, он предусмотрительно опорожнил собственные карманы, скинул за борт все лишнее, что косвенно указывало бы на цель предпринятого им путешествия, потом в последний момент содрал с бездыханного Рыжего его латанную во многих местах рыбацкую куртку, напялил ее поверх своей одежды, чтобы при задержании выглядеть перед пограничниками не таким ангелом с прогулочного катера, а вразправдашним рыбаком, решившим полакомиться свежей камбалой.

Рыща взглядом по ограниченному пространству пюта, почти притопленному рано пришедшими сумерками, он с трудом приподнял тяжеленное тело Рыжего и в два приема, отчаянно напрягаясь, перевалил его за борт. Теперь ничто не напоминало о недавнем присутствии здесь второго, ничто не наводило на эту губительную в его положении мысль. Оставалось сделать последнее — расстаться с тем, с чем Джеймс не расставался никогда. Минуту или две он ласкал пальцами бугристые стенки «дипломата» с цифровым замком, медлил. Потом рывком, не глядя, опустил руку за борт, и «дипломат», даже не булькнув, ушел в пучину, исчез, словно его не было.

«Как все в этом мире призрачно! — усмехнулся Гарри-

сон, сжимая виски. — Призрачно и непрочно. Где Аризона, где Гавайи? Где ты, небесный цветок гамбургских оранже-рей, посылающий вызов всему живому? Господи!..»

XIV

Вертолет плыл, словно несли его не металлические лопасти, а крылья ангела.

— Проходим над целью, командир!

— Вижу! Сообщите на корабль...

Введенскому тотчас донесли: «Держите на «мигалку», висим над целью». Каперанг, пока корабль не вышел на цель и репитер лага отсчитывал предельно возможную для таких условий скорость, с чувством прихлебывал порывающий выплеснуться чай. «Есть два удовольствия в жизни, — рассуждал он, вжимаясь от бортовой качки и быстрого хода корабля в подлокотники кресла. — Это добротно сделанное дело и... чай. Семья, служба, авторитет командира — это само собой. Но чай...»

Он ждал, когда вахтенный или сигнальщик известит: «Вижу «мигалку» вертолета», — и когда такое известие поступило, по внутрикорабельной трансляции, отдаваясь во всех отсеках, на сплошном мажоре грянуло прочищенное горьким чаем горло каперанга:

— Корабль к задержанию! Осмотровой группе приготовиться...

Поднять на корабль вымотанного штормом пассажира и принайтовать к правому борту спасательный плот осмотровой группы труда не составило.

«Ходу, поженьки, ходу!» — Беззастенчиво читавший Высоцкого, каперанг Введенский принял к плашке микрофона:

— Экипаж благодарю за службу! Корабль — в базу!..

XV

Кутая горло, и без того закрытое высоко поднятым воротником демисезонного пальто, Рязанов объяснял смущенному визитом и высоким чином гостя начальнику заставы:

— Хотелось бы самому взглянуть на место. Не возражаете?

Снарядить всегда готовый к выезду тревожный «уазик» было минутным делом.

— Вот здесь наряд обнаружил следы. А вот там — видите? — объяснял словоохотливый капитан, — сержант Калинин зафиксировал машину.

Рязанов шествовал следом за капитаном, внимая словам начальника заставы, словно увлекательному рассказу гида.

— Тубу с клеем обнаружил тоже Калинин?

— Нет, это проявил бдительность младший наряда Муштафин. На обоих отправили представления на медали «За отличие в охране государственной границы СССР».

— И правильно сделали.

Капитан чуть приостановился, сдерживая широкий шаг гостя.

— Товарищ полковник, можно вопрос?

Рязанов усмехнулся:

— Не церемоньтесь. Спрашивайте...

Начальник заставы прибодрился:

— Зачем же нарушитель закатал Рыжему в лоб? Не поделили чего? Ведь с мотором — моряки рассказывали — делать было нечего, вполне могли запустить. Или не разобрались?..

Рязанов расхохотался от души, и смех его, глуша и отдавая, ветром прокатило по побережью.

— Рыжий крепко надул своего сообщника. Тот и не предполагал, что напарник не утонет, а заранее привяжет себя за ногу к фалу. Сумеречно было, попробуй тут разглядеть. Да и волнение, само собой, усталость... — Рязанов взглянул на капитана, как бы удостоверясь, понятно ли он изъясняется. — Его потом уж обнаружили, когда моряки доставили плотик в базу. Рыжий с пулевой дыркой во лбу — основное свидетельство. Тут уж не прикинешься рыбаком...

Молча прошли еще какое-то расстояние.

— Меня только одно удивляет... — Рязанов пошевелил носком добротного башмака на полиуретановой подошве жемчугом сиявшие из песка перламутровые створки раскрытой раковины беззубки. — Неужели пограничники не слышали шума подвесного мотора?

Капитан даже приостановился, будто натолкнулся на валун.

— А в невозможно было, — протянул он в растерянности. — Норд ведь дул, северный, значит... Сегодня какое?

Рязанов отвернул на руке манжету, посмотрел на часы:

— Третье...

— Вот, числа с пятого переменится на зюйд. Глядишь, тепло возвратится...

— Скажи-ка ты! — изумился Рязанов. — Это что, закономерность?

— Так уж подмечено. Каждый год совпадает. Куда гут денешься: местная роза ветров.

Виктор ГЕМАНОВ

УДАР, ПОТЯСШИЙ РЕЙХ

Документальная повесть

От автора

В последние годы в нашей стране и за рубежом появилось немало различного рода публикаций, посвященных одному и тому же выдающемуся событию времен Великой Отечественной войны — потоплению крупного и особенно ценного для фашистского рейха лайнера «Вильгельм Густлоф». Даже краткий перечень таких публикаций внушает уважение к героям события и самому событию. Посудите сами: книги «Голыми в смерть» И. Брока (ФРГ), «Ужасная ночь» К. Добсона, Д. Миллера и Р. Пейна (Англия), «Капитан дальнего плавания» А. Крона (СССР), множество статей и очерков в периодической печати. Не остались в стороне кино и телевидение. О выдающемся событии шла речь в передаче Центрального телевидения «Жизнь сверх меры», в 14-серийном телесериале «Стратегия победы» творческого объединения «Экран», художественном фильме «О возвращении забыть» («Молдова-фильм»), полуторачасовой телепередаче ФРГ к 40-летию разгрома фашистской Германии...

С разных сторон, с разных позиций, с разной степенью достоверности ведут они рассказ об этой героической атаке, зарубежными авторами названной «атакой века».

Несколько ранее о событии, потрясшем рейх, писали немецкие историки Г. Шен в книге «Гибель «Вильгельма Густлофа», М. Пфитцманн в ряде номеров журнала «Мари-не», упоминали о том же К. Беккер, Ф. Руге и другие авторы.

Довелось и мне писать о подвиге «С-13».

Эта же повесть основана на архивных и переводных документах, но прежде всего — на личных свидетельствах непосредственных участников атаки, рассказах офицеров

штабов флота и бригады подводных лодок Балтфлота в годы войны, друзей и боевых товарищей командира героической подводной лодки Александра Ивановича Маринеско.

I

Начать свой рассказ мне хотелось бы с того, как тридцать лет назад, в декабре 1959 года, я впервые и, как оказалось, в последний раз встретил Александра Ивановича Маринеско. Произошло это в Ленинграде на Высших ордена Ленина специальных классах офицерского состава ВМФ.

К сожалению, Александр Иванович на той встрече со слушателями политического факультета ничего не говорил, я же, как абсолютное большинство слушателей, ничего не знал о его подвиге. Так бы и стерся в моей памяти этот «проходной» факт. Если бы не случай.

Серьезно задавшись целью изучить историю подводных сил Балтийского флота, я длительное время разыскивал газеты и журналы, книги и брошюры, в которых хоть что-то о том сообщалось. И вот в один из дней 1962 года мне встретилась заметка (в брошюре политуправления Балтийского флота от 1958 года «Боевые подвиги подводников Балтики»), содержанием которой для меня оказалось открытием.

«30 января 1945 года в районе Данцигской бухты подводной лодкой «С-13» под командованием капитана 3 ранга Маринеско Александра Ивановича атакован и торпедирован крупнейший лайнер фашистской Германии «Вильгельм Густлоф», — сообщалось в ней.

В фашистской Германии объявлен трехдневный национальный траур...»

Признаться, к тому времени я уже знал, что национальный трехдневный траур в Германии впервые был объявлен в феврале 1943 года, когда под Сталинградом была наголову разгромлена хваленая и победоносная 6-я армия генерал-фельдмаршала Паулюса. Но ведь в ней было 330 000 солдат, офицеров и генералов. А этот траур объявлен за просто «крупнейший лайнер». Что-то мне не поверилось в равноценность траурных почестей по поводу 330 000 жизней с одной стороны и лайнера, пусть и крупнейшего, — с другой. Стало совершенно очевидно, что сообщено не все. За этим событием — какая-то тайна.

В чем она? Кто о том может рассказать? — вот вопросы, которые возникли и не давали отныне мне покоя.

Разумеется, знать о сущности происшедшего могли прежде всего члены экипажа подводной лодки «С-13» и, разумеется, ее командир А. И. Маринеско, могли знать офицеры штаба и уж непременно — командующий Балтийским флотом. Наконец, должны быть документы как отечественные, так и зарубежные, среди них, естественно, — отчет командира подлодки о том боевом походе.

Исходя из этих соображений, мною были написаны многочисленные письма в адресные столы многих областных и краевых управлений МВД, в Центральный военно-морской архив, в Музей ДКБФ (г. Таллинн) и Центральный военно-морской музей (г. Ленинград). Параллельно с этим шли поиски хотя бы каких-либо нужных сведений в переводной и оригинальной зарубежной литературе.

Кстати говоря, именно в зарубежной литературе найдено было первое свидетельство (в книге «Гибель «Вильгельма Густлофа» Г. Шена, ФРГ) о том, что из себя представлял лайнер, из-за которого поднялся в фашистской Германии такой переполох.

Считаю, что, прежде чем приступить к рассказу о подробностях героической «атаки века», следует рассказать о том, что представлял собой лайнер, о котором идет речь.

...В один из летних дней 1938 года на судостроительной верфи «Блом унд Фосс», что в Гамбурге, царил праздничное оживление. Сюда приехал сам фюрер — Адольф Гитлер. Он прибыл, чтобы присутствовать при спуске на воду только что построенного лайнера.

Вы спросите, почему фюрер удостоил такой чести именно лайнер «Вильгельм Густлоф», а не какой-либо другой, и будете правы. Действительно, почему?

Впрочем, ответ вы получите вскоре из уст самого фюрера.

...Тысячеголовая и тысячерукая толпа, словно замороженная, качалась, вытягивала шею, рукоплескала и взрывалась криками восторга и удивления. С высокой трибуны, обтянутой красной материей, в белом круге которой корчилась черная свастика, оживленно жестикулировал невысокий и довольно сухощавый человек в полувойенной форме. Черный скомканный клочок волос прилип к потному лбу выступавшего, будто расколов его надвое.

Фюрер, а это был он, то повышал голос почти до визга, и тогда на лбу и шее его толстыми жгутами вздувались вены; то опускался до шепота и сам замирал, будто изваяние, как бы вслушиваясь в эти страшные звуки, плывущие над площадью.

— Этот лайнер построен по личному моему заказу и, надеюсь, он будет «морским раем» для избранных, для борцов за великую Германию! — протянув руку в сторону стоящего возле стенки белого красавца-теплохода, — заявил Адольф Гитлер.

Площадь взывала тысячами голосов одобрения и восторга. И тотчас, перекрывая их, хлынули из десятков репродукторов, окаймлявших площадь, звуки марша:

Германия, Германия —

превыше всего,

От Эльбы до Мемеля,

от Мааса до Адидже...

Так с помпой, при большом стечении публики был спущен на воду теплоход, вскоре отправившийся в первый свой рейс по маршруту Гамбург — Канарские острова. Пассажиры — а это были высокие партийные чиновники, а также представители СС, СА и СД — охранных, штурмовых отрядов партии национал-социалистов и службы безопасности — радостно потирали руки, пользуясь сказочными возможностями отдыха, предоставленными им.

Пассажиров разместили в уютных двух- или четырехместных кютах, оборудованных кондиционерами воздуха. В солнечные дни сотни пассажиров плескались в голубой подогретой воде плавательного бассейна или загорали в шезлонгах, расставленных на деревянной палубе ботдека. Когда же становилось пасмурно или наступал вечер, они спускались в ганцевальный зал, занимали мягкие кресла в концертном зале или кинозале. За обедами и ужинами пассажиры встречались в огромном ресторане, сверкающем хрусталем, ярким электрическим светом и белоснежными куртками стюардов. Специально подобранные и вымуштрованные, они буквально на лету ловили каждое пожелание пассажиров и немедленно выполняли его. Благо провизионные кладовые были переполнены, там хранились деликатесы любимых стран. А виртуозы-повара в считанные минуты могли приготовить самое изысканное блюдо.

Когда заидные билиардисты покидали игровой зал, распахивались двери баров, где каждого ждали лучшие сорта баварского пива — темного с горчинкой или королевского светлого и лучшие вина Европы.

Всего один рейс совершил «Вильгельм Густлоф» до затопленных в океанской голубизне зеленых Канарских островов. Лишь несколько тысяч пассажиров побывали на лайнере. Но никогда еще не ступала ничья нога в анфиладу

кают, расположенных неподалеку от роскошной каюты капитана. Отделанные благородными сортами дерева, украшенные хрустальными люстрами и пышными персидскими коврами, прихожая, кабинет, столовая и спальня предназначались для самого фюрера.

Несколько сот матросов палубной и машинной команд, поваров и стюардов, обслуживающего персонала баров, бассейна, кинотеатральных залов обеспечивали райскую жизнь тысячи восьмисот пассажиров. А те, долгими вечерами прогуливаясь по верхней палубе или сидя в глубоких креслах, вели бесконечные разговоры о будущем рейха, о его предназначении править всем миром. Разговаривали, совсем не замечая бессловесных теней матросов в белоснежных куртках, не ведая о тех, кто в глубине трюмов, в хитросплетениях гигантских машинных отделений дает жизнь исполнению, с шестнадцатизуловой скоростью рассекающему океанские волны.

Они даже не задумывались о том, что почти двухсотдесятиметровой длины гигант, имеющий высоту пятнадцатизэтажного дома и разделенный на бесчисленное количество отсеков, повышающих его непотопляемость, требует адского труда сотен людей — обслуживания нормальной работы сотен механизмов, ухода за тонкой аппаратурой, мытья и чистки многих тысяч квадратных метров палуб и переборок...

Они были пассажирами «морского рая» и пользовались предоставленными фюрером благами. Остальное было им необязательно видеть, знать, чувствовать.

Только через год, в 1939 году, когда уже началась вторая мировая война, высокопоставленные чиновники и партийные функционеры с грустью убедились, что лишились этого чуда судостроения для отдыха. Лайнер, во избежание несчастного случая на море поставленный на прикол в порту Данцига, был превращен в плавучую базу учебного дивизиона подводных лодок. Теперь здесь, после переоборудования некоторых помещений под аудитории и учебные кабинеты, занимались и жили курсанты училища подводного плавания.

Такова предыстория... А сама история — в следующих главах.

II

Просматривая многочисленные иностранные источники, в которых так или иначе освещалась знаменитая атака подводной лодки «С-13» и вообще боевые действия советских

подводников, в книге немецкого адмирала Фридриха Руге «Война на море. 1939—45 гг.», выпущенной Воениздатом в 1957 году, наткнулся я на такие слова:

«В последний год войны самые большие задачи выпали на долю военно-морского флота в Балтийском море. Морские операции определялись здесь обстановкой на суше. В отдаленных от берега районах русские продвигались всегда быстрее, чем по побережью, отрезая отдельные участки фронта, которые флоту приходилось затем снабжать, а также и эвакуировать».

Упоминание об эвакуации навело меня на мысль о том, что надо сухие строки исторической справки наполнить не только конкретным фактическим содержанием, но и сопутствующими ему красками. Ведь мне, в принципе, было известно о настоящем бегстве, в которое превратилась эвакуация гитлеровцев из Данцига.

Дело в том, что в самом начале 1945 года на Восточном фронте у гитлеровцев сложилась почти катастрофическая обстановка. Верховное Главнокомандование Советских Вооруженных Сил, получив 6 января паническую телеграмму премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, поспешило на помощь англо-американскому десанту в Арденнах, попавшему в декабре сорок четвертого года в клещи немецких танковых дивизий генерал-фельдмаршала Рундштедта. Началось новое генеральное наступление советских армий на всем фронте от Черного до Балтийского моря, в результате которого в районе Кенигсберга — Данцига была прижата к морю огромная группировка фашистских войск. Попытки ее вырваться не увенчались успехом, а положение окруженных ухудшалось с каждым днем. И тогда, было это 20 января 1945 года, в ставке Гитлера состоялось специальное совещание. Вопрос стоял один: как быть? Что предпринять?

Единственное решение, утвержденное фюрером, гласило: в кратчайший срок собрать в Данциге максимальное количество транспортных судов, погрузить на них наиболее ценные кадры и в охранении боевых кораблей вывести в западные порты Германии — Киль и Фленсбург...

Словом, эвакуация. А как она происходила, какая атмосфера царила при этом, я мог представить, лишь дополнив сухую справку определенной дозой фантазии. Вернее, домыслив, довообразив происходившее вполне, как мне казалось, возможными подробностями.

Правда, как оказалось позднее, особо фантазировать не было необходимости: немецкие историки Гейнц Шен в

книге «Гибель «Вильгельма Густлофа» (1959), Каюс Беккер в книге «Военные действия на Балтийском море» (1960), Мартин Пфитцманн в журнале «Марине» № 3—10 за 1975 год писали то же самое, почти один к одному.

...Данцигский порт опоясан двойной цепью солдат. Серо-зеленые фигурки видны не только возле входных ворот. Их живая цепочка протянулась и вдоль высокой каменной стенки, преграждающей путь к причалам. Солдаты стоят не шевелясь, не страшивая черные снежинки, обильно и плавно сыплющиеся на плечи, рукава, воротники шинелей, лица. Черные снежинки — это пепел от канцелярских архивов. Уже двое суток в глубине порта за пакгаузами жгут огромные горы бухгалтерских книг и разноцветных папок.

Для солдат это верный признак того, что дела плохи. Настолько плохи, что впору думать, как спастись...

Спасение! Мысль о нем не покидает ни одного из стоящих в оцеплении солдат. Но где оно, спасение? В чем оно? Кто и как его принесет? Не обречены ли безмолвные стражи порта? Спросить они не имеют права. Это категорически запрещено. Да и не у кого. Даже офицеры в растерянности. Остается только надеяться на чудо и исполнять свой долг. И исполнять безропотно, без вопросов и размышлений. Потому что солдаты хорошо знают, как поступают с теми, кто имел неосторожность пожаловаться, что надоело воевать, что не видит выхода, что сопротивление только увеличивает количество жертв. От Данцига до Готтенхафена тянется аллея вековых деревьев, на которых висят трупы солдат одной из армейских частей, обвиненных в трусости и предательстве рейха...

Нахмурены солдатские лица. Сумрачны взгляды. Боязно солдатам. Однако «порядок и послушание — прежде всего!». И потому подрагивающие пальцы солдат лежат на спусковых крючках автоматов. Солдатам доверен ответственный пост. Их долг — выполнить приказ, зачитанный хмурым высоким штурмбанфюрером, выполнить во что бы то ни стало.

— Я лично вздерну того из вас, кто плохо выполнит свой долг и пропустит на территорию порта хоть одного постороннего! — подчеркнул штурмбанфюрер в заключение. — Вам доверено выполнить задачу особой важности. Горе тому, кто не оправдает доверия фюрера!

...Крепнет январский ветер. Зло сечет глаза перемешанная с пеплом мелкая снежная пыль. Зябко.

Переминаясь с ноги на ногу, солдаты внимательно следят за подступами к порту, за дорогой, по которой сплош-

ным потоком мчатся легковые машины. И все — в порт. Легковые машины — значит, едут партийные бонзы, фюреры разных рангов, генералы и офицеры.

«Что это значит? Почему? Зачем? Неужели эвакуация?» При этой мысли солдаты ежятся от страха. «Если важных господ тысячи, то куда деваться нам, рядовым?»...

Исподтишка оглядываясь, сквозь ажурную вязь стальных ворот видят солдаты еще одну живую цепь — цепь черных шинелей, протянувшуюся вдоль забора с внутренней стороны. А дальше — огромный теплоход, покрытый черно-желто-зелеными пятнами камуфляжа.

Около него, занявшего чуть не половину причальной стенки, тоже черная цепь шинелей — эсэсовцы. На кормовой части, на крыле мостика и носовой части борта теплохода яркая надпись готическими буквами, видимая даже от портовых ворот, — «Вильгельм Густлоф».

Как-то их, солдат охранной роты Данцигского порта, водили на этот теплоход на экскурсию. Показывали просторные двух- и четырехместные каюты, отделанные благородным деревом, с яркими настенными светильниками, даже с кондиционерами воздуха; заводили в огромный театральный зал с бесчисленными рядами мягких кресел, в гимнастический зал с поблоскивающими лаком и никелировкой спортивными снарядами, в танцевальный зал с паркетной палубой. Показали даже, правда, не пуская внутрь, аппараты самого фюрера — прихожую, кабинет, спальню, ванную, залитые ярким электрическим светом, устланные иранскими пушистыми коврами и коврами дорожками. Подводили к плавательному бассейну, где вода подогревается до требуемой температуры. Дали заглянуть в сверкающие хрустальной посудой залы ресторанов...

Долго ходили по палубам и помещениям лайнера солдаты, буквально ошарашенные увиденным богатством и красотой. И еще раз убеждались, что роскошь эта — не для них, а для избранных, для элиты страны! Теперь на судно, названное «плавучим раем», грузятся тысячи испуганных, потерявших голову господ. А это значит только одно — бегство.

Вон к подтянутому, лощеному офицеру, стоящему на палубе лайнера возле главного трапа, пробивается толстяк — наверняка чиновник какого-нибудь гебитскомиссариата из Остланда, Польши или Прибалтики. Как он раскланивается, что-то объясняя или что-то выпрашивая у того офицера! Да-а, когда дело касается жизни или смерти, куда исчезает надменность и респектабельность больших гос-

под: они, как все смертные, улещивают и унижаются, стараются разжалобить...

А вот — птицы особого полета: офицеры в черных мундирах и фуражках с черепами на высоких тульях. Видимо, из концентрационных лагерей — Штутхофа, Майданека или Аушвица. Нетерпеливо поигрывают стеклами, переглядываются, будто отыскивая кого — нервничают, первичают господа...

То и дело взвизгивают тормоза останавливающихся возле трапов легковых машин. Из одних нарочито неторопливо выходят затянутые в черные кожаные пальто местные фюреры и гауляйтеры из Восточной Пруссии и Померании, генералы в серо-голубых шинелях с красным атласным отворотом и меховым воротником. За каждым из них денщики, адъютанты и порученцы несут чемоданы, ящики, тюки. Наверняка в них «боевые трофеи» — картины и золотые часы, кольца и драгоценные камни, не имеющие цены музейные кружева и меха, тончайшего фарфора сервизы...

А вот другие — как видно, рангом помельче — явно не скрывают растерянности — суетятся, лебезят перед служащим лайнера. Что и говорить: жизнь дороже всего. Спасаться, спастись любой ценой — вот что главное! Где уж тут разбираться в тонкостях этикета и нравственности, где уж помнить о пределах допустимого!

К концу первого дня погрузки все фешенебельные каюты были заняты высокопоставленными чиновниками, партийными функционерами, представителями генералитета, офицерами гестапо и СС. А пассажиры все прибывали и прибывали. Теперь приходилось в двухместные и четырехместные каюты подселить еще и еще. В них набивалось по восемь — десять человек. Однако мест явно не хватало.

Все чаще и чаще прибывающие высокие чины обращались к пассажирскому помощнику капитана Гейнцу Шену с просьбой устроить куда угодно, хоть в помещения пятой или шестой палубы, даже неподалеку от работающих машин. Мест не хватало, а обстановка все больше осложнялась. Вполне вероятно перспектива остаться на причале. Ведь перегружены уже и «Ганза» и «Геттинген», другие суда конвоя...

То и дело просматривая разграфленные карточки размещения пассажиров, Шен рекомендовал опоздавшим занимать место в гимнастическом зале, кинотеатре, танцевальном зале, а то и в зимнем саду. И те соглашались!

На третий день погрузки, когда лайнер принял уже около трех тысяч пассажиров — почти вдвое больше, чем полагалось по техническим условиям, начались столкновения претендующих на одно и то же место. И смешно, и грустно было помощнику капитана смотреть, когда солидные respectableные господа доказывали один другому свое преимущественное право удрать.

— Меня направил сюда сам герр Форстер! — кричал, потрясая раскрытой книжечкой в красном переплете толстяк в дождевике. — Понимаете, сам герр Форстер!

Ссылка на самого гауляйтера Данцига явно рассчитана была на то, чтобы сломить сопротивление соперника. Однако даже такие доводы не убеждали.

— Но ведь я прибыл раньше. И я получил именно это место! — брезгливо морщась, отталкивал толстяка сухопарый оберст, придерживающий левой рукой то и дело падающий монокль. — Вы не имеете права претендовать на место, отданное мне!

С каждым часом таких сцен, в которых участвовали люди с гестаповскими значками, витыми погонами, в кожаных регланах партийных руководителей, становилось больше. Крепкие словечки, угрозы и даже физические оскорбления возникали все чаще и чаще. Тщательно скрываемые прежде животный страх за жизнь, презрение к окружающим и стремление любым способом обрести «место под солнцем» потеряли маскировку, так как появилась реальная угроза жизни этих людей. В страхе за себя, в безумном желании быстрее удрать из Данцига, в тщетной надежде на успех бросались они то к обшитым кожей дверям кабинета герра Форстера — гауляйтера Данцига и обер-бургомистра Готтенхафена, то к Гейнцу Шену — пассажирскому помощнику капитана лайнера, маленькому человеку с большими возможностями.

Словом, шло величайшее представление, в котором действовали обыкновенные фашисты со всеми их страстями и страстишками, жизнью поставленные перед жесточайшим испытанием. Жизнь со всей наглядностью показала, что к этому они как раз и оказались не подготовленными.

Подходил к концу третий день погрузки. Пассажиры, получившие места в каютах на всех палубах, вплоть до самой нижней — девятой, в тепле и при освещении начали уже проявлять недовольство тем, что время идет, а лайнер все еще стоит возле причала. Глухое это ворчание пока не вылискивалось наружу. Ворчание и даже выкрики доно-

сились пока от тех, кому пришлось располагаться в открытом плавательном бассейне, прикрытом сверху только брезентом, в коридорах и на верхней палубе. Погода в эти дни на Балтике стояла на редкость холодная, с пронзительным ледяным ветром...

И все равно погрузка не останавливалась ни на минуту. Так требовал строжайший приказ. Даже один просроченный час мог привести к срыву всей операции по спасению ценнейших гитлеровских кадров.

Казалось, весь город поднят на ноги и брошен к воротам порта, к причалу, занятому «Вильгельмом Густлофом». Сквозь белесый туман заметно было, как быстро катится по небу солнце. Клонился к вечеру очередной короткий зимний день. А причал все не пустел. По-прежнему сигналили протискивающиеся в ворота легковые машины — черные и бежевые, темно-синие и зеленые, даже красные и голубые спортивные. Изредка подкатывали огромные тупорылые «бюссинги» — грузовики, с которых расторопные солдаты вермахта тут же сгружали ящики, рулоны и тюки, немедленно переносили их в грузовые лифты, отправляя в глубокие трюмы лайнера.

Лишь под утро четвертого дня иссяк поток автомашин. А с рассветом портовые ворота широко распахнулись, чтобы пропустить огромную пешую колонну.

Ритмично грохотали подкованные ботинки по камням набережной. Ветер распахивал полы черных шинелей. Сверкали серебряные шевроны на рукавах и витые шнуры, свисающие с плеч. Сытые, краснощекие крепыши четко держали равнение в рядах — шли любимцы гросс-адмирала Карла Деница, главнокомандующего военно-морским флотом рейха, — подводники!

Легенды ходили о подводниках — неисправимых задирках и гуляках. Да что там легенды! Сухие рапорты комендатуры достаточно красочно описывали довольно частые «встречи» подводников с солдатами вермахта, обычно заканчивающиеся грандиозными побоищами. Чаще всего такие потасовки завязывались в ночных клубах из-за девочек. И всегда полиция с патрульными была на стороне подводников. Все им разрешалось! Фюрер благоволил к ним. Недаром снова укоренилась введенная еще в годы первой мировой войны традиция: при входе подводников в театры и кино, в рестораны и бары все присутствующие встают.

Гейнц Шенц со школьной скамьи помнит: в первую мировую войну корсары глубин, развязав тотальную подводную войну, нанесли флотам противников непоправимые

потери. Они уничтожали боевые корабли и транспорты, госпитальные суда и пассажирские лайнеры, даже рыбацкие сейнеры... Только оставив великие державы без флота, могла выйти Германия на первые роли в мире. Эта же идея носится в воздухе и сейчас!

Разгоряченные длительным маршем по улицам города, подводники идут ритмичным размашистым шагом. Четко, слитно грохочут каблуки. Нескончаемой кажется колонна, заполнившая чуть не всю территорию порта. Это личный состав школы подводного плавания. Около двух тысяч человек! Раньше они размещались на «Вильгельме Густлофе», где часть помещений была переоборудована под кубрики и мастерские, лаборатории и учебные классы. Сейчас подводников теснили пассажиры, заняв некоторые их помещения. Ну, да потерпят: идти до Килиа или Фленсбурга недолго!

Подводники, вливающиеся в трюмы и кубрики лайнера, вместе с сотней командиров подводных лодок, настоящих асов подводной войны, — боевой резерв флота, гордость и надежда Гитлера и Деница на успешное завершение великого сражения за господство на море и в мире. Это именно их, прежде всего — их, учитывая безвыходное положение Данцига, приказал фюрер снасти во что бы то ни стало. А пока погрузка не завершилась, командование решило провести подводников по улицам города для моральной поддержки, для придания боевого духа гарнизону, тем, кто обречен был сдерживать натиск русских, пока лайнер с небывало важным грузом уйдет из Данцига...

Четвертые сутки идет погрузка. С каждым часом все ниже оседает теплоход. Забиты все каюты, курительные комнаты, салоны, вспомогательные помещения. Сотни беглецов заняли осушенный плавательный бассейн, гимнастический и танцевальный залы, зимний сад, театры, бары и рестораны. Заняты людьми с чемоданами и тюками все коридоры и проходы. Промышленники и юнкеры, коммерсанты и чиновники уже не считались с неудобствами — лишь бы удрать.

Волнуются капитан, механик и пассажирский помощник капитана. Лайнер переполнен. Уже более шести тысяч человек разместились там, где, по всем расчетам, вместе с командой и обслуживанием полагалось быть около трех тысяч! Грубейшее нарушение правил и инструкций! И кем? Немцами — педантично исполнительная нация!

Да какой там разговор о правилах, если забиты даже коридоры и проходы? Где уж там соблюдение пожарной

безопасности! Люди размещены на верхней палубе, вперегруз наполнены каюты палуб, что расположены выше ватерлинии, — какая уж там остойчивость и непотопляемость! А что делать?!

Однако и на пятый, последний день погрузки к капитану продолжали поступать пакеты с сургучными печатями, в которых содержалось одно и то же:

— Принять тысячу триста подводников гарнизона Окстерхёфт!

— Устроить пятьсот членов семей партийных функционеров Восточной Пруссии!

— Разместить еще сто пассажиров из вспомогательного состава порта!

Раздавались телефонные звонки. То и дело в капитанскую каюту стучались высокопоставленные одиночки — чиновники и военные. А возле трапов лайнера все скапливалась и покачивалась толпа безместных. Их не могли отогнать от борта лайнера — не помогали ни уговоры, ни угрозы. Капитан только молча кивал головой. Перечить? Кому? Да и кто прислушается к его доводам в такой обстановке?

Капитан знал, что подобное творится и на других судах конвоя. На теплоходе «Ганза» погрузили уже 5000 солдат и офицеров, около 4000 скопилось на турбоходе «Геттинген», тысячи — на других больших и малых транспортах...

Спасти их, вывезти из пекла, из-под бомб и снарядов русских, — вот она, миссия, выпавшая на долю моряков. А время неумолимо мчится. Между тем разрешения на выход в море нет. В чем дело, из-за чего задержка? Не станет ли она роковой?

Тем временем в салоне «Вильгельма Густлофа» шел жаркий спор. Командир конвоя, он же военный капитан «Вильгельма Густлофа», корветтен-капитан Цан, до того показавший себя умелым командиром подводной лодки, а потом ставший начальником второго отдела учебной дивизии подводного плавания, доказывал, что необходимо немедленно выходить в море.

— Наши боевые корабли, которые в эти часы находятся на линии опасной зоны, там, где могут быть советские подлодки, обеспечат нашу безопасность!

— Но мы не можем позволить себе такое безрассудство, — возражал опытейший мореход капитан «Густлофа» Фридрих Петерсен. — Необходимо, чтобы корабли охранения были рядом с «Густлофом». Пока их нет, выход в море невозможен!

— Мы согласны с доводами капитана Петерсена! — дружно поддерживали его два помощника, тоже опытные капитаны Веллер и Кёлер, присланные командующим морскими силами на Балтийском море. — Без хорошего охранения идти нельзя!

— И все-таки, господа, — настаивал Цан, — нам нужно немедленно выходить, иначе советские самолеты разбомбят нас у причала или же в порту заблокируют советские корабли. Что же касается непосредственного охранения — с нами пойдут миноносец «Лёве» и тральщик-торпедолов «TF-19»... Остальные, как я уже говорил, будут в дальнем дозоре...

— Хорошо, — после длительного раздумья бросил капитан Петерсен. — Вы переубедили нас. Однако одно условие должно быть соблюдено. Здесь, в базе, грузится тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» с миноносцами охранения. Они будут готовы через несколько часов. Так пусть эти корабли присоединятся к нашему конвою в самой опасной точке маршрута — в районе Штольпен-банки. А сейчас мы подождем только прибытия обер-бургомистра Гдыни...

— Согласен. А теперь, господа, по местам. Надо детально проверить нашу готовность к переходу штормовым морем. Желаю успеха! Хайль Гитлер!

...Волнуется людское море у борта «Вильгельма Густлофа». Никого не оставляют лучшие надежды. Каждый, стоящий пока еще на причале, все-таки в глубине души верит, что и ему найдется местечко где-нибудь в чреве громадного парохода.

Но вот громкий нетерпеливый звук клаксона разорвал многоголосый гул, плывущий над скопившейся у борта толпой. Сквозь раздающуюся в разные стороны людскую массу протискивался длинный, поблескивающий черным лаком лимузин. Наконец-то пожаловал сам обер-бургомистр, в страхе и подчинении державший весь город. Отдав последние распоряжения по минированию, подрыву и поджогу заводских административных и жилых зданий, он еще раз напомнил командованию частей вермахта о приказе фюрера стоять до последнего. Стоять, пока не уйдет из порта последнее судно.

А к городу, и это своими ушами слышит каждый солдат передовых линий обороны и даже солдаты, стоящие вдоль портовой стенки, — все ближе и ближе подкатывает гул советских «катюш». То и дело эскадрильи советских штурмовиков, прорывающиеся сквозь зенитные разрывы, обру-

ивают бомбы на железнодорожный вокзал, склады и портовые причалы. Вот-вот русские танки появятся из снежной мглы перед окопами и траншеями, ворвутся в город, захрохотут траками по мостовым, приближаясь к порту.

...Над огромной территорией Данцигского порта летают обрывки бумаг, пепел, обгорелые клочки сжигаемых архивов. Ветер черным покрывалом растягивает дым над бухтой. Разводят пары боевые корабли и транспортные суда, готовясь покинуть ставший неуютным порт. Приближается час отхода конвоя...

III

Теперь, когда мы выяснили, что представлял собой лайнер «Вильгельм Густлоф», настала пора познакомиться с «С-13» и ее экипажем. Для начала — некоторые данные о самой подводной лодке. Нам в этом поможет Герой Советского Союза Г. И. Щедрин несколькими строчками из своей книги «17 000 опасных миль». Вот они:

«Подводная лодка типа «С» IX-бис серии (а «С-13» относилась именно к этой серии. — *В.Г.*) — один из наиболее современных боевых подводных кораблей, строившихся накануне Великой Отечественной войны.

«С» имела водоизмещение 870 тонн, дальность плавания экономическим ходом — 10 000 миль, автономность — 30 суток, скорость хода — около 20 узлов (надводная), 9 узлов — подводная.

Вооружение подлодки составляли 6 торпедных аппаратов, в том числе 4 — носовых и 2 — кормовых, 12 торпед, 100-мм орудие с боекомплектom 200 снарядов и 45-мм полуавтомат с 500 снарядами, новейшая аппаратура связи и шумопеленгатор.

«С» погружалась на глубину до 100 метров...

Что же касается экипажа лодки, с ним мы познакомимся по ходу рассказа. А он начнется со слов одного из матросов «тринадцатой».

«11.01.45 г. 10.00. Снявшись со швартовых, отошли от финского парохода «Полярная звезда» в очередной боевой поход. Провожали нас комдив А. Е. Орел, его заместитель Ф. Заикин, В. Белянко, Г. Кульчицкий, В. Е. Корж и другие офицеры штаба. Комдив пожелал счастливого плавания и благополучного возвращения. В 23.55 вышли из шхер, погрузились на глубину 15 метров», такую запись оставил в своем дневнике радист «тринадцатой» Михаил Коробейник.

Так получилось, что «тринадцатая» вышла в боевой поход вне плана, едва закончив ремонт после предыдущего похода. Произошло это буквально накануне дня рождения командира и не было случайным. Заставили обстоятельства.

Дело в том, что А. И. Маринеско, по служебным делам сойдя с плавбазы вместе с одним из своих товарищей — капитаном 3 ранга В. Лобановым, после полуночи 1 января «задержался» в городе у хозяйки гостиницы-ресторана. Не на час-два, а на двое суток! Случай, вне всякого сомнения, из ряда вон выходящий. Тем более — «в свете» нашей правдивости, нашего понимания морали и, разумеется, вопроса бдительности. Как же так? Командир подводной лодки — в городе вчерашнего противника, у незнакомых людей!..

Потому-то, чтобы не предпринимать крутых организационных мер, не отдавать хорошего, но оступившегося командира под трибунал, командование распорядилось отправить «проштрафившегося» командира в новый боевой поход. «Кровью смыть!» — как напутствовал его комбриг.

И вот поздно вечером 13 января, точно в назначенное командиром и тщательно рассчитанное штурманом время, «тринадцатая» пересекла кромку заданного района. В общем-то площадь, отведенная приказом для крейсирования лодки, была огромной. От острова Борнхольм до маяка Брюстерорт более 150 миль — такова была ширина района. А длина... Только до горла Данцигского залива более сорока миль! Попробуй-ка осмотри его и достаточно быстро, и, главное, внимательно.

Однако командир прекрасно понимал, что метаться по морю ему ни к чему.

— Я так понимаю, — поделился он своими мыслями со старшим помощником Львом Петровичем Ефременковым, — теперь основные пути у фашистов должны пролегать в двух направлениях. Первое — связывающее Германию с Либавой и Мемелем. Конвой будут проходить по западной кромке района, а, возможно, даже между Борнхольмом и Швецией. Второе же, генеральное направление — на Кенигсберг и Данциг. Думаю, конвой будут пересекать весь район с запада на восток, причем ближе к побережью. Так безопаснее. Значит, мы должны маневрировать так, чтобы чаще оказываться где-то ближе к Штольпен-банке. Оттуда легче контролировать оба пути фашистов...

— Что ж, — согласился с доводами командира стар-

пом, — логика в этом есть. Значит, первое всплытие в заданном районе надо сделать именно там.

— Тем более что после длительного перехода под водой надо подзарядить батареи и провентилировать отсеки, разумеется, не отрывая от главной задачи — наблюдения за морем...

— Согласен! — поддержал Лсв Петрович. — Я поступил бы так же.

— Ну что же, Николай Яковлевич, — заглянув в штурманскую выгородку, подвел итог разговора Марипеско. — Проложите курс так, чтобы часам к двадцати не только выйти поближе к маяку Риксгефт, чтобы уточнить место, но и быть недалеко от Штольпен-банки...

И вот подводная лодка в заданной точке.

— Боцман, всплывай! — спокойно, чуть ли не равнодушно приказал командир. — Только аккуратней, смотри. Здесь у них всегда дозоры торчали. Так что не выскочи!

Защелкали манипуляторы. Палуба легонько пачала вздыбливаться под ногами. Побежала стрелка глубомера. Двадцать пять... Двадцать... Пятнадцать... Десять метров.

— Поднять перископ!

Командир лег предлечьями на рифленые рукоятки, прильнул к окуляру.

Густая непроницаемая тьма окружала лодку со всех сторон. Ни огонька! Ни искорки, ни проблеска — насколько видит глаз, усиленный шестикратной оптикой.

Командир еще раз, теперь уже медленнее, провел перископом по горизонту с борта на борт. Ничего!

— Всплывать!

И тут же командир, за ним — рулевой-сигнальщик бросились к вертикальному трану, ведущему из центрального поста в боевую рубку.

Лодка легко проскочила последние метры глубины и качалась на довольно свежей волне...

Вид, открывшийся с мостика, поражал воображение. Огромные мрачные волны, накатывающиеся на корпус лодки, казались отлитыми из чугуна. Лоснящиеся чернотой, они нависали над лодкой и падали, как бы намереваясь прихлопнуть ее. Но не успевали — лодка выскальзывала из-под них и оказывалась то у самой подошвы, то на гребне волны. Только снопы брызг хлестали в лица подводников. Жгуче холодные, они скатывались за шиворот, забивали глаза, лезли в уши...

Море и в самом деле было пустынным. В общем-то, это

было хорошо: ничто не мешало заняться делом, самым важным сейчас для подводников.

— Внизу! Передать инженер-механику: начать зарядку!

Загрохотали дизели. Потянуло дымом с запахом сгоревшей солянки. Теперь оставалось только молиться военному богу, чтобы никто и ничто не помешало мотористам и электрикам. Чтобы не пришлось прерывать зарядку, не губить этим батареи, и так уже достаточно поизносившиеся.

— Горизонт чист! — в который уж раз доложил командиру вахтенный офицер, не отнимая от глаз тяжелый ночной бинокль.

Молча и сосредоточенно вглядывались в ночную тьму оба наблюдателя — кормовой и носовой. Полчаса, час, второй пролетели. Нет, этот вечер явно был удачным. Никто и ничто не мешало зарядиться после длительного перехода...

Монотонный рокот дизелей навевал дремоту, однако Маринеско крепился. Нельзя отвлекаться: лодка связана в маневре, это опасно. Занятый этой мыслью лишь на исходе суток краешек командирского сознания высветил: «Сегодня же тринадцатое! Сегодня мне стукнуло тридцать два года! Порядочно!»

Пацаны таких стариками уже зовут. А что «стариком» сделано за эти годы? Если так вот, по-совести, самому с собой разобраться? Да ничего особенного. Три боевых похода на «малютке». Уже второй поход — на «тринадцатой». А вот на счету всего два потопленных транспорта. Конечно, не густо, если не считать высадку разведывательно-диверсионной группы, да «шорох», наведенный возле Эзеля. Как тогда бежали крейсер да эсминцы немецкие от лодки! Хотя ни одного из них не удалось потопить, зато наши войска от артобстрелов освободились!

«А что в личном плане? — продолжал размышлять командир. — Да, по сути дела, ничего. Одни потери. Отец, раненный осколком бомбы, умер перед самым походом. К тому же семья развалилась. Спасибо «благодетелям»! И Нине Ильиничне про меня наплели бог весть что, да и я хорош — поверил сказкам про ее поведение в эвакуации. Так что поделом!»

Впрочем, хватит об этом! — прервал командир сам себя. — Не об этом сейчас мысли должны быть. О войне, о боевом задании! С семьей разберемся потом, после Победы...»

Так уж случилось, только в самом начале боевого крейсирования в заданном районе удача отвернулась от Маринеско. Безрезультатно завершился первый день. После это-

го прошла целая неделя. И опять без результата. Море словно вымерло. Ни боевых кораблей, ни транспортных судов. Ничего! Правда, и погода мешала. Все эти дни не утихал шторм. По морю бежали и бежали огромные гривастые волны. С огромным трудом боцману удавалось днем удерживать лодку хотя бы минуту-две, пока командир в очередной раз прикинул к перископу. А ночью шла неимоверно трудная на болтанке подзарядка батарей. И так сутки за сутками. Монотонно и нудно.

Да, обстановка в море была не из легких. Вот как описывает ее все тот же радист лодки М. Коробейник.

«17.01.45 г. Из оперативной сводки Совинформбюро узнали о начавшемся наступлении войск 1-го Белорусского фронта южнее Варшавы. Экипаж обрадовался такой вести. А море свирепствует. Шторм около девяти баллов. Посуда, стол, всякие незакрепленные вещи с грохотом валятся на палубу. Кое-кто из моряков выпал из коек. Утром погрузились, потом легли на грунт. Хотя глубина 50 метров, лодку здорово качает с борта на борт...

18.01.45 г. Всплыли в 00.40. Шторм продолжается. Огромной волной чуть не смыло за борт мичмана Торопова. Удержал его, помог старший матрос Юров. Из радиосообщения узнали об освобождении нашими войсками Варшавы...

20.01.45 г. Ввиду плохой погоды всплываем под перископ редко. Транспортов не обнаруживаем. Иногда слышим взрывы глубинных бомб. Это явно дозорные корабли фашистов...

Лишь 21 января вдохнуло в души подводников надежду. Ранним утром гидроакустик Шнапцев доложил командиру, что слышит отдаленные взрывы глубинных бомб. «Что это могло значить?» — задумался Александр Иванович. Он хорошо знал, что в этом районе нет ни одной советской подлодки. По крайней мере, его так ориентировали в штабе перед выходом «тринадцатой» в море. Значит, взрывы глубиннок — не признак того, что фашисты «гоняют» кого-то из его боевых друзей, преследуют обнаруженную лодку. Видимо, немцы ведут профилактическое бомбометание в этом районе. А раз так, надо ожидать, что вскоре через район бомбометания пойдут вражеские корабли, конвой.

— Готовьтесь, друзья! Будет горячее дело! — обрадовался Маринеско. — Чует мое сердце, что вот-вот подойдет конвой.

— Ну, а на вас сейчас главная надежда, — подыдя к

гидроакустической рубке, предупредил командир. — Что там слышно?

Иван Шнапцев поглубже нахлобучил наушники, прижал их руками, вслушиваясь. Через минуту-другую обрадованно повернулся лицом к Маринеско.

— Товарищ командир, слышу работу сторожевиков!

— А транспорты, транспорты там не проглядывают?

— Нет, товарищ командир!

— Ладно. Боцман, всплывай под перископ! Посмотрим своими глазами...

Едва подлодка взрезала перископом волну, командир приник к окуляру. И тут же увидел, как два сторожевика, шедшие чуть не на горизонте, начали поворот на лодку! За кормой их взбурлили пенные буруны. Значит, дан полный ход. Ничего другого это не могло означать, кроме того, что лодка обнаружена. Вероятнее всего, наблюдатели заметили пенную полосу за перископом.

— Боцман, ныряй! Глубина — двадцать... — ровным, спокойным голосом скомандовал Александр Иванович.

Еще не успела «тринадцатая» закончить этот маневр, как в отсеках услышали шум винтов, вслед за ним — плепки сбрасываемых глубинок. Грохнули первый, второй... пятый взрывы. Лодку качнуло, хлестнули по ушам моряков огромной силы гидравлические удары. Но умелые руки боцмана уже увели лодку от них.

Через полчаса «тринадцатая» снова осторожно всплыла под перископ. Сторожевиков уже не было. Но и конвоя, сколько ни напрягал зрение вахтенный офицер, сколько ни вслушивался гидроакустик, не обнаружили. И вообще не появился он в тот день.

Примерно такая картина повторилась и 22 января. И двадцать третьего с утра грохотали взрывы глубинок. Опять фашисты занимались «профилактикой». И опять подводники не обнаружили вражеские корабли...

Можно предположить, что конвой все-таки были. Возможно, они проскользнули возле самой береговой черты, обманув подводников этими отвлекающими бомбометаниями. Ведь, как стало известно позднее из вражеских документов, именно в те дни, выполняя решение самого Гитлера, принятое им на совещании в ставке 20 января, в Данциге собирались в конвой транспортные суда и боевые корабли: предстояла эвакуация войск и наиболее ценных гитлеровских сотрудников — партийных, административных, хозяйственных...

Как бы то ни было, вражеские суда проскользнули. А что удивляться тому, если погода будто взбесилась.

«26—27.01.45 г. Сильно качает, порой кладет лодку по 45 градусов на борт. Шторм свыше восьми баллов. Мороз. Антенна, леерные стойки, палуба покрываются сплошным льдом. Шахта подачи воздуха к дизелям при погружении пропускает воду до тех пор, пока лед на ее крышке не оттаяет. Из оперативной сводки узнали о выходе наших войск на побережье Данцигской бухты», — пишет радист в своем дневнике.

Почти на целую неделю наступила тишина в море. Зато в экипаже «тринадцатой» обстановка становилась все напряженнее. Больше полумесяца лодка в море, а по сути дела, еще не видела врага, ни разу не выходила в атаку!

Надо было что-то предпринимать. Срочно. Во что бы то ни стало. Люди заждались дела!

29 января после полуночи вахтенный офицер Лев Петрович Ефременков заметил вдали затемненные огни какого-то судна. Разобраться сразу — что это такое, было невозможно. И видимость плохая, и мешала размашистая качка: лодку периодически подбрасывало на скользких хребтах волн, затем швыряло в провалы между ними. Однако наметанный глаз опытного подводника сумел заметить, что судно — не одно. В отдалении трудно уловимые взглядом суетились какие-то стремительные тени.

Ясно было, что судно идет в сопровождении кораблей охранения. Идет курсом на запад. Александр Иванович, выслушав доклад вахтенного офицера, тут же принял решение: атаковать! Истомилось ого командирское сердце без атак. Не мог он позволить себе вернуться из босвого похода без атак и побед. А то, что судно имеет охранение, — это же естественно. Война есть война. В ней должен быть риск, в ней обязаны присутствовать опасности и всяческие сложности. И уж от мастерства командира, его грамотности, ну и, разумеется, смелости, зависит, сумеет ли он подобраться незаметнее к цели, атаковать ее, добиться победы, оставшись сам живым. Сейчас выпал шанс проверить это на практике.

— Боцман, всплывай!

Но едва «тринадцатая» показалась из воды, на судне замелькали вспышки — открыли огонь замаскированные автоматическая пушка и крупнокалиберные пулеметы. «Ловушка»? — возникла мысль. Однако долго размышлять не приходилось. Надо было уходить на глубину.

Тем временем наверху закружилась «карусель». Подоспевшие противолодочные корабли фашистов начали забрасывать район погружения лодки глубинками. То и дело в корпус хитро маневрирующей лодки били то гидравлические удары взрывов, то гидролокационные посылки. Но... безуспешно. «Тринадцатая» вывернулась, ушла...

— Что ж, — сделал вывод Маринеско, — хорош не тот командир, у которого ничего неожиданного не случается, а тот, кто из любого положения найдет выход! Будем умнее!..

Пока все сошлось против подводников — ярость стихии, активность дозорных кораблей... Но почему фашисты все эти дни явно вели поиск подводных лодок? Почему постоянно бомбили район? Эти мысли занимали командира «тринадцатой» с каждым днем все больше. Было очевидно, что фашисты готовились к чему-то, бомбежки — профилактические.

Между тем светлый день был короток. Быстро темнело. Январские сумерки сгущались стремительно. Вот ведь, кажется, всего-то полчаса назад, в очередной раз приказав боцману всплывать под перископ, Александр Иванович Маринеско, командир подлодки, видел размытую линию горизонта. Видел блеклые краски неба, просвечивающие через тонкую серую пелену, что висит над волнами. А теперь видимость резко уменьшилась. Низкая облачность совсем скрыла еще не зашедшее солнце, приглушила предзакатные краски. Чувствовалось, вот-вот власть в природе перехватит ночь. А ночью обнаружить врага куда труднее. Что же делать?

Вот уже более двух недель «С-13» находилась в отведенном ей районе моря. И все эти дни протекали в привычном, надоевшем уже монотонном однообразии. Моряки в который уж раз проверяли и чистили механизмы, делали приборку в отсеках, повторяли боевые инструкции. А вот горячей работы, той, ради которой подлодка находится в море, все еще не было.

Днем «С-13» шла на глубине, изредка подвсплывая под перископ. Ночью она всплывала на поверхность, чтобы даже в шторм успеть подзарядить аккумуляторные батареи, провентилировать отсеки и принять радиogramмы штаба флота.

Только вчера была принята шифровка, обрадовавшая уставшую команду: «Командирам подводных лодок в море. В связи с начавшимся наступлением наших войск ожидается бегство фашистов из Кенигсберга и Данцига. Атако-

вать прежде всего крупные боевые корабли и транспорта противника»...

После этого ритм подводной жизни сразу же заметно изменился. Штурман Николай Яковлевич Редкобородов теперь безвылазно «колдовал» в своей выгородке, шелестя картой. Вглядываясь в бегущие стрелки приборов, он то и дело торопливо щелкал секундомером и движком счетной линейки. Штурман тщательно рассчитывал курсы, позволяющие в короткий срок полностью осмотреть весь район. Для этого нужно было обязательно учесть попадающиеся на пути мели, банки, затонувшие суда. Нужно было помнить о возникающих ошибках от неточного удержания рулевыми заданного курса, от потерь скорости при подвсплываниях. Да мало ли помех случается в беспокойном море?!

В не менее трудном положении был инженер-механик лодки Яков Спиридонович Коваленко. Главная его задача была одна — обеспечить «тринадцатую» энергией. Энергия — это ход, управляемость, непотопляемость лодки. Значит, надо строго контролировать несение вахты электриками. Но и трюмных не забыть — не допустили бы оплошности, особенно на станции погружения и всплывания. Счет идет крупный — на жизнь или смерть корабля, на жизнь или смерть экипажа!

Помня об этом, по несколько раз в день обходил отсеки работник политотдела бригады лодок Борис Сергеевич Крылов, исполнявший в походе обязанности замполита. Главное сейчас — не допустить благодушия, самоуспокоенности, снижения бдительности! Здесь, по сути дела в логове врага, это может кончиться плохо. И замполит, заводя разговоры то в носовом, то в дизельном отсеке, то в центральном посту, напоминал:

— Район очень опасный. В Данциге, по данным разведки, судостроительные заводы спускают на воду по две подводные лодки в месяц. Причем лодки нового, очень перспективного типа! Там же находится школа подводного плавания, поставляющая специалистов в экипажи для них. Кроме того, там огромное число надводных кораблей, обеспечивающих испытания новых лодок и охраняющих район боевой учебы. Естественно, что фашисты охраняют подходы к порту как зеницу ока. Значит, в любую минуту дозорные корабли могут обнаружить «С-13»!..

Между тем командира волновало еще одно: глубина (об этом напоминают пометки на карте) напичкана минами — донными и якорными. Как же маневрировать, если придется уклоняться от вражеских сторожевиков?.. Надо хо-

дить, как говорят, по ниточке — между дном и поверхностью моря, да еще и между минрепов! А как уклоняться от глубинок?..

В который уж раз, прикинув к окуляру перископа, Александр Иванович осматривал горизонт. Лежа на рукоятках так, что те оказались под локтями, а натруженные, словно налитые свинцом, кисти рук свободно свисали, он медленно разворачивал перископ. Однако все было по-прежнему: пенные барашки, бегущие прямо по курсу, далекая размазанная линия горизонта. И ни суденышка!

«В чем же дело? Где они спрятались?»

Знал командир по прошлому боевому походу: в этом районе их немало. Только обнаружить, да суметь атаковать!

«А может быть, фашисты готовят конвой? Может, они собрали корабли в порту?—возникла у командира мысль.— Тогда лучше всего сместиться чуть ниже, поближе к Данцигу. К рассвету 31 января войдем в бухту. А уж там наделаем «шороху»...

— Риск — благородное дело, — согласились замполит и штурман, когда командир поделился с ними своим планом. — Пожалуй, не ошибемся...

— Ну что ж, Николай Яковлевич, рассчитывайте курс. А вы, Яков Спиридонович, пока есть время, начинайте подзарядку батарей! Всплываем!

Зашипел врывающийся в цистерны воздух. Подводная лодка, словно ее подтолкнула какая-то невидимая сила, выскользнула из вязкой пучины и закачалась на ледяной январской волне. Яростно зарокотали дизели. Мелко задрожал стальной корпус.

Но едва началась подзарядка, на мостик выскочил старшина команды радистов Михаил Колодников.

— Товарищ командир, радиограмма!

Оставив за себя на мостике старпома, Маринеско торопливо скользнул по поручням вертикального трапа в центральный пост. Мягко стукнула переборочная дверь. Тотчас, будто тень, в каюте командира возникла фигура шифровальщика.

— Ну-ка, разберемся, что нам сообщают!

Старшина, сосредоточенно водя кончиком карандаша по столбцам цифр радиограммы, зашелестел листками шифровального блокнота.

«Командирам подводных лодок в море.

Быстрое продвижение частей Красной Армии, имеющее одним из операционных направлений Данциг, заставит про-

тивника в ближайшие дни начать эвакуацию района Кенигсберга. В связи с этим надо ждать резкого усиления движения транспортов противника в районе Данцигской бухты»...

— Акустика ко мне!

Высокий и худощавый «слухач» старшина 2-й статьи Иван Шнапцев появился тотчас. Его каютка-выгородка была почти рядом с командирской, и старшина прибыл, не ожидая, пока посыльный передаст уже услышанное им приказание.

— Теперь основная надежда на вас, — встретил его командир. — Задача: искать крупные боевые корабли и транспорты. Сами понимаете, с сигнальщиков особого спроса нет — видимость отвратная... Знаю, что и для вас сложились условия — не сахар. Но иного нам не дано. Так что надеюсь на вас!

Командир еще несколько мгновений помедлил, потом резко встал, вышел в центральный.

— Яков Спиридонович, заканчивайте зарядку! А вы, Николай Яковлевич, рассчитайте курс на маяк Риксгефт. Надо подойти поближе, посмотреть, что там творится.

Штурман тут же склонился над картой. Коротко звякнул транспортиром и циркулем...

— Предлагаю курс 120 градусов. Идти сорок минут.

— Вахтенный, лево на борт!..

Теперь, когда было принято решение, приближающее подводную лодку и к реальной опасности, и, наверняка, к боевой удаче, командир почувствовал облегчение. Приказание, полученное в радиোগрамме, полностью совпало с его намерением. И то, что командир без подсказки, без указаний от штаба пришел к тому же, единственно верному решению, какое приняли хорошо информированные и ориентирующиеся в реальной обстановке штабисты, обрадовало Маринеско. Не подвело его командирское чутье!

— Что ж, пора к делу! Готовы ли торпедисты?

Командир любил пройтись по всей лодке, чтобы своими глазами увидеть, как выполняются его команды, как работают люди на своих боевых постах. Сейчас он направился в первый, торпедный, отсек, потому что командир был уверен: скоро торпедистам предстоит стать «номером один».

В полусумраке отсека, при включенном лишь дежурном свете, командир БЧ-II-III что-то разъяснял подчиненным, сидя на разномычке, установленной между торпедными аппаратами. Увидев показавшегося в люке командира, Василенко вскочил с места, готовясь отащировать как положено.

— Ну что, орлы, — жестом остановив его доклад, обратился Маринеско к торпедистам, — скоро и до вас очередь дойдет. Чует мое сердце — вот-вот будет горячее дело...

— За нами не станет! — отозвался за всех командир отделения торпедистов Владимир Курочкин. — Вы только дайте команду «Пли!», а уж мы...

— А как настроение?

— Веселее стало. Понимаем, что будем не пассажирами. На вас надеемся, товарищ командир!

«На вас надеемся»... Маринеско шел по отсекам, перебрасываясь порой с матросами и старшинами малозначащими фразами, а сказанные Курочкиным слова все не выходили из головы.

Действительно, как-то так получается, что об этой стороне вопроса командиру подумать некогда. Привычнее командиру надеяться на подчиненных, на их техническую грамотность, умелые навыки, трудолюбие и добросовестность. Об этом напоминают морякам политработники, партийные и комсомольские работники, офицеры и старшины, привычно «мобилизуя» людей на выполнение очередных задач. Обоснованная надежда командира на подчиненных — в принципе залог побед при встрече с врагом. Но ведь те же матросы и старшины тоже имеют право надеяться на командира, на его тактическую и морскую грамотность, на умение организовать действия личного состава, чтобы добиться победы малой кровью, найти верное решение в самой сложной обстановке. Словом, они хотят и имеют право надеяться на командирскую мудрость. Ведь как там ни говори, именно от командира зависят замысел боя и тактика его осуществления.

Значит, успех выполнения любой, самой сложной задачи зависит от того, насколько командир уверен в экипаже, а личный состав — твердо надеется на командира!

С этими мыслями Александр Иванович поднялся на мостик. И тут же пожалел, что не надел шапку.

...Надрывно воел январский ветер. Гуляет шестибалльная крутая волна. Тяжелые валы, со всхлипом переваливаясь через узкий корпус лодки и вспыхивая облаками мельчайших брызг, лавиной катятся к далекому берегу. Рассвирепела зимняя Балтика. То налетит снежный заряд, завьет, закружит — зги не видать. То прорвется вдруг снежная пелена и выглянет сквозь низкие тучи луна. Мертвенным светом обольет она бушующие громады волн. А те все бегут и бегут, раскачивая мгновенно обледеневший корпус лодки.

Семнадцать градусов мороза! Жгучие брызги слепят глаза, окатывают с головы до ног, проникают за шиворот. На мостике «тринадцатой» четверо: командир, вахтенный офицер Лев Петрович Ефременков и два наблюдателя. В носовом секторе — рулевой-сигнальщик Анатолий Виноградов, в кормовом — старший рулевой-сигнальщик Иван Антипов. Опытные и «глазастые», как говорили в экипаже. На них надеется каждый. Они ребята и умелые, и ответственные. Все-таки Виноградов — комсомольский вожак. Еще в первом боевом походе принят он в партию по боевой характеристике, и с тех пор ни разу не подвел друзей. А вот Антипов, кстати, самый старший по возрасту среди матросов, ровесник командира. Спокойный, аккуратный, неторопливый. Он побывал до службы на этой лодке в сухопутных боях под Лиенаей и Ригой. Словом, проверен огнем, испытан атаками — надежен...

Командир, тепло думая о своих подчиненных, все явственнее чувствовал, что дольше на мостике не удержится. Морозный ветер нестерпимо жег лицо, зло щипал уши. Видавшая виды фуражка не спасала! Наконец не выдержал.

— Старпом, постой за меня минутку. Перехвачу горяченького, да и шапку надену...

Звонко прогромыхали под командирскими каблуками ступеньки трапа. Глухо звякнула переборочная дверь.

Очередная темная пелена снега закрыла горизонт. Больно секущая, обжигающая круговерть пронеслась по мостiku. А через несколько секунд снова далеко-далеко прорезалась черта горизонта. И тотчас вахтенный сигнальщик Анатолий Виноградов протянул руку вперед:

— Вижу вспышки, огоньки!

— Штурмана на мостик! — еще не до конца осмыслив услышанное, бросил Ефременков в центральный пост. Он понимал одно: огоньки — вероятно, вспышки маяка Риксгефт, к которому уже подошли достаточно близко, чтобы можно было уточнить место подводной лодки. Тем более что перед входом в бухту это просто необходимо.

Старпом уже передвинулся на правое, командирское, крыло мостика, чтобы освободить на площадке место для штурмана, как вдруг в его сознании мелькнуло: «Но ведь по военному времени маяк должен быть погашен. Если же он заработал, то это означает одно: в гавань входит или из нее выходит судно!» И тут, перекрывая глухой рокот дизелей, прозвучал новый доклад Виноградова: «Огни!»

Действительно, далеко-далеко со стороны бухты, про-

равшись сквозь снежную мглу, замигало несколько тусклых точек.

— Дайте пеленг на огни! — обернувшись к сигнальщику, крикнул старпом. Не дожидаясь доклада, бросился к переговорной трубе.

«Быстрее сообщить командиру. В любую секунду налетит снежный заряд, огни скроются. А вдруг это и есть те самые корабли, о которых сообщалось в радиограмме?»

— Командиру, просьба — наверх! — торопливо бросил он в переговорку фразу, оговоренную для особо важных случаев Корабельным уставом.

«А теперь не терять ни мгновения!» — приказал он себе.

— Боевая тревога! Торпедная атака! Стоп-подзарядка! — одна за другой полетели по отсекам подводной лодки взволнованные команды. «С-13» выходила в «атаку века».

IV

Сколько сейчас, в наши дни, сказано и написано об этом событии, «потрясшем фашистов, начиная с самого Гитлера», как говорил Адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков! А уж он-то знал, что говорил. Ведь был в годы войны начальником Главного морского штаба, заместителем Народного комиссара ВМФ СССР. Уверен, что о том событии, вернее, о его значении, в те дни не мог знать никто из экипажа подводной лодки «С-13». Даже сам командир ее, Александр Иванович Маринеско, вряд ли предполагал, что небывало трудная и опасная эта атака станет со временем называться «атакой века», будет вызывать во всем мире бесчисленные споры и вопросы, недоумение и восхищение.

Но так было и так есть.

А как происходила сама атака, мне рассказали и написали в письмах непосредственные ее участники — Коваленко и Редкобородов, Ефременков и Шнапцев, Виноградов и Зеленцов, Курочкин и Антипов...

Но прежде всего — короткая запись из исторического журнала подводной лодки «С-13».

«...30 января в 21 час 10 минут в Ш — 55° 02' 02", Д — 18° 11' 05" обнаружена цель...»

Едва до каюты донеслись первые слова доклада вахтенного офицера, Маринеско выскочил на мостик. Вслед за ним — штурман.

Снова в воздухе вращались мириады сухих снежинок. Все так же плотной стеной закрывали они горизонт. В ле-

срах и антенне пронзительно свистел взбесившийся ветер. Он немилосердно сжимал тело морозными клещами. Колючие брызги хлестали по глазам...

— Докладывай, старпом, что здесь случилось?

Слушая торопливый, но четкий и лаконичный доклад, Маринеско мысленно тут же представлял предварительный план своих действий. Ясно, что за огнями, обнаруженными сигнальщиком, по крайней мере, — одно судно. Только что это — крупный боевой корабль, транспорт или не стоящая внимания и расхода торпед мелочь? Значит, надо уточнить. Сблизиться и решить, что делать. Но если действовать по правилам, в подводном положении, — вдвое потеряешь скорость. А если идет не транспорт-тихоход, а стремительный боевой корабль или лайнер-быстроход? К тому же из-под воды в перископ на такой волне ничего не увидишь, да и боцман не удержит лодку — вон как бросает. Баллов шесть-семь! Остается одно: догонять и атаковать только в надводном положении, причем под дизелями...

— Штурман, становитесь на ночной прицел! Стреляем из надводного.

Разрезая мрачную мешанину волн, «тринадцатая» резко покатила вправо — на курс сближения с обнаруженными огоньками.

— Значит так, — вполголоса, словно делаясь мыслями с подчиненными, продолжал рассуждать командир, — сблизимся, устанавливаем, что это такое. На случай непредвиденного срочного погружения — ведь черт знает, что там на самом деле! — надо перейти в позиционное положение уже сейчас. И незаметнее станем, и легче уходить на глубину...

— Заполнить балласт, кроме средней!

Командир распоряжался быстро и четко, как на очередной тренировке. А тем временем в отсеках подводной лодки уже шло приготовление к торпедной атаке. Каждому подводнику было очевидно, что в такой вот обстановке встреча с целью произойдет внезапно. Где уж там успеть выполнить весь нужный объем работ по подготовке залпа? Где взять для того драгоценные минуты?..

Откуда моряки знали об атаке? Матросы и старшины, уже успевшие хорошо понять командира, теперь не только по словам, а даже по интонации его голоса различали, какая команда поступает в отсеки. Они научились зримо представлять, что за какими командами скрыто, что ожидает экипаж в ближайшее время.

Вот и сейчас, едва прозвучала первая команда — торопливая и звонкая «Боевая тревога!», матросы, старшины и

офицеры шестым чувством поняли: обнаружена долгожданная цель! Значит, атака! Потому что знали: их командиру даже такая злая непогода — не помеха. Он сумеет атаковать!

Конечно, бывало, что боевая тревога звучала, а атаки не было. Но на то были весомые причины: то ли цель слишком мала, то ли ошибался вахтенный офицер — цели для атаки не было, обманулся усталый глаз. Но уж если командир после этой команды не дал отменительной — атака непременно будет!

Вахтенные в отсеках, прикинув ухом к раструбам переговоров, с напряжением прислушивались к словам, раздающимся в соседних отсеках и даже в центральном. И разом облегченно вздохнули, услышав: «Заполнить балласт!» Предположения сбывались: атаке быть! По переговорке слышно было, как защелкали манипуляторы. Потом запиел выдавливаемый из систерн воздух. Раздалось глухое утробное ворчание — это тонны забортной воды рванулись в пустые балластные систерны.

Лодка, вздрогнув, грузно осела в волнах. Теперь она стала еще незаметнее. Со стороны и не поймешь — то ли катерок какой, то ли крохотный буксирчик.

Зато боцману Николаю Степановичу Торопову стало намного тяжелее. Горизонтальные рули, будто стальные крылышки, выдвинутые в носовой части лодки, вырывали из рук металлические баранки штурвалов. Когда накатывался очередной пенный вал, не хватало сил удерживать их. Деревятели руки от напряжения, усталость с неумолимой силой стягивала плечи.

Однако боцман не мог, не имел права ни расслабиться, ни передохнуть! Стоит зазеваться на секунду, и бешеная сила, сложенная из сопротивления воды, умноженного на скорость лодки, так навалится на стальные плоскости рулей, что лодка неудержимо ринется вниз. А ведь на мостике люди. Верхний рубочный люк открыт. Хлынет в него ледяная волна, и...

— Мостик, слева 160 слышу шумы крупного двухвинтового корабля на большом ходу, — донеслось вдруг из гидроакустической рубки.

И тут же торопливое добавление:

— Предполагаю — крейсер!..

Каким чудом в какофонии забортных звуков, заполнивших наушники, сумел «слухач» лодки Иван Шнапцев различить эти басовитые звуки? Ведь в наушниках — грохот дизелей, гул бьющих в борт волн, шелест лодочных вин-

тов... Поблагодарить бы сейчас акустика за его мастерство, да некогда. Командир автоматически поднес к глазам светящийся циферблат часов. «Двадцать один двадцать!..»

— Акустик, пеленг!

— Пеленг 180. Медленно меняется на нос!

— Право на борт! Штурман, установить данные на ночном прицеле!

План атаки на еще не видимую цель рождался на ходу. Все мысли, вся воля командира сосредоточились сейчас на цифрах, доложенных акустиком. Маринеско по ним как бы зримо представлял себе взаимное расположение подлодки и цели. Напряжением мысли перемещал он фигурки кораблей в сложившейся уже схеме атаки. Как опытный шахматист, забегающий мыслью на несколько ходов вперед, Маринеско мысленно анализировал вероятные варианты ее, обосновывал, отвергал, уточнял. В конце концов остановился на наиболее, как показалось ему, удачном, приказав лечь на курс, перпендикулярный акустическому пеленгу. Судя по карте района, иначе противник не мог проложить свой курс. Значит, лодка должна вскоре выйти на расстояние прямой видимости цели. Если, конечно, ее скорость соизмерима с лодочной...

«Тринадцатая», подминая под себя огромные темные волны, увенчанные пенными гребнями, увеличивала скорость. Надо было до конца использовать ненадежный щит непогоды и темноты.

Чувство азарта захватило уже весь экипаж. Из отсека в отсек летела крылатая молва: «Обнаружили! Выходим в атаку!»

Как это часто бывает на Балтике зимой, порывом ветра очистило вдруг горизонт, и Маринеско увидел далеко по курсу силуэт небольшого судна, а за ним какую-то прямоугольную громадину.

— Что это? — невольно вырвалось у командира. — Тянут плавдок, что ли?

«Что же, плавучий док — это плавучий судоремонтный завод, — размышлял командир, — для фашистов огромная ценность, а для нас отличная цель».

Действительно, на заключительном этапе боевых действий, когда у фашистов все больше и больше кораблей погибало или выходило из строя, неминуемо росла боевая ценность кораблей и судов, оставшихся в строю. Понятно, что немцы были особо заинтересованы в том, чтобы поскорее вводить в боевой строй поврежденные корабли. Для этого служили не только береговые заводы и верфи, но и плаву-

чие доки. Так что если встретившийся «тринадцатой» плавдок идет даже пустым, его уничтожение — серьезный удар по фашистам и их целям. Это несомненно.

А еще, и командир учитывал это, теперь, когда из-за больших потерь у гитлеровцев очень не хватает еще и транспортных средств, так нужных для эвакуации войск, техники и населения с территорий, которые вот-вот будут захвачены советскими войсками, плавдок наверняка не пойдет пустым. Если в нем нет ремонтирующихся кораблей, то уж нет сомнения, что там будут собраны люди, техника, награбленные богатства...

На первый взгляд, приблизительно, как оценил тогда Александр Иванович, водоизмещение плавучего дока было порядка двадцати тысяч тонн. Можно было только догадываться, сколько же ценного груза на доке собрано. Ведь если перевести на более понятный язык, 20 000 тонн — это пятьсот вагонов или почти семь тысяч грузовиков. Трудно вообразить себе такое количество!

— Ну что ж, — принял решение командир. — Плавдок, так плавдок. Топить будем обязательно!

Вообще-то, в глубине души Маринеско все-таки немного сомневался в правильности классификации цели, так как не успел ее рассмотреть внимательнее — очередная стена снега укрыла судно. «А уточнить бы надо!» — подумал командир.

— Вызвать наверх Волкова! — распорядился он.

Старшина 1-й статьи Александр Волков был не только опытейшим рулевым-сигнальщиком, командиром отделения. Наряду со многими отличными качествами он обладал еще и небывалым, редким достоинством — поистине «кошачьим зрением». Он ночью видел так же, как и днем. Вот на эту способность моряка и рассчитывал Александр Иванович, вызывая старшину наверх.

Ждать пришлось недолго. Прогрохотали металлические ступени трапа, и разгоряченный торопливым бегом моряк выскочил на мостик.

— Присмотрись, старшина, что там такое маячит! — показал Маринеско на силуэт, смутно проступающий сквозь начавшую редеть снежную завесу.

— Впереди миноносец. За ним — лайнер! — приглядевшись, уточнил Александр Волков.

И на самом деле, когда снежный заряд исчез в очередной раз, Маринеско убедился: перед ним был огромный лайнер, редкие огоньки нарушенной светомаскировки которого особенно подчеркивали его колоссальные размеры.

— Тысяч на двадцать, не меньше! — не удержался от посторга командир.

«Ну уж наверняка бегут на нем те, под кем земля горит. Топить надо их, не дать им уйти!»

Да, было очевидно, что обстоятельства оставили командиру именно тот вариант атаки, о котором он думал: надводный. Разумеется, это очень опасно. Такой огромный лайнер наверняка охраняют большие корабельные силы. Значит, со стороны моря не подойти — сотни наблюдателей следят, чтобы не пропустить к лайнеру ни самолеты, ни торпедные катера, ни подводную лодку. Ведь по военной науке, по ее незыблемым тактическим канонам именно этого можно ожидать в сложившейся ситуации. Значит, надо перехитрить фашистов. Но как? Мысль работала обостренно четко, быстро.

«А что, если атаковать со стороны берега? Не ждут же они нападения оттуда. Наверняка не ждут! — возникла первая мысль. Тем более что у фашистов именно на берег основная надежда: там авиация поддержки, там береговые батареи, словом — помощь»...

«Заманчиво, хотя и опасно!».. — вторая мысль, и тут же ее обоснование: «Лайнер прижимается к береговой черте, между ним и берегом будет тесновато, а глубина малая».

«Если обнаружат — ни отвернуть, ни погрузиться. Наверняка — гибель... — третья мысль. — Но и упускать лайнер нельзя. Очень уж заманчивая цель!»

Итак, прочь сомнения! Теперь, когда решение принято, только стремительность и четкость маневра, только стойкость и готовность экипажа на самопожертвование принесут успех. Ни секунды промедления.

— Штурман, следите за пеленгом!

— Пеленг быстро меняется на нос!

«Значит, лайнер уходит. Значит, упущен момент — то ли запоздал с поворотом, то ли неверен был акустический пеленг», — закусил губу командир.

Над миноносцем, идущим впереди лайнера, вспыхнула и покатилась красная звездочка ракеты. Что это за сигнал? Неужели обнаружили лодку и миноносец выходит в атаку? Думай, командир — скрываться или продолжать погоню, рискуя жизнью экипажа и судьбой подводной лодки!

Но не успел еще Маринеско принять решение, как силуэт миноносца начал быстро менять очертания. «Поворот!!! Куда? На нас или от нас? Надо решаться! Догонять или отказаться от атаки? А, черт, так недолго попасть под таран!» — остро кольнула запоздалая мысль.

— Срочное погружение! Бодман, ныряй на 20 метров! — распорядился Маринеско.

Как видно, все еще не замеченная фашистами «тринадцатая» заскользила под тяжело накатывающиеся громады волн. Последние резкие размахи с борта на борт, и вот уже только спокойное, размеренное покачивание напоминает о бушующем наверху шторме.

Но командиру сейчас было не до этого. Он напряженно вслушивался в забортные шумы. Даже через сталь прочного корпуса было отчетливо слышно, как приближается похожее на паровозное погромыхивание — гул корабельных винтов. Вот оно совсем рядом, кажется — над самой головой. Звук давит на плечи. Так и хочется пригнуться. Хочется заставить лодку уйти дальше на глубину. Но это невозможно. На карте, откорректированной штурманом перед выходом лодки в море, помечено: «Район, опасный от мин».

Здесь вполне возможны донные мины. Погибнуть, уходя от гибели? Этого командир не допустит! Самая разумная глубина, которой надо придерживаться во что бы то ни стало, — двадцать метров. Она хороша по многим причинам. Прежде всего, на такой глубине не попадешь под таран, во-вторых, далеко до опасного в минном отношении морского дна. Наконец, в-третьих, эта глубина не совпадает с установкой глубинного пояса фашистских глубинных бомб на случай бомбометания.

Все учел командир, все предусмотрел в эти минуты!

«А проскочит лайнер — снова всплыть. Всплыть и догнать его, не упустить!» — билась в висках командира одна и та же мысль.

Грохот винтов прокатился мимо подводной лодки и начал удаляться. Все! Главная опасность пока миновала. Пусть неожиданным своим поворотом лайнер сорвал начатую атаку. Пусть теперь надо было начинать все сначала. Главное, полностью вызрел план атаки. Иного решения командир не видел, да и не хотел видеть. Он лично убедился, какая огромная цель обнаружена. Он убежден был в ее немалой ценности для фашистов. Уже потому упускать ее не мог и не имел права. Он должен, должен уничтожить врага, чего бы это не стоило!

— Продуть балласт! — принял решение командир. — Оба полный вперед. Курс 260 градусов!

Решение оставалось неизменным — только атака. Несмотря ни на что!

Лодка, набирая ход, снова приподнялась над волнами.

И хотя от этого ее стало больше качать, боцману стало легче удерживать рули.

— В центральном, какая скорость?

— Шестнадцать узлов! — откликнулся снизу инженер-механик Коваленко.

— Увеличьте скорость!

— Есть!

Скороговоркой затараторили дизели. Огромный пенный вал стремительно покатился за кормой.

— Штурман, как пеленг?

— Медленно меняется на нос.

«Черт, маловато скорости. И увеличивать опасно — дизели поизносились... Была не была — без риска не будет победы!»

— Механик, добавьте оборотов!

— Товарищ командир, ход больше восемнадцати. Уже подрывает клапаны. Придется форсировать дизели...

— Ради такой цели можно. Объясните людям обстановку!

Командир ясно сознавал, что идет на смертельный риск. Прежде всего он знал, как сейчас нелегко мотористам. Если здесь, на мостике, семнадцать градусов мороза, бьют в глаза злые, колющие брызги, плечи сковывает ледовый павцирь — и это очень тяжело, тяжело ему самому, тяжело вахтенному офицеру и верхним наблюдателям, то что творится внизу?..

А внизу, в дизельном отсеке, был настоящий ад. Захлебываясь, грохотали работающие на форсаже дизели. Не успевали сгореть ни солярка, ни масло. Едкий дым, заполнив пол-отсека, мешал дышать. Люди задыхались от недостатка кислорода. Температура в отсеке приближалась уже к отметке «60». 60 градусов жары! Полуголые тела мотористов лоснились от пота. Порой, не выдерживая теплового удара и удушливого дыма, то один, то другой моторист падал, его тут же заменяли подвахтенные. Надо было выдерживать это адское испытание, выдержать во что бы то ни стало, чтобы сохранить заданный командиром ход — в дыму, смраде, адской жаре!

Была опасность, что дизели не выдержат этого бешеного ритма, разлетятся вдребезги. И тогда лодка останется без хода — беспомощная во власти стихии, на глазах врага — беззащитная мишень... Командиры отделений мотористов старшины Петр Плотников и Василий Прудников, изловчась, подсовывали под клапаны пучки проволоки, даже отвертки — лишь бы смягчить удары, сберечь двигатели...

Да, командир шел на явный риск. Вероятность счастливого исхода не составляла и сотой доли процента. Если лодку обнаружат, да еще и она останется без хода, — это смерть.

Конечно, своей личной жизнью Александр Иванович мог распорядиться, как хотел. Мог распорядиться и жизнями подчиненных — Родина от своего имени давала ему такие права, поручая командовать боевым кораблем. Он — представитель, полномочный и полновластный, представитель Советского правительства здесь. Но это же огромная моральная, нравственная ответственность. Командир не хотел и не мог хотя бы не посоветоваться с экипажем, чтобы откровенно сказать людям о том, какой опасности подвергаются моряки, выходя в эту атаку.

— Борис Сергеевич, — позвал Маринеско исполняющего обязанности заместителя по политчасти Крылова, — пройди по отсекам, объясни людям все...

Между тем экипаж «тринадцатой» уже знал, что лодка выходит в атаку на огромный лайнер. Знали моряки и о сложности обстановки, и о рискованности маневра. Знали, что не исключена гибель. И сейчас, когда обо всем этом им сказал еще и прошедший по отсекам Борис Сергеевич Крылов, из всех отсеков поступил на мостик один доклад:

— Передайте командиру: готовы к любым испытаниям! Готовы на риск!

Готовы на риск! Это говорили люди, не по слухам, не по книгам и кинофильмам знавшие, что такое риск и чем он порой завершается. Это говорили люди, разбросанные по отсекам и боевым постам по одному, в лучшем случае по два-три. По сути дела, один на один со своими мыслями и надеждами. Это говорили люди, отлично знавшие, что вот-вот закончится война, вот-вот победа. Если они вернутся живыми из этого боевого похода, им уже не угрожает гибель до победного дня. Они останутся живы! А если пойдут в рискованную атаку, да если лодка будет обнаружена — чем это закончится? Может быть, грохнет рядом с лодкой серия глубоинных бомб или врежутся с грохотом и пламенем в борт и рубку лодки вражеские снаряды — и все...

И все-таки они сказали свое — «Готовы на риск»! Это единодушные теплом обдало командира, радостью охватило сердце. Значит, верят, значит, надеются на счастливую командирскую звезду! Как же оправдать эту беззаветную веру?

...Чуть впереди и правее по курсу лодки во мраке ночи, сквозь брызги и снежный вихрь то и дело проблескивал огонек. Лайнер по-прежнему шел, не меняя курса и скорости, не производя даже противолодочного зигзага. Видимо, фашисты и не предполагали, что рядом с ними идет их смерть. Именно смерть, потому что Маринеско твердо решил довести атаку до конца, во что бы то ни стало торпедировать лайнер.

И думая об этом, он прекрасно понимал, что теперь судьба лодки, судьба экипажа, судьба атаки не только в его руках, не только в его мастерстве и настойчивости. Сейчас много, если не все, зависит от подчиненных Якова Коваленко, от того, сохранит ли лодка ход, даст ли она нужную скорость.

— Механик, как дизели? — не выдержав, спросил командир.

— Держатся. Но опасаясь, очень уж перегружены!

На помощь мотористам поспешили другие моряки экипажа. Каждый чувствовал, насколько ответственный настал момент. Вот и инженер-механик, беспокоясь за судьбу двигателей, покинул центральный пост, прибежал в дизельный отсек. Может быть, потребуется его квалифицированный совет. Да просто присутствие офицера ободрит и поддержит моряков. Он вместе с ними готов разделить трудности и ответственность.

Теперь «тринадцатая», идущая более чем девятнадцатиузловой скоростью, стала похожа на торпедный катер. Из воды виднелась лишь рубка, вся в пенном шлейфе.

Поначалу, нагоняя лайнер, подлодка шла тем же курсом. Потом, круто повернув, пересекла пенную дорожку, вышла на левый борт лайнера. Полчаса, час, второй продолжалась погоня...

— Старпом, рассчитайте число торпед в залпе!

Но едва прозвучала эта команда, с левого крыла мостика лайнера пулеметной очередью «зашелся» сигнальный прожектор. Его луч танцевал по рубке лодки, выписывая точки и тире.

— Что он пишет?

— А черт его знает! — отозвался сигнальщик Иван Антипов, обычно сдержанный и невозмутимый моряк.

— Отстучите ему что-нибудь! Видимо, позывные запрашивает.

С такой же пулеметной скоростью старший матрос Антипов отстучал ратьером короткое и соленое словцо. И, странное дело, запросы с лайнера прекратились! То ли от-

вет оказался близким к запрашиваемому, то ли приняли гитлеровцы лодку за шедший, как потом выяснилось, в конвое катер-торпедолов.

Психологически объяснить происшедшее можно. Разумеется, гитлеровцы понимали, что открыто отвечать на запрос позывных мог только свой. Противник, будучи обнаруженным и запрошенным, наверняка юркнул бы в сторону, во тьму, чтобы скрыться с глаз долой. По крайней мере, так было бы логично объяснить происходящее.

Но для моряков «С-13» главным сейчас было то, что фашисты поверили их уверенному, даже отчаянному, обману. Они поверили и перестали проявлять любопытство. «Свой, так свой! Больше никому, как «TF-19». Он наверняка решил, укрывшись от волн за высоким бортом «Густлофа», дойти до Киля!» — так, видимо, думали там, на лайнере. И сразу схлынуло напряжение у стоявших на мостике «тринадцатой». Удалось! Обманули!

Наконец подлодка миновала форштевень лайнера. Громадина судна, по-прежнему темная и беззвучная, стала потихоньку отставать. Приближался решительный момент.

— Стоп дизели! Принять главный балласт, кроме средней! Право на борт. Моторы — малый ход! — выпалив единым духом эти команды, Маринеско впился глазами в резко очерченный силуэт, падвигающийся из мрака ночи.

Словно стальным лемехом, «тринадцатая» врезала ударившую в борт волну и покатила навстречу лайнеру, ложась на боевой курс.

Невысокий и плотный старпом, ухватившись за ветроотбойник, привик к ночному прицелу.

— Как только визирная линейка придет на цель — подавайте команду! — не отрываясь от бинокля, бросил командир.

Силуэт лайнера неудержимо рос, превращаясь в закрывавшую полгоризонта громадину, однако все еще не приходил на нужный угол.

— Право пять градусов!

Лодка покатила вправо, и тотчас темный силуэт стал быстро наползать на визирную линейку.

— Есть! — обрадованно воскликнул старпом.

— Аппараты, пли!

Маринеско машинально взглянул на часы: 23.08!

Лодку качнуло раз, второй, третий... Три стремительные полоски рванулись от форштевня «тринадцатой» к высокому борту лайнера, еще продолжавшего свой путь...

Эта глава родилась после того, как довелось прочитать отрывки из книги «Гибель «Вильгельма Густлофа» бывшего пассажирского помощника капитана лайнера Гейнца Шена. Строки ужаса и отчаяния, как мне показалось, точно и без прикрас показали то, как встретили беглецы настигнувшее их возмездие. Потребовалось только наполнить те несколько строк книги всеми оттенками чувств и действий, которые, несомненно, были проявлены героями концлагерей и допросов, высококвалифицированными советниками грабежей и насилий, ветеранами уничтожения мирного, беззащитного населения.

...Когда громадина лайнера, освободившаяся от цепкой хватки швартовых концов, отвалила наконец от причала, стрелки часов показали ровно полдень 30 января. Хотя погрузка пассажиров-беглецов завершена была еще ранним утром, на палубах лайнера продолжалась суэта. Дюжие молодцы из палубной команды, не особенно церемонясь, сталкивали узлы и чемоданы, горою наваленные в коридорах, заполнившие переходы и выгородки.

— Убирайте, убирайте!

Немногословные и суровые, они поначалу пытались объяснить недоумевающим пассажирам, что вещи преграждают доступ к средствам пожаротушения и осушения, к спасательным шлюпкам и плотикам, что в случае катастрофы они помешают спасать лайнер и их же, пассажиров. Потом стали молча отпихивать узлы и чемоданы вместе с хозяевами, прикрикивая порой:

— Убирайте из-под ног, иначе выбросим за борт!

Медленно ворочался людской водоворот.

Давно уже, еще до выхода лайнера из порта, боновые ворота порта миновали трудяги-тральщики, за ними — стремительные миноносцы и сторожевики. Пока неповоротливые, медлительные суда конвоя тянулись к выходу, тральщики еще и еще раз проверили фарватер — не появились ли там мины. Тем временем миноносец и сторожевые корабли эскорта, вышедшие уже в бухту, построились большим полукругом, прикрывая транспортные суда.

Вслед за «Вильгельмом Густлофом» отвалил от причальной стенки двадцатитысячетонный теплоход «Ганза», потом — турбоход «Геттинген» водоизмещением почти 6200 тонн, другие, более мелкие суда. Колонна транспортов и кораблей охранения растянулась на несколько миль...

Первые часы плавания прошли благополучно. Палубная

команда навела наконец-то относительный порядок. Шум и суета в помещениях и на всех палубах постепенно утихли. Мерная дрожь от ритмично работающих двигателей, легкое покачивание судна, яркое освещение в каютах, даже переполненных людьми, располагали к умиротворению, покою, блаженству. Кое-кто из пассажиров уже представлял себя фланирующим по улицам Гамбурга и Килия. Многие господа офицеры и чиновники вскоре потянулись кто к шнапсу, кто к картам. Только глубоко внизу, в трюмах и кубриках нижних палуб, продолжалась еще борьба за сидячие и лежащие места. Лишь вмешательство крепких малых из полевой жандармерии уредило нил соискателей удобств.

А над морем свирепствовала снежная круговерть. Пронзительный ветер с воем проносился по верхней палубе, хлопал брезентовыми чехлами спасательных шлюпок, свистел в вантах и реях. То и дело приподнимая парусиновый уголок, врывается в осушенный плавательный бассейн, где, сбившись в кучу, дрожали от холода сотни неудачников.

«Сумеречная тьма опускается на Балтийское море, на «Густлоф», на миноносец «Леве» и на все другие немецкие корабли, которые находились в этот час поблизости, хотя их и не было видно, — писал впоследствии военный историк Ифитцманн в журнале «Марине». — ...Подобно урагану, шторм ревет в спасных и зепитных установках верхней палубы. Сигнальщики, дежурящие на открытом мостике, ежеминутно протирают свои бинокли от снега, но из-за плотного снежного урагана они определенно ничего не могут видеть»...

Между тем в салонах и роскошных каютах верхних палуб сановники, все эти «крайс»-, «виртшафтс»-, «гебитс»- и прочие фюреры и лейтеры, утомленные суетой и приняв плотный обед, уже располагались поспать.

Напряженно работали машины. Торопясь поскорее уйти от неприветливого уже берега, капитан дал полный ход. Изредка, наткнувшись на крупную встречную волну, лайнер неторопливо кланялся, неспешно выпрямлялся и продолжал свой путь. Но когда конвой приблизился к полуострову Хел, к открытому морю, изменился характер качки. Мощные волны стали все чаще бить в борт. Машина лайнера некоторое время сопротивлялась их натиску, а потом начала медленно и плавно валиться то на правый, то на левый борт.

Спустя четыре часа с флагманского корабля охраны поступило приказание: «Застопорить машины. Отдать якорь». Как оказалось, на теплоходе «Ганза» сломался двигатель. Нужно было распределить находившихся на его бор-

ту пассажиров по другим судам. «Вильгельму Густлофу» предстояло принять дополнительно 2000 человек. Узнав об этом, капитан лайнера схватился за голову. «Густлоф» перегружен в три раза сверх нормы. Счастье, что он еще не опрокинулся на свежей балтийской волне. Если принять еще две тысячи, что будет? А принимать придется только на верхнюю палубу, — иначе некуда — все помещения забиты до предела. Это наверняка настолько нарушит остойчивость лайнера, что на очередной боковой волне он сделает оверкиль — перевернется.

Короткое совещание капитана Петерсена с коллегами — капитанами Веллером и Кёлером, военным капитаном Цаном, механиком и пассажирским помощником — подтвердило худшие опасения. Ждать погрузки дополнительных тысяч пассажиров — значит заведомо идти на самоубийство. И тогда капитан решил: не ждать, а использовать большую скорость хода лайнера, отказавшись от мнимых преимуществ перехода под большой охраной в конвое. Идти полным ходом, не теряя времени на противолодочный зигзаг, пока прикрывают лайнер снежные заряды и ночная тьма. Тем более что в такую отвратительную погоду вряд ли выйдет противник в море. В том, что авиация и торпедные катера угрожать его судну не могут, капитан был совершенно уверен, и недаром. Погода была против них. А вот подводные лодки... Если рассуждать логично, если исходить из твердо установившихся правил ведения войны на море, то и подлодка вряд ли может не только торпедировать, а и просто выйти в атаку. Условия совершенно неподходящие!

Наконец, и с тактической точки зрения можно быть гарантированным от неприятностей. Штурман проложил курс лайнера так, чтобы пройти поближе к берегу по малым глубинам, не позволяющим подводным лодкам скрытно приблизиться к лайнеру. Тем более что по всему побережью расположено немало аэродромов, а это значит, что в случае необходимости возможна авиационная поддержка.

Самые неудобные, самые уязвимые и опасные места, по мнению капитана, — район полуострова Хел, который лайнер уже миновал, и район Штольпен-банки, к которому он подходит. Участок этот мелководный, связывающий маневр большого конвоя, но, по сути дела, почти не мешающий маневрированию одного судна. Конечно, поостеречься в этом месте нужно обязательно...

И не знали ни капитан Петерсен, ни корветтен-капитан Цан, что именно в это время радисты одного из кораблей дозора передают очень важную радиограмму. «В районе об-

наружена советская подводная лодка!» Но эту радиограмму не принесли на мостик «Густлофа» — ее просто не сумели принять из-за атмосферных помех.

Зато поток радиограмм с других миноносцев, сторожевиков, тральщиков шел непрерывно. Вскоре получена была радиограмма с тяжелого крейсера «Адмирал Хиппер». Его командир капитан цур зее (капитан 1 ранга) Хенигст сообщал, что идет тем же курсом, что и «Густлоф». «Вышел, наконец-то, спешит — ведь рядом уже тот самый опасный район — Штольпен-банка! — радовался Петерсен. — Все идет по плану! Теперь-то можно быть уверенным в успехе».

Поделится своим мнением с помощниками. Обрадованно проинформировал их о полученной радиограмме.

— Так что, господа, остается еще раз сказать то, что подчеркивал на предотходном совещании: «Будем надеяться на непогоду, большую скорость лайнера и ...удачу!»

Быстро наступили зимние сумерки. Тьма окутала море непроницаемой пеленой. Помогали этому снежные заряды, налетавшие с удивительной ритмичностью каждые минуту-полторы. Погасив все огни на верхней палубе и задраив иллюминаторы, чтобы нигде не промелькнула ни одна искорка света, лайнер продолжал, монотонно раскачиваясь, подминать под себя разбушевавшиеся волны.

Время тянулось невыносимо медленно, как всегда бывает, если торопишься. А пассажиры «Вильгельма Густлофа» очень торопились. На них угнетающе воздействовала неопределенность. То и дело наиболее нетерпеливые приставали к флотским офицерам за разъяснениями.

— Куда мы идем? — атаковали они вопросами и пассажирского помощника капитана Гейнца Шена.

— Идем в Киль. Полагаю, что завтра в полдень будем на месте...

Однако вопросов становилось все больше, и Шен решил уклониться от надоедливых пассажиров. В каюте было тихо и покойно. Только в коридоре слышались доносившиеся из динамика корабельного радио знакомые звуки — то визгливый, то хрипящий голос.

«Это же транслируют речь фюрера! Сегодня годовщина его прихода к власти!..»

«...Двенадцать лет назад провидение вложило в мои руки судьбу немецкого народа! — гремело в динамике. — Сейчас на Востоке гибнут сотни тысяч немцев, но ужасная судьба будет повернута...» — убеждал фюрер слушателей. Убеждал и призывал к сопротивлению всех — от мала до велика.

Гейнц Шен, разумеется, не сомневался в необходимости такого сопротивления. Однако же то, что происходило и участником чего он сейчас был, не вязалось со словами фюрера. Какое уж там сопротивление? Бегство, неприкрытое бегство под покровом ночи, вот как можно назвать эвакуацию из Данцига и Готтенхафена! И от понимания этого в душе Шена стало настолько неуютно, что он невольно, не включая освещения, потянулся к заветной бутылке коньяка. Достал рюмку, наполнил ее...

А тем временем на мостике лайнера капитан снова и снова, не надеясь на бдительность сигнальщиков и вахтенного офицера, осматривал горизонт. Впереди — чернильная мгла и пустота. А вот далеко-далеко сзади, за кормой, угадывались порой еле заметно помигивающие крохотные огоньки кораблей охранения. Отстав при перегрузке пассажиров «Ганзы» на другие суда, они так и не могли никак догнать лайнер. Однако капитан, сожалея уже об этом, даже подумать не смел, чтобы сбавить ход, подождать весь конвой. «Нет-нет, это может плохо кончиться! — убеждал он себя. — Только вперед и только полным ходом!..»

Подняв тяжелый цейссовский бинокль к глазам, капитан медленно скользил взглядом по далекому невидимому горизонту. Что-то беспокойно было на душе. Томило предчувствие, что ли. И от этого возникало у капитана недоверие к добросовестности и исполнительности подчиненных. «Может быть, установить дополнительную вахту?» — подумал он. И в это время огромный и яркий огненный столб поднялся у левого борта лайнера. Громыкнул такой силы взрыв, что заложило уши. Высоко в небо поднялась стена воды и тут же с плеском обрушилась на палубу, надстройку, капитанский мостик... Лайнер вздрогнул. Но тут же громыкнул еще один такой же силы взрыв, за ним — третий. «Вильгельм Густлоф», будто наткнувшись на подводную скалу, затрещал, затем, резко сбавив ход, накренился на левый борт.

Услышав первый взрыв, Гейнц Шен, так и не успевший опрокинуть очередную рюмку коньяка, сорвал с вешалки китель и опрометью бросился на палубу. Два новых толчка, сотрясшие лайнер, ударили Шена о переборку и сбросили его вниз, в офицерский коридор, в крошечную тьму. Придя в себя, он включил карманный фонарик и снова ринулся к трапу, ведущему на шлюпочную палубу. А там творилось что-то невообразимое. Охваченные страхом, люди боролись за каждую ступеньку трапа, ведущую к шлюпкам, а значит — к спасению. Еще несколько часов назад солидные, уважаемые, вежливо раскланивавшиеся друг с дру-

гом, пассажиры били друг друга по головам и плечам, с животным воем и хрипом ползли по распластанным внизу живым и мертвым телам. Тех, которые успевали вырваться вперед, обезумевшие от страха стаскивали снова вниз.

Ужасом несло от криков, раздающихся то там, то тут.

— Разорвано дно в носовой части!

— Врыв в плавательном бассейне!

— Спасайтесь, тонем!!

Отовсюду доносились вой, брань, звуки ударов.

«И это — люди?! — ожесточенно работая кулаками, думал Гейнц Шен. — Разве это люди? Обыкновенные животные в диком страхе...»

Думая так об окружающих, Шен упустил из виду, что и он сам недалеко ушел от тех, о ком отзывается с таким презрением. Он кулаком и рукояткой пистолета прокладывал путь к спасательной шлюпке № 6, на которой был расписан на случай катастрофы. Когда же пробился к шлюпке, там ворочался клубок борющихся тел. И тогда Шен, не раздумывая, скользнул по накренившейся палубе к борту, взмахнул руками и бросился в кияющие волны... Там уже мелькали сотни голов, сотни рук хватались за обломки шлюпок и рангоута, за перевернувшиеся плотки и бесхозные спасательные пояса. Хватались и держались из последних сил, пока еще могли слушаться скрюченные от холода пальцы.

Откуда-то издали ударил голубоватый луч прожектора, за ним другой, третий... Шен знал: это спешили на помощь корабли охранения. Значит, есть шанс остаться в живых...

Не знал Гейнц Шен, что поздно вато подоспели спасители. И потому в ближайших номерах шведских и финских газет появится печальное известие:

«По сообщениям из достоверных источников и частных лиц, сделанным несколькими утренними газетам, немецкое судно «Вильгельм Густлоф» водоизмещением 25000 тонн было торпедировано и затонуло в четверг, вскоре после того, как оно покинуло Данцигский порт.

Из 8000 человек, в числе которых находилось 3700 специалистов-подводников, удалось спасти лишь 988...

Через 10 минут после торпедирования судно получило крен и через 5 минут затонуло...»

Так свершилось справедливое возмездие.

VI

В одну из немногих наших встреч с бывшим старшим помощником командира «С-13» Лев Петрович Ефременков

обмолвился, что чуть не до конца видел агонию «Вильгельма Густлофа».

— Как такое могло произойти?

— А упросил я командира не погружаться, пока не доспели к «Густлофу» корабли охранения. Так что вся верхняя вахта любовалась...

Бывший рулевой-сигнальщик Анатолий Виноградов подтвердил слова старпома. По их рассказу дело обстояло так.

...После торпедного залпа пролетели десять секунд, двадцать, тридцать. Казалось, целая вечность. А высокий прямоугольник борта лайнера, ярко освещенный мертвенным светом выглянувшей луны и четко выделяющийся на темном фоне беснующегося моря, все еще продолжал движение. Лодку тяжело раскачивало, бросая на гребнях огромных волн, но командир, старпом и вахтенные сигнальщики не ощущали качки. Глаза их были устремлены на громадину лайнера. На тридцать седьмой секунде беззвучные и стремительные всполохи рванулись будто изнутри судна — один, второй, третий, выплеснув к самому небу бело-розовые потоки огня. И тут же до подводной лодки докатился громовой грохот, а следом за ним — водопадный шум врывающейся внутрь судна воды.

Едва отзвучал раскат взрыва, разом вспыхнуло по всей палубе лайнера освещение и тут же погасло. Лайнер медленно начал крениться на левый борт. Даже невооруженным глазом было видно, как на накренившейся палубе судна заворочалась темная масса — пассажиры начали бросаться в море.

Издалека, оттуда, из-за тонущего лайнера, разрубив мрачное скопище туч, лег на волны боло-голубой меч прожектора, второй, третий... Приближались отставшие корабли охранения. Теперь ждать было нечего.

— Всем — вниз! Срочное погружение!

Прогрохотали каблуками, срываясь вниз, в центральный, сигнальщики. Следом скользнул по поручням Лев Петрович Ефременков. Наконец — командир. Щелкнул кремальерой верхний рубочный люк, и тотчас зашипел вытесняемый водой воздух в систернах. Лодка провалилась в глубину...

Командир, оседлав круглый вращающийся стульчик перед перископом, уперся локтями в колени и, уронив голову на ладони, стал внимательно вслушиваться в доклады гидроакустика. А Иван Шнапцев, великий мастер своего дела, тем временем ни на миг не отрывался от наушников. Опытным, чутким своим слухом обнаруживал он все новые и новые строчки винтов: со всех сторон к тонущему лайнеру

мчались миноносцы и сторожевики врага, торопились пароходы конвоя. Вслушивался и тут же докладывал командир:

— Слева 170 — шум винтов. Миноносец! Справа 160 — шум винтов. Сторожевик! Слева 150 — шум винтов. Миноносец... Справа 140 — сторожевик!..

Вырисовывалась явная закономерность погони: боевые корабли охватывали лодку побортно, как бы «зафлаживая» ее. Уйти от них — быстроходных и маневренных, — «тринадцатая», это было ясно, не сумеет. Надо что-то придумать!

Вот уже грохнули первые глубинки. Пока еще далеко. Но миноносцы и сторожевики, а их было уже около десятка, уверенно сжимали кольцо. Локационные посылки их «асдиков» то и дело горохом сыпали по обшивке «тринадцатой». И тогда командир, не отрываясь от ладоней, негромко скомандовал:

— Левый — малый! Стоп — правый! Право на борт!..

Подводная лодка на минимально возможном ходу маневрировала, послушно воле командира выбирая безопасную позицию. Гребные электродвигатели давали самое малое число оборотов — лишь бы лодка слушалась рулей, и это сбивало с толку фашистских акустиков. Глубина, а она была очень малой — всего 45 метров — не позволяла делать резкие маневры. Лодка имеет длину 78 метров, глубина же чуть не вдвое меньшая. Попробуй боцман чуть ошибиться, круче переложить горизонтальные рули. Дно рядышком — все может кончиться плохо. Да уходить ближе к грунту нельзя, потому что в этом районе вполне возможны донные мины. А подвсплыть на 10—15 метров — можно угодить под таран любого из преследующих кораблей...

Рядом с командиром — предельно внимательный инженер-механик лодки Яков Спиридонович Коваленко. Он напряженно следит за показаниями приборов, выслушивает доклады специалистов, распоряжается электриками и трюмными, тут же предлагая командиру возможные варианты решений. В такой сложной обстановке главное — собранность, точность решений, умение найти самый оптимальный вариант. Без хороших помощников-специалистов это невозможно.

Взрывы глубинок грохочут то совсем рядом, то подальше, то совсем в другом месте — мечутся фашистские сторожевики, то и дело теряют лодку. Да и где найти, если командир успел уже вывести «тринадцатую» из самого опасного положения, когда была прижата она тонущим лайнером

к береговой черте, а с флангов подоспели вражеские корабли охранения. Кто-то из рулевых-сигнальщиков, раскрыв уже четвертую коробку, выкладывает спички — ведет подсчет. Вот уже перевалило за сотню, вот уже подходит к ста пятидесяти...

Тем временем на помощь лайнеру, и это обнаружил гидроакустик Шнапцев, подоспел тяжелый крейсер и несколько миноносцев. Как потом выяснилось (уже после возвращения «тринадцатой» из боевого похода), это был тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» со своим охранением. Теперь сложилось безвыходное, казалось, положение! Но Маринеско нашел умный, хитрый ход. Командир направил лодку как раз туда, где лежал затонувший лайнер. Что это давало? У лайнера масса металла побольше. На ее фоне локаторы лодку не «возьмут». Кроме того, у Маринеско был психологический расчет: ведь там, где барахтаются еще не выловленные пассажиры «Густлофа», фашисты бомбить не будут! А уж потом, когда осмотримся и отдышимся, — вырвемся мористее!..

Только и у гитлеровцев были неплохие специалисты. Сумели все-таки опять обнаружить лодку. Снова сторожевики настигли ее. Снова засыпали бомбами. Полетели осколки взорвавшихся ламп и плафонов, погасло освещение, выскочили предохранители из гнезд... Хорошо, что на чеку, наготове были подводники. Быстро устранили повреждения.

Тем временем командир исхитрился опять развернуть лодку и направить туда, где лежал лайнер...

И такая карусель продолжалась более четырех часов. Свыше двухсот сорока глубинок сбросили фашисты на «тринадцатую», да бестолку. Взбулгаченные взрывами, перемешанные с поднятым с морского дна илом, волны окрасились в буро-желтый цвет, покрывший площадь в несколько квадратных километров. Десятки тонн тротила сгорели, не причинив лодке большого вреда. А ведь одной-двух глубинок за глаза хватило бы, чтобы уничтожить ее, если бы точнее, метче были гитлеровские противолодочники. Но не вышло у них, не получилось!

В состязании с опытом, навыками и знаниями гитлеровских командиров и специалистов дерзкая мысль Александра Ивановича Маринеско, мастерство его подчиненных оказались более весомыми.

Так оно и должно было быть: шла борьба, ставка в которой — жизнь или смерть. Это понимал каждый. Только подводники, находившиеся в несравненно более невыгодном и опасном положении, отдавали без остатка все накоплен-

ные за годы войны мастерство, силу и выучку, мужество и волю, проявляли хитрость и изворотливость. Они боролись за свою жизнь. Потому и выиграли в этой жестокой неравной схватке!

Их немыслимый по опасности и тяжести труд нашел отражение в сухих, лаконичных строках, отметивших в Журнале боевых действий за 30 января 1945 года следующее:

«21 час 55 мин. Обнаружен лайнер на параллельном курсе.

22 часа 55 мин. Установлены элементы движения: курс 280 градусов, скорость 15 узлов, водоизмещение 18—20 тысяч тонн.

23 часа 04 мин. Легли на боевой курс — 15 градусов.

23 часа 08 мин. Трехторпедный залп в левый борт (со стороны берега) из носовых торпедных аппаратов № 1, 3, 4 с дистанции 2,5—3 кабельтовых.

23 часа 09 мин. Через минуту—взрыв трех торпед. Лайнер начинает тонуть.

23 часа 26 мин. Акустик слышит работу УЗПН (станции ультразвукового подводного наблюдения).

23 часа 45 мин. Началось преследование.

04 часа 00 мин. 31 января. Оторвались от преследования...»

Сколько же скрыто за этими сухими строками! Огромный физический труд, страшная нервная перегрузка, максимальное напряжение ума. Далеко не каждый боевой поход можно приравнять к этому, январско-февральскому, по насыщенности психологического воздействия, пережитого каждым членом экипажа подводной лодки!

Они еще не знали, ради какой победы перенесли такие испытания. Знали одно: торпедировали крупное судно, лайнер. И не представляли себе, какой же переполох вызвало это событие в гитлеровских верхах.

Немецкие историки в одних работах намеками, в иных—вполне открытым текстом сообщали затем, что произошло в тот день в Берлине.

На шестнадцатиметровой глубине под зданием имперской канцелярии в одном из отсеков железобетонного бункера шло очередное совещание гитлеровской ставки. Фюрер был вне себя: обстановка в многочисленных котлах, в войсках, прижатых к побережью Балтийского моря, становилась отчаянной. Было очевидно, что настала пора эвакуировать остатки 28-го армейского корпуса из-под Мемеля, а также ряд частей группы армий «Центр» генерал-полковника Рейнгардта в Земландии, группы армий «Север» гене-

рал-полковника Рендулича в Курляндии. Да и в группе армий «Висла», подчиненной непосредственно рейсфюреру СС Генриху Гиммлеру, назревала чреватая бедой обстановка. Она обороняла второй после Берлина по важности район рейха — район Данцигской бухты, и трогать ее не следовало бы. Однако положение Берлина было угрожающим. Необходимо стянуть все наличные силы к Берлину, усилить сопротивление, чтобы задержать Красную Армию, пока фюрер договорится с Западом.

Словом, такое решение назрело, а число транспортных средств для перевозки войск катастрофически уменьшалось. Русские резко активизировали действия своего Балтийского флота. Их подводные лодки, торпедные катера и самолеты перехватывали немецкие корабли и суда на переходе из Курляндии и с Земландского полуострова, атаковали даже в районе Данцига.

Фюрер требовал усилить охрану транспортных средств, использовать плохую погоду для переходов. Однако ничто не помогало. Это вызывало раздражение и гнев Гитлера. Вот и сейчас фюрер метался по отсеку, выкрикивая проклятия и угрозы своим генералам и адмиралам. Вдруг в отсек неслышно — будто неожиданно возник — вошел седой, сухощавый, с пепельно-серым лицом вице-адмирал Фосс, личный представитель гросс-адмирала Карла Деница при «фюрер-бункере». Почтительно склонив голову, он дрожащим от страха голосом доложил:

— Мой фюрер, советской подводной лодкой потоплен «Вильгельм Густлоф»...

Эта весть оказалась каплей, переполнившей чашу гитлеровского гнева. В первую секунду фюрер застыл на месте, потом, дергаясь, истерично завопил:

— Расстрелять! Расстрелять командира конвоя! Советского командира подлодки приговорить к смерти! Это личный мой враг, враг рейха! И траур! Трехдневный траур по всей Германии!..

И ведь вот что интересно: публично расстрелян был заслуженный офицер-подводник, командовавший охраной ценнейшего для рейха лайнера. Три дня звонили по Германии колокола церквей, три дня и три ночи закрыты были все увеселительные заведения, театры и рестораны, приспущены были государственные флаги, а в печати поначалу, в первые дни, — ни слова о причине.

Между тем первые полосы газет Швеции и Финляндии в начале февраля 1945 года были заполнены кричащими заголовками:

«Трагический случай на море!»

«На дне — свыше 7000 человек!!»

«Случайность или просчет?!»

«Только пятнадцать минут на плаву!..»

«В чем причина гибели лайнера?!»

Изо дня в день появлялись новые сообщения в газетах, затем по радио в других странах. Вести эти в дни, наполненные большими событиями завершающего периода второй мировой войны, находили место рядом с сообщениями о захвате или освобождении крупных городов, высадке больших десантов, встречах видных политиков по вопросам войны и мира. И приобрели эти публикации особое звучание, когда газеты, извещая об открытии Ялтинской конференции глав держав антигитлеровской коалиции, привели высказывание английского морского министра лорда Канингхэма о блистательной атаке советской подводной лодки, уничтожившей «Вильгельма Густлофа».

Только пресса фашистской Германии некоторое время ни словом не обмолвилась о событии, взбудоражившем миллионы людей. И это вызывало недоумение: если событие имело место и о нем узнали органы информации многих стран, событие — уже по секрет. Зачем же необъяснимая завеса молчания?

Ответ не лежит на поверхности. Пока газеты разных стран мира всячески комментировали гибель «Густлофа», анализировали состав его пассажиров, не делая глубоких выводов из этого, в бункерах и подземельях Берлина и Вильгельмсхафена, Киля и Гамбурга сотни военно-морских специалистов, сотрудников абвера и гестапо с головой окунулись в горы бумаг. Одних интересовало, не было ли утечки секретных данных о составе пассажиров и времени выхода лайнера. Другие — инженеры-кораблестроители, специалисты — ломали голову над тем, почему «Густлоф» удержался на плаву всего пятнадцать минут после торпедирования. Они перерыли бесчисленное множество рулонов чертежей, перелистали тысячи страниц технических расчетов на постройку судна, изучили тома спецификаций на поставленные верфи «Блом унд Фосс» материалы, из которых создан был красавец теплоход, ныне покоящийся на морском дне.

Умы тысяч людей занимала сенсационная катастрофа судна. «Если этот случай можно считать катастрофой, — писал уже знакомый нам Гейнц Шен в книге «Гибель «Вильгельма Густлофа», — то это, несомненно, была самая большая катастрофа в истории мореплавания, по сравнению

с которой даже гибель «Титаника», столкнувшегося в 1913 году с айсбергом, — ничто».

Ну, мы-то знаем, что на «Титанике» погибло 1517 человек, а на «Вильгельме Густлофе» — около 8000! Более чем в пять раз. Масштаб, что и говорить, огромный!

Но вот что показательно: до поры до времени никто из дотошных вроде исследователей и комментаторов не удосуживался копнуть поглубже, чтобы определить масштаб еще одной катастрофы, разразившейся с гибелью лайнера. Ведь на «Вильгельме Густлофе» шли 3700 специалистов-подводников, в том числе 100 командиров субмарин, предназначенных для формирования экипажей новейших океанских подлодок, которые были готовы к началу тотальной подводной войны.

Вот как характеризовал эти субмарины американский адмирал С. Роскилл в своей книге «Флот и война» (М., 1974. Т. 3. С. 667): «Подводная лодка серии XXI — новая океанская подводная лодка Германии, предназначенная для действий в Атлантике. До конца войны в строй вступили 123 лодки этой серии. Водоизмещение: надводное — 1621 т, подводное — 1819 т; максимальная скорость хода: надводная — 15,5 узла, подводная — 17 узлов (на 1 час); длительность плавания: надводная — 15500 миль при 10 узлах (на переходе), 11150 миль при 12 узлах, 5100 миль при 15,5 узлах (максимально возможной), подводная (на электромоторе) — 365 миль при 5 узлах, 285 миль при 6 узлах, 170 миль при 8 узлах, 110 миль при 10 узлах; глубина погружения — 115 метров; вооружение — 4 торпедные трубы, запас торпед — 20 (максимальный), зенитные орудия — 1 — 37-миллиметровое и 1 — 29-миллиметровое; экипаж — 57 человек».

План Гитлера и Деница состоял в том, чтобы более сотни таких субмарин, вооруженных новейшими акустическими самонаводящимися бесследными торпедами, отличнейшей гидроакустической аппаратурой, а также шнорхелем — приспособлением для подзарядки аккумуляторных батарей в подводном положении и обладающие большой автономностью, то есть способностью долго находиться вдали от берегов, вместе с оставшимися старыми подводными лодками должны были блокировать Великобританию. Учитывая небольшие наличные запасы сырья и военных материалов этой страны и естественную необходимость для пополнения их иметь регулярные рейсы в доминионы и колонии судов английского огромного транспортного флота, гитлеровское командование предусматривало безжалостно топить все

встречные суда — не только боевые и вспомогательные, но и транспортные, госпитальные, пассажирские, рыбацкие и, таким образом, лишив Англию флота и нужного сырья, вывести ее из войны. Таков по плану был первый этап «тотальной подводной войны».

Затем по замыслам Деница наступал черед Соединенных Штатов. Большие потери флота, снабжающего группировку войск в Европе живой силой, техникой, боеприпасами, топливом, должны были убедить представителей военно-промышленного комплекса США и правительство в невыгодности такого рода войны. Вот тогда и мог бы оказаться Советский Союз в одиночестве! А это и было главной стратегической целью тотальной войны.

И вот трехторпедный залп подводной лодки «С-13» перечеркнул стратегический замысел Гитлера и Деница! Вот где была запрятана истина, вот в чем заключалась причина долгого умолчания смысла и цели трехдневного национального траура и других карательно-траурных мероприятий, объявленных в фашистской Германии!

Подтверждение этому выводу было найдено при захвате документов канцелярии Гитлера в конце войны. Точнее, одного из документов: топенькой серой папки в плотном переплете. На ее обложку красовался золоченый имперский орел со свастикой в когтях и тисненая большими готическими буквами надпись «Конфиденциально. Личные враги фюрера и Германии». У нижнего среза — другая надпись буквами помельче: «Подлежат розыску, аресту и немедленному преданию суду за совершенные ими преступления против фюрера и рейха».

Список этот начинался фамилиями, известными всему миру. Первым значился Иосиф Виссарионович Сталин, вторым — президент США Франклин Делано Рузвельт. Седьмым числился премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, восьмым — руководитель сражающейся Франции генерал Шарль де Голль, девятым — главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии Иосип Броз-Тито...

На второй страничке папки под номером двадцать шестым стояла фамилия командира подводной лодки «С-13» капитана 3 ранга Маринеско Александра Ивановича. «Чести» такой он удостоен был за уничтожение лайнера «Вильгельм Густлоф», а с ним — плана тотальной подводной войны...

Дополнительные данные о том, где искать свидетельства об объявлении трехдневного национального траура в Гер-

мании, мне стали известны со слов Виктора Павловича Ани-симова, капитана 1 ранга в отставке, имевшего в военные годы доступ ко многим секретным и менее секретным доку-ментам.

— Я лично в первые дни февраля 1945 года держал в руках, сам лично читал окаймленные траурной рамкой га-зеты — центральный орган национал-социалистской рабо-чей партии Германии (НСДАП) — «Фёлькишер беобахтер» и «Дас шварце копф» — орган гестапо. В них сообщалось, что объявлен трехдневный траур по поводу гибели лайнера «Вильгельм Густлоф».

Кстати, как видно, имел возможность прочесть эти ма-териалы и Нарком ВМФ СССР адмирал Н. Г. Кузнецов. По крайней мере, он сообщал о подобном трауре в статье «Атакуют «С-13» в журнале «Нева» № 7 за 1968 год, а в книге «На флотах — боевая тревога» (Воениздат, 1971) он дополнил свое свидетельство так:

«Гибель «Вильгельма Густлофа» исполнили фашистов. В Германии был объявлен трехдневный траур... Потопление «Вильгельма Густлофа» явилось значительным событием даже на фоне наших крупных побед в те (1945 год) дни. За один только поход экипаж «С-13» уничтожил десять ты-сяч гитлеровцев. Полноценная дивизия! Да еще какая ди-визия! Отборные офицеры, первоклассные специалисты-под-водники, эсэсовцы, фашистские бонзы!!!»

На этом можно было бы завершить свой рассказ об «атаке века». Но хочется довести до конца рассказ обо всем январско-февральском боевом походе «С-13», потому что он знаменателен еще одной крупной победой экипажа.

VII

«...Беру в руки исторический журнал нашей подводной лодки, — написал мне в одном из очередных своих писем бывший инженер-механик лодки Яков Спиридонович Ко-валенко, — читаю лаконичные записи (подробно записывать нам тогда было некогда) и вспоминаю все, что происходило с нами от записи 30 января до второй подобной записи, сделанной через десяток дней... Напряженное это было вре-мя. Нужно было прежде всего осмотреться и разобраться с неисправностями...»

— Да, так оно и происходило, — единодушно подтвер-дили члены экипажа. — Как только окончательно оторва-лись от преследования, сразу же всплыли в надводное поло-жение, чтобы подзарядить аккумуляторную батарею и по-

полнить запасы воздуха высокого давления. Занимались этим мичман Василий Иванович Поспелов, старшины и матросы Василий Пархоменко, Федор Данилов, другие моряки...

А тем временем в носовом отсеке возле торпедных аппаратов накоротке собрались торпедисты мичман Василий Федорович Осипов и Владимир Курочкин, герои дня сигнальщик Анатолий Виноградов и гидроакустик Иван Шнапцев, моряки других боевых частей. Разговор зашел о том, как из четырехторпедного залп оказался трехторпедным.

— Дернул я рукоятку, — вспоминал командир отделения торпедистов Владимир Курочкин, чернобородый и черноусый богатырь, — чувствую, вроде бы автомат-коробка сработала. Но ведь торпеда-то из аппарата не вышла! Уж это я как-нибудь понимаю... В чем же дело? В голове тысячи мыслей, а главная, одна-единственная: что с кораблем будет, если торпеда торчит из аппарата? Ведь в этом случае курок откинулся, машины торпеды заработали, вертушка инерционного ударника от встречного потока воды вращается. Еще немного, и ударники освободятся от стопоров. А там — достаточно резкого толчка, близкого взрыва глубинки, и боек ударника наколет капсулю. Охнуть не успеешь — рванет торпеда, сдетонируют запасные... Словом, гибель неминуемая. Даже руки вспотели от волнения! Хорошо, что на самом деле автомат-коробка подвела, не сработала. Торпеда из аппарата так до конца и не вышла. Но переживался я, да и Василий Федорович с «бече» нашим основательно!

— У каждого свои переживания! — подхватил гидроакустик Шнапцев. — Я ведь тоже было труса спраздновал, когда услышал в наушниках, сколько сторожевиков со всех сторон на нас накинuloсь. Локационные импульсы не только по корпусу лодки, а и по ушам мне молотят. Гул в ушах, а попробуй ошибиться, не обнаружь хотя бы одного из них — я ведь пятнадцать насчитал! Командир примет неверное решение, лодку прямо в лапы фашистам направит. Вот когда почувствовал я, какая огромная ответственность на мне лежит. Жизнь лодки, ваша жизнь, ребята! Так что ошибиться ни в коем случае нельзя! И как же рад я, что сумел точно определить, где они, эти сторожевики да миноносцы!..

Однако переживания переживаниями, а боевой поход продолжался. Надо было восстановить боеготовность лодки. Для этого «тринадцатая» прошла чуточку к северу от Штольпен-банки и легла на грунт.

Все торпедисты собрались в своем отсеке, чтобы перезарядить аппараты.

Сложное и ответственное это дело. С помощью талей надо снять со стеллажей восьмиметровые стальные сигары, наполненные тротилом, потом вручную загрузить их в торпедные аппараты. В тесноте отсека не развернешься. Здесь даже физической силы такого здоровяка, как Владимир Курочкин — чемпион Кронштадта по борьбе, — было явно недостаточно. А большому числу людей негде поместиться. Значит, в такой работе нужны большие навыки, отличные знания, а еще — смекалка и ловкость. Обычно весь экипаж переживает за торпедистов в те минуты.

«Зарядили мы первый аппарат, подходим ко второму, — сообщает в письме торпедист Илья Павлятенко. — Вдруг слышим — хлопнула переборочная дверь между третьим и вторым отсеками, и тут же голос командира:

— Ты куда?

— Да вот, товарищ командир, к торпедистам с горяченьким!

— А-а, это хорошо. Ну и нам с комиссаром палей по стаканчику горяченького...

Через мгновение открывается переборочная дверь в отсек, и появляется наш кок Дима Кондратов.

— Разрешите, товарищ капитан-лейтенант, кофейку нашим торпедистам?

— О-о, Кондратов! Пожалуйста.

Все мы переглянулись и с довольными улыбками протянули кружки к чайнику. Как приятна забота товарища! Ведь не только мы, а каждый в экипаже здорово устал, недаром была команда «Свободным от вахты и работ отдыхать!». А вот он проявил такую душевность и внимание.

Зарядили мы аппараты, привели их в исходное положение. Командир бече пошел докладывать о проделанной работе. Слышим через переборку:

— Ясно. Значит, все хорошо?

— Так точно.

— Комиссар! Ты по отсекам ходил?

— Ходил.

— Люди отдыхают?

— Нет.

— А как ты думаешь, если я дам команде по 75 граммов и хорошую закуску?

— Будет правильно.

— Степаненко! — это командир нашему доктору и главному провизионщику кричит, — выдать команде по 75 грам-

мов, ветчины с горячей картошкой, какао и по плитке шоколада! А потом лично проследи, чтобы, кому положено, отдыхали!..»

Приятно читать такие строки. В них характерные для подводников забота и внимание командира к команде и членов экипажа друг к другу. Кстати, именно этими качествами экипаж «С-13» здорово выделялся среди других.

...Низкие, лохматые тучи ползли над волнами, порою разражаясь коротким злым снегопадом. Грозно шумело неуспокаивающееся море. Уже наступил февраль — один из самых штормовых месяцев на Балтике. Еще короче стали мгlistые ночи, и потому почти до самого рассвета торопливо грохотали лодочные дизели, пополняя запасы воздуха высокого давления и использованной за день электроэнергии.

Подходил к концу месяц пребывания «С-13» в зимнем море. Пожелтели матросские лица, ввалились щеки, неуверенной стала походка, особенно у молодых подводников. Сказывалась большая физическая и нервная усталость. Радость и прилив душевных сил, вызванные удачной атакой крупного фашистского лайнера, уже сгладились в повседневных заботах и тревогах.

Бессонные ночи и напряженные дни изматывали моряков. Порой и командиру казалось: стоит приткнуться где-нибудь в уголке — не разбудит даже пушечным залпом. Хотелось спать, спать, спать. Однако подводники крепились, по-прежнему внимательно песли вахты, мгновенно бросались на босые посты по тревогам.

Чтобы поднять настроение экипажа, при всплытиях для подзарядки аккумуляторных батарей включали радиоприемник и слушали сводки Совинформбюро. Они были радостными — наступление наших войск продолжалось. Несколько раз радисты Сергей Булаевский и Михаил Коробейник выходили на волну Берлина, но там звучала только траурная мелодия — похоронный марш Зигфрида, печальные песни «Гибель богов» и «Был у меня товарищ». Германия продолжала траур по «Вильгельму Густлофу» с его пассажирами. И это радовало моряков. Задали они фашистам забот!

Оставаясь в прежнем районе, «тринадцатая» продолжала поиск. Под утро 6 февраля, чуточку спустившись южнее, почти на меридиан маяка Хел, лодка в крейсерском положении легла на курс 290 градусов. Ночь была туманной и на удивление (наконец-то!) штилевой. Вахтенным офицером стоял Лев Петрович Ефременков. Изредка оглядывая горизонт, больше для проформы — что увидишь в тумане! —

и полагаясь в основном на уши гидроакустика, он перебрался скупыми фразами с штурманом, оставшимся на мостике после смены с вахты. Напрягая слух и зрение, вахтенные сигнальщики то и дело поворачивали головы то направо, то влево. Туман был так плотен, что, казалось, глушил даже рокот дизелей, работавших на подводный выхлоп.

И вдруг Редкобородов дернул вахтенного за рукав:

— Лева, смотри!

Правее два-три градуса по курсу, кабельтовых в четырех-пяти выросло какое-то темное пятно.

— Лево на борт! — молниеносно среагировал старпом. — Право на борт! — бросил он следом. — Срочное погружение!

«Тринадцатая», сделав мгновенный поворот координат, буквально в десяти—пятнадцати метрах разошлась с узким и длинным телом стоявшей в дозоре фашистской подлодки. Оказалось, та лежала в дрейфе, потому и не было слышно работы ее двигателей.

Уже разминувшись, подводники услышали, как заклад затвор автоматической пушки немцев, потом длинная светящаяся трасса хлестнула за кормой «С-13». Но... туман уже скрыл лодки друг от друга.

Оказывается, обеспокоенные дерзкой атакой на лайнер, гитлеровцы усилили корабельные дозоры, даже послали в море авиацию и подводные лодки, чтобы держать под наблюдением этот важный район.

Уже когда «тринадцатая» оказалась на глубине, инженер-механик заинтересовался у командира, а почему, мол, не атаковать бы ту лодку.

— Во-первых, — спокойно ответил Александр Иванович, — обстановка для нас невыгодная. Во-вторых, торпеды надо беречь для более крупной цели. Наконец, противник тоже наверняка уклонился — не будет же он ждать нашей атаки. А искать в тумане...

Командир будто предвидел, что предстоит встреча с крупной целью. Несколько последних дней осунувшийся, поблудневший Александр Иванович чаще прикинул к перископу. Пока стальная труба, поднимаясь к поверхности моря, скользила вверх, по командирскому лицу пробегали зеленоватые, оранжевые, наконец, яркие солнечные блики, проникающие через окуляр. Зимняя Балтика распогодилась, однако оставалась пустынной.

В общем-то это было на руку экипажу, потому что в последние дни появилась в работе газотурбинных наддувочных агрегатов какая-то неисправность. Пришлось мотори-

стам основательно потрудиться: они поочередно, один за другим, разбирали агрегаты, докапываясь до причины. И только днем 6 февраля, находясь еще в подводном положении, мотористы сняли защитный кожух компенсатора и обнаружили, что он сильно прогорел. Компенсатор — штука сложная, самим изготовить нельзя. Как же быть?

Тогда по предложению моториста Василия Прудникова приготовили асбестовую смесь, обмазали ею компенсатор, поверх наложили асбестовое полотно и стянули все вязальной проволокой.

Трое суток подряд работали мичман Павел Гаврилович Масепков, старшина 1-й статьи Петр Плотников, старшие матросы Василий Прудников, Николай Кот, Алексей Юров, Петр Зубков и Владимир Ревякин, врачуя дизели под водой, а в надводном положении несли вахту. И ни единого звука об усталости!

Именно в этот день, 9 февраля, из штаба флота получена была радиограмма о том, что наши летчики заметили вышедший из Либавы вспомогательный крейсер в охранении шести эсминцев. Даны были предположительный курс и скорость отряда. Ориентировка неплохая.

Но ведь отряд этот мог в любой точке моря отвернуть в любую сторону, изменить ход. Мало ли какая ему поставлена задача! Обстрел берега, блокада района моря, высадка десанта... Где его искать? У него курс один, а вот лодке — сотни курсов поиска.

Однако Александр Иванович сразу же «загорелся». Крейсер найти во что бы то ни стало! Часто стал поднимать перископ. Потом, что-то рассчитав, спокойно замер на излюбленном месте — на разномычке возле перископа, рядом с вахтенным офицером. А потом неожиданно и незаметно забылся коротким тревожным сном. Видимо, волевым усилием успокоил себя, приказал «отдохнуть!». Иначе не выдержат напряжения. В тусклом свете отсечного освещения морякам особенно заметны стали сединки, усеявшие виски тридцатидвухлетнего командира, бешено пульсирующая толенькая жилка на шее и трепещущие порой мускулы лица. Замерли люди в отсеке. Беспшумнее, мягче, осторожнее стали выполнять свои дела, чтобы не потревожить командира.

Через час Маринеско открыл глаза и посмотрел на руку со светящимся циферблатом. 22.00!

— Пора, инженер-механик!

Лодка медленно заскользила вверх.

Море было укрыто сплошной стеной тумана. Стена эта колыхалась буквально в десятке метров от лодки.

Напрасно напрягали зрение вахтенный офицер Редкобородов, наблюдатель сигнальщик Геннадий Зеленцов и фельдшер лейтенант медслужбы Григорий Андреевич Степаненко, выделенный в помощь им командиром. На глаза в таких условиях надеяться не приходилось. Теперь главным действующим лицом становился гидроакустик.

Иван Шнапцев, нахлобучив на голову черные колпаки телефонов, замер над шумопеленгатором. Едва, давая ход лодке, загрохотали дизели, он насторожился, затем обрадованно крикнул в переговорку:

— Пеленг — 50! Шум винтов крупного корабля!

Плотнее прижав наушники руками, акустик внимательно вслушивался в ритмичный говор винтов.

— Товарищ командир, похоже на тот, что потопили!

Слышимость была чрезвычайно слабой — значит, цель очень далека. Однако командир тут же поднялся наверх, чтобы, не прерывая идущую подзарядку аккумуляторных батарей, самому лично удостовериться, что обнаружена та самая цель, о которой предупреждал штаб флота.

Непроницаемая тьма окутывала горизонт — зги не видеть. Но снизу непрерывно шли доклады, и командир, в общем, представлял обстановку. Иван Шнапцев, гидроакустик, снова и снова докладывал о судне, идущем с постоянной скоростью. Старшина предполагал, что крейсер идет постоянным курсом, потому что пеленг изменялся довольно равномерно. Только увидеть судно командиру и наблюдателям все еще не удавалось. То ли светомаскировка была безупречной, и силуэт судна терялся во мраке. То ли дистанция все еще не позволила увидеть его напрямую. Следуя докладам гидроакустика, командир приказал лодку на курс сближения, потом еще и еще раз подвернул. Но что за наваждение: цель все еще пряталась от глаз. А ведь она была уже где-то близко. В этом, судя по четкости пеленгации, были уверены и командир, и гидроакустик. Какой-то непостижимый «летучий голландец»!

Пролетели полчаса-час погони. Вот уже полночь миновала. Начались новые сутки — десятое февраля. А цель, как и прежде, была только слышна.

— Огоньки, правый борт 20! — вскрикнул вдруг сигнальщик Зеленцов.

— Цель, пеленг 280 градусов! — подтвердил снизу гидроакустик.

Вглядевшись в указанное сигнальщиком направление, командир и сам заметил два постоянных белых огонька — гуських, едва приметных. Наконец-то подводная лодка до-

гнала и обнаружила тот самый отряд кораблей, о котором говорила радиограмма штаба фронта!

— Оба — малый! — приказал Маринеско. Он учитывал, что ночная тьма резко скрадывает расстояние, и можно проскочить цель, так и не успев подготовить данных для залпа.

Однако после поворота резко усилилась продольная качка, и лодка еще больше потеряла скорость. Пришлось увеличить ход до среднего... Полчаса гналась «тринадцатая» за огоньками, а они были по-прежнему далеки, то появляясь, то скрываясь у темного горизонта. И только минут через десять, когда внезапно очистился горизонт, командир на фоне темно-серых облаков увидел темные силуэты боевых кораблей. До них было около двадцати кабельтовых!

— Боевая тревога! Торпедная атака! Носовые и кормовые торпедные аппараты и выстрелу приготовить!

«Но мы в светлой части горизонта. Нас могут обнаружить!» — мелькнула у командира мысль, и как продолжение ее автоматически сорвалось:

— Оба полный вперед! Право на борт!

Едва прозвучала команда «Боевая тревога!», мостик лодки обезлюдел.

Штурман метнулся с мостика в центральный пост, к штурманскому столу. Фельдшер вслед за ним — во второй отсек, на свой боевой пост. Вместо вахтенного офицера на мостике рядом с командиром оказался старпом Ефременов. Александр Иванович, определяя по ночному прицелу данные для выхода на боевой курс, встал на площадку между тумбами перископов — привычное удобное место.

Расстояние до цели было малое. Чтобы фашисты не обнаружили лодку, командир перевел ее в позиционное положение. Теперь обстановка требовала от Александра Ивановича не только смелости и решительности, но быстроты и точности решений, полного хладнокровия. Главную цель охраняли три новейших эскадренных миноносца типа «Карл Галстер»: впереди и по одному с каждого борта.

— Видно, что-то ценное. Охрана очень уж солидная, а, Лев Петрович? — обратился командир к старпому. — И все-таки, что это такое: боевой корабль или транспорт?

— Издалека напоминает крейсер, — подсказал вызванный наверх штурман. — Видите, две чуть наклоненные трубы, характерные надстройки, похоже — легкий крейсер типа «Эмден».

— Да не все ли равно, кого топить! — откликнулся старпом. — В конце концов любой мертвый фашист лучше живого!

«Тринадцатая» продолжала сближаться с конвоем. Затем пересекла его курс за кормой, вышла мористее по правому борту. Опять, как и в прошлый раз, приходилось атаковать в надводном положении: скорость конвоя была порядка пятнадцати узлов, а лодка под водой такой скорости дать не могла.

«Значит, только в надводном и на самом полном ходу, иначе не успеем!» — решил командир.

Скрываясь на фоне темных низких облаков, лодка обошла эсминец конвоя с правого борта. Конвой, используя покров ночи, твердо удерживал курс 250 градусов. Очевидно, стремился как можно быстрее пройти опасный район моря. Догоняя его, «С-13» вспарывала мрачные волны буквально в десяти—двенадцати кабельтовых от кораблей, идя параллельным курсом. Поначалу все шло превосходно. Постоянный курс, постоянная скорость. Что еще надо? Вот-вот можно ложиться на боевой курс.

И вдруг ближний эсминец круто повернул на подводную лодку. «Неужели обнаружены? Неужели идет на таран?»

Было очевидно: надо уклониться во что бы то ни стало. Атака сорвана. Но все ли окончательно потеряно?

— Право на борт! На румб — 340 градусов. Старпом, пересчитай на стрельбу кормой! — бросил Маринеско. Он, оказывается, хорошо помнил отданное предварительно приказание — готовить к стрельбе и носовые, и кормовые аппараты. Удивительная предусмотрительность!

Описывая дугу циркуляции, подводная лодка скользнула в полумглу поредевшего тумана.

— Оба кормовые торпедные аппараты, товсь! — распорядился Ефременков. — Угол растворения — два градуса! Интервал — 14 секунд!

Командир решил атаковать на отходе, атаковать кормовыми аппаратами. Их, правда, всего два, значит, вероятность попадания уменьшится. Но командир был уверен в точности своего маневрирования, в расчетах старпома и в опытности торпедистов кормового отсека — мичмана Осипова и старшего матроса Павлятенко.

Из-за редкой завесы тумана увидел командир, как быстро нарастают контуры мчащегося корабля. Вот эсминец с мощным гулом проскочил мимо, не заметив низко сидящую в волнах лодку. На полном ходу он помчался в хвост конвоя.

Отлегло от сердца. Что-то другое насторожило немцев. Атака продолжается!

Торопливо наклонившись над визирной линейкой, коман-

дир увидел, как в прорезь прицела медленно вползает силуэт крейсера, и тотчас бросил:

— Аппараты, пли!

Тут же машинально глянул на часы: 02 часа 50 минут.

Легкий, чуть заметный толчок известил: торпеда вышла. Через четырнадцать секунд — второй.

— Вперед полный!

Торопливо отстукивая свое, летели секунды. Вот промчалось тридцать, пятьдесят. А взрывов все не было.

— Ну, старпом, промазали мы! — в сердцах бросил было Маринеско, как вдруг, расколов огненной полосой тьму ночи, гроыхнул взрыв. Огромный столб пламени взметнулся в районе мостика корабля. И сразу же за ним точно такой же огненный столб взвихрился возле второй трубы. Несколько секунд спустя над кораблем взвился огромный шар черного дыма, затем сплошная стена пламени охватила все судно. Высоко в небо взлетели раскаленные обломки и куски металла...

Теперь ждать было нечего. Дело сдано! «Тринадцатая» увеличила ход. А десять минут спустя раздался троекратный оглушительный грохот. Даже издали было видно, как от торпедированного судна во все стороны, словно от гигантского костра, брызнули искры. Три гидравлических удара один за другим обрушились на лодку. Видимо, на корабле взорвались котлы или сдетонировал боезапас. И тут же зарево, охватившее было судно, исчезло. Зато вспыхнуло несколько прожекторных лучей. Это со всех сторон, включив прожекторы, к тонущему судну бросились подоспевшие дозорные корабли. Тем временем корабли охранения утюжили море во всех направлениях, отыскивая «виновницу». Над морем повисли гирлянды осветительных ракет. Сухо лаяли автоматические пушки. Однако трассы их шли в разные стороны. Вероятно, на кораблях не знали и не понимали, откуда пришла смерть.

Совершив послезалповый маневр, «тринадцатая» на полном ходу оторвалась от дозорных кораблей и незадачливого охранения, уйдя в темную часть горизонта. Только спустя почти четыре часа «тринадцатая» ушла на глубину, легла на грунт.

В историческом журнале лодки появилась новая запись: «10 февраля на фарватере в районе Устки в 2 часа 50 минут потоплен военный транспорт водоизмещением 15 000 тонн».

Да, это оказался не вспомогательный крейсер типа «Эмден», как поначалу сообщала радиограмма штаба флота, а

военный транспорт «Генерал фон Штойбен». Тот самый «Генерал фон Штойбен», который построен был в 1922 году как туристское судно для Северонемецкого Ллойда на судостроительном заводе «Вулкан» в Штеттине и считался по тем временам одним из самых больших и современных пароходов. Водоизмещение судна было 14660 тонн, длина — 168 метров, ширина — 20, скорость хода — 16 узлов, экипаж — 356 человек. Комфортабельные каюты парохода были рассчитаны на 1100 пассажиров. Правда, история поведала о том, что при репатриации немецких поселенцев из Латвии в 1937 году, например, во время одного из рейсов он взял на борт 2042 пассажира из Риги.

Оказалось, что и это — не рекорд. 1945 год заставил принять на борт уже 3600 человек — личный состав танковой дивизии, перебрасываемый для усиления обороны Берлина. Только теперь путешествие их закончилось смертной морской купелью. Охранявшие его миноносцы и подоспевшие корабли дозора сумели спасти только 300 человек.

Таким оказался еще один ощутительный удар подводной лодки «С-13» по немецкой армии, по фашистскому рейху.

Надо отдать должное штурману «тринадцатой» Николаю Редкобородову: когда он подтвердил, что обнаружен крейсер типа «Эмден», он не так уж грубо ошибся, сбитый с толку штабной радиogramмой. Силуэт «Штойбена» на самом деле поразительно напоминал силуэт крейсера. Тем более что на Балтике такой корабль был всего-навсего один. Ошибка оказалась приятной: вычеркнута из списков вермахта танковая дивизия!

VIII

Любопытнейшее свидетельство о микроклимате в экипаже (как сказали бы нынче), о мире чувств и переживаний команды подводной лодки на заключительном этапе войны напел я в предоставленных мне записях радиста «С-13» матроса Михаила Коробейника. Написанные бесхитростно, простым матросским языком, не склонным ко всякого рода реверансам и экивокам, они сказали мне, побывавшему подводником, куда больше, чем томики заумных изысков, запутанных рассуждений, в которых подчас и суть теряется, и душа исчезает.

Однако обратимся к дневнику.

«Новый, 1945-й, год встречали на финском пароходике «Полярная звезда», где жили мы в каютах с 27 декабря. Сначала посмотрели артиллерийский салют, послушали звон

перковых колоколов, потом выпили за Новый год, за счастье родных и близких. В таком виде сошел на берег вместе с В. Ревякиным и А. Припутнем. По глупости Алексей попал в полицейское управление. Вызванному туда комдиву он признался, что был в городе не один. Словом, все мы оказались на гауптвахте. Лишь 6 января, в связи с подготовкой лодки к новому боевому походу, возвратились с «губы». А тут ходят тревожные слухи то о расформировании экипажа, то об очередном боевом походе. С нетерпением ждем приказа о выходе в море, чтобы оправдать себя за проступки, добиться снова уважения командования. Обидно: десять дней назад за предыдущий боевой поход быть награжденным (кстати, М. Коробейнику за тот поход вручили весьма ценящуюся моряками медаль Ушакова. — В. Г.), а сегодня получить строгий выговор с предупреждением от комсомольской организации! Словом, утеряно доверие товарищей, знавших меня умелым и дисциплинированным моряком. Надо во что бы то ни стало доказать, что случившееся — случайность...»

Итак, чувство горечи, обиды, разочарования ряда матросов. Подобное, не будем скрывать, испытывал и командир лодки Александр Иванович Маринеско, мягко говоря, «задержавшийся в гостях» у хозяйки финской гостиницы-ресторана после встречи Нового года. Вольность, допущенная командиром, справедливо бросила тень на его доброе имя.

Так возникло парадоксальное явление: еще вчера героически проявившие себя в море, в боевом походе, командир и некоторые члены экипажа оказались как бы опальными, так как были повинны в прегрешениях.

Можно без преувеличения сказать: весь экипаж подлодки ждал выхода в боевой поход как возможность реабилитировать свой коллектив делом. Каждый мечтал о больших и звучных победах, которые сразу доказали бы, что моряки «тринадцатой» случайно допустили эту горькую оплошность, споткнулись «на ровном месте».

Психологически можно попытаться сложившуюся ситуацию. Естественно, что каждый человек имеет право на «разведку» после нелегких испытаний морем и боем. Недаром даже такой строгий в вопросах дисциплины, субординации и нравственности человек, как начальник Главного политического управления Военно-Морского Флота армейский комиссар 2 ранга Иван Васильевич Рогов уже в самом начале войны на совещании политработников заявил: «Снимите с людей, ежечасно глядящих в глаза смерти, лишнюю опеку. Дайте вернувшемуся из похода командиру встряхнуть-

си, пусть он погуляет в свое удовольствие, он этого заслужил. Не шпыняйте его, а лучше создайте ему для этого условия»...

«Иван Грозный», как звали Рогова моряки, прекрасно понял психологическое состояние людей в условиях боя, особенно же — в условиях боя подводного, когда особую трудность составляет неопределенность положения. Невыносимо тяжело из-за невозможности своими глазами посмотреть на опасность, сориентироваться и что-то предпринять. А больше того — из-за невозможности «дать сдачи», когда тебя засыпают глубинками или по борту скребут мины мины заграждения. Все это до предела напрягает нервы, создает настоящий психологический стресс, а порой и нервные срывы.

Вероятно, подобные рассуждения имели место, когда командир А. Е. Орел с комбригом и командующим флотом решали, как поступить с допустившим ошибку командиром и провинившимися его подчиненными. И хорошо, что обладал здравый смысл: экипаж был отправлен в боевой поход. Как сказано было в напутствии, чтобы «кровью смыть позор».

Обрадованные таким исходом дела, воодушевленные тем, что им верят или, по крайней мере, хотят верить, моряки «тринадцатой» шли в море, вернее, не шли, а как бы летели на крыльях, готовые в любую секунду, встретив врага, нанести ему удар — меткий, стремительный, несущий возмездие. И, как мы уже знаем, добились своего. Все пять торпед, выпущенных и из носовых, и из кормовых торпедных аппаратов, попали в цель и нанесли врагу страшнейший урон.

Чья заслуга в этих победах? Разумеется, рулевого-сигнальщика Анатолия Виноградова обнаружившего в тяжелейших погодных условиях лайнер «Вильгельм Густлоф»; естественно, гидроакустика Ивана Шнапцева, в какофонии подводных шумов и собственных помех лодки определившего точные пеленги на «Густлофа», а затем и на «Генерала фон Штойбена»; само собой разумеется, всех мотористов и электриков во главе с инженер-механиком Яковом Коваленко, в немислимых обстоятельствах позволивших «тринадцатой» догнать лайнер, выйти в атаку на транспорт; конечно же, торпедистов, руководимых командиром «бече» Константином Василенко, умело подготовивших торпеды, которые дошли до бортов вражеских судов; безусловно, старпома Льва Ефременкова и штурмана Николая Редкобородова, безукоризненно рассчитавших курс лодки на по-

иске и данные для выхода в атаку; наконец — командира Александра Ивановича Маринеско, сумевшего не только найти тактически грамотные, хотя и весьма рискованные, решения, но и сконцентрировать усилия всех своих подчиненных на обеспечение их выполнения. Причем особо — этого человека, храбро принявшего на себя все возможные последствия неудачи, не безрассудно, а глубоко продуманно ведшего экипаж на подвиг.

Следует отдать Александру Ивановичу должное еще и в том, что даже в минуту бурной радости всего экипажа он не терял головы, оставался по-прежнему собранным, внутренне мобилизованным. Море есть море, тем более военное. Ведь с окончанием атаки не кончается война, справедливо полагал он. Враг может нанести удар в самый неподходящий момент. И практика доказала правильность этих мыслей.

...Наступили третьи сутки подводного перехода «тринадцатой» из западного района в базу. Через каждые час-два старпом, замполит или сам командир обходил отсеки подлодки, чтобы удостовериться, что везде по-прежнему поддерживается тишина, позволяющая самим, оставаясь неслышимыми, слышать все вокруг; убедиться, что электрики и трюмные, рулевые и гидроакустики, другие специалисты предельно собраны, добросовестно несут вахту. Проходя по отсекам, офицеры накоротке напоминали морякам о суровом законе войны: кто расслабился, успокоился, почил на лаврах одержанной победы, тот рискует.

— Недаром говорят: риск — дело благородное. Я и сам не прочь рискнуть, — повторял Александр Иванович. — Только нужно каждый раз разобраться, а нужен ли он, что он дает, такой риск?! В любом случае риск должен быть оправданным, иметь определенную цель. Риск ради бахвальства я не признаю...

Ближе к вечеру, когда подводная лодка, по штурманским расчетам, уже подходила к небольшому островку Готска-Сандэ, что располагается у северной оконечности острова Гогланд, командир приказал боцману подвсплыть под перископ. Николай Степанович Торопов мгновенно переложил горизонтальные рули на всплытие. Лодка, приподняв нос, заскользила к поверхности. 20 метров, 15 метров глубины... Сейчас уже вполне хватало выдвинутого перископа, чтобы увидеть, что там, над волнами. Маринеско сжал ладонями рубчатую поверхность перископных рукояток, повел их вправо. Перед его глазами побежала рябь зеленоватых волн, за которыми угадывались тяжелые скалистые

очертания дальнего островка. Но тут же послышался торопливый доклад младшего гидроакустика матроса Вячеслава Икишина:

— Слева 145 градусов — шум винтов подводной лодки!

Никаких ориентировок о выходе наших подлодок в шифrogramмах, поступивших из штаба бригады, командир не получал. «Логически рассуждая, — так Александр Иванович уверял себя, — командование ни в коем случае не могло построить график выхода и возвращения своих лодок так, чтобы они встретились в подводном положении на одном фарватере». Вывод был однозначным: враг, каким-то образом узнав, где пролегают пути наших лодок, возвращающихся в базу и выходящих из базы, устроил засаду.

Была дорога каждая секунда — промедление грозит гибелью.

— Боевая тревога! Бодман, держать глубину 40 метров! — принял решение Маринеско.

Щелкнули манипуляторы горизонтальных рулей. Крохотный воздушный пузырек на рубиновом фоне дифференциатора медленно пополз вправо — один градус, два, три... Лодка, набирая скорость, неслышно пошла на глубину.

«Что же сейчас делает та, которая в засаде? Как угадать ее дальнейшие маневры?»

Началось состязание умов, состязание командирской грамотности, опыта, смекалки, интуиции...

— Лево на борт! Акустик, внимательнее слушать лодку!

«Тринадцатая», послушная рулю, покатила влево, курсом на вражескую субмарину. Но и на ней, несомненно, был опытный командир.

— Лодка повернула вправо! — доложил акустик Шнапцев, сменивший по боевой тревоге более молодого товарища.

Теперь вражеская подлодка уходила от «тринадцатой», приводя ее на невыгодно острый курсовой угол. Фашистский командир явно не желал подставить борт своей субмарины под торпеды «С-13». Сложная, хитроумная это игра — поиск момента для точного торпедного залпа, когда ни один из противников не видит другого. Только шум винтов — единственная зацепка, единственный ориентир. Если гидроакустик — мастер, если у него тонкий слух и точное знание характерных оттенков изменения звука при поворотах подлодки, есть шанс выйти победителем. Но если на акустической станции недостаточно опытный и умелый специа-

лист, человек, страдающий хотя бы элементарными погрешностями слуха, если он слабо разбирается в едва заметных оттенках звука и не способен отличить, в каком положении субмарина противника, куда она поворачивает, идет на лодку или от нее, — никаких шансов остаться в живых, а не то чтобы одержать победу!

Великое счастье экипажа «тринадцатой» было в том, что Иван Шнапцев обладал поистине феноменальным музыкальным слухом. Акустик ежеминутно четко докладывал командиру о малейших изменениях в движении вражеской лодки. И Александр Иванович как бы зрительно представлял: вот субмарина уходит вправо, затем резко поворачивает влево, устремляется в глубину, потом, увеличив ход до максимального, как бы в крутом вираже выходит на контркурс...

— Лодка выпустила торпеды! — тут же доложил акустик.

— Право на борт!

Теперь все решали мгновения. Успеет ли «тринадцатая» уйти с курса наполненных грузов взрывчатки «сигар» или, секунды спустя, одновременно с адским грохотом сверкнет перед глазами подводников стремительное красно-желтое пламя, разбрасывая в стороны клочья стальной обшивки, и... все?! Невольно моряки напряглись всем телом, как бы желая надавить на палубу, ускорить погружение лодки.

— Стоп моторы! Заполнить быструю!..

«С-13» стремительно упала в глубину, и в это мгновение моряки слышали, как над их головами с надрывным воем промчалась торпеда, за нею — вторая...

«А теперь вперед, только вперед! Всплыть на прежнюю глубину и гоняться, гоняться, гоняться!»

«Тринадцатая» развернулась на вражескую субмарину, прибавила ход. Видимо почувствовав, что назревает ответная атака, фашистский командир отвернул свою лодку, потом лег на обратный курс...

Больше четырех часов продолжался невидимый для глаз напряженный поединок ума, находчивости, мастерства, нервов. Этого состязания гитлеровский «морской волк» не выдержал. Одну за другой он расстрелял все свои — девять! — торпеды, так и не сумев выйти на пеленг и дистанцию точного удара, а затем постыдно бежал...

Поединок этот, неожиданный и потому чрезвычайно опасный, дал экипажу «тринадцатой» основательную нервную встряску. Люди еще раз убедились, как опасно размагничиваться, расслабляться, успокаиваться, находясь в

море, в боевом походе. Минутное, даже секундное снижение бдительности может закончиться трагически. Тем более трагично, если случится такое в считанных милях от базы, когда, казалось бы, уже все опасности позади!

Пережив такую встряску, моряки особенно остро почувствовали, как недостает им сейчас родных берегов, недостает оставшихся там боевых друзей, товарищей. Быстрее домой, в базу, увидеть их, поделиться с ними переживаниями, испытанными в нелегком этом походе!

В обговоренный радиограммой срок, в 11.00 14 февраля, «тринадцатая» пришла в заранее определенную точку встречи с кораблями сопровождения. Соблюдая все меры предосторожности, всплыла под перископ. На горизонте — никого. Только огромное поле бело-голубых пластинок битого льда. Да, уверенно подходила к концу вима, однако морозы продолжали еще держаться. Вдоль берега протянулось огромное поле плотного ледового припая. Самостоятельно пробиться сквозь него вряд ли можно. Ну, жен ледокол.

Но в чем же дело? Почему луст горизонт? Где обещанные корабли охранения и сопровождения? Можно понять удивление и возмущение командира с вахтенным офицером. Практика не раз уже доказывала, что подходы к базе — район опасный. Здесь вполне могут оказаться вражеские, корабли, прежде всего — подводные лодки, наконец — просто мины банки, выставленные врагом под покровом ночи. Опасно!

«Где вы есть?» — полетел в эфир запрос. В ответ — молчание.

Лодка, чтобы соблюсти скрытность, снова ушла на глубину. Некоторое время спустя опять всплыла. Опять радисты запросили, где же долгожданные ледокол и корабли охранения. Тщетно! Никого и ничего.

Что могло помешать выходу кораблей, нарушению обговоренного и строго установленного порядка встречи подводных лодок, возвращающихся из боевого похода? В конце концов, стоит ли ждать и сколько ждать — это ведь не прогулочная яхта в мирном море. Минута промедления может оказаться решающей в судьбе корабля и экипажа!

И тогда командир принял решение идти в базу незнакомым фарватером самостоятельно.

Подводная лодка погрузилась на перископную глубину и, опустив перископы, медленно подошла под поле битого льда. Это исключало вероятность встречи с фашистскими подлодками, обычно караулившими у опушки шхер на-

ши возвращающиеся лодки и атаковавшими их, когда те всплывали.

«Если потребуется всплыть среди ледового поля, — рассуждал командир, — это не проблема. Такое уже делал командир триста двадцать четвертой «щуки» Анатолий Михайлович Коняев»...

«Тринадцатая» вошла подо льды. Конечно же, в принципе Александру Ивановичу были известны подходы к Ханко. В предвоенные годы, командуя «малюткой», он базировался именно на эту военно-морскую базу. Правда, с того времени прошло немало — целых четыре года. Что-то подзабылось, какие-то изменения могли произойти в этом районе. Главное — не знал командир об истинной минной обстановке. Словом, именно сейчас, в таких вот условиях, ему нужен был лодман.

И все-таки командир сумел самостоятельно провести «тринадцатую» в шхеры. Затем лодка всплыла и ревунами известила лодмана. Часа через два он прибыл. Однако вслед поступила радиограмма с приказанием следовать в финский порт Турку, куда к тому времени перешла плавбаза дивизиона «Смольный».

Час за часом с треском и шорохом ползли льды по корпусу лодки. С трудом пробивалась «тринадцатая» сквозь их нагромождения, пока справился нож форштевня с такой преградой. Наконец вынуждена была остановиться и начать зарядку аккумуляторных батарей...

Только после полуночи к «тринадцатой» подошел базовый тральщик «БТЩ-217», с которого сошел командир дивизиона капитан 1 ранга Александр Евстафьевич Орел. Бегом по льду бросившись к лодке, издали еще закричал он ожидавшему на мостике Маринеско:

— Я знал, я знал, что ты придеешь с победой!

— Получили твой радио о потоплении крупного транспорта и крейсера, — продолжил комдив, поднимавшись на мостик лодки. — Молодцы! Данные подтверждаются. Ну, а со встречей, извини, брат, плохо получилось...

Оказалось, что из-за отсутствия опытных лодманов посланный корабль пришел не в оговоренную точку встречи. После настойчивых требований командования в конце концов прибыл умелый лодман. Но время уже было упущено...

Разумеется, причина была уважительная. Но как ни пытался командир, поставив себя на место тех, кто отвечал за организацию встречи лодки, понять, как это могло произойти в отработанном военном организме, никакого оправдания случившемуся не находил. Ведь в принципе, твердо

соблюдаемом в любом корабельном соединении, такие мероприятия обычно заранее продумываются и строго контролируются. Только халатность, граничащая с преступлением, могла привести к тому, чтобы возвратившаяся из боевого похода подводная лодка с уставшим, измотанным экипажем, без боезапаса на борту оказалась в опасном районе без охранения, по сути, обреченной на гибель. И можно понять состояние всех членов экипажа, только что переживших подводную схватку, больше похожую на схватку усталого и безоружного человека с вооруженным до зубов бандитом — схватку в крошечной тьме. Горечь, обида, непонимание!..

Состояние это еще более ухудшилось, когда моряки узнали от комдива, что в квадрате моря, соседнем с тем, в котором «тринадцатая» торпедировала два фашистских судна, совсем недавно, буквально на днях, погибла «С-4» — лодка их дивизиона. Значит, погибли знакомые ребята, друзья. Среди них бывшие члены экипажа «тринадцатой» старпом А. Гусев, моторист М. Ласковский...

Словом, день возвращения в базу особой радости команде «тринадцатой» не принес.

Правда, встреча в Турку была торжественной, даже трогательной.

Конечно, погода не радовала. Гудели напрягшиеся от лютого мороза и свирепого норд-веста провода. По брусчатке улиц мела сухая колючая поземка. Черепичные крыши домов казались пегими от усыпавшего их снега. Улицы были пустынные, будто вымерли...

А в Угольной гавани, где стояли подводные лодки дивизиона и плавбаза «Смольный», причал был заполнен матросами, сторшинами и офицерами.

Едва «С-13» опшвартовалась, боевые друзья Александра Ивановича Маринеско — командиры «Л-2» Р. В. Линденберг, «Л-3» — В. К. Коновалов, «Л-21» — С. С. Могилевский, «Лембита» — А. М. Матиясевич, «Щ-407» — П. И. Бочаров и комдив «шук» Г. А. Гольдберг — окружили героя, а затем, подхватив на руки, вынесли на причал, начали качать.

И сразу схлынула у моряков «тринадцатой» обида, растаял лед неприязни к тем, по чьей вине к боевым испытаниям прибавились испытания невниманием и отсутствием заботы. Боевые друзья отогрели их души неприкрытой и искренней радостью встречи, щедростью сердечного тепла. Вскоре после швартовки сошедшие на причал матросы, старшины и офицеры экипажа с улыбкой вспоминали пе-

рипетии погони за «Густлофом», пюансы торпедной атаки «Штойбена», недавнюю «подводную карусель», так издегавшую их нервы, и — странно, но отходило вдаль, в небытие, в глубокое прошлое все то мелкое, наносное, ставшее несущественным теперь. Становилось легче дышать и радостнее смотреть на мир. Знали они, что главное не в тех досадных огрехах и накладках, а в том, что подводная лодка возвратилась из тяжелейшего боевого похода целой и невредимой, нанеся врагу серьезнейший урон.

И убедились в этом еще раз, когда увидели своими глазами финские и шведские газеты последних дней, заполненные снимками лайнера и сообщениями о количестве ушедших на дно гитлеровских генералов и офицеров, партийных бонз, эсэсовцев и гестаповцев, а главное — подводников. Уж они-то знали, как много значили для фашистов подводные силы, и представляли, как здорово «подрубила крылья» рейху гибель 3700 специалистов и 100 командиров субмарин!

От сознания этого тепло и радостно было на душе героев. Их ждали заслуженные правительственные награды, знаки внимания и уважения всего советского народа.

IX

На кораблях, как бы ни старались командиры, политработники и соответствующие службы, даже куда более строгие секреты не очень-то долго удерживались в тайне от моряков. А уж о представлении экипажа подводной лодки к гвардейскому званию, тем более командира ее — к званию Героя Советского Союза, матросы, старшины и офицеры «тринадцатой» узнали через считанные часы.

— Радости не было предела, — рассказывал бывший гидроакустик Иван Шнапцев. — Особенно ликовали мы по поводу Александра Ивановича, нашего бати, как мы его любовно звали между собой. Знали мы, что у него довольно часто случались размолвки с начальством, а ведь он для нас был душа-человек. Таких, как он, — строгих, но и внимательных, справедливых, честных перед собой и другими — надо поискать. Но особо любили мы его за командирское мастерство, не один раз спасавшее нам жизнь. Ведь даже в том, знаменитом, январско-февральском походе он нас трижды спас от гибели...

Эти слова гидроакустика подтвердили потом все моряки экипажа, когда затевался с ними разговор на эту нелегкую тему. Действительно, разве не находчивость коман-

дира, не его умение проникнуть в психологию фашистских наблюдателей с «Вильгельма Густлофа» сохранили жизнь «С-13», когда зашла она буквально в ловушку между берегом и лайнером? А разве не его хитрость и военноморская грамотность вывели «тринадцатую» из-под глубиннок после торпедирования «Густлофа»? А разве не выдержка, не командирское мастерство позволили «С-13» вывернуться из-под торпед той самой фашистской подлодки, что подкараулила героев у самой базы?

И еще одно подтверждение непревзойденного командирского таланта: ведь из всех подводных лодок этого типа на Балтике (а было их в боевом строю в годы войны тринадцать!) осталась «в живых» только «тринадцатая». Почему такое произошло? Случайность? Везение? Нет! Тут уж никаким везением не объяснить этот факт. Тем более что лодка не отстаивалась в базах, так сказать, не отсиживалась за спинами других. Она, вошедшая в боевой строй в середине 1942 года, совершила четыре боевых похода, в том числе три — ведомая Александром Ивановичем, который командовал этой лодкой всего два года. Причем нельзя забывать, что полтора года — 1943-й и половину 1944-го — подлодка вообще не выходила в море на боевую работу.

Стоит заметить, что выдающиеся способности и командирское мастерство Александра Ивановича были оценены и добросовестно изложены в тексте представления Маринеско к званию Героя Советского Союза, подписанного комдивом. Приведем его почти дословно.

«Капитан 3 ранга Маринеско Александр Иванович находится на должности командира подводной лодки с 1939 года. С начала Великой Отечественной войны участвует в боевых походах... В 1941 году, командуя подводной лодкой «М-96», совершил два боевых похода в Финский и Рижский заливы, во время которых действовал мужественно и решительно, выполняя задания командования по борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на море.

В 1942 году капитан 3 ранга Маринеско действовал в Финском заливе и за время боевого похода утопил транспорт противника водоизмещением 7000 т, за что был награжден орденом Ленина. В этом же году капитан 3 ранга Маринеско выполнял задание по высадке разведчиков в глубоком тылу противника.

В 1944 году, будучи командиром ПЛ «С-13», капитан 3 ранга Маринеско совершил боевой поход с задачей прикрытия фланга армии, очищающей остров Эвель от немецко-фашистских захватчиков. Присутствие ПЛ «С-13» в этом

районе заставило немецкое командование отказаться от посылки к острову Эзель крупных надводных сил для поддержки своих войск на суше. Перейдя через несколько дней на южные коммуникации противника, капитан 3 ранга Маринеско преследовал и утопил артиллерией в непосредственной близости от базы флота противника один транспорт водоизмещением 5000 т, за что был награжден орденом Красного Знамени.

В 1945 году ПЛ «С-13» вышла на выполнение боевого задания в южную часть Балтийского моря и, благодаря умелым и решительным действиям командира ПЛ капитана 3 ранга Маринеско, добилась выдающихся успехов в борьбе с немецкими захватчиками.

30 января 1945 года, находясь на подходах к Данцигской бухте командир ПЛ «С-13» обнаружил, преследовал и тремя торпедами потопил шедший из Данцига немецкий лайнер «Вильгельм Густлоф» водоизмещением в 25 484 тонны. Лайнер «Вильгельм Густлоф» имел длину 208 м, ширину 23,5 м, осадку 8,2 м, ход — 15 узлов. В момент потопления на борту лайнера находилось свыше 8000 человек, из которых 3700 человек обученных специалистов-подводников, которые следовали к месту назначения для использования в предстоящих операциях немецкого подводного флота. (Сведения о потоплении лайнера «Вильгельма Густлофа» подтверждаются шведскими газетами и радиостанциями.) Спасти удалось только 988 человек. Потоплением лайнера нанесен непоправимый удар по подводному флоту фашистской Германии, так как при потоплении погибло такое количество подводников, которого было бы достаточно для укомплектования 70 подводных лодок среднего тоннажа. Этим ударом «С-13» под командованием капитана 3 ранга Маринеско сорвала планы фашистских захватчиков на море.

Продолжая действовать на коммуникациях противника, командир ПЛ «С-13» 9 февраля 1945 года ночью обнаружил немецкий крейсер типа «Эмден», шедший в охранении эсминцев. Несмотря на сильное охранение, капитан 3 ранга Маринеско, умело маневрируя, в течение 4,5 часа настойчиво преследовал противника и добился победы. Обе выпущенные торпеды попали в крейсер... (На самом деле потоплен был военный транспорт «Генерал фон Штойбен» водоизмещением 14 660 тонн с 3600 танкистами на борту, имевший силуэт, похожий на крейсер. — В. Г.).

За время Великой Отечественной войны, плавая в должности командира подводной лодки, капитан 3 ранга Ма-

рипеско утопил: 1 крейсер, 1 лайнер водоизмещением 25 484 т и два транспорта общим водоизмещением 12 000 т. Кроме того, выполнял задания по прикрытию фланга наступающей Красной Армии...

За отличное выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, за отвагу и мужество, проявленные при уничтожении транспортов и немецкого крейсера типа «Эмден», за потопление 3700 специалистов-подводников командир ПЛ «С-13» капитан 3 ранга Маринеско достоин высшей государственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 1-го дивизиона ПЛ БПЛ КБФ
капитан 1 ранга А. Орел
20 февраля 1945 года».

(Подлинник этого примечательного документа находится в Центральном военно-морском архиве, ф. 88, опись 2, дело 416, лист 160. — В. Г.).

Подвиг экипажа и командира в этом документе представлен достаточно ярко и выпукло.

* * *

Сорок пять лет живет советский народ мирной созидательной жизнью. Все это — благодаря тем, кто не жалел крови и самой жизни на фронтах неслыханно жестокой войны. В том числе — благодаря Александру Ивановичу Маринеско и его подчиненным.

Так спасибо и низкий поклон всем им — мертвым и живым участникам Великой Отечественной войны! Спасибо за их огромный вклад в нашу Великую Победу, за завоеванные и защищенные ими мир, счастье, созидательный труд!

Николай СТАРИКОВ

ПОБЕГ ИЗ РАЯ

Поэма

1

Я за собою жгу мосты, —
Я убегаю из Москвы.

Такси,
Сквозь улицы и лица,
Впиваясь шинами в шоссе,
Через московские просторы,
Через тяжелые раздоры
Меня уносит из столицы,
Из прошлой жизни вообще.

Мелькает вязь литых проспектов,
И путь, непознапной длины,
Меня уносит однозначно
От подчиненности задачам
Семьи и быта; от прожектов,
Которым чувства не даны.

Уже на трассе просветленность,
И оживают краски дня,
А мне все чудится погоня,
А мне все кажется: погода
Возьмет и сдержит
Устремленность,
И выдаст прошлому меня.

Я убегаю, бросив вызов
Давно чужому очагу
И женщине со странным взглядом,
Словно меня ей высечь надо,
Что я от мелочных капризов
Еще — смотрите-ка! — бегу.

Я тороплю в душе таксиста,
Но неоплаченной мольбы
Не слышит он и без азарта
Рулит по корочке асфальта...
Я не потомок Монте-Кристо,
Чтоб откупаться от судьбы,

И все же,
Все же осторожно
Шепчу я: «Шеф, держи... Беда!»
Я объяснить ему не смею,
Что нас преследует не фея...
Тот веселеет: «Это можно!» —
И нажимает на педаль.

И тает,
Тает в отдалении
Столицы жесткое клише.
Я расправляю робко плечи,
Дышу спокойнее и легче,
И светлый дух освобожденья
Неслышно селится в душе.

И потому я жгу мосты
И убегаю из Москвы.

2

В Москве недавно прописала
Мою судьбу моя страна.
Руководящая Россия
По всем углам легко носила
И вот меня, почти под старость,
Столице вверила она.

Друзья завидуют — еще бы! —
На это множество причин:
Я кресло важное имею
И ни о чем «не сожалею».
Теперь — считают — я до гроба
Благополучный гражданин.

Я был бы рад такой раскладке,
Да вот сомненья завелись.

И так, что я порою трушу,
Мне точат.
Точат,
Точат душу...
Неужто вправду:
Жить в достатке
Для нас единственная высь?

Вот-вот,
Вопрос высокой мерки,
Тут заковыка — будь здоров!
Мы все как будто бы не лживы
И говорим порой красиво.
С чего ж так часто на проверку
Цена обманчива у слов?

С обычным людом дело проще,
Тут скажем правду не тая:
Кто вынес гайку из завода,
Тот, значит,
Враг всего народа.
А для врага —
Пускай не ропщет! —
Всегда отыщется статья.

А вот как быть:
Не «вор в законе»,
А чин, способный услужить,
Вовсю бесчинствует в границах
Номенклатурной единицы.
Его дела — в запретной зоне,
Там и закон не уличит.

Кому-то крепко он угоден,
Коли с поста —
Ни снять, ни сбить.
Не потому ль никак поэтам
Не подступиться к темам этим:
За гайку — срок,
За взятку — орден.
Вот-вот, вопросец...
Как тут быть?

Но — тсс...
Я закрываю рот,
Чтобы попасть на самолет.

Аэропорт встает в неоне,
 Надменно, холодно встает.
 Властитель тех, кто рвется к небу...
 Здесь ничего, мой друг, не требуй:
 Ведь здесь живут по тем законам,
 Что пишет сам Аэрофлот.

Аэрофлот...
 Контора, что там!
 Погода есть — счастливый путь!
 А нет — так нет...
 Аэрофлоту
 Чужды насущные заботы:
 Помни бока.
 Умойся потом,
 Перекаптайся как-нибудь.

И персонал не беспокоя,
 Пройди досмотр и не шали.
 Закрыв глаза, прими грубость,
 Всегда готовь к улыбке губы...
 Не то
 Пришьют тебе такое —
 Не оторвешься от земли!

Но, слава богу, все в порядке:
 Передо мною трап, как сон.
 Я по нему, уже законно,
 В салон вбегаю просветленно,
 И замирает сердце сладко:
 Неужто все-таки — спасен?

Трап отъезжает,
 Дверь закрыта,
 Я отсечен теперь — ничей! —
 И от семьи, и от квартиры,
 И от завистливого мира,
 И от наскучившего флирта
 «Дипломатических речей».

А кресло, кажется, впитало
 Все тело,
 Страхи отогнав.

И я, наверно с глупой миной,
Уже посапываю мирно,
И даже в шелесте дюраля
Улавливаю шелест трав:

И утомленный давней болью,
Я отхожу...
Мне повезло,
Что в этом быстром перелете
Я не завишу от кого-то,
И что лечу на Ставрополье,
В родное русское село.

4

Меня, конечно, не встречают:
Я не министр, не депутат.
Я — рядовой, солдат народа...
Меня встречает лишь природа
Простыми, тихими речами,
Не признающими оград.

Автобус всасывает долго
Толпу присажую в проем.
И лишь, когда он стал как бочка,
Шофер решил поставить точку.
А как просторно
В черной «Волге»,
Где думы — чаще о своем.

До краевого центра было
Езды каких-то полчаса.
Меня ж дорога укачала
Не тем,
Что с трех сторон сжимало,
А тем,
Что прямо в уши били
Разноязычно голоса.

Я приспособливался к давке,
К свистящим звукам у виска.
И замечал я не без грусти:
Как глухо говорят по-русски! —
Как будто сдавлена удавкой
Гортань родного языка.

Такое время, видно, ныне,
Тут упрекать кого и в чем?
Мы жен своих не истязали
За то, что мало нам рожали,
Зато горбатили их спины
Чернорабочим хомутом...

Мои раздерганные мысли
Исчезли сами по себе,
Когда кассир за толстым «плексом»
Ответил мне по-русски, с блеском,
Что, мол, билеты нынче вышли,
А бронь...
Она, брат, не тебе!

Что ж,
Не впервой такое чудо,
И не в последний раз, видать.
Мне столько колесить случалось!..
И ничего не оставалось,
Как обратиться к добрым людям —
Они-то выручат всегда.

5

Лечу в разболтанной попутке,
Водитель — матерный мужик.
Хоть говорят без остановки,
А сколько мудрости и толка
В его почти трагичных шутках,
Силен, знать, с детства на язык.

Ему попутчик как награда:
Пооткровенничаешь власть!
Глядишь, и сердцу полегчало,
И меньше горечи в нем стало,
Что не от водочного яда...
Да это что ж,
Намек на власть?

Да нет,
На тех, кто к ней дорвался,
На тех, кому она хмельна...
Мужик — он что, оно известно,

Везет телегу бессловесно,
Но как бы он ни надрывался, —
Туда ли катится она?

— Слышь, — он твердит, —
Наш председатель
Все кулаком:
То в стол, то в грудь.
А все колхозные излишки
Текут на разные делишки...
Да он же, слышь меня,
Предатель!
А вот никак не сковырнуть!

Что тут сказать и что ответить?
Мужик и сам-то с хитрецей.
Порой такого наворотит,
Что не поймешь:
Он «за» или «против»?
И ни к чему ему советы —
Он сам мудрей в конце концов.

А говорит он для острастки,
Чужак ведь что: сонел — и с плеч!
А вдруг свое промолвит
Слово?
Глядишь, и версия готова.
Тогда сельчанам без опаски
Он передаст чужую речь.

Что ж,
Человек — он небезгрешен,
Он даже в слабости силен.
Его сомнения, как язва,
На нем,
На теле государства,
И если нынче он повержен,
То завтра, смотришь,
Счастлив он.

6

Порой ему, чужому счастью,
Завидуем мы впопыхах.
Но и чужое счастье тоже
Сдирало ногти или кожу,

И, может, часто, слишком часто
Оно испытывало страх.

Страх
Перед взглядами знакомых,
Перед упреками родных,
Перед случайностью любой,
Что обливала сердце болью.
Ведь нет их,
Нет пока законов,
Оберегающих двоих.

А двое
Порознь шли по свету,
Их жизнь кружила, как и всех,
И кто мог знать,
В какой дороге
Объединятся их тревоги.
И разнесется ль над планетой
Их общий, выстраданный смех?

Глава о счастье, как несчастье,
Ее нельзя сложить порой.
О, если б в жизни было просто
Сказать: я счастлив, нет вопросов!
Сказать: не надо мне участия,
Сказать — и выронить перо!

Но что ж его сжимаю крепче?
Еще чуть-чуть — и брызнет кровь.
И сразу вспыхивает память,
И чем унять больное пламя,
То пламя мыслей, что увечит
В нас беззащитную любовь?

Нет,
К счастью путь неотвратимо
Лежит сквозь горе и сквозь гнев,
И добывается, не скрою,
Неимоверною цепью,
Или глотает столько дыма,
Что умирает, не созрев.

А мы храпять еще не можем
Едва пробившийся росток.

И так обыденно мы топчем
Над чем
Почти всю жизнь хлопочем.
Я тоже был неосторожен,
Я тоже мог быть счастлив, мог.

7

Все началось
Тому лет двадцать:
Я был юнец, она — вдова.
Я был паивен и беспечен,
Она поопытней, конечно,
К тому же так могла смеяться,
Что вдруг хмелела голова.

Я до нее не знал ни женщин,
Ни ласк любовных, ни утех.
И, не смущая наших граждан,
Признаюсь: целовался дважды...
И долго был я безутешен,
Что целовал — увы! — не тех.

В те времена девчата знали,
Как ухажера укротить.
И на гулянках, за подружку
С ретивых так сгоняли стружку,
Что те надолго забывали,
Как говорится, есть и пить.

Да с кем такое не случилось
До встречи с самой-самой, с той!
Моя неробкая невеста
Меня поставила на место,
А я ее — не огорчаясь —
Передко сравнивал с мечтой.

Мне было радостно и горько,
Я падал вниз и вверх взлетал.
Я был всеильным и бессильным,
Порою даже инфантильным,
И верил ей одной настолько —
И жизнь вокруг не замечал.

И брошенный командировкой
В иные дали и места,
Я, возвратившись из отъезда,
Бывало, по всему подъезду
Соседей спрашивал неловко:
«Куда ж ушла моя... мечта?»

Тогда, вращаясь в странном круге,
Нагим подставленный под свет,
В любые крайности бросаюсь,
Я прозревал...
И мне казалось,
Что видел я в своей подруге
Те качества, которых нет.

8

Герой задумался...
Не будем
Его тревожить без нужды.
Увы, теперь он не мальчишка,
Теперь герою сорок с лишком.
И если сам себя он судит —
Другие не нужны суды.

Пока он думает о прошлом,
Мы предыдущий монолог
Дополним выкладкой подлинной,
Пусть совершенно не былинный,
И все ж — по нашим дням —
Не пошлый
Образ героя...
Косный слог!

Кирилл Уваров, скажем вкратце:
Молчун, нескладен, не силач.
Он от жены сбежал негласно
И, стоя на черте опасной,
И сам не знал, куда податься
Помимо отчего села...

...Райцентр героя встретил молча.
Закрыто все!
Что ж, выходной...

Как будто кто-то их ограбил,
На станции ругались бабы:
«Ведь зной, а горло не промочишь,
Хотя б водою ключевой».

Видать, на все указы сверху
Здесь, на местах, другой указ!
Как чистить рыбу, всем известно,
Она ж гниет с другого места.
И тут, наверно, не до смеха
И тем, кто выше, выше нас!

От перестройки к перестройке
Метались чувства и умы.
Потом спохватывались: боже,
Таким путем идти негоже!..
Знать,
Мы не только «из-за стойки»
Дошли до нынешней суммы.

Вот и герой наш:
Что нашел он?
Что все свершается кругом
Не так, как пишется в газетах,
Не так, как видится поэтам?
Хлеб бытия — он так же солон
И добывается с трудом.

9

Село...
Родимый дом, родимый...
Как одряхлел он, как поник!
Как ветерок полощет ставни...
И что с ним,
Что с ним, милым, станет
В тот роковой, неотвратимый,
Все приближающийся миг?

Через открытую калитку
Я захожу во двор отцов.
Какое всюду запустенье,
Как будто здесь ютятся тени!
И мать походит на улитку,
И смотрит горестно, без слов.

Страна!
Забудь на миг заботы,
Взгляни с космических высот
На наши русские селенья,
Что догорают, как поленья,
Хотя они немало пота
Вложили в дерзкий твой полет!

Во всех республиках союзных
Бывал по долгу службы я.
И ни в одной,

нигде,

ни разу

Ничто не укоряло глаза:
Да, в них —
И в западных, и в южных —
Светлей палитра бытия.

Россия жилы надрывала,
Чтобы сестер одеть, обусть.
Чинила улицы и грады,
Давала хлеб,

чины,

награды.

Все от себя же отрывала —
И в том ее натуры суть!

И я, как Родину, покрепче
Обнял тоскующую мать.
Ведь много ль ей, старушке, надо?
Сын возвратился —
В доме радость!
Теперь-то, знамо, станет легче
И ей хозяйство поднимать.

Оно бы так...
А все же гложет
Вопрос: а где ж семья, жена?
Да и надолго ли к порогу?
О эта вечная тревога
Так зябко охлаждает кожу,
Что даже радость не видна.

Прошла неделя в отчем доме,
«Я не виновен» — все твержу.

Хоть и сбежал, свободен вроде,
Но боль и здесь меня изводит.
И ни в одном марксистском томе
Ответа я не нахожу.

10

Она мне встретилась случайно,
Упав с небесной высоты.
Она сидела тихо рядом
И не меня искала взглядом,
Но мне запомнилось отчаянье
Ее уральской красоты.

Я и не знал: ее спасут ли
Мои бесцельные слова.
Мне скажут критики: «Все ясно —
Жена плоха, она — прекрасна!»
И не поймут,
Что в главной сути
Их мысль болезненно права.

Порою в жизни все сплетется
В такой мучительный клубок,
Что ничего — за все издержки! —
Не надо, кроме лишь поддержки.
Откуда же она возьмется,
Когда ты, в общем, одинок?

Но вот он — случай, вот — награда,
Не упusti же их, смотри!
И ты в отчаянной надежде
Найти потерянное прежде
Бежишь,
Спасаясь от разлада,
Забыв,
Что он в тебе, внутри.

Разлад чего?
Души и духа?
Ума и плоти?
Дел и слов?
Или разлад твоих воззрений
С холодной волей чьих-то мнений?

А ты, как будто бы стряпуча,
Покорно варево готовь?

Так что ж,
Борьбы сегодня нету?
Или враги наперечет?
С чего ж тогда в слоях различных
Твердят со злобой заграпичной:
«Ах вы, романтики-поэты,
Еще посмотрим, чья возьмет!»

Немало тех, кто этот лозунг
Пока что прячет, как обрез.
И увлекает в подворотни
Народ —
Повзводно и поротно...
И остро чувствую угрозу,
Как будто бритвенный порез!

11

И сердце туго спеленала
Тоска, как рыбу перемет...
И я от той тоски, сквозь хляби,
Бегу,
качу,
лечу — в Челябинск...

Но и в полете не стихало:
«Еще посмотрим, чья возьмет!»

И мой сосед, скорей из «бывших»,
Шипел: «Ты, милый, прить умерь...
Нам, знаешь, эта перестройка
Всего лишь горькая настойка.
А мы пивали кой-что чище
И будем так же пить, поверь!»

О боже,
Истина-то — рядом!
Вот в чем беда, вот в чем разлад:
Мы все выходим из народа,
И стало чем-то вроде моды
Кичиться купленной наградой...
Как ныне много тех наград!

Мы все выходим из народа
И... забываем про него.
А он, народ,
Не любит барства
И тянет, тянет государство,
Не признавая по природе
Вот этот лозунг «Кто кого?»!

Живет, не мудрствуя лукаво,
Не веря разным чудесам.
Ведь лозунги нередко тоже
Лицом на их творцов похожи,
Но в этом ли святое право,
Что завещали предки нам?

А завещали нам немало,
И не какой-то там пустяк:
Единство —
Жить семьей одною,
Где все равны перед страной,
Где труд для всех
И есть начало —
Не персональных — общих благ!

И как бы землю не качало,
Мы знаем, верим «кто кого»!
А чтоб не омрачалась радость,
Нам крепко присмотреться надо:
Кого свергаем с пьедестала,
Кого мы ставим на него!

Ведь и от слова мало толку,
Когда оно о пустяках...
И вызревает неподспудно:
Пока

лишь мысли

все подсудно!..

Мы только начали прополку,
А всходы — в тех же сорняках!

А под крылом —
Дымы Урала,
И трубы встали, как шприцы,

Что в небо впрыскивают туго
Болезни наши и недуги...
А матери дают устало
Младенцам полные сосцы!

И мы,
Подверженные с детства
Расстройствам трактов и аорт,
Издержки века и правительств
Передаем, еще не видясь,
Потомкам нашим, как наследство,
Ведя губительный отсчет...

В полете столько всяких мыслей —
Их и в поэму не вберешь!
Кем ты ни есть в державном штате,
А будь всегда готов к расплате,
Если, цену себе завысив,
Вседозволением живешь.

Кто сквозь закон,
Как нож сквозь масло,
Кто власть, как нож,
Зажал в руке,
Кто смотрит на простые лица,
Как будто он из-за границы, —
Тот мнит:
Не он для государства,
А государство для него!

Когда и как вошло все это
В жизнь,
в кровь

и даже в разум наш?
И мы давно твердим — не спяня! —
О роковых издержках плана,
Загнав мыслителя-поэта
В подбор, в обрубленный тираж!

...Но что там за столпотворенье?
С чего пропзительны глаза
У пробежавшей стюардессы?
И нет об окончании рейса
Торжественного объявления,
Хоть он закончен... по часам?!

В салоне тоже перемены:
Покоя в лицах не видеть.
Сосед притих: да как же это —
Не принимает нас планета!
А он-то думал, что пельмени
Его у трапа будут ждать!

13

Никто не верит, обпаружив
И дым, и пламя за крылом,
Что на поверхности металла
В игру рисковно заиграли —
Из нас же вырвавшись наружу —
Больные мысли о былом.

О эти игры!
Где в них правда?
Где кривда? — разве различишь,
Когда смешались дым и пламя,
Любовь и ненависть за нами,
И ты —
Так вот она, награда! —
К земле расклятием летишь.

Когда, казалось, до ответа
Всего минута — приземлись!
А тут —
Хрустят суставы сплава,
И самолет, словно держава,
Из голубых высот планеты
Летит, обугливаясь, вниз!

Еще летит...
Сквозь запах тления,
Сквозь пустоту — до полосы...
Но как стремительна бетонка,
Она черна, как похоронка,
И страшен
 миг прикосновенья
К ней
 раскаленного шасси.

Еще летит, скрывая раны,
Над певчим лесом, над травой...

А позади —
Вся жизнь, как солнце,
А впереди —
В мечту оконце,
И ты скользишь по тонкой грани,
А там —
Иль все, иль ничего.

Соседу, вижу, стало жарко:
Он весь обмяк и сразу сдал.
Зову зачем-то стюардессу,
А сам вдыхаю запах леса...
И отчего-то стало жалко
Жизнь,
От которой я бежал.

Не так уж плохо было в прошлом,
Не так уж плохо...
Только — стой!
В такие жесткие минуты
Как раз и сбрасывают путы,
Чтобы не выглядело пошлым,
Чем раньше жил,
Что взял с собой.

А грань тонка, тонка, как жизнь.
Шасси, коснись земли...
Коснись!

14

Как в экстремальные минуты
Все примирить в себе, смирить?
Считать побег
Поступком чести?
Страсть к власти, к деньгам —
Жаждой лести?
Вседозволение — корень сути —
Припав за должное, простить?

Тогда как быть,
Чем жить герою,
Что истязал не год один
Себя за преданность декретам,
За право быть во всем Поэтом:

Ведь так и не обрел покоя
«Благополучный гражданин»!

Герой не брал в расчет везенье,
И нам его не брать в расчет.

Уваров —

Человек обычный.

Не оттого ли непривычно

Его

Последнее паденье

Мы

Ощущаем, как полет?

Глава скатилась к середине,

Но истощились вдруг слова...

Как мало времени осталось,

Чтоб завершилась,

Досказалась

Так славно начатая ныне,

Еще не я с н а я глава...

ВЕДЬ ТАМ, ЗА ГРАНЬЮ КЛЮЧЕВОЙ,
БЫТЬ МОЖЕТ ВСЕ, ИЛЬ — НИЧЕГО!

1985

Алексей ШИШОВ

ЗАБЫТАЯ БИТВА У ВЕДРОШНИ

Историческая повесть

Разведчик воеводы Щени

Над утопавшим в зелени Вильно опускался вечер. Моросил дождичек. Весной уже и не дышалось.

Двери харчевни были широко открыты для всех, кто мог расплатиться за обильную пищу и кров. Стояла она у въезда в город, и ее владельцы не терпели убытков ни в военное время, ни в редкие мирные годы. Посетителей хватало всегда.

В полутыме зала с решетчатыми оконцами под низкими каменными сводами стоял гам разноязычных голосов. Горело несколько чадающих факелов. Пахло подвальной сыростью и жареным мясом. О дубовые столы стучали оловянные бокалы с пивом и вином. Купцы и шляхтичи со своими слугами, рыцари-наемники с оруженосцами, монахи всех известных Риму орденов вечеряли.

Хозяин харчевни, внимательно следивший за всем, что творилось в его весьма прибыльных владениях, перегнулся через стойку. Босоногий мальчишка-разносчик что-то опасно шепнул ему. Отослав его прочь, кабатчик незаметно вышел из-за стойки. И скользнул между столами в дальний от входа закуток зала. Там, за столбом, мирно ужинали двое, с виду полоцких купцов. Меж собой они вели тихую беседу.

Наклонившись над ухом старшего из них, кабатчик вполголоса сказал:

— Тот ливонский монах, что харчился один за столом у входа, кажется, узнал вас.

Купец, подняв русоволосую, стриженную под горшок голову, спокойно ответил:

— Что ему до нас. Мы не ведем торговых дел с орденскими братьями.

Кабатчик на такой ответ лишь усмехнулся краешком губ, затерявшихся в густой бороде:

— Но мой служка уследил, что монах спешно послал пищего в Верхний замок за стражей, сказав, что выследил лазутчиков московитов. И дал убогому золотой.

Купец молча переложил из своего кожаного кошель, висевшего у пояса, в раскрытую ладонь хозяина харчевни горсть серебра.

Тот шепотом добавил:

— Великокняжеские стражники скоро будут здесь. А монах сторожит с улицы вход.

В еще не сжатую ладонь легло несколько золотых монет...

Закутавшись в плащи, двое купцов осторожно вышли из узких дверей харчевни. На миг приостановились, чтобы дать глазам привыкнуть к темени. Руки держали на рукоятках широких ножей, что были заткнуты за пояс.

Откуда-то сбоку вынырнула фигура приземистого монаха, похожего по походке больше на орденского рыцаря, чем на слугу божьего. В руках он угрожающе держал увесистый посох со стальным наконечником, скорее похожий на короткое копье для метания.

— Я узнал тебя, русич! — зло выкрикнул монах. Мешая русские слова с немецкими и литовскими, со смешком, он горланил: — Я помню тебя по границе нашей земли эстов с Псковом. Тогда твой воевода Щеня не дал святому ордену взять рабов с русских деревень...

Старший из купцов, прерывая злобную речь ливонца, ответил:

— Ты ошибся, благочестивый монах. Мы торговые люди из Полоцка.

Но монах лишь распалился от такого ответа, преграждая им дорогу.

— Тебя прислал в Литву князь Иван! Ты московский лазутчик!

Где-то вдали по дороге от великокняжеского замка застучали копыта скачущих коней. Это сразу придало ливонцу решимости. И когда русские сделали шаг вперед, он ударил посохом в грудь ближнего от него. Тот с предсмертным вскриком упал у дверей харчевни. Второй купец, что был старшим, в ответ свалил монаха ударом ножа.

И сразу же бросился к упавшему говарищу. Приподнял голову и глянул без слов в уже незрячие глаза. Только тогда понял, что надо уходить самому. Конники слышались педалете.

Русский разведчик бросился прочь от харчевни. На боковой улочке, во дворе одного из бедных домишек, надежный хозяин укрывал двух коней...

Подскакавший к харчевне немалый отряд ночной замковой стражи нашел на ее дворе только двух убитых людей да потревоженных кабатчика и его посетителей. Свидетелей не было. Нищий, посланный ливонцем за помощью, сразу опознал погибших.

Один из московских лазутчиков, действовавших под видом полоцких купцов, по-видимому, обратился в бегство из Вильно.

Великокняжеские воины, не теряя времени даром, понесли вскачь перекрывать дороги, ведущие из города. Конные стражники быстро и надежно загородили пути и дороги из столицы. Но их старания и ночное бдение оказались тщетными.

Тот, для кого выставили крепкие и зоркие заставы, перехитрил всех. Старший из мнимых купцов торгового города Полоцка, что стоял на перекрестке дорог на Белой Руси, уже мчался о «дву конь» прочь от Вильно по проселочным дорогам. Путь до Москвы лежал ему далекий. И держал он его в обход смоленской крепости. Севернее...

Всадник не жалел ни себя, ни резвых коней. Он не спасал себе жизнь, а нес в Москву важные вести о готовящейся войне великому князю Ивану III Васильевичу и его главному воеводе Даниилу Васильевичу Щене. Через каждые две-три версты пересаживался на отдохнувшего от седока скакуна. Погони русский разведчик не опасался. Мог уйти от любых преследователей, так как дороги на восток знал хорошо.

На случай же встречи с всегда вооруженным местным паном-шляхтичем или лесными разбойниками под плащом скрывались острый меч да увесистый кистень на короткой рукоятке. А под богатым кафтаном тонкая стальная кольчуга плотно облегалась сильное, тренированное тело воина.

Разведчик, уходивший окольными дорогами из столицы Великого княжества Литовского, был сотником русского войска. Звали его Кузьмой Новгородцем, и являлся он ближним человеком московскому полководцу князю Щене.

В Литву Новгородец ходил не первый раз. Был он смекалистым и отважным воином, бесстрашным человеком в разведке, отличаясь при этом терпеливостью и завидным умением из крох составлять целостную картину. Языком белых русичей — белорусским — владел как русским, мог понять литовца, объясниться с поляком и немцем. Дар та-

кой дала Кузьме природа, да и жизнь заставляла звать больше, чем положено простому сотнику.

Великий князь московский Иван III Васильевич много потаенных замыслов доверял ближним боярам-воеводам. Те понимали главный смысл в деяниях владыки, смысл его жизни — собирание в горсть, единый кулак древние русские земли, лежащие на западе. Русь после Батыева нашествия тянулась к Москве.

Даниил Васильевич Щеня через верных лазутчиков знал, что утихшая на несколько беспокойных лет война между двумя великими княжествами — Московским и Литовским — за обладание западными русскими землями вспыхнет вновь. На то были свои причины.

Литва являлась государством всевольных, могущественных магнатов и польской шляхты — многочисленной и жаждущей обогащения. А за спиной Александра Казимировича, сидевшего тогда на великокняжеском троне в Вильно, зримо маячил алчный Ливонский орден, уже поработивший земли латышей и эстов. И не раз немецкие рыцари-крестоносцы пытались мечом и огнем добыть земли вольных городов Пскова и Новгорода. Но те успешно отбивались сами или с помощью московской раги.

Иван III попытался решить судьбу Смоленщины, Северской земли с помощью династического брака. Такое не было новым приемом в отношениях между государствами, прежде всего соседями, во все времена. Великая княгиня Елена Ивановна, дочь московского владыки, стала женой великого литовского князя Александра, сына Казимира IV.

Напутствуя ее, отец просил о главном, сокровенном:

— Будь у трона Александра великой княгиней по деяниям, защищай «греческий закон». В княжестве твоего жепиха возлюбленных православных людей большое число. Но ксендзы из Рима во всем губят православие, нашу святую веру. Они — правая рука Ливонского ордена, Руси заклятого врага. Будь тверда в вере православной и стой всегда за русских людей, что под Литвой находятся...

Среди почетной охраны, сопровождавшей великую княжну Елену Ивановну в дальней дороге, шла конная сотня Кузьмы Новгородца. Велик был свадебный поезд невесты правителя Литвы и будущего короля Польши. И встретили его в Вильно подобающим образом, кроме прибывших с Еленой православных отцов-священников. Да еще уж очень косо посматривали заезжие ливонские рыцари на русских воинов.

С ними у Новгородца были личные счета: родная дере-

вешка на Псковщине, стоявшая на рубеже с землей дружественных эстов, была выжжена рыцарями-ливонцами. Семья не стало. А потом и старший брат, с которым Кузьма пошел в порубежные стражники, лег на поле брани. Тогда и стала смыслом жизни ратная служба для молодого псковича, защита русской земли от крестоносцев и прочих ее врагов.

Приметным супротивником на многие годы явился для орденских братьев московский сотник, разивший врага, идя только в первых рядах. Оттого и признал его в полоцком купце ливонский рыцарь в монашеском одеянии.

Через воеводу Щеню Иван Васильевич заметил бесстрашного и смышленного сотника в большом московском войске. Скуп был великий князь — род вел от Калиты. Но Кузьму Новгородца порой одаривал не только похвальным словом. Ценил за верность. Награждал за заслуги.

Сотник не раз и не два ходил лазутчиком в Литву то через Смоленск, то через Чернигов. Умел преображаться и в расчетливого, небогатого купца, и в идущего на богомолье странника, и в ищущего достойного хозяина разорившегося вконец городского шляхтича.

Известия в Москву Кузьма Новгородец с товарищами приносил с каждым разом все тревожнее. С великой княгиней Еленой Ивановной русским купцам с «красным товаром» видаться с глазу на глаз уже не разрешалось. Ближние к двору католические священники Вильно, ставшие в своем большинстве через несколько лет членами нового ордена иезуитов, неустанно следили за ней. Все меньше оставалось в ее окружении русских людей, православных. И все больше велось в великокняжеском замке разговоров о новой войне с Москвией.

Католическая церковь, Ливонский орден старались не зря. Уже на следующий год после замужества любимой дочери великий князь Иван III Васильевич стал упрекать в письмах своего зятя, Александра Казимировича, в нарушении данного им обещания — «не нудить» великую княгиню к «римскому закону»...

Кузьма Новгородец привез из последней разведки совсем худые вести. Магистр Ливонского ордена Вальтер Плеттенберг, комтур — комендант — Кенигсберга Людвиг Зангейм и другие высшие чины ордена, готовя войну с Россией, стремились создать союз против Москвы с Литвой. Союз с соседом, которого крестоносцы готовы были проглотить в любой удобный момент. Свидетельств тому лазутчик воеводы Щени вызнал немало...

Возвращавшегося из Литвы разведчика «перехватили» на первой же русской порубежной заставе. На всех дорогах воеводы пограничных крепостей, зная и чином, как правило, выше Новгородца, знали сотника в лицо. И кто он, и зачем ходит на ту сторону. А кто не знал в лицо, знал по грамотам, что читались великокняжеским гонцом в порубежном остроге только одному человеку — его начальнику.

Умели в Великом княжестве Московском хранить тайны, молчать где надо. Иначе быть беде земле русской, а себе — погибель и позор роду твоему.

...Порубежные стражники «приняли» Кузьму на руки с загнанного коня — на литовской границе стража тоже не дремала. Пришлось тому уходить от потони. В остроге лазутчику дали час-другой выспаться. Накормили, посадили на свежего коня, дали воинов в сопровождающие. Чтоб уберечь разведчика от всякой напасти, а то и злого умысла тех, от кого он опять удачливо ушел.

До Москвы теперь оставалось только рукой подать. Можно было и подремать в седле там, где наезженная дорога шла среди ржаных полей и луговых сенокосов.

...Князь Даниил Васильевич, разбуженный под утро, принял сотника сразу, без промедлений. Велел накрыть стол для возвратившегося разведчика. Да не в людской, а у себя, наверху. Еще не отошедшие от сна слуги только молча переглянулись, бросившись в поварню и погребам выполнять приказание боярина.

Когда длинный стол накрыли под иконостасом, Щеня выслал всех прочь. Сотника не торопил с рассказом. Солнце еще тогда вставало за дальними московскими слободами. Великий же князь в неурочный час все равно никого не примет. Не война ведь и не крымский набег на засечную — оборонительную — линию начались.

Пригубив лишь кувшин холодного кваска, воевода думал о предстоящей войне, искоса поглядывая на долгожданного вестника. Тот как бы читал ход мыслей главного московского военачальника. И, сидя за трапезой, впервые не торопил себя с той тяжкой для памяти минуты, когда перед уходом из корчмы закрыл собственной рукой померкшие очи товарища.

Степенно утолив голод, Кузьма Новгородец встал из-за стола, поклонился красному углу, где маленькая лампадка таинственно высвечивала лики святых с древних икон. Затем отдал земной поклон князю. И стал рассказывать: что

видел, что слышал, что додумал сам. Говорил не торопясь, чтобы не упустить чего-нибудь.

Многое из того, что поведал сотник, воевода уже знал от других разведчиков. Всерьез встревожило то, что зачистили в Вильно гости из далекого Рима. Что все настойчивей стали требовать при великокняжеском дворе перехода великой княгини в католическую веру. Что все больше гонцов от магистра Ливонского ордена и комтура Кенигсберга появлялось в замке Александра Казимировича.

Выслушав Новгородца до конца, местами уточняя что-то в его рассказе, Даниил Васильевич, хоть и был рода боярского, спросил удачливого разведчика:

— А сам-то что думаешь о нынешней Литве? Чему быть в этом году? Дело к лету идет, дороги просыхают.

Кузьма вопроса как был ждал. Ответил с поклоном:

— Быть большому походу, князь Даниил Васильевич. Православным все труднее жить и веровать в Великой Литве. Все больше людей к Москве тянутся. Упредим союз князя Александра с ливонцами — будут и земли возвращенные. С победой над литвинами и крымский хан считается, и орден земли псковские да новгородские год, а то и другой, не потревожит...

Боярин Щеня рода Патрикеевых малость схитрил, чуть припопав во дворец к великому князю московскому. Из того опоздания были для него выгоды. Иван Васильевич сердиться за то сегодня не будет — знал с утра о прибывшем разведчике, о том, что засиделся тот у воеводы. Пусть другие бояре лишний раз увидят, кто в почете ныне на Москве.

Иван III хитрость полководца раскусил сразу — сам был хитрее многих. Сердиться для пользы дела не стал. Знал, что тому надо хорошо продумать, что и как сказать в боярском кругу.

Пока ожидался приезд Щени, Иван Васильевич со сдержанной улыбкой — хранить свои чувства мог как никто другой — говаривал за столом ближним боярам:

— Князя Щеню я люблю. Велик сей муж, и умен, и дорожен, и верен Москве, и воинскою доблестью украшен — всем взял...

Бояре слушали молча и только головами кивали: да, великий князь, все так оно и есть. А про себя каждый из них подумывал иное — и в наших родах в больших воеводах ходили. Не одни Патрикеевы Русь обороняли да земли к Москве присоединяли. И мы за победами с дедовским оружием в походы хаживали, на приступы крепостей шли.

Славу великим князьям добывали, а отцовскому роду — честь.

Прибывший князь Даниил Васильевич пересказал великому князю и боярам все, с чем прискакал в Москву сотник Кузьма Новгородец. Хвалить разведчика не стал — вести сами за себя говорили. Большая война вновь стояла на пороге Руси.

Иван III дал слово боярам. Те, не кипятясь, как часто бывало, повели государственный разговор. То, что войне с Литвой быть летом, — в том сомнений не было. А вот куда ударить с большей силой, какие крепости брать у князя Александра Казимировича, близкой родни великому князю московскому, кому быть в предстоящем походе воеводами — о том «лаялись» нещадно...

Дошла очередь высказаться и до боярина Щени. Поклонившись царю и думе (гордость в таком деле была просто никчемной), он сказал свое слово:

— Не во гнев тебе будет, великий князь, а то хочу сказать, что пора подбирать ключи к самому Смоленску, издревле городу русскому. А ключи сии — город Дорогобуж, что крепостью стоит на большой Московской дороге. Пошли, великий князь, воеводой большого полка — возьму тебе те ключи-то...

Тут уж бояре расходились, сдерживать себя на стали. Ишь, мол, Патрикеев, всю славу забрать вновь хочет. Иван III Васильевич «разделил» общее негодование ближних бояр с выгодой для государства. Как делал обычно. Но «разделил» по-своему. Воеводу Даниила Щеню решил придержать при себе.

А задумал вот что неутомимый собиратель земли русской:

— Упредить союз ливонцев с Литвой надо. Как и православную веру защитить от Рима. Ударим по супротивнику не кулаком в боевой рукавице, а пошлем в него три равные стрелы с разных сторон. От всех не прикроешься. А там, где прикроется мой родич главным своим войском, — там и быть решающей битве.

И, обращаясь к князю Даниилу, сказал так строго, чтобы каждый из бояр понял и не вздумал местничать — судиться — со Щеней:

— Тверской рати стоять подле Москвы. Быть ей моей последней силой и большим полком в войне. Тебе, боярин Даниил Васильевич, — ее воеводой. Главным воеводой московского войска. Пойдешь с тверью туда, куда Литва своим войском ударит...

Великий князь московский встал. Встали за ним с лавок бояре и, кланяясь, стали расходиться. Многим из них в который уже раз приходилось заступать на воеводство. То была большая честь.

Иван III подозвал к себе Щеню:

— Скажи сотнику Новгородцу мое похвальное слово. И после обедни пусть будет у меня. Хочу знать, как дочь моя Елена княжит...

Митьково поле

Ведрошь струилась среди луговины, спокойная и глубокая. Ее пустынные воды искрились под лучами восходящего солнца. От утренней росы слезился прибрежный кустарник. Ноги коней скользили в мокрой траве.

Воевода легко выехал на песчаный косогор и огляделся. За его спиной, придерживая всхрапывающих коней, застыли полукругом следовавшие за ним воеводы московского войска. Чтоб взглядом охватить ширь Митькова поля, Щеня привстал на стремянах.

Сзади уходил вдоль реки вековой дубняк с густым подлеском на опушке. Лес от Ведроши подступал к большой Московской дороге. За нею угадывался Днепр, довольно широкий, в болотистых берегах. Князь Даниил знал — брода в здешних местах не было. Вправо простиралось обширное Митьково поле, перерезанное пополам небольшой речушкой. Оно, давно не знавшее плуга пахаря (какой уж год по этим смоленским местам бушевало пламя войны), поросло невысоким кустарником.

Поле хорошо просматривалось с небольших древних курганов, возвышавшихся там, где Днепр делал крутой изгиб. Через дорогу от них виднелись обвалившиеся земляные валы безымянной славянской крепостицы, невесть кем и когда разрушенной. Дальше, верстах в пяти, находился укрепленный русский деревянный городок Дорогобуж, совсем еще недавно принадлежавший великому князю литовскому Александру, будущему королю польскому.

— Лучшего места для битвы нет, — уверенно сказал подъехавший боярин Юрий Захарьевич Кошкин.

— До самой Ужи нет? — спросил Щеня.

— Мои разведчики хаживали за Ведрошь, забегали и за Ужу — поле одно такое на рубеже, годное для большой битвы. Ты не сомпевайся в том, Даниил Васильевич.

Щеня молча кивнул. Еще раз охватив воеводским оком Митьково поле, твердо уже сказал:

— Здесь будем биться! А супротивника встретим за Ведрошью...

Тронув коня, князь поскакал вдоль реки к Московской дороге. За ним понеслись его спутники. У моста, переброшенного через Ведрошь, уже стояли сторожи. Увидев среди подскакавших всадников главного воеводу, бородатые ратники склонили в знак приветствия головы. Старший, сотник-смолянин, подбежав к князю, доложил:

— Ворогов не видели. А сотник твой Кузьма Новгородец с охотниками ушел конным по дороге к рубежу.

— Добро. Сами-то смотрите в оба...

Воевода выехал на довольно широкий мост. Кованые копыта коня отбивали каждый шаг по плотно пригнанным сосновым плахам, иссушенным под солнцем. Под мостом неторопливо бежала Ведрошь, кружась в водовороте у свай.

— Глубока! Всаднику, если за коня держаться крепче, вплавь можно перебраться. Иначе броня-то враз утащит ко дну, — сказал кто-то из сопровождавших.

— То хорошо, — заметил в ответ Щеня. Про себя подумал: «Дерево моста сухое, жаркий огонь возьмет его быстро — только чтоб не помешали».

...Развернув коней, поскакали назад по успевшей порастить травой дороге к Дорогобужу, занятому полком боярина Юрия Кошкина. В город уже входила тверская рать воеводы Даниила Васильевича Щени. Московское войско собиралось в единый кулак, чтобы у стен смоленского городка сразиться с польско-литовским войском, которое вел к пограничному городку князь Константин Иванович Острожский.

Побывав на Митьковом поле у Ведроши, старший московский воевода составил план действий в предстоящем сражении. Щеня всегда был верен себе — он не признавал пассивного ведения боя при численном превосходстве противника. Выдающийся полководец Москвы, ее князей Ивана III Васильевича и Василия III Ивановича (деда и отца царя Ивана Грозного) — собирателей русской земли, — побеждал потому, что никогда не считал решающим залогом успеха только одну силу. Щеня помнил всегда, что есть еще и умение, что называется военной хитростью. Исповедовал он ее и в малом бою, и в большом сражении. Не зря о нем по Москве говорили: «Ох уж и хитер сей воевода из рода бояр Патрикеевых. Потому-то его великие князья и почитают...»

Князь Даниил не знал еще о численности, составе и вооружении войска главного александровского воеводы гетмана Константина Острожского. То ему расскажет послан-

ный в разведку сотник Кузьма Новгородец. Но имел Щеня от перебежчиков точные сведения: главные силы противника пойдут по большой Московской дороте на Дорогобуж, который прикрывала рать боярина Кошкина.

Тревожную вестъ гонцы Юрия Захарьевича быстро донесли до Москвы. Поэтому и послал воеводу Щеню так поспешно к Дорогобужу великий князь Иван Васильевич, вверив любимому полководцу главные силы свои. Он знал, что быть большому сражению. Поэтому и берег на такой случай главный резерв московского войска — тверскую рать.

Возвратившись с Митькова поля, Щеня в чудом уцелевшей воеводской избе дорогобужского острога собрал военный совет из ближних ему людей. Разговор вели за крепкой стражей — вражеские лазутчики тоже не дремали. Только скрыв замыслы на предстоящее сражение, можно было уверенно ожидать успеха.

Военачальники съезжались в подновленный острог один за другим. Спешивались у крыльца. Отдав поводыя слугам, разминали ноги и шли в избу мимо молчаливого десятника, придирчиво следившего, чтобы среди приглашенных не оказалось лишнего человека из числа любопытных боярских детей. Князь Даниил был суров во всем и крут на расправу с ослушниками — своевольничать никому не позволял, чего не делал и сам под строгим великокняжеским оком.

Участники военного совета входили в избу, снимали шлемы, с достоинством кланялись старшему воеводе, крестились на иконы в красном углу и не торопясь рассаживались по лавкам. Садились строго по чину, не толкаясь. Иначе быть кровной обиде, быть долгому местничеству.

На широком дубовом столе было пусто. Лишь стоявший посреди бронзовый подсвечник освещал ярко горевшими свечами дневной полумрак избы. Перед Щеней лежал большой лист пергамента с умело вычерченной картой Смоленской земли. Умные, с лукавой хитринкой глаза воеводы смотрели на входивших спокойно. Люди догадывались — решение на предстоящее сражение он уже и продумал, и затвердил.

На дальнем углу стола стояла чернильница, что носили на шее, с воткнутыми в нее остро отточенными перьями. Здесь же, поудобнее, примостился войсковой писец. Иготовился — ему писать донесение великому князю московскому.

Ближе всех к Даниилу Васильевичу уселся боярин Кошкин. Юрий Захарьевич был древнего и знатного рода Кошкиных, что составляло его главную в жизни гордость. Командовал он многотысячной ратью, посланной Иваном III

воевать на запад. Под его начальством решительным приступом несколько недель назад взяли Дорогобуж, город-крепость на большой Московской дороге, что вела к древнему русскому Смоленску. С подходом тверской рати — большого полка князя Щени — его полк стал исполнять обязанности сторожевого. Был боярин Кошкин воеводой опытным и заслуженным. И не раз скреплялись в совместной ратной службе его пути-дороги с патрикеевским Щеней.

Рядом с Юрием Захарьевичем Кошкиным уселся его младший брат — Яков Кошкин. Храбрым считался воеводой, хотя на первых ролях, как старший, еще не ходил, но славу к древнему боярскому роду, роду русских воевод, прибавлял.

К слову сказать, великие московские князья считали правилом в походах не разделять братьев. Считали, что единокровные в битвах будут сражаться локоть к локтю, значит, и славы великому князю добудут больше. И в том они редко ошибались.

Чуть поодаль младшего Кошкина расположился воевода-гуляйый Федор Иванович Рязанцев. Тоже военачальник с большим опытом московских походов за возвращение исконно русских земель. Ведал он подвижной деревянной крепостью — гуляй-городом, неперемной частью русского войска во многие века до и после битвы на Ведроши. Про нее говорили: «Мудростью на колесницах устроен и к бранному ополчению вело угоден». К Дорогобужу гуляй-город прибыл вместе с обозом большого полка, и воевода Щеня возлагал на него большие надежды, не раз видел и применяя его в сражениях.

Рядом сидели князья Иосиф Дорогобужский и Иван Михайлович Воротынский. Великому князю московскому служить стали недавно — старались верной службой завоевать его расположение к себе. Оба князя еще до военного совета успели перекинуться словом с главным воеводой. Знали — быть им в сражении под его княжеским знаменем в большом полку.

В углу у печи в дедовском колонтаре — панцире — сидел еще совсем молодой Дмитрий Патрикеев. Князь Даниил Васильевич назначил племянника воеводой передового полка. Вместе хаживали в походы против Ливонского ордена, защищая псковские да новгородские земли от рыцарей-крестоносцев. Были вместе и под Вязьмой, и под древней новгородской крепостью Выбором, которую завладевшие ею шведы переименовали в Выборг. Заслужил младший Патрикеев славу храброго и рассудительного воеводы, умел

схитрить в бою, навязать конному противнику свою волю. Да и вообще воеводы из рода бояр Патрикеевых за верную службу свою были всегда в большом почете у великих князей московских.

Старшим наряда — великокняжеской артиллерии — являлся московский служилый человек Василий Собакин. Хотя и был он боярского рода, а пушкарское дело знал отменно, не чуждался профессии простых мужиков-воинов. Отличился еще при «стоянии на Угре», где огненным боем не раз отбрасывал от позиций русского войска по реке конные наскоки золотоордынских тысяч.

Пришли на военный совет и тысяцкие — бывшие удельные князья, ныне вставшие под руку великого московского князя, опытные и еще совсем молодые воеводы из древних княжеских родов.

Щеня медлил с началом совета — под вечер должен был возвратиться из дальней разведки сотник его большого полка Кузьма Новгородец. А пока расспрашивал о делах походов: кто еще не подошел к Дорогобужу, где размещаются ратники, много ли отставшего обоза, как с припасами. И о многом другом, о чем положено знать старшему воеводе, ибо на войне мелочей не бывает — все и всё при деле.

Докладывали князю коротко — главное он уже знал сам. Походная жизнь шла в московском войске по строгому расписанию. Было тихо в воеводской избе — разговаривали только двое. Остальные терпеливо ожидали или своей очереди разговора с главным воеводой, или начала военного совета. Усердно скрипел перьями писарь. Порой то в одном, то в другом углу позвякивали металлом доспехи собравшихся.

Пока шел такой обстоятельный и неторопливый разговор, воеводы про себя прикидывали: какую роль им приготовил князь Даниил в предстоящем сражении, где будут биться, какой бранной славой пополнят родовую летопись свою. А то, что разведка еще не вернулась, знали все. И терпеливо ждали вестей.

Наконец прибыл и Кузьма Новгородец. По его запыленной одежде и утомленному виду можно было судить, что он вместе со своими конными охотниками проделал туда и обратно немалый путь. То был хороший признак — значит, есть еще достаточно времени изготавиться для встречи с гетманом Острожским. А ясные глаза сотника-псковчанина как бы говорили: вражеское войско выследил, разведал о нем все, что наказывал старший воевода.

С появлением сотника в воеводской избе все настороженно притихли, стараясь не пропустить ни слова из разговора с ним князя Даниила Васильевича.

Выйдя на середину избы, Новгородец молча отвесил ему земной поклон. Выпрямившись, ждал расспроса.

— Какие вести привез, Кузьма? Рассказывай, — с привычной для воеводы строгостью приказал Щеня.

— Князь Острожский подходит к Уже. Его войско идет скоро по большой Московской дороге, не сворачивая с пути. Привалов долгих не делают, а на них даже для гетманов шатров не разбивают. Литовцы торопятся выйти к рубежу. Но обозов у них много, что их и сдерживает в пути. К Ведиши подойдут не раньше, чем к утру второго дня. Все.

— Много ли войска у Константина Ивановича? Что пленные в своих сказках показывают?

— Языка взяли. Из простых шляхтичей, но кормится при дворе князя Александра Казимировича. Знает многое. Показал — войска у них не менее сорока тыщ. В поход собрали всех, кого могли. Оружие и доспехи из великокняжеского замка роздали почти все.

В разговор осторожно вставил свое слово на правах второго воеводы московского войска боярин Юрий Кошкин:

— Даниил Васильевич, и смоляне, что к нам перешли сегодня, рассказывают о том же.

Щеня утвердительно кивнул и глазами повелел писарю: «Записывай о том».

По воеводской избе прокатился потревоженный шепот собравшихся на военный совет. С минуту молчал и Щеня: русская рать под Дорогобужем была меньше, хотя и насчитывала около тех же сорока тысяч воинов. Прикинув в уме соотношение сил, старший воевода все тем же ровным голосом продолжал расспросы:

— Много ли конницы у литовцев?

— Больше половины войска. Почти все всадники у них в броне. Легкоконных почти нет.

— Как идет гетман Острожский? Каким порядком?

— Дальних сторожей не видели. Идут без опаски, кучно. Оружие конных воинов везут на телегах. В походе не растягиваются — гетманские похалики — елуги — следят за походным порядком строго. Могут ударить при встрече разом — конница быстро сойдется воедино, дорога позволяет.

— Огневой бой есть? Много ли пищалей у гетмана?

— Есть, но мало. Огневого боя у нас поболее.

— Где идет сам князь Константин?

— Гетман Острожский держится в голове войска. Свита у князя большая. И знамен вокруг него много.

— Сторожить по пути ворогов оставил людей?

— Оставил, князь Даниил Васильевич. Воинов надежных. Новости какие будут — прибегут в Дорогобуж о дву конь.

По лицу и по тону голоса было видно, что первый воевода московского войска доволен. Он теперь знал о подходе противнике все, что ему и требовалось знать. Еще раз одобрительно оглядев сотника, с которым ратная судьба свела его еще на ливонской границе, Щеня сказал:

— Молодец! Передай мое доброе княжеское слово ратникам, что охотниками с тобой ходили. А разведку, Кузьма, веди и далее — мне все о войске гетмана знать надобно. Бди вражью рать! Иди.

Вновь отвесив князю земной поклон, Новгородец, держась с достоинством, вышел из воеводской избы под одобрительный гул голосов участников военного совета. Но плем надел только в сених. Был рад за себя и своих людей: задание, данное ему старшим воеводой, он исполнил с честью.

Все внимание собравшихся было приковано теперь к Даниилу Васильевичу. За ним на военном совете оставалось последнее слово.

Щеня тяжелой рукой осторожно расправил лежащий перед ним пергаментный лист с картой Смоленщины. Пододвинул к себе подсвечник. Прикинув про себя расстояние от Ужи до Ведроши, с удовлетворением отметил, что обходных дорог в здешних местах больше нет. Одна большая Московская дорога ведет к Дорогобужу, а лесами к нему большому войску, даже конному, летом не пройти — кругом топи да чащоба. Так что все должно решиться на Митьковом поле. Город с его еще не совсем починепной деревянной крепостицей защищать не следует. Сражаться — так только в чистом поле. Дорогобуж будет за спиной.

Главный московский воевода поднял голову, распрямился. Все притихли в ожидании его решения на битву с гетманским войском.

— Битву будем принимать за Дорогобужем. Крепость его нам завтра не подмога — развернуться полкам у городских стен негде. В том-то и суть. Войско выведем на Митьково поле, там и выстроимся, не спеша, для боя. Сегодня пришедшие ратники пусть еще отдохнут после похода. А за день подойдут отставшие да обозы. А ты, Юрий Захарьевич, поторопи их.

— Хорошо, Даниил Васильевич, — ответил ему боярин Кошкин.

— А теперь, — Щеня повернулся к писарю, — пиши роспись полкам, мой указ записывай.

— Тверская рать — большой полк — станет меж курганами и старыми валами под моим княжеским знаменем. Место мое в битве — на крайнем от дороги кургане. Отсюда и буду руководить войсками. Сюда и будете слать без промедления все вести.

Повернувшись к воеводе-гулявому, Щеня сказал:

— Тебе, Федор Иванович, ставить гуляй-город по линии большого полка немедленно. Крепить щиты накрепко, но так, чтобы крепостица могла пойти вперед, когда на то мой сигнал дан будет. Катки проверь. На Московской дороге щиты поставишь так, чтобы можно было впустить за гуляй-город конников передового полка — он задирает гетманцев будет. Да смотри, чтоб щиты вовремя сдвинуть вновь смогли.

Помедлив немного, князь Даниил договорил:

— Склон крайнего кургана до Днепра укрепишь тыном со рвом до самой береговой топи, сколько можно будет. Пищальников там не ставь, Федор Иванович, — заливной луг не даст всадникам быстрого хода, можно их бить лучным боем из-за тына. — И добавил: — К работам земляным собери всех горожан, кто трудиться может. На то тебе и им мое повеление будет.

Старший воевода пододвинул карту к Рязанцеву и показал маленькую отметку, сделанную на пергаменте ногтем, то была линия гуляй-города:

— Левое плечо твоей крепостицы упрется в дубраву. Около нее поле в колдобинах и кустарник погуще — здесь щиты в атаку не покатишь. Так ты укрепи их спереди рвом да тыном. Волчьи ямы вырой. Да поболее. А в лесу засеку поставь в несколько рядов, чтоб ни пеший, ни конный нас не обошел. Много времени на то у литовцев не будет... Все сказал, что для битвы требовалось. А теперь иди. Дел у тебя, воевода-гулявый, поболее других перед битвой.

Федор Рязанцев встал. Поднялись с дальних лавок и помощники воеводы-гулявого. Поклонившись князю Щене и собравшимся, они вышли из воеводской избы. Торопились.

Теперь пришла очередь большого полка — ему принимать главный удар войска Острожского.

Щеня хорошо знал своих тысяцких. Обучал с ними ратному делу и строю воинов. Сам старался, заботился, чтоб огневого боя было в достатке, — за пищальями на пушечный двор в Москву не однажды приезжал. Был спокоен за твер-

ских ратников — не подведут. И в обороне устоят, и храбро на врага пойдут. Недаром Тверь с Москвой не раз и не два на поле брани сходилась, пока под ее руку не встала.

Князь Даниил одного за другим поднимал тверских тысяцких. Каждая тысяча большого полка получала для защиты часть гуляй-города. И в каждой назначался общий резерв для боя — в две-три сотни. На тот случай, если где-то вражеские отряды сумеют раздвинуть или повалить щиты.

Особой заботой Щени стало распределение огневого боя — больших и малых пищалей по всей длине гуляй-города. Он приказал тысяцким строго-настроено соблюдать важнейшее правило применения огнестрельного оружия: стрелять только залпом и в упор. Последнее позволяла делать деревянная крепость на катках, до поры до времени надежно защищавшая стреляющих воинов. Силу залпового огня московский воевода уже не раз пробовал на орденских братьях в Ливонии и скопичах степных всадников на южных границах, когда приходилось защищать засечную линию.

Даниил Васильевич мог положиться на московских пушкарей и их начальника Василия Собакина. Это была наиболее обученная и хорошо оплачиваемая часть великокняжеского войска. Русь всегда славилась огневым боем. Свое мастерство пушкарни передавали от отца к сыну, их ратное мастерство являлось семейным секретом, профессией. Даже жили пушкарни в особых слободах столицы, всегда готовые выступить со своим нарядом в поход или встать на крепостные стены городов для их защиты.

Поставив боевые задачи перед воеводами большого полка князем Иваном Воротынским и князем Иосифом Дорогобужским, их тысяцкими, Щеня еще раз напомнил — главный удар принимать им.

Затем князь Даниил озадачил своего племянника. Он доверил ему передовой полк, отрядив в него тысячу лучших русских конников из числа московских служилых людей: опытных ратников, в вооружении мало кому уступавших, всю жизнь проводивших на коне, с копьём у седла, с саблей у пояса, с луком или самострелом за спиной.

Прежде чем обратиться к молодому Патрикееву, Даниил Васильевич, как бы обращаясь ко всем, кто еще оставался в воеводской избе, сказал:

— Сила начальника-воителя состоит и в том, чтобы уметь заманивать врага выгодой. Пример нам в том дает ве-

ликий предок наш князь Святослав, тем самым познавший многие свои победы.

И уже потом обратился к племяннику:

— Воевода Дмитрий! Будешь в битве начальствовать передовым полком. Много конников не дам — лишь только тысячу, да лучших из всего войска великого князя московского. Но задачу придется решать по чину полкового воеводы. Сотню Кузмы Новгородца, что сейчас сторожит ворота, возмешь за рекой под свою руку. Будет тебе добрый советчик и храбрый помощник в бою.

Положив доверительно руку на его плечо, Щеня сказал:

— Тебе первому пачинать бой. Перейдешь по мосту Ведрошь, ударишь с налету по сторожевому вражескому полку, завяжешь сечу — и уходи назад. Сделай все, чтобы князь Константин сперва увидел, а потом почувствовал твою слабость. И всем своим войском — то главное — перешел реку. А на Митьковом поле мы с ним и сойдемся.

Князь Даниил еще раз напомнил племяннику:

— Задирайся как можешь с гетманцами — шляхта с покровом, быстро в погоню увяжется. Но ты постерегись в сечи, смотри не увязни в ней.

И последнее сказал Дмитрию Патрикееву:

— Как уйдешь с поля за гуляй-город — будет твой полк уже не передовым, а запасным. Сам знаешь: то и другое — дело многотрудное. Повородец сотню пусть поставит под мое княжеское знамя. А теперь ступай, готовься выступать.

Роль воеводы передового полка русской рати была для Дмитрия Патрикеева не первой в его обычной для тех времен судьбе. Так уж сложилось на Руси: каждый князь или боярин — воин. Сколь мог — ходил на битвы. Вооруженной рукой защищался удел, владения своего князя, собирались в единое целое русские земли как Великое княжество Московское — будущее государство Российское.

Воеводы-Патрикеевы, родом из которых был и сам Даниил Васильевич Щеня, гордились своим потомственным воеводством, верой и правдой служили Москве и ее великим князьям. Именно поэтому Даниил Васильевич доверил племяннику передовой полк. Как ни мал числом, а все же полк. А первым в большом сражении ударить по врагу, показать свою удаль и волю — великая честь любому воеводе. Особенно если годами еще незрел. Получить под начало передовой полк означало несомненное признание если не воеводских способностей, то хотя бы ратных заслуг.

Поставив задачи на предстоящую битву своим воеводам, князь Даниил распустил военный совет. Отпустил и войско-

вого писаря. Велел остаться у себя только боярину Кошкину, его младшему брату Якову и их тысяцким. С ними у него был тайный от других военачальников разговор.

— Смотри, Юрий Захарьевич. — Щеня повел рукой по карте, делая ногтем отметку на пергаменте и для Кошкина.

Дальнейший разговор старший воевода повел уже тихим голосом:

— Патрикеев встретит войско Острожского, что сторожит Новгородец, далеко от Ведроши, где-то перед Ужей. Поляки и литовцы идут конной ратью, пеших у них малое число. Наши завяжут сечу и пойдут по дороге назад. Гетман еще молод — увяжется в погоню, видя, что наскочивших мало. Мост через Ведрошь один, но он широк — две повозки разминутся на нем. Когда преследователи проскочат его, то обязательно развернутся на Митьковом поле для охвата бегущих от них. Вот здесь-то и наткнутся они на гуляй-город, с налету попытаются одолеть его. Уразумел?

Боярин Юрий Кошкин склонил над картой голову и заговорил в ответ, как бы собираясь с мыслями:

— Значит, быть моему сторожевому полку полком засадным. Как на поле Куликовом, на Донце?

— Верно, Юрий Захарьевич! Быть тебе в сей великой битве моей правой рукой и тем разящим мечом, что в нужный час нанесет смертный удар по вражьей рати.

— Значит, сидеть мне в дубраве у Ведроши, слушать битву и ожидать своего часа?

— Да, боярин. Укрыться и ждать, когда последняя конная сотня, последний пеший отряд и весь обоз гетманского войска перейдут по мосту реку.

— То будет наша хитрость в битве.

— Да. Она даст нам победу с малой потерей ратников — здесь гуляй-город поможет. Если, конечно, засаду сможем утаить от вражьих лазутчиков сегодня и завтра, пока Острожский не увяжется за Патрикеевым. Потом уже шляхтичей не остано­вишь. А до этого князь Константин Иванович должен спокойно перейти с войском Ужу, тогда ему и сворачивать с большой Московской дороги некуда — выйдет прямо к Дорогобужу. Все ли понял, боярин Юрий?

— Все, князь Даниил. Скажи, куда ударить засадному полку?

— Главное, отбери несколько сотен надежных и быстрых конников. Их задача — сжечь мост любой цепой. Хотя головы свои пускай положат у моста, а его спалят. Ведрошь видел сам — всадник с ходу не проскочит. Значит, врагу путь для отступления будет отрезан...

И, чуть помедлив, князь Даниил продолжал:

— А засадный полк свой поведешь вдоль реки только тогда, когда гетман бросит в битву все, что имел про запас. Тогда и я двину вперед гуляй-город. Тогда и сомнем литовцев с поляками, ударив с двух сторон. Как то сделал московский князь Дмитрий Донской с Мамаевым войском.

— Сколько дашь под мою руку войска, князь Даниил Васильевич?

— Возьмешь десять тысяч, весь свой полк, что брал Дорогобуж. Десять тысяч конных московских ратников. Пеших оставишь в большом полку. В засаду сядешь, когда Рязанцев гуляй-городом перегородит Митьково поле, — тогда нам никакой лазутчик не страшен. И помни, Юрий Захарьевич, сумеешь ошеломить врага, устрашится он твоего удара — будет войску великого князя нашего победа полная. — И, строго взглянув на боярина, воевода закончил: — А доколь сторожевой полк в засаду не сядет — держи все сказанное тебе, брату твоему меньшему, тысяцким, в строгой тайне. Как за семью замками, за семью печатями...

Указ великого князя Московского

Иван III Васильевич был энергичным «собирателем» земли русской вокруг все усиливающейся Москвы. Он, по сути дела, завершил процесс «собирания», начатый с великой мудростью Иваном Калитой. Эта идея была целью и смыслом правления московских князей, затем князей великих, а позже и русских царей. На том были воспитаны и сын Ивана III — Василий III Иванович, и внук его — Иван IV Васильевич по прозвищу Грозный.

Великий московский князь Иван (Иоанн) Васильевич вошел в отечественную историю прежде всего тем, что при нем окончательно было сброшено с Руси вековое ярмо Золотой орды, пусть и ставшее уже к тому времени чисто формальным, но все так же гнетущим и оскорбляющим чувства русского народа. Решительно разорвав ханскую басму, Иван III смело вывел московское войско на берега Угры. И не отступил с них. «Стояние на Угре» показало, что на восточной окраине Европы вновь набрало силу Русское государство в лице Великого княжества Московского.

Покончив с золотоордынцами, Иван III Васильевич все свои устремления направил на последовательное присоединение к Москве русских земель. А их немало находилось под властью польских и литовских магнатов. Одновременно Великому княжеству Московскому приходилось постоянно

оказывать вооруженную помощь вольным городам Новгороду и Пскову, стерегущим северо-западные рубежи русских земель. На псковщину и новгородские пятины раз за разом вторгались шведы и рыцари-крестоносцы из Ливонского ордена. В первую очередь они стремились закрыть новгородцам выход к Балтийскому морю. Столь же тревожно было на южных и восточных границах. Осколки Золотой орды — Казанское царство и Крымское ханство — постоянно тревожили набегами русские пределы.

Великий князь московский настойчиво «собирал» будущее государство Российское. Проведя несколько походов, проявив искусство государя-дипломата, Иван III Васильевич присоединил к Москве Мещевск, взятые штурмом Серпейск и Опанов. Рать под воеводством князей Щени и Патрикеева взяла древний русский город-крепость Вязму. Затем границы княжества раздвинулись за Чернигов, Рыльск, Стародуб, Новгород-Северский...

Но противники создания сильного централизованного государства со столицей в Москве не выполняли даже заключенные договоры. Ивана III Васильевича очень беспокоило то обстоятельство, что великий литовский князь Александр усиливается в Польше, а подвластные ему магнаты настойчиво ищут военного союза с магистром Ливонского ордена. Это грозило созданием мощной враждебной коалиции, готовой выступить на всем протяжении западных московских границ.

Иван III решил вновь начать на западе боевые действия. Цель была прежней — возвращение захваченных русских земель. Он разбивает московское войско на четыре рати, двинув три из них почти одновременно в поход против Великого княжества Литовского.

Первое войско направляется на юго-запад, против Северской земли. Командует им татарский царь в Казани Махмет-Аминь. Здесь случай помогает захватить наместника-воеводу Брянска и овладеть самим городом. Этот успех имел для Москвы свои положительные последствия. Два родных брата, а сыну Ивана — Василию двоюродные, один по прозвищу Стародубский, а другой — Шемячич, которые владели доброй частью Северской области и прежде повиновались далеким от них великим князьям Литвы, отдают себя под власть великого князя московского. То был большой успех.

Вторая рать пошла на запад в поход против крепостей Торопца и Белой. В нем участвовали новгородские, псковские и великолукские ратники. Успех и здесь был на стороне московского войска. В результате его решительных на-

ступательных действий был взят хорошо укрепленный и важный для воюющих сторон город Торопец.

Но главным направлением боевых действий все же являлось смоленское. Древнейший русский город-крепость на берегу Днепра уже тогда являлся ключом к Москве. К ней через пограничную твердыню шел прямой путь — большая Московская дорога. История Смоленщины во все века полна сражений и битв, происходивших на ее землях.

Думая о возвращении Смоленска, Иван III Васильевич задумал прежде всего овладеть дальними подступами к нему. В первую очередь следовало взять стоящий выше по Днепру деревянный город-крепость Дорогобуж. А от него до Смоленска было рукой подать.

К Дорогобужу и повел прямой дорогой третью московскую рать опытный воевода боярин Юрий Захарьевич Кошкин. Успех сопутствовал и ему. Город был взят без больших потерь. Стремясь укрепиться в нем, Кошкин начал быстро восстанавливать полуразрушенный острог.

При дворе великого князя литовского Александра Казимировича сразу поняли, что означает для дальнейшей судьбы Смоленска падение небольшой приднепровской крепости — настоящего ключа к нему. Пришлось широко раскрыть великокняжескую казну. Спешно было собрано сильное польско-литовское войско в сорок с лишним тысяч человек, которое быстрым маршем, сколь позволял огромный обоз и собранная с разных мест артиллерия, пошло на Дорогобуж по большой Московской дороге.

Командование огромным по тем временам войском будущий польский король без особых колебаний поручил своему еще молодому, но уже достаточно опытному полководцу князю Константину Острожскому, который впоследствии не раз отличался на поле брани. Из 33 битв в своей гетманской биографии он проиграл только две.

Константин Иванович происходил из рода князей Острожских, потомков знаменитого князя Романа Галицкого, которые в Великом княжестве Литовском вели родословную из племени Владимира, объявленного святым. Отцом будущего гетмана был князь Иван Острожский, мать — княжна Анна Глинская. Острожские имели огромные земельные владения в Подолии, Галиции, на Волыни — 24 города, 10 местечек и 670 селений с 600 православными церквями. Владения давали ежегодный доход свыше одного миллиона золотых.

Главные владения Острожских были на Волыни, а главным местопребыванием их рода являлся укрепленный город

Острог, где на Замковой горе находился княжеский замок. Отсюда идет и фамильное прозвище князей, из дома которых вышло немало прославленных воевод. Влиятельнейшие и богатейшие магнаты могли на свои деньги вооружить наемную армию не в одну тысячу человек.

С ранней юности князь Константин обнаружил склонность к ратному делу. Его способности и личное мужество не остались незамеченными. Воевода Троцкий и великий гетман литовский Петр Белый, чувствуя приближение кончины (умер в 1497 году), просил Александра Казимировича передать гетманскую булаву князю Константину Ивановичу Острожскому, как достойнейшему своему преемнику, что и было вскоре сделано.

Гетман Острожский, пользуясь поддержкой великого князя литовского, сумел собрать под княжеским знаменем отборное войско. Цифра — сорок тысяч — говорит сама за себя. Причем собрал в довольно короткие сроки. Это была в основном хорошо вооруженная польская и литовская шляхта или целые отряды земельных магнатов. Пеших наемных воинов было немного — основу составляла конница, преимущественно тяжелая. Среди них стали появляться наемники из германских княжеств. Уже тогда князь Константин обратил внимание на ведение атаки сомкнутым строем как в конном, так и в пешем строю. Часть вооружения поставил Ливонский орден. Только в артиллерии, в ведении огневого боя, войско гетмана уступало московскому.

Если гетман Константин Иванович полагался больше всего на своих тяжеловооруженных конных рыцарей, законченных в стальные доспехи («рыцарь» по-польски «рыцез»), то воевода Даниил Васильевич — на московских пушкарей с их пищальми. И у рыцарей, и у пушкарей были для этого времени свои несомненные достоинства.

Великий князь московский предвидел, что великий князь литовский Александр при полной поддержке своих магнатов, владевших во множестве русскими землями, соберет сильное войско. И, поставив во главе его способного полководца, постарается возвратить себе Дорогобуж, обезопасив тем Смоленск. О том, что противник собирает огромное войско, сообщили Ивану III Васильевичу разведчики, перебежчики и купцы.

Не случайно поэтому четвертую рать, наиболее многочисленную, расчетливый Иван III оставил в запасе. И расположил ее так, чтобы можно было довольно быстро собрать для похода. Это решение, как показали дальнейшие собы-

тия, полностью оправдало себя. Более того, склонило чашу весов в сторону Москвы.

Запасная рать состояла из тверских боярских людей и служилых людей. А московские служилые люди составляли полк боярина Юрия Кошкина. Ратники-тверяки имели хорошую выучку, немалый опыт походов и в защите русских рубежей. Пользовались они и большим доверием у великого князя московского, который знал, что на тверскую рать можно положиться так, как и на московскую.

Думается, что и в выборе воеводы для великокняжеской запасной рати тверяк у Ивана III Васильевича не было особых раздумий. Здесь кроме несомненного полководческого таланта Щени сказались, по всей видимости, и его родственные, хотя и весьма отдаленные, связи с родом великого московского князя. Родовитость тогда давала и большие привилегии.

Князь Даниил Васильевич, родоначальник князей Щенятевых, был потомком великого князя литовского Гедимина (от сына его Наримунда) в седьмом колене. Князь Щеня приходился внучатым братом великому князю московскому Василию III Ивановичу (сыну Ивана III Васильевича): сестра Василия Васильевича Темного (деда великого князя) Анна Васильевна была замужем за князем Юрием Патрикеевым, родным дедом князя Даниила Васильевича Щени.

Воеводу Щеню уважали в русском войске за ратную доблесть и славу, приобретенную на полях многочисленных сражений. Он жил по законам того сурового времени. Годами, как говорится, не слезал с боевого коня. Участвовал в «стоянии на Угре». Победно бил ливонских рыцарей-крестоносцев, защищая псковские и новгородские рубежи. Ходил во главе большого московского войска в поход для покорения Вятки и земли Арской. Взял у литовцев Вязьму. Осаждал шведский гарнизон в Выборге. А первую ратную выучку получил на южных засечных линиях в конных схватках с золотоордынцами, отбивая их опустошительные набеги на московские пределы.

Так что послужной воеводский список у князя Даниила Васильевича Щени перед битвой на реке Ведроши был богатый. Но еще далеко не законченный.

Не только богатый боевой опыт и личную ратную доблесть, любовь к походной жизни и личную преданность, далекие кровные связи учел Иван III Васильевич, назначая Щеню начальником запасной рати. Она содержалась им в полном порядке и готова была выступить против главных сил Великого княжества Литовского. Нанося почти одно-

временный удар по трем направлениям, великий московский князь держал при себе полководца, которого со спокойным сердцем мог назначить старшим воеводой большого полка, то есть главнокомандующим русского войска.

И когда великокняжеские лазутчики из числа вездесущих купцов и странствующего люда принесли взаимно подтверждающие известия, что собирается сильное вражеское войско, Иван III Васильевич издал великокняжеский указ, скрепив его своей печатью. Указ объявили в Москве.

Этим указом князь Даниил Васильевич Щеня из рода Патрикеевых назначался старшим воеводой большого полка — главной московской рати. Своим указом Иван III подчинил ему и полк боярина Юрия Кошкина, который в это время готовился защищать город-крепость Дорогобуж. По указу Щене подчинялись и все другие воеводы, он давал ему очень большую власть над войском.

Правда, сразу после объявления великокняжеского указа у нового старшего воеводы едва не случились большие неприятности. И виной тому стал второй воевода московского войска, собиравшегося под Дорогобуж. Боярин Юрий Захарьевич Кошкин был в большой обиде на князя Даниила, которому его подчинили по указу. Древний род Кошкиных считался не худороднее столь же древнего рода Патрикеевых: задевалась родовая боярская честь.

Готов был разгореться большой и долгий местнический спор с привлечением многочисленной родни с той и другой стороны. Иван III Васильевич сразу понял, чем грозит такая распря среди двух первых воевод его самой большой рати. И он решительно пошел на пресечение возникшего было местничества.

Великий московский князь специальным гонцом, выбрав для такой важной миссии человека знатного княжеского рода, прислал немедленно письмо в Дорогобуж. В нем он пристыдил в весьма уважительном тоне Юрия Захарьевича, своего верного боярина и славного воеводу. И снисходительно попросил не таить даже малой обиды на князя Щеню из рода Патрикеевых, назначенного старшим воеводой. Иван III мог убеждать своих бояр, редко прибегая при этом к крутым, крайним мерам, чего никак нельзя сказать о его внуке Иване IV Грозном, чья смерть повергла страну в тяжкие испытания Смутного времени.

Обласканный таким внимательным отношением великого князя к его личности, боярин Юрий Кошкин смирился с подчинением его выходцу из рода Патрикеевых. Юрий Захарьевич слыл, а это было на самом деле, человеком далеко

не глупым. Он ясно понял, что великокняжеский указ ему просто не отменить. Да и время к боярским распрям не располагало — Острожский находился уже в пути.

Сборы тверской рати были недолгими. Гонцы в один день разнесли куда надо великокняжеский указ. Большая Московская дорога быстро вобрала в себя многие тысячи воинов-русичей. В авангарде двигалась многочисленная конница во главе со старшим воеводой. Пешие ратники шли налегке: оружие везли в обозе. Войско замыкали тысячи собранных по указу великого князя мужицких телег с возчиками. Они везли все необходимое из припасов для большого полка.

На крестьянских повозках везли и наряд — московскую артиллерию: большие и малые пищали, «огненное зелье» — порох, ядра, дроб. Воевода Щеня попросил Ивана III Васильевича снять часть пищалей с кремлевских стен. Тот, несмотря на протест ближних бояр, разрешил. Да еще и похвалил старшего военачальника. Знал — за Дорогобужем кремлевский наряд лишним не будет.

Пока тверская рать копытами, сапогами и лаптями прибавала дорожную пыль, боярин Юрий Кошкин трудился не покладая рук. Он готовил дорогобужскую крепость, пострадавшую при взятии, к обороне. Восстанавливались разрушенные в некоторых местах стены деревянного острога. С помощью жителей подновлялись земляные валы. Размещался наряд. Из окрестных сел и деревушек в город свозились запасы продовольствия. Заставы на дорогах ловили и допрашивали каждого встречного — искали лазутчиков...

Большой полк пришел в Дорогобуж в условленный указом срок, о чем и было доложено в грамоте, посланной в Москву. Прибытие с большим нарядом сильной тверской рати подняло боевой дух московских служилых людей полка боярина Юрия Кошкина: противник имел теперь только незначительный численный перевес, но не имел такового в огневом бое.

Даниил Васильевич привез в Дорогобуж указ великого князя московского о назначении его старшим воеводой. Сам зачитал его в воеводской избе на первом военном совете и велел объявить указ в полках, жителям города. После чего сокрыл великокняжеский указ в своей походной канцелярии — окованном железом сундучке, всюду возимом за ним в походах.

Тем же указом Иван III Васильевич сурово потребовал от воевод московского войска не запирается в крепости, не полагаться на ее дубовые стены, а искать победы русской

рати и чести себе в чистом поле, в открытом бою. Последнее было подсказано великому московскому князю самим Щеней, когда тот счел необходимым посоветоваться со своим полководцем да заодно и выслушать его планы на предстоящее сражение с гетманом Константином Острожским.

Иван III и князь Даниил Васильевич хорошо понимали: если войско великого литовского гетмана под Дорогобужем удастся разбить, в таком случае противник уже не будет иметь в наличии больших воинских сил. Чтобы их собрать вновь, требовалось значительное время, которого у него не было. Начавшуюся войну за возвращение русских земель можно было выиграть с большой выгодой...

Старший и второй воеводы почти сорокатысячного московского войска встретились у стен Дорогобужа как старые боевые друзья. Что ни говори, не раз хаживали вместе в походы, сидели на пирах за великокняжеским столом. Единило же их главное: как Даниил Щеня, так и Юрий Кошкин были ратоборцами земли русской.

Судьба вновь свела их вместе — на этот раз в славной для русского оружия битве на реке Ведроши.

Заманивай врага выгодой

Когда тысяча конников — московских служилых людей передового полка воеводы Дмитрия — перед рассветом вышла на рысях из Дорогобужа, гуляй-город уже перегородил Митьково поле.

Огромные щиты из дубовых досок высотой до трех метров как бы составляли сплошную деревянную крепостную стену. Перевозились они за войском на колесах, зимой — на санях. На поле боя щиты гуляй-города выкатывали на особых катках. Зимой по снегу или льду толкали вперед сани. Стены крепостные были утыканы острыми копьями — как еж, распутивший колючки. Щиты скреплялись специальными железными сечами и дополнялись веревочными связями. Из таких щитов на поле боя можно было быстро построить и отдельные крепостицы-острожки. Гуляй-город являлся излюбленным способом ведения боя русским войском против конных масс врага, особенно кочевников. В таких случаях он порой бывал просто незаменим.

В огромных деревянных щитах проделывались удобные оконца для ведения огневого боя, стрельбы из луков и самострелов. Повыше — для легких пищалей, метания стрел. Внизу — для больших, тяжелых пищалей. За каждым щитом располагался целый отряд воинов: пушкар, лучники,

ратники, которые передвигали в бою дощатые стены гуляй-города. Из десятников на каждый щит назначался старший. Ему подчинялись все, кто сражался из-за щита.

Воевода-гулявый Василий Собакин ставил такую крепостицу еще на Угре и дело свое знал отменно. К тому же он старался до мелочей выполнить все указания Даниила Васильевича Щени — тот возлагал в предстоящей битве большие надежды на передвижную деревянную крепость московского войска.

Собакин приказал всю стену крепить намертво, но так, чтобы в случае надобности щиты в строю можно было двинуть вперед на врага, используя для этого дела катки,двигаемые по общей команде. Та подавалась сигналом рожка. Натиска идущего в атаку гуляй-города конница просто не выдерживала и отступала. Еще страшнее для противника были разящие залпы из огнестрельного оружия. Гуляй-город позволял вести огонь прицельный и залпом. В то же время пушкари и лучники под прикрытием дубовых щитов оставались неуязвимыми для вражеских ядер, пуль и стрел.

Крылья гуляй-города упирались в неодолимые для противника препятствия. Правый фланг, пройдя по древним курганам, прикрывался топким берегом Днепра. Левый, проходя по обвалившимся древним валам, подходил вплотную к дубраве.

Здесь русские ратники устроили засеку в несколько рядов. Сваленные деревья уложили в длину, чтобы затруднить продвижение пеших вражеских воинов. Для конницы хода через засеку не было. А чтобы расчистить ей путь, растаскивая в сторону поваленные деревья, требовалось много усилий и людей. И еще больше — времени. За засекой на всякий случай поставили цепь лучников, для которых стволы деревьев служили надежной защитой и укрытием от чужих глаз.

На большой Московской дороге щиты гуляй-города Василий Собакин распорядился разместить и сцепить так, чтобы, легко раздвинув их, можно было впустить отходящих или выпустить атакующих в конном строю русских воинов.

Через этот проход под приветственные возгласы защитников деревянной крепости на катках и прошел к Ведроши сотня за сотней передовой полк московского войска.

Придержав у ворот коня, его воевода — Дмитрий Патрикеев, высоко подняв правую руку в боевой рукавице, поприветствовал стоявшего на краю дороги воеводу-гулявого:

— Удачи тебе, Василий! Пусть стоит твоя крепость в бою, как каменный кремль!

— И тебе удачи, Дмитрий! Приведи поскорей врагов под дубовые стены. А там и дело для гуляй-города будет.

...Передовой полк шел на рысях. Ночь холодила кольчуги и панцири, делала приятными для руки рукоятки сабель и мечей. Дул свежий ночной ветерок. Проблескивающая среди бегущих за Днепр курчавых облаков почти полная луна серебристо освещала дорогу, серебрила силуэты спешащих вперед всадников, высвечивала начищенные шишаки и медные шапки, играла на панцирях.

Митьково поле скоро осталось позади в предутреннем тумане. Полк подошел к Ведроши, чьи берега утонули в туманной дымке, и стал переходить в плотном строю мост.

Пропустив конников через ведровский мост, его стража ушла к Дорогобужу. Такой приказ старшего воеводы передал ей Дмитрий Патрикеев. Мост уже не от кого было охранять...

Наступило утро 14 июня 1500 года. Утро знаменитой в далеком прошлом, но совсем забытой в наш XX век битвы на Ведроши под городом-крепостью Дорогобужем, что на Смоленщине...

Почти сразу за Ведрошью к голове передового полка подскочил ратник-говец, доставивший донесение от сотника Кузьмы Новгородца. Придерживая разгоряченного коня, разведчик поскакал обок с воеводой Дмитрием Патрикеевым. Тот, как бы отвечая на приветствие воина, спросил:

— Какие новости шлет Новгородец? Где войско гетмана?

Гонец отвечал весело: он привез сведения хорошие и полные.

— Князь Острожский перешел Ужу. Его войско все идет плотной колонной по большой Московской дороге. Почти вся конница находится впереди. Гетман с богатой свитой — в голове войска. Сторожевое охранение не отрывастся от головы. Идут спокойно.

— Что еще есть важного?

— Наш сотник без шума сумел взять пленного, слугу-похалика одного из приближенных к гетману. Заехал неизвестно зачем в лес. Клянется на кресте, что в войске Острожского ничего не знают о подходе к Дорогобужу нового московского войска.

— То дело хорошо. Молодец твой сотник!

Патрикеев отправил гонца обратно к Кузьме Новгородцу с приказом:

— Смотрите за гетманом в оба глаза. И себя не выказывайте. Как только литовцы начнут подходить к нам и полк изготавится для боя, сотню жду под свою руку. Иди...

Хотя до вражеского войска был еще добрый час хода и впереди его зорко стерегла сотня разведчиков, воевода передового полка решил поостеречься и сам. Выслал вперед, в сторожу, десяток ратников. По сотням дал строгий приказ: лишнего шума не делать.

Вскоре прискакал второй гонец от Кузьмы Новгородца. Это был проводник, которому сотник приказал провести конную тысячу к месту засады.

Прибыв на место, воевода Патрикеев остался очень доволен выбором любимого сотника своего дяди, которого он привел с собой из Псковщины. С тех пор Даниил Щеня не расставался с Новгородцем, ценя в нем надежного помощника в самых трудных делах.

Действительно, место для засады конной тысячи выбрано было удачно. Довольно широкая и вместительная ложина, выходившая пологой стороною к повороту дороги, хорошо укрывалась со стороны приближавшегося войска Острожского березовой порослью. Здесь московские ратники спешили, дав на часок-другой отдохнуть своим коням, которым в этот день предстояло потрудиться не меньше, чем всадникам.

От сторожевой сотни Кузьмы Новгородца выставили дозорных. Те быстро срубили лесколько деревьев и соорудили на вершине придорожного дуба настил для сторожей.

В месте засады дорога шла по открытым для глаз лесным прогалинам, чем и приглянулась воеводе передового полка: в случае схватки противники не могли ввести в бой одновременно больше двух-трех сотен конных воинов. Мешали маленькие овражки, протянувшиеся почти до самой Ведроши. А это как нельзя лучше устраивало Дмитрия Патрикеева, который мог без особых затруднений выводить свои передовые сотни из сечи.

Когда солнце озарило окрестные леса и воздух пропитался его лучами, прогнавшими остатки утреннего тумана, к месту засады на рысях подошел последний десяток разведчиков. Кузьма Новгородец принес полковому воеводе хорошую весть:

— Гетман Острожский идет прежним походным порядком. Боевое охранение далеко вперед не выставляет. Через час с тысячу конных шляхтичей будут перед засадой.

— Молодец ты, Кузьма! Расскажу князю Даниилу — пусть наградит казной за дело такое.

А своим помощникам Патрикеев приказал:

— Сотням изготавиться, но на коней пока не садиться, а то они у вас застоятся малость. Да чтоб тихо все было...

Скоро спустившиеся с придорожного дуба полковые дозорные сообщили: из-за дальнего поворота дороги показались первые всадники. Дмитрий Патрикеев скомандовал собравшимся вокруг него сотникам:

— А теперь, други мои, по коням! И без команды ни в бой входить, ни из боя выходить!

Те, поклонившись воеводе, заметно повоселевшие (ждали!), быстро разбежались по лощине. Но весть, принесенная дозорными, опередила сотников. Всадники, подставляя подпруги у коней, осматривая все оружие, уже строились в десятки, сотни.

Качнулось дважды впереди полковое знамя, подавая условный сигнал.

Московские служилые люди в полном молчании вскинулись в седла отдохнувших коней. Мечи, сабли были вынуты из ножен. Поправляли саадаки — колчань, готовили к метанию сулицы — дротики, пригибали копыя. Все делалось без лишних движений, суеты. Выученные для походов кони даже не всхрапывали, словно чувствуя напряженность всадников.

Когда приближающийся размеренный цокот конских копыт и чужой говор известил о том, что вражеская конница, идущая в походном порядке, вот-вот подойдет к лощине, воевода отдал приказ знаменщику:

— Вперед!

Полковое знамя качнулось уже трижды.

Передовой полк сразу пришел в движение. Три сотни русских всадников, в их числе и Кузьмы Новгородца, как ближняя, молча вылетели на дорогу, одним ударом смешав первые ряды подходившего гетманского войска. Покатались в дорожную пыль под копыта коней выбитые из седел всадники. От неожиданности удара из засады русских конных сотен в голове польско-литовского войска началась неразбериха. Движение ее разом приостановилось.

Завязалась жаркая сеча, которая стала быстро расплываться вправо и влево от забитой всадниками дороги — сколько позволяла обширная здесь лесная прогалина. Бой разгорался. Слышались только вскрики рубившихся всадников, скрежет металла о металл, громкое ржание раненых коней. Воины прощались с жизнью молча.

Князь Константин Иванович Острожский был уже опытным воителем, поэтому удар из засады его не смутил. Гетман быстро взял управление боем в собственные руки, хотя для этого ему пришлось к кое-кому применить крутые меры. «Рыцези» из его личной дружины моментом

ссадили с коня первого вышедшего из сечи шляхтича, в страхе бросившегося назад, и вздернули его на суку одиноко стоявшего у дороги дуба. Быструю казнь видели в голове войска — смятение улеглось.

Великий гетман литовский сразу не смог определиться в одном — в численности нападавших. Это не позволяли ему сделать лесистая местность и особенно поворот уходящей к Дорогобужу дороги. Но, несмотря на пока полное незнание появившегося как снег на голову конного противника, Острожский начал действовать решительно.

Гетман бросил вперед головную тысячу конных шляхтичей. Под звуки набатов те пошли лавой в атаку. Удар тяжеловооруженной панцирной конницы разом потеснил нападавших по дороге за лощину.

Когда первые три сотни московских служилых людей, пнясь и отбиваясь от наседавших польских рыцарей, прошли лощину, Патрикеев с остальным полком ударил тем во фланг. Удар получился ошеломляющий. Русские конники вырубili часть шляхтичей, а остальных отбросили за поворот дороги.

Теперь передовому полку таиться уже не было смысла. С этой минуты игра воеводы Дмитрия Патрикеева с гетманом Константином Острожским пошла в открытую.

Дальше шло все так, как задумал Даниил Васильевич Щени. Русские кошки, чередуясь сотнями, медленно, словно пехота, отступали вдоль дороги, яростными наскоками на врага сдерживая его наступательный пыл. Конники гетмана, видя свое превосходство и отступающих русичей, все больше и больше распалялись.

Острожский, чутко уловив взором полководца момент, когда русский заслон под натиском его конницы попятился назад, дал немедленный приказ обойти его с флангов. Обойти и, перекрыв путь к дальнейшему отходу, взять в кольцо. Князю Константину уже донесли — нападавших не набиралось и на две тысячи.

Конные тысячи гетманского войска пошли на охват сражавшихся близ реки. Но болотистый луг слева от дороги, к тому же поросший лозняком, и овражки справа не позволяли сделать это своевременно. И что самое главное — скрытно.

Воевода Дмитрий Патрикеев тоже не терял нити управления своим полком в тысячу всадников, подкрепленного сотней Новгородца. Как только он видел, что с флангов к месту сечи подбираются, вернее продираются, враже-

ские отряды, давался воеводский приказ отойти еще дальше к Ведроши.

В таких случаях около полкового знамени играл рожок, рубившиеся русские сотни, дружно метнув в наседавших гетманских конников град сулиц, враз поворачивали коней и, отстреливаясь из луков и самострелов, уходили вдоль дороги.

Начиналась лихая погоня за, казалось бы, обращенным в бегство противником. Но свежие русские сотни, пропустив своих, встречали неудержимо мчавшихся преследователей очередным встречным ударом из-за следующего поворота дороги. И каждый раз получалось что-то похожее на маленькую и всегда неожиданную для врага засаду. И вновь на дороге завязывалась ожесточенная сеча, не расплывавшаяся, однако, вширь.

Дмитрий Патрикеев, искусно маневрируя своими сотнями, делал все для того, чтобы в точности исполнить приказ старшего воеводы: «Заманивать врага выгодой!»

Чем ближе перемещались быстротечные схватки к Ведроши, тем все труднее приходилось передовому полку. Редели ряды сотен, утомились кони, кончались сулицы, пустили колчаны. Но главное — у противника становилось все больше простора для охвата русичей с флангов. Лес все дальше отступал от дороги, все чаще появлялось редколесье, заброшенные поля — чувствовалось приближение реки.

Последняя ожесточенная схватка тысячи Дмитрия Патрикеева с гетманцами произошла перед мостом через Ведрошь. Противник было возрадовался, что удалось прижать дерзких русских конников к речному берегу. И ему захотелось «втоптать» их в реку.

Но здесь отличилась сотня Кузьмы Новгородца, прикрывавшая отход через мост последних сотен передового полка. А те, в свою очередь, развернувшись на том берегу реки, выпустили в преследователей последние стрелы. Под их свист разведчики сумели выйти из боя и проскочить мост.

Отступив от моста на полверсты, воевода Дмитрий Патрикеев развернул передовой полк посотенно на Митьковом поле. Однако разбежаться далеко от дороги никому не разрешил, еще раз предупредив сотников — проходы для конной тысячи в гуляй-городе подготовлены только у дороги.

Отойдя от Ведроши, Патрикеев как бы высвободил гетману Острожскому место для развертывания быстро проходивших через мост сотен и первых тысяч польской и ли-

товской конницы. Хотя мост был достаточно широк, но не мог разом пропустить многотысячную конную массу коронного войска Великого княжества Литовского. Все больше и больше отрядов конницы скапливалось на том берегу реки. А вдали уже пылили первые пешие отряды. За ними следовал огромный обоз.

Когда князь Константин Иванович решил, что на дорогомбужском берегу Ведроши собралось уже достаточно конницы для более удачного охвата русского полка с флангов (ширь Митькова поля располагала к такому маневру), он дал сигнал к общей атаке. Ударили пабаты. И несколько тысяч гетманской отборной конницы понеслись во весь опор на русские сотни. Те сходились и расходились совсем рядом, словно завлекая все ближе и ближе к Дорогобужу.

В последний раз заиграл под полковым знаменем рожок воеводского служки. Русские сотни вновь разом повернули коней и быстро стали уходить от подходивших преследователей, которые разворачивались для охвата почти по всему Митькову полю. Вскоре оно покрылось сотнями мчавшихся вперед всадников, за которыми устремлялись все новые и новые конные отряды, переходившие через ведрошский мост.

Конники передового полка старались в бешеной скачке не уходить далеко в стороны от дороги, чтобы вовремя уйти в стан московского войска через раздвинутые для них щиты гуляй-города. Грохот копыт несущейся за ними конной лавы был для них лучше всяких похвал. Ратную работу, которую задал полку воевода Даниил Васильевич Щеня, они выполнили с лихвой.

Преследователи еще не видели гуляй-города. Им или мешала поднятая копытами коней пыль, или то, что серые деревянные стены полевой крепостицы не очень выделялись вдалеке на фоне окружающих лесов. Десятники — старшие щитов, как им приказал воевода-гулявый, постарались замаскировать их срубленными деревцами. Да и восходящее солнце слепило глаза скакавшим прямо на восток. И это учел Щеня, строя свой план на битву.

Когда передовой полк набегал на гуляй-город, в нем уже зияло несколько брешей. За ними у дороги Щеня поставил на всякий случай несколько тысяч конных тверских ратников. Если щиты вовремя не удастся сдвинуть, то противник мог ворваться за стены деревянной крепости. Или потребуется оказать помощь воинам Дмитрия Патрикеева, которые могли увязнуть в сече на Митьковом поле. Но ни того, ни другого не случилось.

Сотни передового полка на всем скаку проскочили за гуляй-город, и раздвинутые щиты были сведены прямо перед носом преследователей.

Перед несущимся вдогонку вражеским конным войском по всю длину Митькова поля встала выстроенная из крепчайших дубовых щитов крепостная стена на катках.

Военная хитрость, которой всегда славился в воеводстве князь Даниил Васильевич Щеня, удалась ему и на этот раз.

В тот момент, когда заполнившая Митьково поле многотысячная конница великого гетмана литовского вышла к стенам гуляй-города, из-за его щитов раздался оглушительный залп нескольких сотен пищалей. Через щиты по конникам ударил еще и град разящих стрел.

Отряды шляхтичей сразу смешались. Всадники, не успевая вовремя повернуть разгоряченных коней, сталкивались друг с другом. Перед стенами деревянной крепости бились в предсмертном храпе сраженные ядрами и дробом кони. Под их копыта падали убитые и раненые. Гуляй-город был окутан пороховым дымом. Из-за щитов продолжался обстрел из луков и самострелов.

А конники все прибывали и прибывали, мешая развернуться тем, кому предназначался первый залп русских пищалей.

Громыхнул новый, столь же дружный и губительный залп из нескольких сотен огнедышащих стволов. Вновь полетели с коней всадники. На этот раз для ядер, железного и каменного дроба нашлось больше мишеней.

Среди нападавших перазбериха сразу переросла в паническое бегство подальше от разящего огнестрельного боя, от стен гуляй-города. Тщетно пытались гетманские полковники и сотники навести порядок в своих отрядах. Шляхтичи, нахлестывая коней, поворачивали назад и уносились прочь из боя.

Так началась знаменитая битва на реке Ведрошь.

Гуляй-город

Призывно забили в набаты в стане князя Константина Острожского, возвращая назад конные отряды, так неожиданно наскочившие на гуляй-город. Гетман понял, что попался на хитрость русских и начало битвы осталось за ними. Но день только зачищался.

Острожский в окружении большой свиты из собравшихся на войну польских и литовских магнатов, знатных «ры-

цежей» в ярких одеждах, блистающих богато изукрашенным оружием и доспехами, выехал на небольшой холм у дороги. Отсюда хорошо просматривалось почти все Митюково поле, деревянная крепость, за которой угадывался городок Дорогобуж. Час назад преследователи в спешке погони обошли холмик стороной.

На вершине холма гетманские похалики быстро утвердили родовой княжеский стяг Острожских, разбили большой шатер. Место расположения главнокомандующего виделось теперь все польско-литовское войско.

За холмом выстроилась личная гетманская дружина в несколько тысяч панцирных всадников, хорошо вооруженная и обученная ходить в атаку плотными рядами. Против лавы таких воинов, одетых в стальные доспехи с головы до ног, выставивших вперед тяжелые и длинные копья, устоять было сложно. Свою дружину князь Константин Иванович всегда берег как резерв для развития успеха в битве.

Перед холмом поставили снятые с коней огромные медные набаты. По их тяжелой барабанной дробі многое делалось и в том, и в другом войске: в походе, на привалах, при защите и штурме крепостей. Рядом с набатами разместились войсковые музыканты — кроме исполнителей военной музыки они были еще и сигнальщиками.

Неудачное начало битвы не обескуражило полководца. Ударили набаты, хорошо слышимые даже в русском лагере. От холма один за другим в полки, отряды, к ведрошскому мосту поскакали гонцы.

Замешательство улеглось быстро — в преследовании передового полка Дмитрия Патрикеева участвовало всего лишь несколько передовых конных тысяч.

Великий гетман литовский уже строил для битвы свое сорокатысячное с лишним войско. Как крылья, перед холмом выстраивались полки, дружины магнатов, отряды...

Пока войско выстраивалось, Константин Иванович и его воеводы обозрели поле предстоящего сражения. Они отметили сразу — москвитян было меньше. Этого не могли скрыть даже трехметровой высоты стены полевой деревянной крепости — за ее стенами тоже находилось поле. На холме собрались на военный совет опытные военачальники. Они понимали: русский воевода не будет укрывать свои резервы в Дорогобуже и его окрестностях — далековато даже для конницы. В большой битве, особенно когда она закипит, все должно находиться под рукой у полководца.

Отметил Острожский и еще одну важную черту противостоящего ему русского войска — конница в нем не пре-

обладала. Хотя и было ее немало. За щитами просматривались в основном пешие воины. Так доложили ему те командиры сотен и отрядов, которые уже побывали под стенами гуляй-города.

Чтобы убедиться окончательно в последнем, гетман отправил вперед легкоконных разведчиков. Те подтвердили ранее виденное, хотя близко к щитам их не подпустили лучники и арбалетчики — стрелки из самострелов.

Гетман высказал собравшимся на военный совет свое решение на битву: гуляй-город — это излюбленное средство русских против любой конницы — надо брать штурмом. Тем более что войско великого князя Александра Казимировича имело хорошо видимое для своих и чужих заметное превосходство. Такое обстоятельство могло только поднять боевой дух одних и утратить сердца других.

Значит, решили собравшиеся у распахнутого полога гетманского шатра, надо прорываться через гуляй-город. Крепость, в которую через пролом в стене прорвался осаждающий ее противник, уже перестает в таком случае быть крепостью. Она превращается в незащищенный город, где завязались уличные бои. На Митьковом поле все будет гораздо проще — вместо узких улочек чистое поле, где есть разгуляться конным тысячам.

Гуляй-город можно прорвать в любом месте — каждая брешь в нем выводила на простор. Если добиться такого, да еще в нескольких местах сразу, то можно почти тотчас получить перевес в маневренности конных полков, сбить и разъединить защитников деревянной крепости, прижав их к щитам с двух сторон. А там рукой было подать до Дорогобужа — ключа к городу-крепости Смоленску.

На холме решили еще и другое — если атака по фронту не принесет успеха, то можно попытаться обойти гуляй-город с флангов: через лес и вдоль берега Днепра. Хотя сделать это было не легче. По всей видимости, московский воевода, перегородив стеной все поле, позаботился и о своих флангах.

Смущало военачальников польско-литовского войска лишь одно — уж слишком много пицалей смотрело на них из оконцев щитов. По два-три ствола на каждый щит, да еще расположенных в два ряда. Совсем как в небольшой каменной крепостной башне. А о ратном мастерстве, выучке и бесстрашии русских пушкарей большинство собравшихся на военный совет знало не понаслышке. Московский наряд не раз склонял чашу весов в свою пользу в сражениях, при

обороне и осаде городов. Тогда все они были крепостями, хотя лишь немногие имели каменные стены.

Принимая в расчет силу огневого боя своего противника, гетман напомнил, что и у них немало артиллерии. В основном — полученной от магистра Ливонского ордена. Она уже подходила к Ведроши. А на наемных пушкарей, которые начинали входить в моду, можно было положиться в меткости огня. Но только не в стойкости на поле брани.

Обсудив все «за» и «против», гетман Острожский решил атаковать позиции русских по всей линии гуляй-города. Предстояло только выдержать первый залп нескольких сотен пищалей, послав перед этим в стену щитов свой залп, пусть и меньший по весу и числу ядер. А затем приступом взять крепостицу. Тем более что не требовалось ни штурмовых лестниц, ни подкопов. И не искать спасения во время приступа от расплавленной смолы и кипятка, которые лили на головы и спины штурмующих, засыпая им глаза золой и песком.

При штурме же гуляйгородских стен требовалось только растащить или повалить поставленные на катки тяжелые щиты. Они стояли не вплотную друг к другу. Стараться разбить щиты ядрами не имело смысла — каждый из них из дубовых досок и мог выдержать не одно пушечное ядро. Но такой питурум гуляй-города мог стоять больших потерь. Однако гетман шел на это ради общей победы, так как предполагал, что главное войско великого московского князя Ивана III Васильевича должно находиться под Дорогобужем.

Когда солнце, склоняясь к западу, стало бить в глаза русским, почти все польско-литовское войско перешло Ведрошь. На том берегу сгрудился огромный обоз — гетман и ему приказал немедленно переправиться. Он был уверен в успешном для него исходе сражения.

Созвав в своем шатре военный совет, князь Константин объявил решение на предстоящую битву. Военачальники одобрили его план: атаковать гуляй-город по всему полю, и в первую же образовавшуюся брешь в деревянной стене ввести главный резерв — личную дружину Острожского, другие отряды тяжелой конницы.

Но перед тем как начать общую атаку гуляй-города, князь Константин решил разведать фланги противника. Его интересовала возможность его охвата. Для проведения разведки боем он выслал два отряда легких конников, однако не разрешив им ввязываться в бой.

Первый отряд не смог обойти по днепровскому берегу

курганы, тоже защищенные дубовыми щитами, и был отогнан огнем пищалей. Ноги коней вязли в болотистом лугу. Там, где кончался гуляй-город, до самого берега Днепра шел тын из нескольких рядов заостренных кольев. Из-за тына ударили стрелки из арбалетов — бронебойные стрелы пробивали панцири и кольчуги тех всадников, кто, с трудом подвигаясь вперед, дошел до предельной дистанции стрельбы из русских самострелов.

Потеряв с десятков конников, отряд повернул назад. Задачу на разведку он выполнил. Более того, он принес важную весть. Полководец русского войска находился на ближайшем к Московской дороге кургане. На его вершине развевался княжеский стяг, стояли набаты для подачи сигналов в бою. А у подошвы древнего кургана разведчики видели и большое скопление знатных — по внешнему виду — всадников. Чтобы принести такую весть, не требовалось разгадывать большой секрет: в то времена все ставки главнокомандующих во многом повторяли друг друга.

Как полководец, гетман Острожский увидел в таких разведанных для себя еще один шанс на победу. Ведь ему представлялась возможность удачной атакой гуляй-города вдоль дороги лишить воеводу Щеню возможности управлять центром и левым флангом своих позиций. Донесение легкоконных разведчиков позволило князю Константину Ивановичу точно определить направление для главного удара.

О том, кто командовал главным московским войском, он уже знал из допроса раненого ратника передового полка, взятого в плен еще на том берегу Водрыши. О численности великокняжеских сил под Дорогобужем упрямый русский говорить отказался — да и много ли мог знать простой служилый человек из тверского посада? О воеводских способностях князя Даниила Васильевича Щени гетман был слышан от ливонских рыцарей и тех, кто, обороняясь в Вязьме, смог уйти в Литву.

Второй отряд шляхтичей, посланный с заданием разведать крыло гуляй-города, упиравшееся в дубраву, вернулся ни с чем. Едва конники с осторожностью углубились в лес, как наткнулись на засеку. После небольшой перестрелки из луков и арбалетов с ее охраной, хорошо укрытой за поваленными деревьями, отряд, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, повернул коней.

Из доклада начальника отряда гетману стало ясно одно: его коннице здесь просто не было хода, чтобы обойти гуляй-город через дубраву. Прорыв через засеку лучшим

полком означал, прежде всего, в этот день большую потерю времени, да еще при призрачной надежде на успех затеянного. А пехотинцы нужны были Острожскому в другом месте — для сокрушения гуляй-города там, где он перегораживал дорогу.

После полудня, как только солнце направило лучи в глаза русским, гетман приказал начать общую атаку неприятельских позиций. Большие войсковые набаты проиграли сигнал атаки. Справа и слева от гетманской ставки им всторили малые — полковые и отрядные.

Сорокатысячное войско великого князя литовского Александра Казимировича, будущего короля польского, пошло вперед во всю ширь Митькова поля. Земля гудела от топота пескольных десятков тысяч конских копыт. Тишину поглотил победный клич идущих на приступ.

Главный удар наносился на большой Московской дороге по левому крылу гуляй-города. Острожский выставил здесь добрую половину своей артиллерии, которую обслуживали наемники, приглашенные по случаю войны из Ливонии. Им предстояло, сосредоточив весь огонь на нескольких участках крепостной стены, или разбить ядрами щиты, или, если это не удастся, отогнать огнем прочь их защитников.

Здесь же гетман собрал хорошо снаряженные отряды пехоты, в том числе и наемников, имевших стальное защитное вооружение, подпаторевших на взятии разных крепостей и укрепленных городов. Гетманские пехотинцы имели хорошую выучку и, самое главное, были более дисциплинированы в бою, чем храбрая, но своевольная шляхта.

Остальное войско князь Константин выставил для атаки равномерно по всему фронту гуляй-города, без резервов. Он задумал непрерывным натиском и завязкой боя прямо под щитами лишить русских возможности повторить залп из пищалей по конной лаве. И вообще лишить их ведения прицельного огневого боя.

Мощные силы выстроились вдоль дороги. Только здесь Острожский сосредоточил в резерве отряды отборной конницы: личную дружину, дружины других магнатов, состоящие из профессиональных воинов-панцирников. Они должны были в решающую минуту битвы войти в прорыв и обратить русичей в бегство.

Умело выстроив свое войско для битвы, чтобы избежать больших потерь, правильно выбрав направление решающей атаки и собрав в этом месте лучшие силы, Острожский задумал одним решительным ударом одолеть противника.

Все им было задумано и сделано верно. Но великий литовский гетман допустил серьезную ошибку в одном — он не взял в расчет полководческий дар русского воеводы, его известные способности разгадывать вражеские намерения.

Князь Даниил Васильевич не без умысла решил руководить московским войском в битве с придорожного кургана, а не с холма где-то в центре занимаемых позиций — так бы мог поступить на его месте кто-то другой, менее опытный и смекалистый воевода. Щене не надо было долгих раздумий, чтобы понять, где находится самое уязвимое место гуляй-города, самое привлекательное направление для нанесения главного удара. Он просчитал возможные варианты штурма деревянной крепости на катках и... разгадал замысел гетмана.

Поэтому воевода Щеня, вновь проявив разумную хитрость, создал видимость малочисленности русских воинов за стенами гуляй-города. Конные тысячи тверской рати, сколько смог, старший воевода укрыл за курганами — оттуда он мог бросить их в бой в любую минуту.

Еще больше тверской конницы князь Даниил Васильевич скрыл в ближайших окраинах Дорогобужа. Оттуда она могла прибыть по первому зову и с ходу вступить в бой. Острожский же на такой «дальний» ход именитого противника даже не рассчитывал.

Видимость малочисленности защитников гуляй-города была создана. Их действительно насчитывалось на десять с лишним тысяч меньше, чем воинов в польско-литовском войске. Десять тысяч отборных конников — московских служилых людей полка во главе с боярином Юрием Захарьевичем Кошкиным ушло с Митькова поля и село в засаду.

Определив себе воеводское место в предстоящей битве, князь Щеня преследовал и еще одну важную цель. Он стремился воодушевить русских ратников личным бесстрашием, презрением к опасности, подняв княжеский стяг в самом опасном месте. Это знали и видели все в его войске.

Великий гетман литовский, одетый для боя в стальные доспехи, восседал на боевом коне под своим знаменем на вершине холма. Его окружала пышная свита польских и литовских вельмож. Пора было начинать атаку. Гетман взмахнул рукой в боевой рукавице.

И сию секунду под холмом тревожно забили набаты. Им ответили набаты в полках и отрядах.

По гуляй-городу ударили из тяжелых, большого калибра пищалей. Добротные сделанные из толстых дубовых до-

сок и хорошо закрепленные щиты выдержали град чугунных и каменных ядер. Но в некоторых местах у дороги под восторженные крики изготовившихся к атаке германцев зазияли бреши: несколько щитов перевернулось — катки не давали нужной устойчивости.

Вновь забили набаты под гетманским шатром. С криками и гиканьем конница и пехота Острожского устремились на штурм гуляй-города по всему Митькову полю...

...Когда поутру последние вражеские всадники повернули назад коней и умчались прочь от стен гуляй-города, наступило затишье. Щеня понял, что пока Острожский не дожидется перехода всех своих сил через Ведрошь, он не пачпот штурм деревянной крепости, возведенной за одну ночь умельцами Федора Ивановича Рязанцева.

Князь Даниил еще раз объехал (с первыми петухами он просто «принял работу» у воеводы-гулявого) деревянную крепостицу. Его сопровождали немногие — старший наряда Василий Собакин, Рязанцев, Кузьма Новгородец, войсковой писарь да с дюжину детей боярских — гонцов старшего воеводы.

Полком левой руки (левым крылом гуляй-города) командовал князь Иосиф Дорогобужский. Здесь только ближние пищальники открывали огонь. Преследователи передового полка — тысячи конников — не успели сюда «залететь». Переговорив с воеводой, его тысяцкими, Щеня напомнил им, чтобы лучше глаз стерегли дубраву, — гетман в случае полной неудачи генерального штурма может пойти на охват фланга. Легкая конница у него имелась, а проводника мог найти среди шляхтичей, осевших на закрепленных за ними смоленских землях.

Пожелав удачи Дорогобужскому, старший воевода поскакал к князу Ивану Михайловичу Воротыньскому — под его рукой находился весь центр гуляй-города. Щеню порадовало боевое возбуждение, царившее среди ратников, — еще бы, двумя залпами пищальники положили под стенами полевой крепостицы столько воинов! Даниил Васильевич от имени великого князя московского сказал доброе слово московским пушкарям. Похвалить-то похвалил, но напомнил, что настоящая битва еще только ожидается.

Здесь его порадовал воевода Воротыньский, принеший в дар первый польский штандарт, взятый в битве на Митьковом поле у реки Ведроши. Железным дробом сносило знаменщика одного из вражеских отрядов. Сразу нашелся охотник, выскользнувший из-под щита и принеший в русский стан знатный трофей.

Пока старший воевода наставлял князей и их тысячных, Федор Рязанцев и Василий Собакин занимались своим делом. Первый опытным глазом проверял крепления щитов, готовность катков к задуманной атаке русского войска. Заботой второго был наряд. Пищалей — чугуновых, медных, железных, больших и малых — Иван III Васильевич имел в своем войске многие сотни. В тверскую рать он отдал все из огневого боя, что можно было собрать. С большим полком под Дорогобужем ушло почти все взрослое мужское население московских пушкарских слобод.

Сам Щеня взял под свое командование правое крыло гуляй-города: берег Днепра, древние курганы и самое главное — прямую дорогу на Дорогобуж, конечную цель похода войска Острожского. Первым помощником его здесь был племянник Дмитрий Патрикеев. Ему старший воевода поручил командовать всей конницей, не участвовавшей в защите стен деревянной крепости. Тот стал из воеводы передового полка начальником полка запасного.

Даниил Васильевич возвратился под свой княжеский стяг к тому времени, когда на Митьковом поле разворачивались последние отряды противника. С обеих сторон все было готово к решительной схватке за небольшой деревянный городок-крепость на Смоленщине — Дорогобуж.

Как только конница противника после залпа гетманской артиллерии пришла в движение, воевода Щеня приказал играть сигнал к бою. На кургане забили в набаты.

По всей линии гуляй-города им в ответ заиграли волынки, которые на Руси называли дудой. Украинцы и белорусы окрестили ее козицей, или козой. Под бодрые звуки русской волынки шли русичи под червленым стягом, поблескивая бердышами, еще на поле Куликовом. В тверской рати, подбадривая воинов, заиграли кувычки, гудки, кутиклы, брелки, варганы (рожки, дудки, жалейки).

Когда вражеская конница подлетала к деревянной крепости на дальность прямого выстрела, по ней залпом ударили из пищалей. Пороховой дым окутывал щиты. Русские пушкарки били по надвигающейся конной массе прицельно. И не было ядер, зарядов картечи из железного и каменного дроба, которые не нашли бы для себя жертвы.

Пока пушкарки перезаряжали пищали — а на это уходила не одна минута, — конница подлетела к стенам гуляй-города. Часть польских и литовских шляхтичей спешились и стали с ожесточением сбивать топорами и палицами железные сцепы щитов, рубили саблями веревочные связи. Другая часть прямо с коней била поверх спешившихся по

оконцам щитов — в защитников полевой крепостицы. Те, в свою очередь, отстреливались от нападавших, стараясь стрелами отогнать их от амбразур. Копьями, рогатинами стремились отбиться от тех, кто пытался разрушить сцены щитов, метали в них сулицы. Гетманцы старались растащить или опрокинуть щиты.

На поваленных щитах у дороги завязалась кровавая сеча. Конники не смогли проскочить их — на пути плотной стеной встали тверские и московские ратники со страшными в рукопашном бою бердышами. Тысяцкие вовремя подкрепили их запасными сотнями.

Рубились с ожесточением, зная, что отступить назад просто некуда. На место павших сразу вставали другие. Мелькали бедраши, сабли, мечи — кончары, топорики — чеканы и клевцы... И не всегда их удары выдерживало защитное вооружение воинов. Пробивались доспехи — кольчуги и панцири, байданы и бахтерцы, колонтари и юшманы... Не всегда спасали головы бившихся шишаки и мисюрки, ерихонки и шапки, стальные и медные. Там, где сходились грудь на грудь, в ход шли кинжалы, поясные и засапожные ножи.

В воздухе, заполненном скрежетом металла о металл, звоном сабельных ударов, криками сражающихся, свистели стрелы, мелькали сулицы. Из пицалей били, как только их успевали перезарядить.

Битва под стенами гуляй-города кипела вовсю. А к атакующим все подходили и подходили новые конные тысячи, за которыми поспешала пехота, ошетилившаяся копьями.

Все-таки гуляй-город устоял от такой яростной атаки. Там, где цепь крепостных щитов была нарушена, старший воевода московского войска ввел в бой резервные тысячи Дмитрия Патрикеева. Но ту конницу, что хоронилась в окрестностях Дорогобужа, он до поры до времени не трогал. Это был его главный и последний резерв.

Шел второй час битвы, а она все длилась с прежним ожесточением. Тверская рать стояла насмерть.

Ожесточенное сражение продолжалось с обеих сторон с одинаковым воодушевлением и силой. Гетман Острожский, как и Щеня, маневрировал своими отрядами по всему Митькову полю. Князь Константин стремился нащупать слабое звено в позиции русского войска, прежде всего в центре или у курганов, чтобы прорвать его и склонить победную чашу весов на свою сторону. Его отряды несли большие потери и в ближнем бою, и от огня московских пушкарей.

Чрезмерная уверенность в превосходстве своих сил породила у великого гетмана литовского и его блестящей свиты из собравшихся в победный поход магнатов и великокняжеских ясновельможных панов беспечность. Более того, умело организовав и своевременно поддерживая стойкое сопротивление большого полка на линии гуляй-города, воевода Щеня привел противника в ярость. Военачальники Александра Казимировича, лишившись хладнокровия, потеряли бдительность и пошли на рискованные решения. Острожский поставил на карту все, что имел под рукой.

Гетман уже вернул на Митьково поле свою легкую конницу, которая пыталась прорваться через засечную линию в дубраве, хотя она, вступая то в перестрелку с русской сторожей, то в рукопашные схватки, и сумела продвинуться вперед. Острожский перебросил ее частью в центр, частью — к дороге.

Стремясь добиться решающего перелома в сражении, Острожский бросил на ту часть гуляй-города, где были пробиты бреши в сцене щитов, последние свои резервы. Он даже снял охрану огромного войскового обоза, до последней повозки перешедшего по ведрошскому мосту и теперь стоявшего в ожидании движения к Дорогобужу. Правый берег Ведроши был забит сотнями повозок с продовольствием, порохом и ядрами, шатрами, походными кузницами, котлами, личными вещами магнатов и другим войсковым имуществом.

В идущей битве Острожский уже не маскировал направление главного удара, сосредоточив папротив придорожного кургана, над которым развевалось княжеское знамя, все лучшее, что имелось в войске. Здесь его воинам удалось растащить несколько щитов, но продвинуться дальше они не смогли. Русские не отступали ни на шаг.

Пытаясь прорваться у дороги, гетман бросил в бой последний резерв — личную княжескую дружину. Но и она завязла в сече, не дав своему хозяину победы, которой он добивался во что бы то ни стало. Константин Иванович считал, что поход по возвращению Дорогобужа и победа под его стенами над московским войском должны прославить его как великого полководца. К слову, такую славу он добудет себе, но уже после битвы на Ведроши.

Кончились резервы и у Щени. Не трогал он только несколько тысяч, скрытых в дальнем тылу. Их он берег для совместной атаки засадного полка и гуляй-города.

Приберег старший воевода до поры, до времени и сотню Кузьмы Новгородца. Опытный полководец знал, что в

сражении иметь под рукой несколько десятков надежных воинов — большое дело. Им всегда найдется дело рискованное, дело важное.

Даниил Васильевич пошел на известный риск. Он стянул и бросил в бой у большой Московской дороги часть запасных сотен князя Иосифа Дорогобужского с левого крыла гуляй-города. Там, у дубравы, натиск противника был не так силен.

Когда Даниил Васильевич Щеня воочию убедился, что в сражении с его большим полком — тверской ратью ввязались все наличные силы Острожского, он решил ударить засадным полком боярина Кошкина. Старший воевода приказал подать ему знак. Несколько рожков на кургане заиграли условный сигнал. По линии гуляй-города им ответило еще несколько.

Одновременно Щеня приказал вызвать от Дорогобужа последние конные тысячи. Теперь в битве наступал и их час.

Долгожданный невучий голос сигнального рожка услышали далеко в дубраве. Теперь решающее слово было за засадным полком боярина Юрия Захарьевича Кошкина, за его десятью тысячами конных воинов. Им, как когда-то на поле Куликовом, предстояло внезапным ударом определить исход битвы на берегах Водроши.

Удар засадного полка

Юрий Захарьевич Кошкин вывел свой засадный полк из русского стана вслед за тысячью воеводы Дмитрия Патрикеева. Но пошел не Митьковым полем, как передовой полка, а в обход старинных валов, оставшихся от древней славянской крепости. Перейдя вброд небольшую речушку, впадающую у Дорогобужа в плавню несущий свои воды Днепр, конная рать углубилась в вековую дубраву.

О том, что полк в десять тысяч мечей уходит в засаду, знали лишь тысяцкие и самые доверенные лица боярина. Даниил Васильевич Щеня велел ему позаботиться о сохранении в строгости великой тайны московского войска. От мощи удара полка Кошкина, а больше всего от внезапности наносимого удара зависела судьба сражения.

Засадный полк вел местный проводник — пожилой землепашец из погорельцев, немало натерпевшийся от произвола своего хозяина, польского шляхтича. Старший воевода сам беседовал с мужиком, которого отыскал Кузьма Новгородец, с глазу на глаз. Только попытал его — хоро-

что ли знает леса на Ведроши и не изменит ли крестному целованию, Щеня приказал сотнику проводить селянина к боярину Юрию Захарьевичу.

Проводник знал леса вокруг Дорогобужа — конную рать по сухим местам, минуя болота, находя копытный путь и в чащобе, провел. Не плутал — до места дошли скоро.

Десять тысяч детей слуг боярских и служилых людей Кошкин разместил на лесных полянах, в балках — дубрава вместила и надежно укрыла от постороннего человеческого глаза всех, кого он привел с собой. Лично с проводником разведал все выходы из леса на Митьково поле. Воевода остался доволен: засадный полк мог выйти на поле битвы разом. То, что требовалось для удвоения силы внезапного удара во фланг увязнувшему в штурме гуляй-города противнику.

Чтобы обезопасить себя от возможных гетманских лазутчиков и просто случайных людей, Кошкин по опушке леса и в тылу расставил крепкие сторожки. Старшим строго-настрого дал наказ: перехватывать любого, пешего или конного, кто слишком далеко пытался забраться в дубраву. Себя не показывать ни в коем случае.

Проводник помог удачно выбрать и место для командного пункта засадного полка. Им стала небольшая полянка у росшего на горке громадного дуба, с вершины которого хорошо просматривалось почти все Митьково поле с уходящей к Днепру деревянной стеной гуляй-города. И мост через Ведрошь, который должен был пропустить через себя все вражеское войско. Лишь только после этого засадный полк имел право на свое участие в битве. Так требовал старший воевода великокняжеской рати.

Ратники быстро срубили несколько лесов и устроили на вершине дуба площадку. Несколько дальпозорных дозорных заняли среди ветвей свои «рабочие» места. Сидящие внизу около оседланных коней Кошкины, тысяцкие теперь видели их глазами все, что творилось на берегах Ведроши, а затем и на Митьковом поле перед деревянной крепостной стеной.

Когда засадный полк, соблюдая тишину, разместился в дубраве и были выставлены сторожки, Юрий Захарьевич вызвал к себе сотника Валентина Осипенкова, служилого человека из Белой Руси, волей судьбы заброшенного в далекую Москву. Воином он был отменным и скоро дослужился у великого князя до командира конной сотни. В боях отличался удалью, в походах берег своих конников, волю старших выполнял старательно, с выдумкой.

Задачу сотнику воевода поставил особенную. Осипенкову предстояло любой ценой разрушить, а еще лучше сжечь, единственный мост через Ведрошь и отрезать тем самым гетманскому войску единственный путь для отхода и бегства. Вплавь же переправляться через быструю, глубокую, с водоворотами, реку, да еще в спешке — дело было невозможное.

Получив такое указание, сотник быстро взялся за его исполнение. Заготовили на каждого воина по связке сухого хвороста, что мог почти сразу заняться огнем. Внутри связок заложили придуманные тут же, на месте, «заряды» из бересты, облитые смолой. Бочонок с ней Кошкин велел слугам прихватить из Дорогобужа. Приготовили и несколько мешочков с порохом, чтобы враз разжечь на мосту костер из связок хвороста.

Снаряженная таким «вооружением» сотня со всей осторожностью вышла на окраину дубняка, прямо к берегу Ведроши. Ей во что бы то ни стало предстояло пройти к мосту, чтобы сделать великое дело для русского войска. Юрий Захарьевич так напутствовал Осипенкова:

— Сам погибай, сотню положи — а мост уничтожь, разъедили берега сей реки!

Засадный полк с нетерпением ожидал своего часа. Затаившаяся на ближней к Дорогобужу опушке цепочка слухачей-сигнальщиков вслушивалась в отдаленный шум гуляй-города, живущего сначала ожиданием боя, а затем и им самим. Все ждали одного-единственного сигнала рожка, который сперва прозвучит на кургане, а потом только придет в дубраву.

А пока дозорные сообщали Юрию Захарьевичу Кошкину и всем, кто находился рядом с ним, новость за новостью. Передовой полк воеводы Патрикеева рубится с вражеской конницей на том берегу Ведроши. Та все прибывает и прибывает по большой Московской дороге. Вот наши конники показали врагам тыл и уходят, отбиваясь, на другой берег реки, но не далеко, в поле. Их преследуют. Через мост сплошным потоком пошли конные полки и отряды гетмана. Русичи ушли за стены гуляй-города, на которые насккивает конница противника, ибо залпы пицалей хорошо слышали все. Начался новый штурм деревянной крепости. Стена щитов в некоторых местах прорвана. Острожский от своей ставки бросает в бой последние резервы. А обозы на полном скаку все идут и идут нескончаемым потоком по мосту...

...Пора бы пропеть желанному рожку на древнем кургане, где спят с незапамятных времен славянские воины.

Мыслями каждый ратник боярина Кошкина был там, где в чистом поле бились в неравном бою их товарищи. Как трудно — вот так сидеть и ждать воеводского приказа! Никто из простых воинов, даже десятники и сотники, не знал, что их полку предстоит решать судьбу знаменитой битвы на реке Ведроши. Но о том, что полк сел в засаду, догадывался каждый.

Со стороны казалось, что убеленный нескончаемыми походами того времени воевода был равнодушен к томительным часам ожидания. Лишь только одергивал меньшего брата, который, пользуясь кровным родством с боярином, все напоминал ему, что московскому войску на поле брани как трудно сейчас! Юрий Захаревич отмалчивался, пряча улыбку.

— Не время еще! Князь Даниил Васильевич про нас помнит и на наш полк крепко надеется...

Но сам воевода уже несколько раз посылал сотников в цепь «слухачей» — сигнальчиков, но с одним строжайшим наказом: не пропустить условный сигнал на большой Московской дороге. Шум битвы у гуляй-города не мог перекрыть напевный голос дуды.

И в конце концов, долгожданный ее сигнал такой родимой трелью пришел в лесную чащобу. Казавшаяся вымершей дубрава разом ожила.

В единый миг слетели с дуба дозорные. Уж кому-кому, а им за эти полдни пришлось поволноваться больше всех. Разом вскинулись в седла застоявшихся коней воины. Вынуты из ножен сабли и отживающие свой ратный век мечи. Опустились вперед копыта. Легли на плечи секиры. Вынуты из-за пояса шестоперы и кистени. Надеты боевые рукавицы, надвинуты на лоб головные уборы из металла.

Десять тысяч отборных, испытанных и закаленных не одной битвой во славу великого князя московского и русской земли конных воинов пришли в движение. Ведомые опытными тысяцкими, знавшими свое место в предстоящей атаке, тысячи стали подтягиваться к опушке дубравы. К ним торопились присоединиться сторожи.

Воевода засадного полка князь Юрий Захаревич Кошкин приказал играть в рожок сигнал общей атаки.

Засадный полк московского войска, на ходу разворачиваясь в устрашающую своим движением конную лаву, вышел из дубравы на Митьково поле. Всадники первые минуты скакали молча, как велел воевода, чтобы не выдать себя.

Тем временем к мосту по берегу реки во весь опор, не разбирая дороги, мчалась сотня Валентина Осипенкова. Не задерживаясь конники проскочили ряды скучившегося обоза, сбивая на ходу растерявшихся, мечущихся обозников и многочисленную прислугу богатых и привыкших к роскоши даже в походной жизни польских и литовских вельмож.

Никто не мог помешать несущейся вперед конной сотне, где у каждого за спиной крепилась такая странная для война в бою вязанка хвороста.

С десяток стражников в стальных панцирях, оказавшихся на мосту, пали под ударами сабель и копий, отчаянно сопротивляясь. Быстро сбрасываются на середину иссушенного солнцем моста вязанки такого же высохшего хвороста. Ручейками побегал среди них рассыпанный порох из мешочков. Стоящий рядом с сотником всадник бросает в выросшую за несколько минут на мосту гору хвороста горящий трут.

И через минуту над все так же несущей свои чистые воды Ведрошью начал разгораться огромный, жадно поглощающий сухое дерево костер.

Под его багровым пламенем сотня Валентина Осипенкова в жаркой схватке рубилась у моста.

Вокруг отбивающихся русских воинов было ох как тесно. Вооруженные служки-похалики, сопровождавшие возы своих вельмож, набросились на них в большом числе. Они сразу догадались, чем может им грозить сожжение единственного моста через глубокую, в опасных водоворотах Ведрошь. В обозе увидели вышедший из дубравы многочисленный засадный полк.

С яростными криками обозники кидались на стойко отбивающихся ратников, бились с ними, стремясь во что бы то ни стало прорваться через их строй на горящий мост, чтобы попытаться убежать на тот берег реки или сбросить горящие вязанки хвороста в воду. Но было уже поздно. Сотня Валентина Осипенкова выстояла, сделав порученное ей дело. Костер разгорался все больше и больше. Сухие смолистые сосновые плахи, из которых дорогобужане сложили мост на главном для себя торговом пути, быстро занялся жарким пламенем.

Спасительный путь назад, за Ведрошь, для сорокатысячного войска великого литовского гетмана был отрезан. Огонь поглотил мост, у которого уже остывала ставшая бессмысленной со стороны вельможьей прислуги жаркая схватка. Когда догорающие остовы моста рухнули в заки-

невшую вокруг них воду, противники осипенковцев, бросая на ходу оружие, бросились назад, под защиту своих возов.

В это время вышедший в атаку засадный полк, круша все на своем пути, успел сбить гетманские конные отряды с левого фланга гуляй-города. Удар конные тысячи боярина Кошкина-старшего наносили сразу по двум направлениям. Один пришелся по правому флангу противника, безуспешно атаковавшего позиции русских, другой — в центр вражеского стана, туда, где находилась главная ставка князя Константина Острожского. После ухода его личной дружины по дороге у древнего кургана он имел под рукой лишь сотню-другую воинов.

Не менее чувствительным для огромного польско-литовского войска стал удар особого рода, напесенный засадным полком не во фланг, а в спину. Это было дымное кострище между двумя берегами Ведроши, ставшее источником паники в войсковом обозе.

С появлением на поле битвы десяти тысяч свежей русской конницы во вражеских рядах началось замешательство, а потом и паника. Прекратился штурм гуляй-города. С поваленных у дороги щитов деревянной крепости отступили назад еще не успевшие прийти в себя от изумления только что сражавшиеся отряды противника.

Этой минутой изумленного оцепенения и бездействия мигом воспользовался воевода-гулявый Федор Рязанцев. По его команде ратники, защищавшие стены походной крепости, ринулись к поваленным щитам и в минуту поставили их вновь на катки. А пушкарки стали приводить в порядок втоптанное было в луговую землю пицали.

Князь Константин Острожский еще пытался организовать отпор засадному полку, встретив его атаку ответным ударом тяжелой панцирной конницы. Но посланные гонцы в возникшей сумятице не смогли быстро разыскать военачальников конных отрядов. А тем, кому приказ гетмана все же смогли передать, не удалось в полном составе вывести своих людей из-под стен гуляй-города.

В результате тщетных усилий гетманской ставки на пути засадного полка смог выстроиться лишь реденький заслон, да и то не во всех местах. Воины Кошкина сразу его смяли и погнали впереди себя.

Поляки и литовцы дрогнули и стали отступать от деревянных стен гуляй-города. Отдельные отряды отходили плотными колоннами, готовые с оружием в руках пробиться к Ведроши. Но большинство просто бежали, не находя

в себе мужества попытаться отразить атаку засадного полка, отбросить его прочь к дубраве.

Митьково поле стало покрываться бегущими конниками и пешими воинами. Наемники в страхе оставили позиции гетманской артиллерии. В панике бросалось тяжелое оружие, доспехи.

Едва только толпы осаждавших отхлынули от стены деревянной крепости, как гуляй-город утонул в пороховом дыме. Это вдогон бегущим дружно ударил русский наряд. Залп нескольких сот пищалей только подстегнул отходящее вражеское войско.

Поняв, что охваченное паникой бегущее войско вышло из повиновения полководцу, стал отходить с окружавшей его блестящей свитой и Острожский. Он еще пытался что-то предпринять для спасения положения. Но напрасно били под княжеским знаменем в пабаты, созывая к гетманской ставке всех тех, кто готов был сопротивляться. Таких нашлось совсем немного. Даже личная родовая дружина пронеслась галопом мимо княжеского шатра.

Константин Иванович развернул боевого коня назад и съехал с холма. С этой минуты началось повальное бегство к берегу Ведроши и стоящему в тылу обозу...

Неожиданный удар сильного засадного полка из отборных конных тысяч великокняжеской московской конницы под командованием воеводы-боярина Юрия Захарьевича Кошкина решил исход битвы на реке Ведроши.

Действиями русского засадного полка эта битва была схожа с битвой на поле Куликовом. Князь Даниил Васильевич Щеня, как и ровно 120 лет тому назад великий московский князь Дмитрий Иванович, которого народ называл Донским, скрыл в лесу отборный конный полк на левом фланге своего войска, не превосходившего по численности противника. В том и в другом случае засадному полку пришлось действовать преимущественно против вражеской конницы.

На поле Куликовом засадным полком командовали двое воевод — Дмитрий Боброк-Волынец и серпуховской князь Владимир Андреевич, получивший за битву прозвище Храбрый. На Митьковом поле — князья братья Кошкины. В первом случае удар наносился в правый фланг и тыл войска хана Мамай, во втором — только в правый фланг польско-литовского войска гетмана Острожского. И оба раза своевременные действия засадного полка склоняли колеблющуюся чашу весов решающих битв своего времени в пользу великих собирателей земли русской.

Разгром Острожского

Вместе с сигналом засадному полку от придорожного кургана во весь опор умчался вестник в сторону Дорогобужа. Старший воевода вызывал к гуляй-городу последние запасные тысячи, чтобы ими подкрепить конницу московского войска. Дмитрий Патрикеев по приказанию дяди уже выстроил ее позади щитов.

В русском стане выход конной рати боярина Конкила из дубравы первыми заметили с курганов. Внешне спокойный и уверенный в себе князь Даниил Васильевич, пожалуй, больше других воевод в войске желал увидеть появление на лесной опушке первых сотен засадного полка. И тогда он облегченно вздохнул, когда конная лава стала разворачиваться по расходящимся направлениям. Большая часть русских конников пошла на холм, где развевался стяг великого гетмана.

Щеня подозвал к себе сотника Кузьму Новгородца, бывшего неотлучно при нем:

— Видишь, Кузьма, где гетмана стан?

— Вижу, князь.

— Тебе с сотней задача — взять князя Константина в полон. Смотри не упусти Острожского! Уходить будет к мосту, к обозу.

— Будет сделано, воевода Даниил Васильевич.

Поклонившись князю, Кузьма Новгородец заспешил к подножию древнего кургана, где расположилась его заметно поредевшая за день сотня. Собрав в кружок десятников, объяснил задачу старшего воевода. Пояснил, что и как возможно сделать, чтобы лишить вражеское войско полководца.

...На правом фланге гетманского войска, у дубравы, началась паника, переросшая в повальное бегство от нахлынувших воинов засадного полка. Этого и ждал Даниил Щеня.

У подножия древнего кургана ударили в медные воеводские набаты, которые возили в четырехконных упряжках. Щеня через воеводу-гулявого Федора Ивановича Рязанцева отдал команду десятникам — старшим щитов полевой крепости:

— Гуляй-городу вперед идти, на врага!

Последний раз ударили из пищалей. И щиты из дубовых брусьев медленно, давя траву и кусты своей тяжестью, двинулись вперед. Ратники за щитами налегли на катки. Удивительное то было зрелище — высокая деревянная стена,

перегородившая во всю ширь Митьково поле, пошла в атаку на мгновенно опешившего противника.

Напрасно еще пытались гетманцы помешать движению атакующего гуляй-города. Тех, кто осмелился проскочить меж катящихся по полю щитов, встречали секирами и кистенями. Тех, кто пробовал метать стрелы из арбалетов в воинов гуляй-города, встречали стрелами из луков и самострелов. То там, то здесь пороховой дым окутывал щиты. То московские пищальники умудрялись на ходу перезаряжать малые пищали и стрелять по врагу.

Теснимое с двух сторон — с фронта гуляй-городом, с правого фланга засадным полком, — польско-литовское войско стало откатываться к гетманской ставке...

Наконец Щеня получил еще одну радостную весточку от боярина Юрия Захарьевича: горит мост через Ведрошь. Теперь сорокатысячное войско противника железным кольцом победы было охвачено со всех четырех сторон.

Старший воевода отдал сигнальщикам еще одну команду: — Набатам играть сигнал «на вытечку»!

Это означало, что конные тысячи воеводы Дмитрия Патрикеева пойдут на вылазку из-за стены гуляй-города.

Даниил Васильевич напутствовал племянника:

— Дмитрий! Не дай Острожскому собрать под княжеским знаменем хоть малую часть его отрядов. Гони, жми всех супротивников к обозу, к Ведроши...

Патрикеев поклонился старшему воеводе и через минуту уже был в седле. Ему доверили зачинать битву на Ведроши. Ему доверили и завершать ее.

Молодой воевода был несказанно рад и горд за такую воеводскую честь. Не одно будущее поколение боярского рода Патрикеевых будет гордиться славной победной битвой великокняжеского войска на Смоленщине под городом Дорогобужем. Там, где воеводы из Патрикеевых были на первых ролях, затмив тем самым другие древние роды.

А князь Даниил Васильевич Щеня, повернувшись к слугам своим, повелел:

— Коня мне!

Спустившегося с кургана старшего воеводу уже поджидал его застоявшийся боевой конь.

По бокам Щени встали князь Иван Михайлович Воротынский и главный пушкарь великого князя Василий Собакин. За ним — знаменщик с княжеским стягом. Около него держались музыканты-сигнальщики; малые воеводские набаты были подвешены на конях.

Старший воевода махнул рукой Федору Рязанцеву:

— Сдвигай щиты!

Около восседавшего на коне воеводы-гулявого, а гуляй-город уже на много шагов откатился вперед, весело заиграли полковые рожки да сурны. Забили тревожащую дробь малые набаты тысяцких деревянной крепости.

От такой музыки сразу повеселели и лица ратников, которые катили дубовые щиты, нажимали па отходившего противника. Десятники тех щитов, что были поближе к большой Московской дороге (воевода-гулявый еще почью объяснил им задачу при атаке полевой крепостицей), враз дали команду своим ратникам:

— Сдвигай щиты! И хоронись за них — сейчас конница вперед пойдет!..

Воевода Дмитрий Патрикеев взмахнул саблей. Одновременно качнулось полковое знамя. И конные тысячи большого полка на рысях стали выходить из образовавшихся вдруг в стене щитов нескольких крепостных ворот. С посвистом, с победными криками русские всадники понеслись в поле, образуя с конной лавой засадного полка сходящийся угол атаки.

Тысячи Дмитрия Патрикеева с ходу врубались во вражеские ряды. Те уже лишились привычной стойкости и старались только, отбиваясь как могли, выйти из-под удара русских сабель и мечей, оторваться от преследователей.

Исполняя приказ старшего воеводы, Кузьма Новгородец вел сотню прямо на ставку гетмана, хорошо видную на Митьковом поле. От конников требовалось одним махом дойти до нее и перехватить князя Константина Ивановича. И при этом избежать стычек с отступавшими, не ввязываться в сечу.

С выходом из-за стен гуляй-города московской конницы отступление полков и отрядов гетмана Острожского стало всеобщим. Его войско потеряло строй.

Еще играли на холме перед гетманским шатром музыканты, сзывая к родовому знамени Острожских отступавших. Но конные толпы бежавших поляков и литовцев с трудом сбивались в сотни, магнатские дружины и полки. Их возникшего было воодушевления пойти снова в битву хватило лишь до первого встречного удара русской конницы.

Князь Константин Иванович понял, что организовать, построить оборону вокруг ставки просто немыслимое дело.

Огляделся вокруг — от свиты великого гетмана литовского осталось одно название. Ясновельможные магнаты в окружении верных слуг уходили, что есть мочи в копях своих, в сторону Ведроши. Все надежды бежавших были те-

перь на широкий ведрошский мост, через который они еще рано утром этого дня вынеслись на Митьково поле.

Сбежал с холма и гетман. Служки подвели коня, и Острожский, вскочив в седло, понесся догонять бежавшую свиту. Знаменщик и немногие близкие князю люди едва поспевали за ним. Большие набаты войска великого князя литовского Александра Казимировича оставлялись победителям.

Гетман еще теплился последней надеждой в проигранной уже битве с русским войском. Здесь полководец польско-литовского войска не строил иллюзий. Он надеялся на то, что московскую конницу удастся хоть на малое время удержать перед огромным войсковым обозом. И под его прикрытием вывести личную дружину, часть конницы на ту сторону Ведроши — столько, сколько позволит мост. И сколько позволит победитель. А остальных побьют русичи или же с бесчестьем возьмут в плен.

Другого исхода идущей к концу битвы Острожский просто не видел. Но он думал сохранить от полного разгрома хотя бы часть великокняжеского войска.

Острожский не успел доскакать до обозов. Наперед мчались ратники засадного полка, явно прицеливаясь к сотне-другой богато разодетых всадников, среди которых металось от бешеной скачки по воздуху княжеское знамя. Бежавшим пришлось сворачивать вправо, к дороге, что без изгибов шла недалеко от днепровских заболоченных берегов.

Здесь-то и набежала на остатки гетманской свиты удаляя сотня тверян — детей боярских и их вооруженных на войну холопов под командованием Кузьмы Новгородца. Воевода Щеня правильно рассчитал, что нельзя было допускать князя Острожского до обозов.

Часть гетманских слуг схватилась за оружие. Воины Новгородца разом взяли их в сабли и уложили под ноги коней. На пыльной дороге вокруг теснившихся около князя Острожского шляхтичей-«рыцзей» и слуг-похаликов сомкнулось плотное кольцо окольченных русских всадников. Из их рядов кричали:

— Сдавайтесь! Или смерть вам будет здесь!

Теперь судьба окруженных зависела от воли гетмана. Думать ему долго не приходилось. И Константин Иванович, будущий великий полководец Польши и Литвы, принял решение. Всмотрев среди крутящихся на конях русских всадников старшего, князь Острожский подъехал к нему:

— Сдаюсь на волю московского воеводы князя Даниила... — И протянул сотнику Кузьме Новгородцу дорожную, всю изукрашенную золотом и драгоценными камнями гет-

манскую саблю рукояткой вперед. Тот молча принял клинок в руки.

Войско Великого княжества Литовского осталось без полководца.

Гетман оглянулся на своих приближенных. Они следовали его примеру: под ноги коней летели сабли, книжальки, копы, боевые рукавицы, мисюрки... О бессмысленном сопротивлении никто и не думал. Впереди была неволя до тех пор, пока великие князья не подпишут между собой мир, теперь уже неравный — в пользу победительницы-Москвы, и не договорятся о размене пленных. Или об их выкупе. Владелец обширных земель, многих городов, местечек и сел на Волыни, в Подолии и других мест стоил дорого. И мог заплатить за себя большие деньги. Если на то, разумеется, согласятся победители — Москва считалась не из бедных столиц.

Новгородец приказал сдавшимся в плен сойти с коней. Всем, кроме великого гетмана. Победенный оставался князем. И мог еще стать большим воеводой в огромном войске великого московского князя Ивана III Васильевича. Было правило в те времена у сильных владык — храбрых военачальников врага, взятых в плен, брать на службу к себе.

Оставив пленников на попечение старшего из десятиков, Кузьма Новгородец, развернув по дороге коня, повел гетмана навстречу воеводе Щене. За ними везли родовое знамя князей Острожских. Сотник не без гордости смотрел прямо перед собой: еще бы, главный военачальник вражеского войска сложил свое оружие перед ним, в недавнем времени простым порубежным стражником из псковских земель.

Когда к ним подскакал с походным «штабом» старший воевода московского войска, Кузьма Новгородец молча протянул князю Даниилу Васильевичу гетманскую саблю. Родовое знамя Острожских склонилось перед фамильным стягом будущего рода Щенятевых, что вошли в историю России из боярского рода Патрикеевых. А князь Константин Иванович сошел с коня и встал перед воеводой Щеней с непокрытой головой...

Тем временем почти все польско-литовское войско сгрудилось на берегу Ведроши среди тысяч обозных повозок и телег. Крики отчаяния и бессильной ярости неслись от реки. Бежавшие с поля боя напали на ее крутом берегу вместо спасительного моста лишь еще дымившиеся, обуглившиеся его остатки. Русские воины лишили противника последней надежды на спасение бегством в заречные леса.

Однако нашлось немало отчаянных шляхтичей, которые, сбросив с себя хоть что-то из тяжелых доспехов, расставшись с оружием, кидались с конями в полноводную реку. Смелчаки, сразу попадая в водовороты, тонули с мольбами о спасении. Но некому было им помочь. В те времена Ведрошь вниз по большой Московской дороге не имела брода вплоть до впадения в еще более полноводный Днепр.

Лишь единицы пытавшихся вплавь перебраться через глубокую реку сумели с невероятным трудом достичь противоположного, обрывистого берега. Тем, кому посчастливилось сделать это, пришлось бросить на погибель спасительных коней. И пешими, безоружными без оглядки бежать в ближайшие леса.

А Ведрошь понесла по Днепру к морю множество людей и коней, нашедших в ее светлых водах погибель свою.

В поисках брода сотни конных поляков и литовцев бросились вдоль берега Ведроши к Днепру. В тщетной попытке спастись они неслись галопом по зеленой луговине. Но ноги притомившихся коней стали вязнуть в болотной воде. Несмотря на отчаянные поощрения потерявших голову всадников, храпящие кони дальше не пошли...

Когда конные тысячи Дмитрия Патрикеева и засадного полка на всем скаку подлетели к загроможденному неприятельским обозом берегу Ведроши, сопротивления они не встретили. Побужденные молча сходили с коней, бросали на землю оружие, бережно укладывали на траву знамена и штандарты полков, личных дружин магнатов, отрядов...

Подскакавшие к обозу воеводы Юрий Кошкин с братом Яковом и Дмитрий Патрикеев сигналами набатов и рожков остановили разгоряченных волнов своих полков, готовых с размаху влететь с саблями наголо во вражеский обоз.

Битва закончилась.

И боярин Юрий Захарьевич, и молодой Патрикеев приказали своим тысяцким принимать пленных по счету, собирать оружие и знамена, сбивать в табуны оставшихся без хозяев коней. В захваченном обозе выставили строгую стражу — чтобы не было какой шалости со стороны пленных и своих же ратников. Огромный обоз стал военной добычей великого князя московского.

А сами полковые воеводы стали принимать в плен себе равных, знатных людей польских и литовских земель. Принимая их личное оружие, беседовали с ними и находили многих в дальнем или даже в ближнем родстве. В те далекие века родовые ветви русских, польских и литовских князей не раз переплетались между собой.

Вечерело. Солнце, ушедшее за Ужу, за недалекий от Дорогобужа Смоленск, играло по вершинам окрестных лесов последними своими красками.

По всему Митькову полю разжигали костры. И там, где устраивались на ночлег прямо под открытым небом сотни московского войска, и там, где разбивались для князей и тысяцких шатры. Десятки гуляй-города по случаю победы разрешали разводить костры прямо под щитами — в тех местах, где деревянная крепостная стена победно завершила свою атаку.

За русскими кострами было весело и шумно, хотя то здесь, то там, крестясь, добрым словом вспоминали павших в битве товарищей, родных и близких, просто земляков. Много слез будет пролито по ним на Москве и в Твери, городах и весях Смоленщины, новгородских и рязанских земель, в Заволжье...

Горели костры и в лагере, где расположились на ночлег, тоже на голой земле, в большом числе плесники. Тихо было вокруг их костров. Здесь молча вспоминали о погибших. Лишь ходили вокруг лагеря и перекликались между собой ночные стражники...

Уже ночью кашевары в сотнях первый раз в день накормили воинов горячей пищей, обильно одобренной крупно порезанной копченой говядиной. Вареву запивали из ковшиков прохладной речной водой.

Лишь в княжеских шатрах всю ночь шел пир. Воеводы, тысяцкие и избранные из сотников и детей боярских справляли победное застолье. Подымали здравные чаши в честь великого князя московского, его любимого воеводы Даниила Васильевича Щени из рода Патрикеевых, других отличившихся воевод русского войска. Славили и сотников — Кузьму Новгородца и Валентина Осипенкова. По заслугам была и им честь.

И, по обычаю, пировали с ними побежденные — князь Константин Иванович Острожский со своими магнатами из польских и литовских земель. Те, кого в жестокой битве миновал железный дроб пицалей гуляй-города, тупая стрела самострела, секира или сабля русского ратника. Те, кто не бросил с разбега своего загнанного коня в губительные воды неизвестной им до сих пор реки Ведропи.

А в дубраве были волки, почуявшие добычу и стадами сходявшиеся к Митькову полю. Им из-за реки подывали собратья...

Рано утром, по восходу солнца, оставшиеся в живых вышли в Митьково поле к павшим в битве. Хоронили их в

братских могилах. Русичей отдельно от погибших поляков и литовцев. Священники из русского войска, из войска поверженного противника справили по ушедшим из жизни тризну. И победители, и побежденные встретили в день 15 июля восходящее солнце с непокрытой головой.

Старший воевода велел собрать с поля битвы брошенное оружие и воинские доспехи. Сосчитать потери в людях — собственные и противника. И о том докладывать великокняжескому писарю — ему скрипеть перьями по пергаментным листам, готовя победное донесение в Москву.

В кругу воевод Щени назвал имена сотников, которые повезут в Москву великому князю Ивану III Васильевичу радостную весть о славной победе русского оружия. О победе в битве на реке Ведроши, что впадает в Днепр близ смоленского города-крепости Дорогобужа, стоящего на большой Московской дороге. Такими вестниками стали сотник засадного полка Валентин Осипенков, заслуживший столь высокую честь своей ратной доблестью при уничтожении ведрошского моста, и командир сотни разведчиков старшего воеводы Кузьма Новгородец, стороживший польско-литовское войско по ту сторону Ведроши.

Князь Даниил Васильевич так и сказал с поклоном позваным в его палатер Новгородцу и Осипенкову:

— Не каждый сотник может предстать перед очами нашего владыки Ивана Васильевича, да еще в великокняжеских московских палатах. То честь вам за мост, что спалил огонь во вчерашней битве, за то, что враг, выказав себя, не видел войско наше...

...Вместе с гонцами разлетится по всей Руси добрая весть о великой битве и славной победе над сильным противником. Будет передаваться из уст в уста и имя старшего воеводы князя Даниила Васильевича Щени. И будет славить его и войско русских ратников во всех больших и малых церквях, монастырских храмах. Славить под малиновый колокольный звон...

...Потери почти сорокатысячного русского войска были несравненно малы с теми потерями, что понесло войско противника. Павшие были среди воинов передового полка воеводы Дмитрия Патрикеева. Были погибшие, а еще больше раненые среди защитников гуляй-города. Его дубовые щиты послужили воинам надежной защитой даже в самые жаркие часы битвы. Среди московских и тверских конных ратников, что входили в состав засадного полка и шли в атаку из-за стены деревянной полевой крепости, потерь почти не было.

Воевода, одержав победу в большой битве, сохранил великому московскому князю его главное войско. То было проявлением великого ратного искусства великого русского полководца.

Потери польско-литовского войска были несравненно большими. Только одних убитых насчитали на поле битвы свыше восьми тысяч. Не считая тех, кто утонул в Ведрони и погиб в схватках с передовым полком на большой Московской дороге от реки Ужи до ведровского моста. А войско гетмана Константина Острожского насчитывало в своих рядах чуть более сорока тысяч человек. Сумели переплыть Ведрошь лишь единицы. Более трех четвертей гетманских воинов попало в плен.

В плен попал и сам полководец вражеского войска князь Константин Иванович Острожский. И, как писали летописцы, вместе с ним в полон ушли двенадцать великих воевод-вельмож польской и литовской земель.

В руки победителей досталась вся артиллерия, собранная со стен городов-крепостей и замков Польши и Литвы по случаю великого похода для отвоевания Дорогобужа.

Среди трофеев оказалось все оружие и доспехи войска противника. Все знамена и шатры. Воеводские набаты — особая гордость и украшение любых армий тех времен. Весь огромный войсковой обоз с огневыми припасами, продовольствием и снаряжением. Гетманская казна. И несколько десятков тысяч боевых копей и обозных лошадей.

Главное войско будущего короля польского, великого литовского князя Александра Казимировича, собранное с подвластных ему земель от границ с Крымским ханством до границ с Ливонским орденом рыцарей-крестоносцев, перестало существовать.

...Посланные старшим воеводой главной русской рати гонцы, не раз и не два меняя по большой Московской дороге коней, быстро домчались до кремлевских стен. Скуповатый на милости, великий князь прилюдно обласкал их, поднеся собственноручно сотникам позолоченные чаши из серебра с хмельным вином. Великокняжеские дарственные чаши и стали наградой Кузьме Новгородцу и Валентину Осипенкову за ратные труды в битве на Ведрони.

Ответным гонцом из Москвы поскакал ближний боярин. Довольный победой на реке Ведрони, Иван III Васильевич послал его к князю Даниилу Васильевичу Щене, велел в знак чрезвычайной великокняжеской милости «спросить о здравии» своего главного воеводу. То была редкая честь.

Ближний боярин скажет похвальное слово от великого собирателя земли русской и другим воеводам — братьям Юрию и Якову Кошкиным из славного на Руси княжеского рода, молодому Дмитрию Патрикееву, князьям Ивану Воротыскому и Иосифу Дорогобужскому, служилым великокняжеским людям Федору Рязанцеву и Василию Собакину... Тем, кто мечом добывал себе честь, великому московскому князю — славу, а будущему государству Российскому — Смоленщину и землю Северскую с древним городом Черниговом.

Юрий ЛУБЧЕНКОВ

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ

Ларги гром

В русско-турецкую войну 1768—1774 годов летняя кампания 70-го года — самая яркая. Отныне и навсегда вошла она в военную историю России и всего мира как образ наступательной стратегии.

Войну эту зачастую зовут «румянцевской», поскольку все основные победы ее связаны с именем фельдмаршала Петра Александровича Румянцева.

Сын «птенца гнезда петрова» Румянцев родился в 1725 году. Подпоручик в 15 лет, полковник — в 18, генерал — в 31 год. Герой Семилетней войны с Пруссией, все основные сражения которой — Гросс-Егерсдорф, Кунерсдорф, взятие Кольберга — происходят при его доминирующем участии, он по праву считается после нее одним из наиболее умелых военачальников Европы.

Война с Турцией закрепила и упрочила это мнение.

Наиболее выдающиеся его победы в этой войне — при Ларге и Кагуле. До Ларги было сражение при урочище Рябая Могила, где русские разгромили татарскую конницу. Теперь же им противостояла кроме татар и отборная османская пехота...

Ночью в неприятельский лагерь бежал офицер — поляк прапорщик Квитковский, выдавший все планы Румянцева, — теперь противник знал о готовящемся наступлении. Фактор внезапности был утерян.

Однако предательство Квитковского изменило планы русского командования лишь в малой степени. Понимая, что сражение не отменишь — хан, да и турецкие наши были настроены решительно — и что превосходство противника в людях при атаке будет более внушительным, Румянцев лишь перенес начало своего наступления на два часа ранее. Желая хоть немного дезориентировать хана, высту-

навшего в роли главнокомандующего, он приказал оставить на месте ночлега палатки и лагерные костры, надеясь, что Канлан-Гирей поверит в невозможность сегодняшнего наступления русских в связи с предательством бывшего офицера.

План атаки был оставлен в неприкосновенности: 7 июля наступать должна была вся армия, кроме арьергардного отряда полковника Каковинского. Малые силы русских предполагали удар в едином порыве — это был единственный залог успеха.

Каждый из генералов, казалось, наизусть помнил слова диспозиции, произнесенные на военном совете главнокомандующим.

— Тогда как вся армия будет атаковать противника в правый фланг, корпус генерал-поручика Племянникова ударит по левому неприятельскому крылу.

— Господин генерал-поручик, — обратился Румянцев к Племянникову, — корпус Ваш будет состоять из вверенной Вашему превосходительству дивизии, к которой определяется еще один из егерских батальонов полковника Фабрициана, шесть эскадронов кавалерии от корпуса генерал-квартирмейстера Баура и часть легких войск.

— Корпусам господ генералов Репнина и Баура выступить из их мест и следовать: генералу Бауру — на левую оконечность нашей линии, генералу Репнину — подле него справа. Приблизясь к Ларге, навести четыре моста, перейти реку и построиться к атаке.

— Главные силы армии — под моим командованием — начнут движение к моменту наведения мостов через Ларгу. Им надлежит идти за корпусами господ Репнина и Баура в трех колоннах. Коннице быть промеж передовых каре и каре главных сил. Казакам и арнаутам быть на флангах для сдерживания нападков на наши тылы и фланги. Впрочем, в писаной диспозиции вы прочтете сии пункты, более подробно изложенные.

— И последнее, господа, прошу вас данное довести до сведения и подчиненных ваших. Конечно, всякий верный сын Отечества сделает все полезное и сверх предписания сего. Начальники полков, увидя какую-нибудь перемену в ходе битвы, не пропустят случая сделать движений, согласных с успехом сражения. Это все, господа. Готовьте людей. Скоро уже в бой...

Отряды Репнина и Баура наступали тремя каре по хребту между реками Ларга и Бабикул, имея на флангах егерей

уступом вперед. Перед этим, соблюдая предписанный порядок, в полнейшей тишине, от которой зависел успех дела и жизнь — всех, с изумительной точностью — согласно назначенному — перешли Ларгу. Никто не подталкивал и не направлял — каждый знал свои действия и свое место. Слышны были лишь тихие команды начальников:

— Осторожнее, ребята, не шуметь.

Переправившись, русские заняли высоты левого берега и перед самым рассветом выстроились к бою.

Татарские пикеты, согнанные с места движением корпуса Баура, возвестили в своем лагере о шествии неприятельских войск. Поэтому сначала в ставке у татар показались большие огонь и дым — сигналы тревоги, а потом раздался всеобщий крик и началось обыкновенное метание во все стороны внезапно разбуженных людей: хан все же до конца не верил в возможность наступления столь малыми силами на его войска.

Первое, что сделали татары, это открыли по наступающим русским каре сильную канонаду со своих батарей. В ответ на это Румянцев приказал приготовить атаку подковообразного укрепления, сначала подавив его огнем своей артиллерии, а затем предпринять наступление группами Репина, Баура и Потемкина.

Основные силы под его начальством шли за этими тремя отрядами в едином большом каре, имея позади всю регулярную конницу.

Вглядевшись в картину разворачивающегося перед ним сражения, Румянцев бросил через плечо адъютанту:

— Генерал-майора Мелиссино ко мне!

Тот появился почти сразу же:

— Я здесь, Ваше сиятельство.

— Все орудия Вашей бригады — к атакующим каре. Поставьте батареи между кареями господ Репина и Потемкина. Весь огонь — на главный ретраншемент.

— Слушаюсь!

170 орудий полевой бригады Мелиссино создали мощную огневую поддержку наступающим.

Назначенные к атаке каре подошли к укреплению на 200 шагов и открыли сильный огонь картечью из полковых и полевых орудий. Особенно губителен для татар и турок был залп бригады Мелиссино. Неприятельская артиллерия, начав захлебываться, вскоре замолчала вовсе.

— Что Племянников? — вновь задал вопрос Румянцев своему окружению.

— Перешел Ларгу, Ваше сиятельство! — мгновенно ответил Олид. — Выстраивается для атаки 3-го и 4-го ретраншементов.

— Добро!

Корпус Племянникова, исполняя самостоятельную задачу, определенную ему диспозицией главнокомандующего, в самом начале боя наступал в направлении моста через Ларгу, не доходя до которого версты полторы развернулся перед оврагом и тем самым привлек к себе внимание неприятеля, имитируя направление главного удара.

Действуя в составе двух каре, Племянников открыл против левого фланга Каплан-Гирея жестокую канонаду. А после того как татары отвлекли все же с этой стороны часть своих сил для защиты правого фланга, подвергающегося атаке главных отрядов армии Румянцева, быстро двинул свои каре по деревянному мосту через реку, продолжая отвлечение хана.

Но деятельность его не ограничивалась лишь имитацией атаки — это также было предусмотрено: максимальная деятельность малыми силами. И к четверем часам он, как и Репнин с Бауром, сбил передовые татарские посты и приблизился к укреплениям. Когда же Племянников услышал сильную канонаду, производимую Мелиссино, то тоже открыл артиллерийский огонь по противнику, подойдя вплотную с севера к Ларге.

Боясь атаки с двух сторон, хан решил ударом во фланг и тыл Репнина и Баура, а также и главному каре отразить их наступление. Для этого он бросил со своего правого фланга долиной Бабикула всю конницу.

Румянцев тотчас отвратил опасность от армии и свел на нет все маневры противника.

— Яков Александрович, — обратился он к начальнику третьей дивизии Брюсу, — отрядите в лоцину бригаду Римского-Корсакова. Надо запереть там татар. Да не забудьте артиллерию.

— Слушаюсь, Ваше превосходительство. — Брюс распорядился направить в долину Бабикула бригаду генерал-майора Корсакова в составе Санкт-петербургского и Аншперонского полков и батарею большой артиллерии майора Внукова.

Бригада спустилась в долину и открыла продольный огонь, встав в каре, по идущей там коннице, что заставило татар выйти из противоположной стороны лоцины на высоты. Чтобы сбросить их и оттуда, Внуков расположил на северной возвышенности, где стояли русские легкие войска,

свою батарею и также открыл продольную пальбу через долину.

Вскоре Румянцеву было доложено, что противник из долины прогнан, опасность нападения на русский тыл ликвидирована: фланг и тыл, атакующий каре Репнина, Баура и Потемкина, были теперь надежно прикрыты.

Румянцев в этот момент также прибыл к этим каре, поручив вести построенное им главное каре в боевом порядке Олицу, а левую сторону — предохранять Брюсу. Сам же он решил в определяющем пункте лично руководить боем:

— Вперед, ребята! В атаку! Ура!

Каре Репнина и большая часть сил Потемкина атаковали турок и татар с фронта. Часть сил отряда Потемкина под командой бригадира Ржевского охватывала их правый фланг. Корпус Баура вышел еще левее и открыл сильный огонь вдоль укреплений и в тыл неприятелю.

Бригада Мелиссино пришла на помощь артиллеристам Внукова — татарская артиллерия была отогнана от русских тылов окончательно.

1-й ретраншемент хана был атакован с трех сторон. Противник стал подаваться, и каре Репнина под прикрытием артогня подошло к самому укреплению. Пехота не шла, а бежала, не теряя строя, на крутую гору и с разбегу заняла окопы. Подполковники Ельчанинов и Фалкеншильд первыми ворвались туда с криками победы:

— Луи, ребята!

— Ура, братцы!

— Алла!

Противник ожидал, что русские бросятся грабить лагерь, — хан отступал столь поспешно, что не успел ни вывезти, ни спрятать, а его подчиненные не успели растащить богатейшую казну. Солдаты постоянно натыкались на груды монет, россыпи жемчуга и камней, но поскольку им было не до этого — враг еще сопротивлялся, — все это кучами так и оставалось лежать.

Сохранив полный порядок, русская пехота продолжала рваться в глубину расположения противника.

С началом атаки на 1-й ретраншемент корпус Племянникова в двух каре двинулся к долине Ларги. Первое каре генерал-поручик возглавил сам, имея в нем в подчинении генерал-майора Гротенгельма и бригадира Гудовича, а второе свое каре поручил генерал-майору Замятину. Поставив батарею на краю долины, командир корпуса приказал открыть огонь по укреплению левого фланга. Турки отвечали.

Канонада гремела оглушающе, но в общей симфонии боя ее почти не было слышно. И поэтому Румянцев, руководя наступающей пехотой Репнина, Баура и Потемкина, все время мучительно прислушивался.

— Что-то не слышно Племянникова. Где его пушки?

— Ваше превосходительство, — отвечали ему, — генерал-поручик Племянников ведет огонь на левом фланге Каплан-Гирея.

— Пошлите сказать ему, чтобы не забывал о главном. А сие — 4-й ретраншемент!

Фронтальная атака Племянникова удалась — он овладел правым укреплением и пошел на левый ретраншемент, 4-й. Укреплениями своими это отделение превосходило все три первых примыкавших к нему с правой стороны шанцев. Батареи и глубокие рвы заграждали к нему проход, как и сама увесистая гора, на которой эти укрепления были построены.

Каре Племянникова — полки: 4-й гренадерский, астраханский и московский пехотные — спустились в долину Ларги и вплотную подошли к ретраншементу. Турки из своих левофланговых укреплений попытались атаковать русское каре во фланг, но все их попытки были решительно отражены.

Полки сами начали движение вперед — и полезли на крутизну. Подъем был настолько сложен, что солдаты сначала поддерживали друг друга, а потом, хватаясь руками за сухие травы, ползком продвигались к окопам.

В это время каре, состоящее из Бутырского и Муромского пехотных полков и батальона егерей под командованием Замятина, по приказу командира корпуса, атаковавшего 3-й ретраншемент, левее большого оврага, отделявшего его от 4-го, уже справилось со своей задачей.

Относительная легкость предприятия заключалась и в том, что Репнин, Баур и Потемкин, подкрепляемые главными силами, уже овладев правым укреплением, быстро взяли — на плечах турок — и 2-й ретраншемент, поскольку он был обращен к ним тылом. Османы начали сбегаться к 3-му, куда двинулись и эти каре.

Все три генерала шли вдоль третьего укрепления, а Замятин атаковал его в лоб. Противник не выдержал перспектив полного обхода и начал поспешное отступление к самому сильно укрепленному и по какому-то недоразумению считавшемуся им неприступным 4-му ретраншементу.

Пехота Племянникова почти уже преодолела склон, как тут, продолжая свое движение, появились три передовых

русских каре, готовясь к атаке во фланг, — Репнин, Баур и Потемкин, чтобы не идти через утесистый овраг, до этого приняли влево и теперь вышли сбоку от окопов.

Увидев себя окружаемыми, турки припились бросать позиции, и русская пехота, наконец преодолев все трудности, снося залпы неприятельской артиллерии, под выстрелами своих батарей вступила во внутренность ретраншемента.

В итоге противник обратился в паническое бегство на юг по восточному берегу Прута. Пехота русских не могла преследовать турок — так резко те ретировались. Тяжелая кавалерия Салтыкова долго преследовала конных татар, но без особого успеха, так как последние на своих легких лошадях постоянно отрывались от драгун.

Приказ же Румянцева Салтыкову — отрезать турецкую пехоту — до того своевременно не дошел, поэтому потери у неприятеля были не такие, какие могли и должны были быть после подобного разгрома: тысяча убитых. Было взято триста орудий, восемь знамен и весь лагерь.

После боя Румянцев лично подъезжал к каждому начальнику и изъявлял признательность за их благоразумие и мужество, а солдатам их — за рвение и храбрость. Солдатам же корпусов Репнина, Баура и Племянникова досталось и по тысяче рублей на отряд — именно они бились на кисетах с пистрами и камнями. Отмечая это, главнокомандующий сказал:

— Благодарю вас, войны, что не посрамили вы славного имени российских солдат! Что не ринулись вы алчущей толпой на рухлядь османскую, забывая при том, что главная добыча воинства — мощь Отечества! Спасибо вам за викторию!

Наградой Румянцеву за Ларгу был орден Святого Георгия I степени. Не считая Екатерины II, которая также возложила подобный знак на себя как гроссмейстер ордена, Румянцев стал первым кавалером высшей степени единственного военного ордена России.

Вскоре был Кагул, и он стал фельдмаршалом. Был переход с армией за Дунай, и он стал Румянцевым-Задунайским. В 1774 году он заключил мир с Портой и по-прежнему управлял Малороссией, которая ему была поручена еще в начале 60-х годов. Потом была еще одна русско-турецкая война — 1787—1791 годов, и вновь он — командующий одной из армий.

Умер Румянцев в 1796 году — через несколько недель после воцарения Павла I, захватив, таким образом, всю российскую историю XVIII столетия — от Петра до Павла.

Племянник канцлера императора Петра III Романа Воронцова и брат императрицыной же фаворитки Семен Воронцов родился в 1744 году. В силу своего вопиюще близкого положения у трона при прежнем правителе Семен при новом — после свержения Петра и воцарения императрицы Екатерины, второй по счету — оказался не у дел. Именно поэтому с начала русско-турецкой войны в 1768 году он начал усиленно рваться в действующую армию и наконец был милостливо туда отпущен.

Он прибыл к Румянцеву в чине премьер-майора. Командующий, решив действовать по принципу «кто утонет — тот не моряк», бросил Воронцова к егерям — снайперской пехоте, созданной и лелеемой им самим лично. Здесь были собраны лучшие из лучших, и Воронцову было доверено возглавить их — один из считанных батальонов на всю армию. «Справится — честь ему и хвала, не справится — плакать не будем. Жили без него — проживем сим способом и далее», — решил Румянцев.

Воронцов справился. По прошествии долгих десятилетий, уже плотно осев в Лондоне, он будет часто вспоминать эти прекрасные и яростные годы...

Егерский батальон Воронцова входил в авангард корпуса генерала Баура. Это еще одна непростая судьба того причудливого века, когда карьеры строились молниеносно, и так же, вдруг, люди уходили в тень небытия.

Боевой офицер армии Фридриха II Баур после окончания Семилетней войны перешел в русскую службу. Екатерина II, проверив его организационные способности, дала ему чин штабного генерала — генерал-квартирмейстера и с самым теплым сопроводительным письмом отправила в армию Румянцева. Тот не любил рекомендации людям военным от лиц штатских, подозревая, что достоинства свои в этом случае они выказывали более на паркетe, чем в бою. И, как правило, сие подтверждалось. Но в данном случае командующего постигло приятное разочарование — Баур стоил своих лестных отзывов, и поэтому ему было доверено командование авангардным корпусом, который должен был по замыслам Румянцева стать острием всех его планов. Кончик этого острия составляли егеря...

Самыми значительными в этой войне были победы русской армии при Ларге и Кагуле, — прежде всего они потрясли Османскую Порту и всю Европу, раз и навсегда утвердив мощь русского оружия в землях блистательного суд-

тана. Именно в этих сражениях и отличились более всего егерские роты Воронцова.

За Ларгу уже подполковник 3-го Гренадерского полка, в состав которого входили его егеря, в дальнейшем переименованного в лейб-гренадерский Екатеринбургский, Семен Воронцов награждается орденом Святого Георгия IV степени под номером «12» — «за оказанную храбрость при овладении неприятельских ретраншемента и батарей»...

Через две недели был Кагул...

В пятом часу, когда сквозь сероватую и холодную дымку утреннего тумана только начали проступать контуры окружающего, днем по южному яркого и многоцветного, мира под мерный, ввергающий в транс единения, грохот полковых барабанов русские каре начали подступ к турецкому лагерю. День 21 июля 1770 года наступил.

Согласно диспозиции главнокомандующего генерал-аншефа и кавалера Румянцева русская армия наступала четырьмя группами: авангард генерал-квартирмейстера Баура — четыре тысячи штыков — атаковал турок в охват левого фланга их укреплений; дивизия генерал-поручика Племянникова — 4,5 тысячи человек — должна была атаковать левый фланг турецкой позиции с фронта, в лоб; дивизия генерал-аншефа Олица — 7,5 тысячи солдат — совместно с дивизией Племянникова также атаковала левый фланг турок; дивизия генерал-поручика Брюса — 3 тысячи человек и авангард генерал-поручика Репнина — 5 тысяч пехоты шли на правый фланг противника. Главные силы конницы — до 3,5 тысячи сабель генерал-поручика Салтыкова — двигались между дивизиями Олица и Брюса.

Последовавший бой потребовал от каждого предельного напряжения сил. Корпус Баура штурмовал боковые укрепления. После четверти часа ураганного артогня главнокомандующий турецкой армией великий визирь Халиль-бей, под началом которого в этом сражении находилась 150-тысячная армия, бросил и против этого корпуса, как прежде против Олица, Репнина и Брюса, спагов, свою отборную конницу. Издавна турки лучше всего владели белым — холодным — оружием. Вот и теперь, когда они с криками и рвущим душу визгом на рысях пошли на шпик, казалось, что их удар будет страшен: геометрически прямая фронта каре будет растерзана, первые ряды будут вырублены в минуту. Но этого не произошло — русская армия уже научилась обходиться с османскими конными лавами раз и навсегда. Ружейный и орудийный огонь охладил наступательный запал спагов — их отогнали. Тогда они ударили

русским в тыл, надеясь хоть этим задержать их наступление. Но Баур, оставив аррьергард, лишь убыстрил движение своего каре. На подступах к укрепленной высоте русским преградили дорогу янычары, с которыми завязалась жаркая рукопашная, постепенно перемещавшаяся в глубь турецкой обороны.

Русские военачальники знали, что, как правило, осман хватает лишь на самый малый наступательный порыв — долгое напряжение боя они не любят. Вот и теперь янычары стали все чаще оглядываться назад и наконец побежали. Укрепление было взято, но отдыхать было еще рано.

— Граф, — обращаясь к Воронцову, подчиненные которого сейчас столь успешно расстреляли атаку спагов, а потом первыми ворвались в ретраншемент, прокирчал Баур, сам еще не остывший от горячки боя, — берите своих людей и ударьте с фланга в центральное укрепление визиря. Я вас прикрою.

Тут же раздалась команда:

— Батальон, за мной!

Генерал вовремя приказал, а Воронцов быстро понял суть — удар с фланга в центральный ретраншемент был действительно необходим, ибо события в середине наступающих русских порядков менялись стремительно: каре Племянникова, заняв гребень высоты, теперь было на острие атаки. Дивизия почти уже дошла до турецких окопов, состоявших из тройного рва, как внезапно была атакована отборным более чем десяти тысячным корпусом янычар. Незадолго до этого янычары неприметно спустились в лощину, примыкавшую к левой стороне их лагеря, а вот теперь, выбрав самый уязвимый момент зыбкого равноденствия перед решающей атакой, нанесли русским сильнейший удар.

Удар пришелся в угол правого фаса и фронта. Здесь были полки Астраханский и первый Московский. Едва передний ряд астраханцев успел выстрелить, как тут же был смят янычарами, ятаганами — ружей те в атаку даже не взяли, — прокладываявшими себе дорогу внутрь каре. Турок было вдвое больше, чем солдат у Племянникова, и сейчас, в рукопашном бою, это фатально сказывалось: в несколько минут два угловых полка были смяты и расстреляны. За ними та же судьба постигла Муромский, четвертый гренадерский и Бутырский полки. Строя больше не было. Каре оказалось разорванным пополам. В руках янычар уже два полковых знамени, которые они срочно отправили к себе в лагерь, зарядные ящики. Русских быстро теснили к войскам Олица, наступавшего чуть-чуть сзади и немного

левее Племянникова, и янычары сквозь разорванные ряды передового русского каре уже промчались перед фронтом главного отряда Румянцева, начиная с ним отдельные пока стычки.

Турки вывели на прорыв достаточно сил, но немало их оставалось еще и в ретраншементе. Поэтому они достаточно спокойно восприняли появление на фланге их укрепления небольшого отряда русских — батальона егерей. Разгоряченные общим достигаемым успехом, они собирались также по-молодецки расправиться и с этой жалкой кучкой гяуров. Но Воронцов, зная свои силы и увидав, что происходит перед турецким ретраншементом, решил действовать пока иначе. Расположив своих егерей рассыпным строем, он приказал открыть плотный ружейный огонь по янычарам так, чтобы им было не поднять головы, одновременно и выбивая защитников укрепления, и прикидывая, откуда его лучше штурмовать.

В главном же месте боя — у каре Племянникова — обстановка все обострялась. Наступала та минута боя, когда особенно значимо усилие каждого на весах общего успеха. Еще несколько минут торжества турецкой пехоты — и гибель русской армии станет неизбежной. Оторванная от баз, имея в своем тылу восьмидесятитысячную конницу крымского хана, она вся ляжет здесь, вся без остатка.

Военачальники главного каре — каре Олица — во главе с Румянцевым несколько мгновений как зачарованные смотрели на появившуюся перед их фронтом яростную толпу янычар во главе со своими знаменосцами. Но вот наконец и голос командующего, как освобождение от морока — успевшего и сумевшего за несколько кровавых секунд принять единственное, ведущее к победе и спасению, решение:

— Отсежь турок от лагеря картечью! Лишить их подкреплений!

Начальник артиллерии генерал-майор Мелиссино бросился выполнять приказ.

— Салтыкову ударить во фланги и тыл!

И нарочные тотчас отправились к командиру русской конницы.

— Генерал Олиц! Для подкрепления Племянникова приказываю выделить первый гренадерский полк.

Потом, обернувшись, искоса посмотрел на принца Брауншвейгского — волонтера при его штабе, в начале боя все рвавшегося сразиться с турками, а сейчас как-то уже и не особенно жаждущего этого. Подмигнув прищипу, Румянецв сказал ему обычным голосом:

— Теперь наше дело.

С этими словами, вскочив на коня, он бросился к полкам дивизии Племянникова. С маху влетев в толпу, Румянцев осадил скакуна и спрыгнул в самую гущу рукопашной. Выхватив из ножен шпагу, главнокомандующий закричал своему в расстройстве отступающему войску:

— Стой, ребята!

Громкий знакомый голос заставил остановиться ближайших к нему. На них натыкались другие, и скоро вокруг Румянцева оказалось достаточно людей, вновь вспомнивших о своем солдатском долге, для того чтобы заново начать отбиваться от янычар уже грудь в грудь, а не только способных подставлять свои спины под ятаганы. Бой принял новое ожесточение, ибо турки, поняв, кто этот генерал, столь быстро вернувший своих солдат для боя, отчаянно рвались к нему. Отбиваясь от наседавших на него янычар, командующий продолжал руководить:

— Солдаты! Разбирайтесь по ротам! Становись в каре! Слышите? Наши уже рядом!

Невидимые ими, им помогали егеря: ведя плотный ружейный огонь, они раз за разом сметали с флангового фаса ретраншемента всех тех, кто пытался в противовес им отбить их медленный неуклонный наплыв на укрепление. Наконец уже никто из турок не рисковал высунуть головы из-за бруствера, а егеря тем временем приблизились почти вплотную к валу. Крики турок, переходившие временами в захлебывающийся вой, крики, доносившиеся со стороны схватки с каре Племянникова, лучше всякого сигнала сказали Воронцову «Пора!» — и он повел батальон на штурм укрепления, доверившись штыку.

Как раз в этот момент первый гренадерский полк под командованием бригадира Озерова, отделившись от главного каре, в штыковой атаке опрокинул турецкую пехоту и пробился к Румянцеву. Пять минут гренадеры сдерживали янычар, с визгом и возгласами «Алла!» рвавшихся для последнего удара по разгромленному каре Племянникова. За эти пять минут, подчиняясь магии голоса и личному примеру главнокомандующего, раздробленные, растерзанные полки заново построились и приготовились к контратаке.

Слова раздался голос Румянцева:

— Солдаты! Товарищи! Вы видите, что ядра и пули не решили. Не стреляйте более из ружей, но с храбростию примите неприятеля в штыки!

С этими словами он подобрал с земли одно из многочисленных валявшихся там ружей:

— Вперед! — И стальной еж каре со штыками-иголками быстро покатился на начинающих терять запал янычар. Тяжелая русская конница, на рысях пришедшая к месту сражения, ударила по туркам с тыла. Те побежали. Не отставая, пехота на плечах отступающих ворвалась в укрепление, где его защитников уже добивали егеря Воронцова. Фортуна круто повернула свое колесо, и многие из тех, кто еще пять минут торжествовал победу над гяурами, так и не узнали, что уже в эти мгновения они были обречены, поскольку у них в тылу уже были русские снайперы.

По взятии этого укрепления османы почти уже и не сопротивлялись — началось повальное бегство. Турок долго и успешно преследовал кавалерийский отряд генерала Игельстрема. Уже у Дуная, когда неприятель, переполняя лодки, массами тонул, к реке вышел подоспевший в последнюю минуту корпус Баура, с ходу открывший ружейный и артиллерийский огонь. Егеря, как всегда, и на этот раз стреляли метко.

В этом бою роты Воронцова вообще отличились знатно — именно они, взяв на штык турецкое укрепление, отбили 40 орудий и два знамени, захваченные янычарами в ходе атаки на корпус Племянникова.

В ознаменование данных заслуг Воронцов семнадцатым во всей русской армии получил Георгия II степени. Вскоре он был произведен в полковники и назначен командиром 1-го гренадерского (лейб-гренадерского) полка, которым он командовал до своего выхода в отставку в 1776 году.

В 1788 году он поступает на дипломатическую службу и долгие годы будет Чрезвычайным российским послом в Лондоне. В 1806 году он окончательно расстался с государственной службой и вел частную жизнь. Умер он на восемьдесят восьмом году жизни, пережив многое и многих, многое и забывая, но всегда помня, как сквозь пороховой дым и визг картечи он вел веривших в него людей к победе.

Охота на Гергея

Бурный 1848 год. Год революций и надежд, ожиданий и разочарований. Европа клокочет. Русским же посольствам, разбросанным по западноевропейским столицам, из Петербурга поступает циркуляр: «...ни в Германии, ни во Франции Россия не намерена вмешиваться в правительственные преобразования, которые уже совершились или могли бы еще последовать... Пусть народы Запада ищут в революциях этого мнимого благополучия, за которым они го-

няются. Пусть каждый из этих народов по своему произволу избирает себе тот образ правления, который признает наиболее ему свойственным. Россия, спокойно взирая на таковые попытки, не примет в них участия, не будет противиться оным... Она (Россия) не потерпит, чтобы чужеземные возмутители раздували в пределах ее пламя мятежа, чтобы под предлогом восстановления исчезнувших народностей покусились отторгнуть какую-либо из частей... единства Империи. Если наконец из хаоса всех политических переворотов, всех возбужденных ныне вопросов и взаимных прав, всех противоположных стремлений суждено возникнуть войне, то Россия в свое время рассмотрит, соответственно или нет ее выгодам вмешиваться и до какой именно степени в распри между тем и другим государством, тем и другим народом».

Но обстоятельства изменялись с завораживающей быстротой, и 28 апреля 1848 года последовал манифест: «Смуты и мятежи на западе с тех пор не укротились. Преступные обольщения, увлекающие легкомысленную толпу обманчивым призраком такого благоденствия, которое никогда не может быть плодом своеволия и самоуправства, проложили себе путь на Восток в сопредельные нам, подвластные турецкому правительству, княжества Молдавское и Валахское, одно присутствие войск наших совместно с турецкими восстановило и удерживает там порядок. Но в Венгрии и Трансильвании усилия австрийского правительства, разрозненные другой еще войной с врагами внешними и внутренними в Италии, не могли доселе восторжествовать над мятежом; напротив, укрепясь скопищами наших польских изменников 1831 года и других разноплеменных пришельцев, изгнанников, беглых и бродяг, бунт развился там в самых грозных размерах».

Так писали. Конечно, нам, воспитанным на уж очень обструганных учебниках истории, сие читать весьма непривычно. Но ведь так же писали, так считали, в это верили, горячились, отстаивая! Поэтому примем к сведению и размышлению — ведь из песни слова не выкинешь. Для общего же панно, как известно, ценен каждый кусочек мозаики. Или теперь так уже не считают?

И еще один камешек в то же панно: Венгрия пользовалась в рамках Империи Габсбургов значительной самостоятельностью. Здесь целенаправленно искоренялось и омадырявалось все, что имело несчастье быть невенгерским. Особенно это касалось русских, проживавших на территориях, примыкавших к Голиции. Они как-то традиционно

приходили в упадок, служа разменной монетой большой политики и имперских склок. Дошло до того, что даже русские православные священники говорили проповеди по-венгерски (но уже в 1850 году в Мукачевской епархии русский язык был восстановлен). Что же касалось иных славян — поляков — то они действительно в значительном количестве вливались в революционное войско венгров, вплоть до командования армиями и отдельными отрядами. Многие из них сделали ненависть к России своей профессией в судьбой, и найти их, готовых слетаться по первому зову, в эти годы можно было везде — от европейских столиц до Кавказа, где у Шамиля они также были боевыми командирами, воюя против ненавистных им русских. Поэтому, да и не только поэтому, разгоравшееся восстание в Венгрии начало лизать огненными языками живших здесь русских, как-то не рвавшихся поддерживать своих вчерашних угнетателей в их сегодняшнем свободолюбии и тем самым подпадавших под дамоклов меч любой революции, провозглашающей: «Кто не с нами — тот против нас!»

Россия, сформулировав свое кредо, в иных новых, но по сути так же пришла на помощь Габсбургам, к которым славянский элемент Венгрии уже не раз обращался с просьбой о прямом подчинении Австрии.

Венгерская кампания русской армии под командованием генерал-фельдмаршала князя Паскевича-Варшавского открылась в конце апреля 1848 года, победоносно велась всего в течение нескольких недель, закончилась разгромом и пленением основных военных сил противника и свелась, по сути, к преследованию — охоте Гергея, главнокомандующего венгерской армией.

Доселе Гергей удачно противостоял австрийцам, но тут он встретил противника сильнее себя и ничего не смог сделать. Хотя, как человек мужественный, он сопротивлялся почти до самого конца, в тщетной надежде обнаружить слабые места в монолите своего противника. Тому множество примеров, и один из них — сражение между селами Тур и Самбок, состоявшееся 8 июля.

Главным героем его был генерал-лейтенант граф Алексей Петрович Толстой. С 1813 года он — офицер, кавалер множества орденов, в том числе и военного ордена Святого Георгия IV степени, полученного им за турецкую кампанию 1829 года, в том же году он получил чин генерал-майора.

Сейчас под его началом находился особый отряд, сформированный по приказу Паскевича и предназначенный

для прикрытия Вагенбурга, остановившего движение к Пешту и сосредоточившегося около Саода. В состав отряда входили 2-я бригада 5-й пехотной дивизии с двумя пешими батареями, взвод саперов, 2-я бригада 2-й легкой кавалерийской дивизии с 4-й конно-легкой батареей, конно-мусульманский полк, две сотни 32-го казачьего полка и 2-я донская резервная батарея. Для поддержания отряда к селу Уйфалу были выдвинуты 1-я бригада 5-й пехотной дивизии и ее артиллерия.

Однако диспозиция 8 июля значительно уменьшила силу отряда графа Толстого, так как часть его — в виде авангарда главных сил — начала движение в Хатван. Сам же генерал-лейтенант с тринадцатью эскадронами гусар, двумя сотнями казаков и четырнадцатью орудиями конной артиллерии пошел к селу Самбок, прикрывая продвижение Паскевича с правого фланга.

С утра, когда Толстой даже еще и не двинулся к Самбоку, разведка харьковских улан донесла, что туда же уже перемещаются значительные силы неприятеля и их авангард — порядка пяти тысяч человек — уже занял село Тот-Альмаш.

У Тура генерала застало новое донесение улан: их дивизион отступил, теснимый кавалерийской дивизией под личным командованием начальника 10-го корпуса Дежефи — 17 эскадронов.

Когда две силы, влекомые судьбой, прут, не сворачивая, навстречу друг другу, то жестокое кровопролитие неизбежно. Толстой построил свой отряд в боевой порядок, выдвинув его за село Тура.

Первую линию образовал Елизаветгардский гусарский полк в дивизионных колоннах, в среднем интервале его — донская резервная батарея. Вторая линия — пять эскадронов Лубенского гусарского полка с 4-й батареей. Казаков и влившихся харьковских улан граф выдвинул вперед — и для замедления наступательного пыла неприятеля, и для маскировки батарей донцов.

Два часа Дежефи наблюдал покойно стоящих русских, ожидая подхода всей своей кавалерии. Наконец в час полудни он решился — его конница неторопливо пошла вперед. И тут же рьяно вступила в дело вся артиллерия противника.

Ответить надлежало достойно — и Толстой не стал лишать венгров удовольствия сразиться с сильным неприятелем. Его приказы выполнялись моментально — уланы и казаки мигом канули в резерв, рядом со 2-й батареей возник-

ла 4-я, прикрываемая слева пятью эскадронами дубенцов. И в ответ на выстрелы двенадцати венгерских орудий четырнадцать русских ударили сплошным шквалом огня.

Тут еще раз русские артиллеристы подтвердили свое высокое мастерство, вызывавшее недовольство их частого противника — турок — еще с прошлого века: воюют не по правилам — слишком часто стреляют! Да и метко к тому же. Вот и здесь: пушек вроде бы почти поровну, но все равно кажется, что у Толстого их намного больше. Словом, Дежефи, проиграв артиллерийскую дуэль, решил проверить крепость русской стали, и после часа канонады его кавалерия рванулась в атаку сразу на оба фланга Толстого...

На левый фланг графа мчалось несколько эскадронов польских улан. Командир Лубенцов оставил один свой эскадрон при батарее, с остальными начал выходить шагом навстречу спешащему неприятелю. Но тот остановился, удовлетворенный собственным маневром, сковавшим силы русских и лишившим их возможности помочь Елизаветградскому полку.

Тем приходилось сейчас жарко — сначала па елизаветинцев насело десять эскадронов венгерских гусар, немного погодя к ним начали присоединяться все новые и новые эскадроны, появляющиеся — как черт из шкатулки — из леса, раскинувшегося против позиции русских гусар. Елизаветинцы устроили неприятелю большую карусель и рубились, не отступая ни на шаг. Но противник все прибывал и прибывал. И за минуту до того, как общее его количество могло достигнуть критической массы, Толстой сам повел в атаку свой последний резерв — казаков и харьковских улан.

Их порыв опрокинул неприятеля, а оправиться от него судьба уже не оставила времени — в этот миг на поле боя бегом выскочили русские пехотинцы — командир 5-й дивизии генерал Лубинцов с семью батальонами. И с ним — две артбатареи.

Дежефи был окончательно смят, и только прибытие его пехотной бригады помешало превратить окончание сражения в побоище: венгры отступили быстро, но без ужасающих потерь. Из русского же отряда выбыло всего порядка пятидесяти человек.

За этот бой Алексей Петрович получил Святого Георгия III степени. И когда через шестнадцать лет генерал от кавалерии граф Толстой умирал, он по-прежнему считал этот орден своей самой высокой наградой. Ведь что может быть почетнее для воина, чем награда, полученная в битве?

То, что мы привычно называем Крымской войной 1853—1856 годов, памятуя о подвигах защитников Малахова кургана и Корабельной слободки, вспоминая имена Нахимова, Корнилова, Истомина, Хрулева, на самом деле называется Восточной войной. У Соловков и на рейдах Петропавловска-на-Камчатке, на Дунае и Балтике — а не только на Черном море — шли упорные бои. Шли они и на Кавказе.

19 ноября 1853 года на Башкадыкларских высотах разыгралось упорное, кровопролитное сражение. Турок, предводительствуемых сераскиром Абди-пашой, насчитывалось 36 тысяч, русских же было не более двенадцати.

Как только первая линия наших войск открыла огонь по неприятельскому центру двумя батареями, командующий действующим корпусом генерал-лейтенант Василий Осипович Бебутов приказал всей второй линии, включавшей в себя первый и второй батальоны Эриванского карабинерского полка, первый и четвертый батальоны Грузинского гренадерского полка, под началом генерал-майора Ивана Константиновича Багратиона-Мухранского принять влево, обойти левый фланг первой линии русской позиции, подняться на Башкадыкларские высоты и в штыковой атаке овладеть правым флангом главной позиции Абди-паши.

Бебутов не случайно именно Багратиону-Мухранскому отдал этот приказ. Служа в армии уже почти четверть века, князь с началом войны был назначен командиром Кавказской резервной гренадерской бригады, как раз и состоявшей из Грузинского и Эриванского полков, Кавказского строевого батальона и трех батарей артиллерии. Это была отборная кавказская пехота, «боевой молот Паскевича», бывшего в свое время главнокомандующим на Кавказе, когда достигались наиболее яркие военные победы.

Генерал Багратион — как и всегда — исполнил приказание наилучшим образом. Следуя по указанному ему командующим направлению, при этом все время находясь под сильнейшим огнем турок, он стянул четыре батальона в удобной для этого лощине, закрытой от неприятельских выстрелов, и, дав там людям несколько минут отдыха, повел потом карабинеров вперед с барабанным боем и развернутыми знаменами — через довольно глубокий овраг — на штурм правого фланга главной позиции турок, расположенной на скалистой высоте.

Поднявшись на эту высоту, карабинеры, предводительствуемые князем, были встречены пехотой османов, но пос-

ле весьма непродолжительного батальонного огня русские опрокинули ее.

До этого момента русские батальоны — по приказу Багратиона — шли вперед в полном молчании. Но тут по его сигналу раздалось мощное «Ура!».

И во главе с генералом карабинеры пошли в штыковую на турецкие батареи. Артиллеристы в последний раз успели дать залп картечью по наступающим русским цепям и тут же были подняты на штыки. Им на помощь Абди-паша срочно выслал четыре батальона пехоты, которые открыли плотный и слитный ружейный огонь по карабинерам Багратиона.

Генерал вновь повел солдат в штыки на вдвое сильнее-шего неприятеля, который, отстаивая батареи, применил против русских холодное оружие. Штыковой бой не может длиться долго — у кого-то из противников сдают нервы. Скоро турки, не выдержав натиска, побежали. Шедшие в штурмовой колонне за карабинерами батальоны Грузинского гренадерского полка тем временем постепенно принимали вправо, чтобы в свою очередь произвести атаку на турецкую позицию. Неприятель заметил это, когда был уже плотно вовлечен в бой с карабинерами. Но все же почти сразу противник выделил особые подразделения против grenадер, и тут завязался ожесточенный рукопашный бой, после которого турки и на этот раз были принуждены отступить.

На батареях главной турецкой позиции заполоскались на резком ветру знамена первого и второго батальонов Эриванского карабинерского полка, а вслед за ними — и знамена гренадерских батальонов.

В то время, когда карабинеры и grenадеры начали наступление на неприятельскую позицию, генерал-майор Александр Федорович Багговут, получивший затем за этот бой чин генерал-лейтенанта, племянник одного из героев Отечественной войны 1812 года Константина Федоровича Багговута, воевавшего на Кавказе еще почти тридцать лет назад, расположил почти всю русскую кавалерию — третий и четвертый дивизионы Нижегородского драгунского полка, семь сотен Кавказского линейного казачьего войска и дивизон конных орудий, вкупе с дивизионом Донской конно-казачьей 7-й батареи сообразно рельефу и, поддерживая штыковые атаки Багратиона-Мухранского, открыл артиллерийский огонь по правому флангу турецких батарей, отдав приказ кавалерии приготовиться к атаке.

Тогда же по приказу Абди-паши масса иррегулярной

конницы, высыпавшая на укрепления, завязала перестрелку с казачьей цепью и произвела натиск, а регулярный полк турецкой кавалерии пошел на рысях в атаку.

Подполковник Евсеев с четырьмя сотнями линейных казаков двинулся против него, но турки, расстроенные несколькими удачно брошенными гранатами, не приняли боя и повернули назад.

Тем временем толпа иррегулярной кавалерии Абди-паши продолжала движение вперед, и Багговут послал против них два орудия под прикрытием третьего дивизона драгун. Удержав этим напор значительно превосходящего по числу неприятеля, Багговут, желая воспользоваться этим моментом, закрепить и развить успех, вновь направил вперед подполковника Евсеева и усилил огонь артиллерии. Иррегулярные части турецкой кавалерии были опрокинуты и частично бежали, частично рассеялись, хотя и продолжали еще до самого конца боя беспокоить крайние части русской кавалерии, но уже не натисками, а перестрелками и фланкированиями.

Между тем регулярный полк турецкой кавалерии, заметив, что русские артиллеристы переменили позиции и громят их иррегулярные части, снова предприняли атаку на третий дивизион драгун, но генерал Багговут встретил их несколькими картечными залпами и вновь заставил отступить.

Командир русской кавалерии, задержав конницу противника, выждал приближение русских штурмовых колонн первой линии. Но те, подойдя, замешкались, осыпаясь градом снарядов. Тогда Багговут принял решение атаковать турецкие батареи кавалерией. Для этого он отдал приказ:

«Третьему и четвертому дивизионам драгун, имея в интервалах четыре конные орудия, наступать прямо на правый фланг главной позиции неприятеля; семи сотням казаков — обскать его и выйти противнику в тыл».

Генерал лично возглавил начавшиеся наступления русской кавалерии. Это произошло одновременно с решительным ударом батальонов Багратиона-Мухранского. Крутой овраг не остановил русскую конницу — она пронеслась через него во весь карьер. Взвод конной батареи под командованием есаула Кульгачева первым вынеслась на противоположный край оврага, вслед за ним — третий дивизион, затем — другой взвод батареи и четвертый дивизион драгун.

Турки осыпали их картечью, и драгуны понесли большой урон. Но, несмотря на это, третий дивизион под коман-

дованием майора Петрова тотчас же пошел в шашки на фланговый батальон османов.

Этот батальон, быстро перестроившись в каре, расположился по иглам построения орудия и открыл сильнейший картечный и ружейный огонь по наступающей русской коннице. Огонь не остановил драгун. Майор Петров с подчиненными воинами все же пробился сквозь огненный смерч, врезался в каре и начал жестокую рубку. Подоспевший четвертый дивизион врубился в это же каре на другом смежном флесе.

Турки начали поспешно отступать. Кроме артиллеристов, показавших себя героями. Они защищали орудия до последнего и погибли на них под русскими шашками.

В это же время разворачивались события и на фланге первой линии русского корпуса. Командир Нижегородского драгунского полка генерал-майор Ясон Иванович Чавчавадзе направил порученные ему три дивизиона драгун, двести линейных казаков и дивизион Донской конно-казачьей батареи на позицию — он расположил их в боевом порядке по небольшому оврагу, отделявшему русские войска от турецких.

Турки поначалу хотели, не попадая на первую линию, обойти ее, намереваясь броситься на обоз. Чавчавадзе в ответ на это стремительно двинулся через овраг, поручив казакам удерживать нерегулярную конницу османов. Одновременно он приказал открыть артиллерийский огонь, ибо на его драгун шли в боевом порядке два полка регулярной кавалерии турок, а два батальона пехоты с четырьмя орудиями расположились правее своей конницы и открыли огонь по русской кавалерии.

Чавчавадзе считал, что только контратакой он сможет отбросить или, по крайней мере, задержать неприятеля. По его приказу вперед — на ближний картечный выстрел — пошли два дивизиона драгун с двумя орудиями, которым удалось опрокинуть турецкую кавалерию на пехоту.

Турецкие батальоны встретили драгун частым ружейным огнем и картечью, а в это время еще два подошедших готовились ударить им во фланг. Тогда Чавчавадзе бросил против них пятый пикинерский дивизион — последний резерв, который выполнил воинский долг, отбросив турок на линию задних батальонов.

После этого драгуны едва успели собраться и вновь построиться в боевой порядок, как турецкая конница и пехота пошли снова в очередную атаку. Чавчавадзе, опасаясь, как бы турки из-за многочисленности не охватили его

фланги, перестроил драгун развернутым фронтом и повел их в атаку. Немногие из османов решились встретить драгун в пашки. Большинство беспорядочно бежало. Самые же храбрые были порублены почти мгновенно. Драгуны же вслед за турецкой кавалерией атаковали и пехоту, смяли ее и истребили один батальон почти полностью. Во время атаки в упряжке одного из русских орудий была убита лошадь. Батальон турок бросился на этот столь желанный и возможный трофей. Но артиллеристы успели снять пушку с передка и ударили по туркам картечью. Чавчавадзе с несколькими драгунами бросился на помощь и погнался батальон.

Однако численное превосходство турок — более чем в восемь раз — не позволило генералу перейти в общее наступление. К тому же он постоянно помнил, что основная его задача — охрана правого фланга и обоза, что давало возможность штурмовым колоннам Багратиона-Мухранского действовать без оглядки на собственные тылы. Поэтому Чавчавадзе остался на месте, еще дважды отразив контратаки турок.

Когда Багратион-Мухранский и Багговут захватили неприятельские батареи, а генерал Кишинский повел русскую пехоту на центр турецких позиций — противник дрогнул и побежал. Это бегство совпало с последней атакой османов на группу Чавчавадзе, который также опрокинул врага.

Бегство стало всеобщим, и уже никто и ничто не могло его остановить. Так закончилось самое крупное сражение Восточной войны на Кавказском театре военных действий. Русские тем самым показали: имея в этой войне противниками Англию, Францию, Турцию, Сардинию, Швецию, Австрию и все более и более примыкавшую к ним Пруссию, они могут тем не менее не только защищаться, но и нападать.

Действительно, на Кавказе русская армия в эту войну доказала собственную боеспособность многожды. В следующем году был разгромлен турецкий корпус у реки Чолок, насчитывавший 34 тысячи человек, взят Баязет, а через год и еще одна твердыня — крепость Карс.

Победа на Башкадыкларских высотах была оценена по достоинству. Три генерала — Багратион-Мухранский, Багговут и Чавчавадзе — получили орден Святого Георгия III степени, а командующий корпусом Бебутов — II степени. Кстати, за всю Восточную войну было два награждения орденом Святого Георгия II степени. Первую не дали за всю войну ни одному человеку. Кроме князя Бебутова

его получил Павел Степанович Нахимов за Синоп. Это лучше всяких аргументов говорит о значимости победы русского корпуса при Башкадыкларе.

Последний бой

17 октября 1854 года был награжден орденом Святого Георгия IV степени «по представлению Командующего Отдельным Кавказским Корпусом и согласно удостоения Кавалерской Думы Военного ордена, в воздаяние отличных подвигов мужества и храбрости, оказанных в сражении с Турками: 27-го Мая сего года, близ Нигойтских высот, под Лянчхутом: ...13-й артиллерийской бригады Капитан Илья Гулевич, который, при наступлении неприятеля в превосходнейших силах на левый фланг нашей позиции при Лянчхуте, шесть раз останавливал натиск неприятельских колонн и, наконец, опрокинув их действием артиллерии, дал возможность нашим войскам нанести кощунное поражение неприятелю, при чем он сильно ранен...»

Указ о награждении уже не застал Илью Алексеевича Гулевича в живых — за неделю до этого он скончался от раны, полученной в бою недалеко от Нигойтских высот.

И в смерти он остался таким же, каким был и всегда, — тихим, старающимся ступеваться, дабы не доставлять хлопот окружающим, совершающим то, что он считал необходимым и должным, со скромным, непоколебимым мужеством уверенного в своей правоте человека, всей своей жизнью доказавшего и себе, и окружающим это.

Илья Гулевич происходил из дворян Смоленской губернии. Окончив в 1834 году второй кадетский корпус, он, имея от роду 21 год, был выпущен в артиллерийскую бригаду прапорщиком. С этой бригадой и была связана вся его дальнейшая жизнь. Илья не бегал за чинами, а чины не особенно искали его: за двадцать лет службы он дорос всего лишь до капитана. Только не это было для него главным. Основным жизненным его принципом, как он частенько повторял, было «в службе — долг».

Может быть, так и тянулась бы эта размеренная жизнь незаметно, неторопливо, если бы не война...

России на протяжении многих веков приходилось почти постоянно отбиваться на границах от многочисленных и разнообразных захватчиков. XIX век не был исключением. Почти каждое десятилетие — новая война, если только она сама не длилась десятки лет. На долю Гулевича выпала война Восточная, или Крымская.

В 1853 году Гулевич вместе с 13-й артбригадой прибыл на Кавказ, и уже в течение зимы 1853/54 года успел побывать два раза в деле: в самом начале января — при рекогносцировке Николаевского укрепления, занятого в то время турками, и 21 же января — при атаке османами русской позиции у Чихотского моста.

Потом были еще бои, но командование отряда, действовавшего на Гурийской границе, считало возможным обходиться пока без 13-й артбригады — ее время было еще впереди. И вот оно настало...

22 мая передовая колонна русского отряда в составе первого батальона Егерского и четвертого батальона Брестского пехотного полков, Гурийской милиции и двух горных орудий под командованием полковника Эристова расположилась у подошвы Нигойтских высот, на правом берегу реки Супсы.

У князя Эристова был приказ — пресечь движение неприятельских войск, вскоре ожидавшееся, — поэтому он и занял небольшую площадку впереди широкого, покрытого лесом, ущелья, которое туркам невозможно было миновать. Позиция представляла собой тесную, немного возвышенную местность, окруженную почти со всех стороны лесом и чрезвычайно пересеченную.

В ночь на 27 мая полковник получил от местных жителей сведения, что турецкий отряд, незадолго до этого переправившийся около селения Баялеты с левого берега Супсы на правый, готовится напасть на русских. В ответ на это Эристов придвинул к себе на Нигойтские высоты из урочища Квиан четвертый батальон Белостокского полка с двумя орудиями легкой батареи 13-й артиллерийской бригады, с которой часов в шесть утра и прибыл Гулевич.

С рассветом пришли разведчики и объявили, что турки — не менее 12 тысяч — идут по направлению к высотам, занятым русским отрядом. Часть своих сил они отделили, дабы обходным маневром отрезать Эристова от Усть-Цханис-Цхали.

Уверенные в скорой и окончательной победе, турки шли не скрываясь, и их удалые песни и барабанный бой разносились далеко по округе. Долгие минуты противника было только слышно, но не видно: с трудом проходимая местность резко замедляла движение.

Так что у полковника Эристова было время подготовиться к достойной таких бесстрашных людей встрече. И командир подготовился: оставив на старой позиции для охраны обоза две роты белостокцев и рассадив сотни четыре

милиции в завалах для прикрытия горной дороги от Супсы и частично для охраны тыла, с остальными он ровно в 11 часов утра двинулся навстречу противнику, желая предупредить его на марше.

И через час противники встретились у Лянчхута, на небольшой полянке среди леса, верстах в трех от Нигоитской позиции.

Бой для отряда Эристов начался удачно: майор Момбелли с батальоном егерей штыковой атакой прорвал центр турецкой позиции. В это же время капитан Вельяминов захватил орудия противника, тем самым лишив его единственных двух пушек. Одновременно с Момбелли и Вельяминовым повел в атаку четвертый батальон Брестского пехотного полка майор Шафиров, опрокинувший правый фланг турок. Там было большое скопление неприятеля, но, несмотря на все его усилия, враг ничего не смог противопоставить русскому штыку.

Центра позиции османов не существовало, по фланги были еще сильны, и поэтому Эристов отправил к маленькому резерву, находившемуся в трех верстах от боя и состоявшему из двух рот белостокцев, сначала Гулевича с его двумя полевыми орудиями, а затем и остальные два — горные. Ну, и обе турецкие пушки.

Едва артиллеристы успели подойти к белостокцам, как со всех сторон начали наседавать массы турок, принявшихся энергично обстреливать небольшой русский отряд, а вскоре и пошедших в шашки. Русские были окружены со всех сторон. Неприятель непрерывно атаковал, рассчитывая разделаться с небольшой горсточкой, отбить свою артиллерию и захватить все орудия противника до тех пор, пока основной бой не завершится, и Эристов не мог более ничем помочь Гулевичу и белостокцам. Турки понимали, что, захватив все орудия, они имеют реальный шанс переменить картину боя в лучшую для себя сторону. И поэтому они непрерывно и яростно атаковали.

Но русский отряд, несмотря на малочисленность, оказался довольно зубастым. Гулевич почти все время успевал разворачивать все шесть орудий вовремя против основной волны нападающих и в упор расстреливал их картечью. Когда атака шла сразу со всех сторон — тогда уже белостокцы бросались в штыки, отгоняя от батарей чересчур ретивых турок. Но все же численный перевес неприятеля сказывался — через час боя половина артиллерийской прислуги была уже перебита. Сам Гулевич был ранен в ногу в самом начале боя, но так и не успел себя перевязать. Ло-

падь под ним убили еще раньше, и теперь он сам наводил орудия, сам всем распоряжался и еще успевал подбадривать сотоварищей.

Турки постепенно начали сосредоточивать весь огонь на русских артиллеристов, осознав в них основную опасность. И прежде всего на офицерах. Тактика себя оправдала — Гулевич вскоре был тяжело ранен в живот. Почувствовав, что теряет сознание от боли и не желая показать слабость солдатам — подобное состояние командира может фатально сказаться на всем течении боя, — он отошел за сарай и велел двум солдатам из бывших поблизости перевязать себя. Только они окончили перевязку, как к Гулевичу подбежал фейерверкер.

— Что ты?

— Плохо, ваше высокоблагородие. У нас пушки отымут.

— Как? Разве это возможно? Ведите меня!

Двое солдат, взяв его под руки, снова привели Гулевича на батарею. Фейерверкер оказался почти прав — у батарейцев кончились картечные заряды, турки наседали сплошной орущей массой: еще минута, и толпа захлестнет горсточку русских.

Гулевич, всем предшествующим многолетним опытом оказавшийся подготовленным к принятию мгновенных, единственно правильных решений, тотчас приказал резать трубки у шрапнелевых гранат как можно ближе, чтобы их рвало на кратчайшем от выстрела расстоянии. Он сам произвел первые выстрелы и не покинул батарею до тех пор, пока не потерял сознания. Его принесли на перевязочный пункт — за саклю. После вновь сделанной перевязки он пришел в себя и первым делом спросил:

— Для чего я здесь? Нет, нет, мне надо быть на своем месте!

Его отнесли к орудиям уже на руках. Сделав еще несколько распоряжений, он окончательно потерял сознание. Командование принял штабс-капитан Рудаков, доведший бой до победного конца.

Он закончился, когда Эристов, окончательно разгромив основные силы турок и слыша все это время непрерывный гул сражения в месте расположения резерва, привел на помощь маленькому отряду все силы. Увидя приближающиеся русские колонны, турки скрылись в густом лесу.

Поле боя было залито кровью, кругом лежали тела павших. Турки потеряли более трехсот человек убитыми. Мно-

го полегло и русских солдат. Много было и рапеных. Но, пожалуй, самая тяжелая рана была у Гулевича.

Пуля попала ему в живот. Офицер не мог лежать, из раны беспрерывно пла кровь, и капитан был почти все время без сознания. Но все же, когда его на носилкахнесли от перевязочного пункта, он очнулся и спросил:

— Что это значит?

— Неприятель бежал. Победа за нами!

— Когда так, так пустите меня: я сам пойду.

И так, поддерживаемый с двух сторон, он дошел до позиции. Ему тут же сделали операцию, а на другой день отправили в госпиталь в Усть-Цхенис-Цхали, а оттуда — в Кутаиси.

С такой раной, какая была у него, никто не выживал, но офицер продолжал бороться. После всех многочисленных операций он всегда говорил лишь одно:

— Ну, выздоровление мое продвигается вперед. Я хочу и буду жить для того, чтобы достойно отблагодарить турок за то, что не сумели меня положить на месте.

До последнего дня надеялся — даже закупал себе все необходимое для дальнейшей службы. Только не пришлось — герой умер от истощения, не позволив себе ни единого стопа, ни единой жалобы.

Переправа

Русско-турецкая война 1877—1878 годов фактически началась с переправы русской армии через Дунай у города Зимницы 15 июня 1877 года. Во время этой переправы отличился командир 12-й линейной роты 53-го Волынского пехотного полка штабс-капитан Иван Ильич Брянов...

Турецкий берег был охраняем пикетами и отрядами, расположенными недалеко от места переправы в городе Ситово, до одной тысячи, и в местечке Вардене, до трех тысяч, то есть переправа была, по сути дела, сражением, ибо сразу же, преодолев реку, русские части с ходу вступали в бой.

Передовой отряд под командованием генерала Драгомирова, предназначенный на переправу, должен был форсировать Дунай ночью в семь смен. Накануне переправы большинство офицеров отряда было в веселом, искусственно взвинченном состоянии, в котором обычно пребывают люди, не нюхавшие пороха, перед биткой. Шутки, розыгрыши, подколлки сыпались как из рога изобилия. Многие остроенно реагировали на подковырки товарищей. И даже то, на что раньше не обращалось внимания, вызывало теперь

сердечную обиду. Но одна мысль, что человек, сегодня шутящий над тобой, завтра может быть убит, разглаживала морщины, смиряла блеск глаз и заставляла разжиматься невольно сжавшиеся кулаки.

Бряннову тоже доставалось: он был назначен во второй рейс, а хотел в первый.

— Ну что, Бряннов, — подтрунивали над ним некоторые из сослуживцев, — добился, чего хотел? Сбылись твои мечты — ты наконец-то в резерве. А что до лавров — так пожнешь то, что мы добудем. На всех хватит, а мы — люди нежадные: поделимся!

— Господа, я попрошу вас...

— Что именно вы просите, капитан? Или вам все еще мало? А?

Бряннов замолкал и, огорченно махнув рукой, отходил. Он воистину завидовал шедшим первым рейсом — ему казалось, что действительно вся слава достанется им, а они, второсменники, не говоря уже об остальных, подойдут лишь к шапочному разбору.

Жизнь распорядилась иначе. После того как части первого рейса приблизительно в два часа ночи были перевезены на противоположный берег и, смяв турецкие пикеты, вступили в настоящий бой с регулярными подразделениями, спешно подошедшими из Свистова и Вардена, на возвратившиеся на русский берег понтоны начали спешно сажать части второго рейса, включая и роту Бряннова. С максимальной быстротой их перебросили через Дунай и высадили недалеко от устья реки Текир-дере.

Уже совсем рассвело, когда рота Бряннова быстрым шагом шла текир-деревским оврагом на выручку второй и третьей ротам полка, занимавшим высоту к востоку от оврага. Роты эти уже изнемогали от наседавших на них со всех сторон скопищ турок. Положение их становилось критическим.

Бряннов, услышав сильную стрельбу с левой стороны и крики «Алла! Алла!», решил ударить противнику во фланг. Для этого он обошел правый фланг главной позиции неприятеля и бросился с ротой на ее штурм.

Командир роты, горя желанием выручить товарищей, находящихся в безвыходном положении, первым вскарабкался на крутой скат высоты. За ним следом, презирая опасность, шла вся рота. Бегом.

Первым всегда приходится тяжелее всего: навстречу Бряннову турки выставили стальную щетину, и девять штыков с маху вонзились в него. На глазах у своих солдат он

был поднят в воздух, но, и будучи в таком положении, Брянов успел зарубить одного неприятеля.

Волынды бросились на выручку командира, опередившего их буквально на две-три секунды, ставшие его судьбой. Турки сбросили русского капитана навстречу его солдатам и, устрасясь неудержимого натиска волындыцев, чувствовавших вину перед Бряновым, побежали.

Штабс-капитан получил девять ран, из них две — в живот. Он истекал кровью, однако, силой воли, несмотря на страшную боль, туманящую разум, удерживал себя в сознании. Приподнявшись с земли на колено, он ободрял и направлял русских ратников.

Рота Брянова, видя все это, одним ударом сбила турок с первых высот. Но те, подкрепленные подошедшими частями резерва, остановились на следующих холмах и открыли плотный огонь по наступающим русским цепям. Однако и к волындам начали подходить подкрепления, и бой вскоре завершился всеобщим отступлением османов.

К этому времени на систовский берег переправился и начальник русского отряда генерал Драгомиров. Узнав подробности первых минут переправы, он решил сам идти на левый фланг подразделений, где решался сейчас первый в бесконечном ряду этой войны вопрос: кто кого? Будут ли русские за Дунаем или в Дунае?

По пути к позиции Драгомиров встретил штабс-капитана, которого двое солдат вели под руки. Кровь залила Брянова с ног до головы, но офицер все же не позволил себя нести, а пытался идти сам, то и дело беспомощно обвисая на руках провожатых, временами на краткий миг теряя сознание от потери крови и от все более растекающейся боли. Когда обморок проходил, он снова начинал механически перебирать ноги, видя весь окружающий его мир в багровом переливающемся мареве.

Драгомиров, увидав эту картину, грузно подбежал к Брянову, забыв о генеральском чине:

— Что, голубчик, ранен?

— Дело идет хорошо, ваше превосходительство, — отвечал генералу штабс-капитан.

Драгомиров удивленно вскинул брови — но это был не бред: чувствуя, что силы стремительно покидают его и не имея их для долгого разговора, Брянов счел необходимым в ответе сообщить то, что считал сейчас самым важным.

Ничего более сказать Брянов не успел. Поматнувшись, он начал оседать так быстро, что солдаты успели подхватить его лишь у самой земли. Драгомиров с заблестевшими

глазами склонился над ним и поцеловал, после чего сердитым голосом приказал как можно скорее доставить раненого в лазарет.

Назавтра в подвижном дивизионном лазарете Брянову был вручен орден Святого Георгия IV степени. Буквально через несколько минут после награждения штабс-капитан в очередной раз потерял сознание.

В эту же ночь георгиевский кавалер скончался.

Дважды первый

Аввакум Николаевич Волков с малолетства остался круглым сиротой. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы дальние родственники, любившие его, хотя и не могущие содержать и без того в многодетной семье, не определили мальчика в музыкальную команду Приамурского драгунского полка. Ему было десять лет. Через три года, участвуя в составе полка в боях против японцев, Волков получил Георгия IV степени.

В начавшуюся русско-японскую войну он был трубачом-горнистом в полку, который находился тогда под командованием генерала Самсонова.

Как-то раз понадобилось узнать расположение японцев. Необходимо было послать в тыл к неприятелю разведчика, и Волков вызвался добровольцем. Переодевшись в китайскую одежды, молодой солдат разведкал расположение двух сильных отрядов противника. Вскорости в пригородах Синчена он натывается на японский разъезд из двадцати драгун во главе с офицером. Японцы поняли, кто такой — этот необычный молоденький китаец. Только смелость и быстрота спасли на этот раз Волкова — как и много раз в будущем. Выхватив из-за пазухи револьвер, разведчик выстрелами в упор убил троих драгун и, пока остальные изготавливались к его окружению, вскочил на лошадь одного убитого и дал шпоры. Долгая погоня, и попытки обхода, и множественная стрельба не принесли японскому разъезду успеха: Волков оторвался от преследователей и благополучно возвратился в полк. За эту разведку командующий армией А. Н. Куропаткин наградил разведчика Георгием III степени.

Вскоре, казалось, счастливая звезда храброго солдата закатилась — в одном из боев раненый Волков попал в плен и после недолгого разбирательства был приговорен к расстрелу. Однако юноша не смирился с неминуемой, казалось бы, судьбой. Ночью с помощью случайно подобран-

ного перочинного ножа Волков устроил подкоп, убил часового и ушел в тайгу. Его даже не стали преследовать — было ясно, что в чащобе ему не выжить. А Волков после десяти дней изнурительных странствий, пройдя многие десятки километров, вернулся в полк. И генерал Куропаткин представил его к Георгию II степени.

Перед сражением под Мукденом Волков вновь вызвался добровольцем в разведку. И на этот раз герой не только выполнил задание командования, но и, убрав часового, взорвал неприятельский пороховой погреб, получив за новый подвиг Георгия I степени.

После войны, многократно раненный, он долгие годы не мог поправиться. И начавшаяся первая мировая война застала его на излечении в Кисловодске. Как только он узнал об этом, так сразу пошел записываться добровольцем, и уже 16 августа — через полмесяца после начала войны — он был в привычной стихии: в разведке...

...Не проехав и нескольких километров, их небольшой отряд наткнулся на австрийский разъезд. Как позднее выяснилось, это были остатки одного из разбитых русскими полков неприятеля.

Волков, обычно считавший, сколько было перед ним противников уже после боя, повел отряд в атаку. Завязалась рубка. Как старшему унтер-офицеру, Волкову достался в поединники австрийский офицер. Уйдя от бокового удара противника, Волков одним махом снес ему голову, а потом, ворвавшись в самую гущу рукопашной схватки, зарубил еще четверых.

Захватив неприятельское знамя, русский отряд возвратился к соратникам под пулями появившегося недалеко крупного австрийского отряда. В бою Волков получил сквозную рану в живот, и поэтому был награжден вторым Георгием I степени и представлен к производству в офицеры еще в госпитале.

Валерий ФЕДОСЕЕВ

НЕ ОТКЛАДЫВАЯ НА ЗАВТРА

С апреля 1985 года мы стали свидетелями беспрецедентных событий в международной жизни, которые явились логическим следствием нового мышления нашего политического и военного руководства.

Кого из нас могли оставить равнодушными теплые улыбки и крепкие рукопожатия сотен американцев, французов, англичан, западных немцев, китайцев на не запланированных протоколом встречах с М. С. Горбачевым и восторженные лица бывшего президента США Р. Рейгана и его супруги на Соборной площади Кремля, их совсем не голливудское, а искреннее, по-человечески понятное и бесконечное: «Эксентли, эксентли, эксентли!» (Превосходно!)

Кто мог еще два года назад предположить, что прославленная гвардейская Таманская дивизия будет встречать министра обороны США Ф. Карлуччи, а нашего министра, генерала армии Д. Т. Язова, одарят щедро аплодисментами сотрудники Королевского института международных отношений Великобритании.

Подписание Договора по РСД—РМД и его практическая реализация.

Пребывание в Советском Союзе председателя комитета начальников штабов армии США У. Крау, прием федеральным канцлером ФРГ Г. Колем группы советских военнослужащих, советские военные корабли в главной военно-морской базе США на Атлантике Норфолке и американские в Севастополе — все это яркие примеры больших подвижек в разрядке международной напряженности, в укреплении доверия между Востоком и Западом.

Да, позитивные сдвиги налицо, но вот — обратная сторона медали.

Палата представителей американского конгресса 261 голосом против 162 одобрила проект военного бюджета США на 1990 финансовый год в сумме 305,5 миллиарда долларов. Значительную часть этой суммы планируется израсходовать на программу СОИ, межконтинентальные ракеты MX и

«Миджитмен», а также строительство новейших бомбардировщиков В-2 «Стелс».

Франция и Великобритания планируют проведение совместных штабных учений, цель которых — отработка взаимодействия в экстренных случаях за пределами национальных территорий.

Нынешний министр обороны США Р. Чейни в одном из выступлений недвусмысленно дал понять, что вооруженные силы страны должны всегда быть готовы отстоять национальные интересы, даже за границами ее территорий. Большинство глав государств Североатлантического блока придерживаются политики ядерного сдерживания. Тот же Р. Рейган в том же Норфолке на церемонии официальных проводов заявил, что главный итог деятельности американской администрации видит в том, что ей удалось неслыханно поднять и укрепить авторитет армии США.

Вот так в Америке. А как у нас сегодня с авторитетом нашей армии? Прямо скажем, неважно. И кто только сегодня не пытается укунить российских военных, а если не укунить, то хоть штаны па них порвать. Тут и маститый кипорежиссер, которому приятель рассказал байку о том, как он «утирал сопли лейтенантским детям», и сатирик, и «пожилые» поэты, и популярный журнал, около которого кто только теперь не греется, и молодежная газета столицы, и бойкие ребята из программы «Взгляд» и прочая, и прочая. И в чем только не обвиняют родное воинство, захлебнувшись в демагогических словопрениях, «борцы за демократию и гласность» Тут и консерватизм, и ретроградство, и чуть ли не тунеядство.

Слов нет, нас есть за что ругать. Ни «дедовщина», ни случаи хамства по отношению к подчиненным всех категорий, ни бюрократические метастазы не прибавляют нам авторитета. Но мы отлично знаем, чей хлеб едим, и платим за него потом, кровью, а нередко и жизнью.

К слову сказать, неуставными взаимоотношениями сегодня живет все наше общество, а тысячи его представителей бесславно сложили голову в пока что безуспешной борьбе с бюрократами.

Армия, как орудие государства, как часть общества, подверглась коррозии, но отнюдь не проржавела насквозь, как это хотелось бы некоторым представить, и с честью выполняет нелегкие функции, возложенные на нее Конституцией СССР.

Есть категория «критиков», которые не по недомыслию, а вполне сознательно развернули деятельность по разложе-

нию Вооруженных Сил, небезосновательно видя в них один из главных гарантов перестройки. С кем сегодня будет армия — вопрос далеко не праздный. Для нас нет альтернативы. Мы — с Родиной, Отечеством, мы — с народом, который выстрадал сегодняшние перемены.

Витийствующие ораторы из «Демократического союза», «Союза независимых» и прочих «союзов», либеральные публицисты многих изданий, от «Огонька» до «Московского комсомольца» и «Собеседника», готовы сегодня же распуścić армию: ломать — не строить. Один раз мы уже разрушили наш мир до основания, а затем... пожинаем нынешние проблемы. Дальше что?

Не надо быть оракулом семи пядей во лбу, чтобы, реально оценивая нынешнюю обстановку, не понять, что даже в рамках разумной достаточности Вооруженные Силы будут нужны еще не один десяток лет. Но вот какими им быть — это тема для размышлений. Сегодняшний дефицит государственного бюджета, обострившиеся до крайности социальные проблемы не позволяют провести радикальные изменения в принципах комплектования армии, ее организационной структуре, формах и методах обучения, материальном стимулировании.

Не претендуя на истину в последней инстанции, позволю предположить, что рано или поздно мы вынуждены будем комплектовать армию по профессиональному принципу, поскольку это веление времени. Представляется, что главной фигурой в профессиональной армии будет командир-единоначальник, сочетающий в себе талант полководца и педагога, гибкую мудрость политика, отцовскую строгость и доброту. А посему, видимо, многие промежуточные звенья, а может быть, и те, которые мы сегодня считаем главными, если и не отомрут, то значительно трансформируются.

Коль скоро мы не можем сегодня говорить в целом о профессиональной армии, то на ее костяк — офицерский состав, ту часть Вооруженных Сил, которую мы называем профессиональной, надо уже сегодня, безотлагательно обратить серьезное внимание.

Сокращая в одностороннем порядке численность наших войск, мы без устали повторяем, что сохраним боеготовность на достаточном уровне за счет качественных параметров. Спрашивается, каким образом? Увеличим пребывание офицеров в частях и подразделениях? Они и так практически там днюют и ночуют. Растянем сутки?

В данном случае качество, т. е. эффективность боевой подготовки войск, находится в прямой зависимости от коли-

чества материальных благ, вложенных в офицерский состав. Это элементарно. Это — диалектика. Очевидно и другое: время ультрареволюционных лозунгов и голого энтузиазма кануло в Лету.

Десятилетиями о языках обывателей капало ядовитое: «Бешеные деньги! За что?»

Теперь, когда занавес приоткрылся, оказалось, что и деньги-то так себе, невеликие, и жить негде, работа для жены — журавль в небо, для детей — ни садов, ни яслей, да и школа не ахти какая, да через каждые пять-шесть лет, порой и чаще, вся жизнь сначала. А напряжение адское, и головой рискуешь каждый день.

Не надо удивляться, что конкурсы в военные училища, пожалуй, кроме воздушно-десантного, с каждым годом все ниже и ниже, а кое-где и недобор, а посему укомплектуем хоть кем-нибудь. А потом патетические восклицания: «Вот раньше были офицеры — цвет нации!»

Откуда же ему взяться, цвету нации, если общий интеллектуальный уровень нашего общества катастрофически упал, а всеобщее среднее оказалось ниже начального, да и высшее не лучше.

Специалисты констатируют, что школа стала фактором бездуховности. А вот и известные данные: по образовательному индексу мы находимся на двадцать пятом месте.

Ежегодно армия и флот принимают тысячи новобранцев из этой школы. И большая часть их несет с собой в казармы агрессивность, сексуальную развращенность, у многих психика поражена алкоголем, парко- и токсикоманией.

И офицерский состав сегодня не готов противостоять потоку бездуховности: образование, которое в настоящее время получают офицеры, не готовит их к работе с людьми в новых, резко изменившихся социальных условиях.

Положение нужно и можно изменить. Но об этом чуть позже.

Не могу не привести слова из ленинских «Страничек из дневника»: «Оказалось, что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (1897 годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы» (Полн. собр. соч. т. 45, с. 363—364).

А вот еще один из выводов Ленина: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России» (Полн. собр. соч. т. 23, с. 127).

Я с болью цитирую Полное собрание сочинений потому, что, даже делая поправки на время, прошедшее с октября 1917 года, видно, что, конечно, мы сделали шаг вперед, но вовсе не такой большой, как нужно, чтобы изменить эту удручающую картину. И снова эффект все того же пресловутого остаточного принципа.

Чернобыль, Башкирия, атомная подводная лодка «Комсомолец» и сотни других трагедий — не чрезвычайные происшествия. Это закономерные последствия нашего интеллектуального уровня.

Вот уж воистину «Быть или не быть?», потому что завтра будет поздно, и мы отстанем от настоящей цивилизации не на десятилетия, а навсегда.

Уже сегодня каждая социальная и профессиональная категория должна серьезно заняться проблемой своего воспроизводства, причем на два порядка выше ныне существующего.

Немедленно решая острейшие социальные проблемы в армии, и прежде всего ее кадрового состава, нужно подумать и о перспективах интеллектуального и профессионального роста офицеров. Одной из действенных мер в решении этой важнейшей задачи, думается, было бы расширение числа суворовских и нахимовских военных училищ и увеличение продолжительности обучения в них.

Задача состоит в том, чтобы создать систему, основанную на непрерывной преемственности этапов обучения: суворовское или нахимовское училище — высшее военное училище — академия.

Суворовцы и нахимовцы и сегодня выделяются в армии и на флоте и статью, и кругозором, и воспитанием.

Как выпускник Свердловского суворовского военного училища, попробую, хотя бы в общих чертах, восстановить то далекое время и с позиций прожитых лет оценить его.

Суворовские училища были созданы в декабре 1943 года в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа того же года «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

Тысячи мальчишек, лишенные крова, потерявшие роди-

телей в годы военного лихолетья, надели алые погоны. Как написал один из первых наших выпускников:

В годину боевую и суровую
Отчизна нас под знамя созвала,
И именем фельдмаршала Суворова
Она наш юный корпус назвала.

Училище заменило нам родной дом, а офицеры-воспитатели и преподаватели — родителей. И надо сказать, что относились они к нам, как к родным сыновьям, а может быть, и чуточку лучше.

Общеобразовательным дисциплинам уделялось первостепенное внимание. Преподаватели были экстра-класс. Общение с ними — наслаждением. Уроки русского языка, литературы, истории, географии — как спектакли в Малом театре! На каждом из них открытия, откровения, праздники познания.

Если на занятиях по гуманитарным предметам мы пребывали в состоянии великого блаженства, то на уроках по точным наукам нам буквально «выкручивали руки». Естественно, больше других страдали «лирики».

Особенно «зверствовал» наш математик, капитан Морозов, поджарый, высоченного роста; казалось, что от доски до последней парты он дотягивался указкой. Аргументы «может быть», «мне кажется» воспринимались им как брачные выражения, и тогда на весь класс разносилось громогласное: «Единица!!!» Так и звали мы его, нашего дорогого математика, — Единица.

Тот, кто видел картину Богданова-Бельского «Устный счет», без труда может представить наше состояние: та же отрешенность лиц, тот же невообразимый бег мысли. Как говорится: «Ни прибавить, ни убавить». Целый год мы алкали возмездия. Дело в том, что в финале ежегодного майского спортивного праздника по случаю открытия сезона в футбольном матче встречались команды суворовцев и преподавателей. Нетрудно догадаться, кто защищал ворота наших наставников. Забить ему гол, даже с пенальти, было невероятно трудно, почти невозможно. Но если это случилось, ликование нашему не было предела. Итальянские «тиффози» по сравнению с нами в этот момент выглядели смиренными овечками. Неделю отделение, в списках которого значился отличившийся, пило его компотом. Я такой чести не удостоился.

Сравнивая нынешний уровень преподавания в средних школах, а я дважды с сыновьями прошел эти муки ада, мо-

гу без преувеличения сказать, что наша альма-матер была почти Кембриджем. В пятнадцать лет мы читали в подлиннике Бернса, Лонгфелло, Теккерея, наизусть знали репертуар Дорис Дей и Луи Армстронга. Занятия по иностранному языку проводились каждый день. А один день в неделю — разговорный, то есть с подтема до отбоя на английский. И так в течение шести лет.

Как и иностранный язык, каждый день физподготовка. Это была одна из самых сложных дисциплин, потому что включала в себя гимнастику, плавание, легкую атлетику, бокс, лыжи, фехтование, полосу препятствий, рукопашный бой, спортивные игры, а в некоторых училищах и верховую езду и вольтижировку. Оценка выставлялась суммарная, и если хотя бы один из перечисленных видов не был усвоен, то общая — «неудовлетворительно». Считалось дурным тоном, если у тебя было меньше двух-трех спортивных разрядов.

По спортивной классификации мы делились на «зеленых», «синих» и «красных». Поколение пятидесятых помнит, какие красивые значки были в ту пору. Зеленая, синяя и красная каймы соответственно обозначали III, II, I разряд. Внутри красовалось изображение боксера, футболиста, хоккеиста и так далее, олицетворявшего вид спорта. Каждый горы готов был свернуть, чтобы стать обладателем такого значка. А представьте, когда у тебя их три на груди, да все красные...

Вообще, спортивные навыки и традиции мы впитывали, можно сказать, «с молоком матери». В штате училища «разнорабочими» значились прославленные конькобежцы Мария Исакова и Рафаэль Грач, на базе нашего спорткомплекса совершенствовались известные хоккеисты Евгений Папугин, Николай Дураков, Валентин Атаманычев. Вечно мы «болтались под ногами» то у Аркадия Воробьева, то у Нила Фасахова, то у Константина Ревы... Было на кого посмотреть, было у кого поучиться.

Не с болью, не с жалостью, а с глухим раздражением смотрю я на нынешних патлатых феминизированных неформалов с серьгами в ушах, с которыми мы носимся как с писаной торбой и не знаем в какой угол поставить. Сморщенные лица, тоненькие шейки, согнутые под тяжестью брелка на цепочке, не знают, с какой стороны к переключателю подойти — потенциальные объекты для неуставных взаимоотношений. А вот мы в юные годы любому «деду» могли «бороденку» повыщипать!

У молодежи, конечно, есть справедливые претензии к нынешнему времени, Я далек от мысли осуждать огульно все неформальные организации. Я против тех неформалов, которые выражают протест — кому? — неприглядной внешностью и бездельем.

Может сложиться впечатление, что росли мы такими мамелюками. Слов нет — с 10—12 лет действительно вели мужской, можно сказать, спартанский образ жизни. Однако мы были детьми, со всеми присущими детству эмоциями. Больше всего давила тоска по дому — каким бы у кого он ни был. Занятые днем важными делами, ночью мы оставались один на один с собственными мыслями. Часто в предрассветные часы, когда одних сны уносили в туманную даль, а другие рапортовали: «Прибыл!.. Готов! Есты!», в спальнях комнатах раздавались разрывающие душу всхлипывания, сквозь которые доносились бормотания: «Мама... мама.... мамочка!..»

Но вот наступало утро, и все шло по суворовским строгим правилам: зарядка, обтирание ледяной водой, учебные занятия...

Здоровых увлечений в училище была уйма: столярное и слесарное дело, вождение автомобиля, драматическая студия, музыка, танцы и правила хорошего тона. И везде хотелось успеть, а когда интересы пересекались, чем-то приходилось жертвовать. Помню, присмотрел нас на катке тренер свердловского СКА по хоккею с шайбой. Пригласил в спортклуб — каждому мастерские коньки, пледы, снаряжение, набор клюшек. Кто устоит? И пошло-поехало.

Чистенькая, интеллигентная, благородная старушка, которая научила меня играть уже в две руки «Как на маленький лужок выпал белевский снежок», занятия которой я перестал посещать в связи с «хоккейной лихорадкой», рассмотрела меня как-то остренькими глазками в толпе, помашила пальчиком:

- Молодой человек! В чем дело?
- Да... да... — промычал я.
- Глупо-с, глупо-с...

Как она была права! Недавно душа музыки запросила. Открыл крышку рояля, ударил по клавишам — и получилось как по Некрасову: «Этот стон у нас песней зовется». Вот такая «музыкальная история».

Получали мы уроки нравственности и социальной зрелости, которые на всю жизнь формировали нашу жизненную позицию. Делалось это очень мудро и тонко, как бы исподволь, а след в душе оставляло навсегда.

Помню, готовились к ответственным соревнованиям. Все у нас ладилось, до того ладилось, что на тренировках работали вполсилы, небрежно: вирус завняйства основательно разъедал команду. Нас надо было немедленно встряхнуть.

Уж не знаю, кто был автором той акции, сейчас думаю, что это плод коллективного творчества: командования, подсчета и тренеров. Честь «фирмы» тогда берегли как зеницу ока все, от суворовца до генерала, о чем бы ни шла речь: математическая ли олимпиада в городе, встреча гостей или спортивные соревнования. Подыскиали нам спарринг-партнера — команду ремесленного училища при Уралмапе.

Выкатились на лед, похохатываем, разминаемся: шайбу в борт, на себя, в ворота, за воротами вираж, аж снежные брызги из-под коньков. В общем, «давим» морально. «Противник» наш в скромной форме, тихонько раскатывается (есть такой спортивный термин) у своих ворот.

Свисток. Шайба вброшена в игру.

«Гости, — как скажет Николай Озеров, — действовали от обороны». Встречали нас у синей линии и ни на шаг, как приклеенные. А ноги сильные, а кулаки у «металлистов» тяжелые, в борт припечатывают — искры из глаз. Закончился второй период, 0:2 проигрываем. Однако настроены по-прежнему благодушно: время еще есть.

Последний период. Кинулись отыгрываться, но ничего не можем сделать. Торопимся, теряем шайбу в безобидных ситуациях, «фолим» безбожно. А ремесленники прибавляют и прибавляют обороты. Финальный свисток поверг нас наземь, а точнее, на лед: 0:4.

Хотите верьте, хотите нет, но до сих пор, когда встречаю ребят из ПТУ, непроизвольно тянусь рукой к козырьку — хочу поприветствовать. Искренним уважением проникся я с тех пор к рабочему классу.

Да иначе и быть не могло. Город наш рабочий. Десятки заводов. Народ прямой, открытый, честный. Здесь мгновенно, без дипломатических выкрутасов, выдавалось доброму за доброе, подлому за подлое. Завоевать авторитет в Свердловске, а тем более первым лицам города, было ох как не просто.

Но город не только работал — город учился, и если вы на трамвае попадали с Уралмаша во Втузгородок, где располагается один из ведущих вузов нашей страны, Уральский политехнический, то складывалось впечатление, что Свердловск — вотчина студентов. Многие выпускники УПИ занимают сегодня ответственные государственные посты. С их деятельностью мы связываем надежды на успешное

завершение тех дел, которые начались в апреле восемьдесят пятого.

Театры города, завсегдатаями которых мы были, — воплощение высшей духовности. А какие имена! Архипова, Штоколов, Маренич...

Так и пошли с той далекой поры по жизни с нами Мурсоргский и Чайковский, Мольер и Сирано де Бержерак, Островский и Шекспир, Штраус и Кальман.

Незабываемые годы!

В выходные и праздничные дни на всех этажах клубились пары асидола, сапожного крема, одеколона. Как челноки в ткацкой машине, мелькали раскаленные утюги — училище готовилось к балу. И вот долгожданная минута. Маэстро на антресоли взмахнул дирижерской палочкой. Мазурка! В первой паре начальник училища с супругой, за ним его заместители, старшеклассники и мы, стриженные «под ноль», но такие же гордые и галантные.

Как же нас надо было любить и понимать, чтобы даже в экстремальных ситуациях не сорваться на крик, не наломать дров!

Помню, как-то накануне ноябрьского парада капцелярия, в которой висели шашки офицеров парадного расчета, оказалась незапертой. Быстро кинули жребий — двое «махновцев» в засаде, двое «пархоменковцев» в разведке. Я с другом — в засаде. Схватка была жестокой: булат звенел, крошился, плавился.

Утром наш офицер-воспитатель майор Иван Степанович Герасев, вынув шашку из ножен, охнул, смертельно побледнел, сполз по стене на пол и только выдохнул: «Зарезали!» Парад-то принимал Николай Иванович Крылов, человек обаятельный, но правил строгих. Новые шашки получили на складе, а у меня до сих пор спина «кружится», когда я вспоминаю обильно политые потом сотни квадратных метров сияющего паркета.

Когда же терпение наших педагогов лопалось, применялись «телесные» наказания. В нашей роте самым популярным видом наказаний были приседания от пятидесяти до ста раз подряд, в зависимости от тяжести совершенного «преступления». К наказанию относились с презрительной усмешкой — дескать, с нашей-то тренировкой. Однако не подозревали, что приседания на время носили особый воспитательный смысл. Утром мы были похожи на журавлей: ноги не сгибались.

И вот наконец долгожданный выпускной вечер. Оркестр,

цветы, аттестаты, курсантские погоны и наши милые подружки. Прощальные аккорды любимой песни:

Друг мой, одной дорогой
Шли мы из года в год,
Радостей было много,
Много было невзгод,
А унесем с собою
Небо голубое,
Детства безоблачный, ясный сон,
Суворовский алый погон.

Прощались, прятали глаза друг от друга, обменивались новыми адресами и не подозревали, что с кем-то расстаемся навсегда.

Не будем идеализировать нашу жизнь. Все было. Были и потери: кого-то подстерег недуг, кто-то так и не смог осилить учебную программу, кто-то «утонул» в море житейских страстей, но тот, кто удержался на «волне», вынес из стен училища беззаветную преданность Родине и любовь к ней, обостренное чувство достоинства и офицерской чести, верность слову и делу, преданность мужской дружбе.

Из девятнадцати суворовских и трех нахимовских училищ, действовавших в 50-е годы, сегодня в стране — восемь суворовских (Казанское, Калининское, Киевское, Ленинградское, Минское, Московское, Свердловское, Уссурийское) и одно нахимовское — в Ленинграде.

Разумеется, что в середине 50-х годов наше общество испытывало большие трудности: каждая копейка была на учете, и вот сначала расформировали спецшколы, затем сократили суворовские и нахимовские училища. Однако, как свидетельствует действительность, от этих мер мы больше потеряли, чем приобрели: один из первых выпусков суворовцев 1950 года, например, насчитывал примерно четыре с половиной тысячи ребят, прибавим к ним выпускников спецшкол, — вот сколько образованных, воспитанных в лучших военных традициях юношей становились курсантами училищ. Ныне такими абитуриентами мы похвастаться не можем. А сегодняшней армии так нужны кадры, какие начинали растить суворовские училища «старого» образца, которые очень были похожи на лицей.

Зарубежные специалисты провели в свое время исследование систем образования, существовавших у разных народов в разные времена. Оказалось, что системы лучше, чем та, которая существовала в Царскосельском лицее, человечество не придумало. В самом деле, какая блестящая плея-

да выпускников: Пушкин, Кюхельбекер, Данзас, Дельвиг, Пущин!

Одно из главных достоинств образовательной системы прошлого — начала нынешнего века — в ее сильнейшей гуманистической направленности. Для представителей определенных слоев, а среди них обязательно были военные, было просто необходимо знать языки, литературу, разбираться в живописи, искусстве. Такое воспитание развивало чисто человеческие качества: патриотизм, порядочность, честь, умение соперничать, творить добро.

В Царскосельском лицее гуманитарное образование было поставлено на высочайшем уровне. Без всяких оговорок утверждаю, что в суворовских училищах 50-х годов оно также было на очень высоком уровне. И не случайно, что в числе выпускников СВУ нынешние командующие, заместители командующих войсками военных округов, групп войск и объединений, летчики-космонавты, Герои Советского Союза. Среди них наша общая гордость — выпускник Калининского суворовского, Герой Советского Союза генерал-полковник Б. В. Громов, легендарный командарм 40-й.

Теперь в суворовских училищах учатся два года. Безусловно, это не срок для создания прочного интеллектуального фундамента. По мнению большинства преподавателей, ровно год уходит на то, чтобы подтянуть всех зачисленных до необходимого уровня. А за оставшийся год многое ли сделаешь, даже при наличии блестящих преподавателей?

Два года назад в периодике было опубликовано несколько статей о проблемах суворовских училищ, многие авторы которых считают, что продолжительность учебы в них нужно увеличить до трех лет.

Думается, что пятилетний срок обучения самый оптимальный. И именно с двенадцатилетнего возраста, когда у подростка проявляется сознание, идет самый эффективный процесс накопления знаний и информации, когда его душа и тело еще не исковерканы страшными пороками, когда он еще не только сосуд, который можно наполнить знаниями, но и факел, который можно зажечь.

Кого сегодня принимают в суворовские училища? Вот выписка из Правил приема: «В суворовские военные училища могут поступать учащиеся (юноши) в возрасте 15—16 лет (в год поступления в училище) с восьмилетним образованием, годные по состоянию здоровья к обучению в училищах и желающие в будущем стать офицерами».

Судя по заявлениям, которые оседают в военкоматах с

1 по 25 июня каждого года, 13—14 человек претендуют на одно место в сурововском училище.

Затем суровые испытания медициной: «Годные по состоянию здоровья».

Эта формулировка означает способность переносить физические и психические нагрузки в условиях Заполярья, пустыни, высокогорья, болотистой и прочих местностях, в самых разных климатических поясах. Переносить не в экспериментальных условиях, а в повседневных, до предела напряженных офицерских буднях.

Категорическая резолюция: «Не годен по состоянию здоровья» — ложится на половину заявлений абитуриентов.

В этот первый отсев попадают, как правило, юноши, которые не обладают элементарными навыками физической культуры, той частью общей культуры, которая у нас не без иронической усмешки часто ассоциируется с набившим оскомину и потому потерявшим всякий смысл призывом: «Физкульт-ура! Физкульт-ура! Будь готов!..» Кому «ура!»? К кому «готов!»?

Демагогический лозунг «За здоровый образ жизни» похож сегодня на известное изречение Ходжи Насреддина: «Сколько ни говори: «халва», во рту сладко не станет».

Здоровый образ жизни — это прежде всего социальный оптимизм общества, подкрепленный материальными благами: разнообразным и качественным питанием, рынком, на котором нет проблем с кроссовками, теннисными мячами, футболками, шортами, широкой сетью стадионов, спортивных площадок, бассейнов.

В последние годы в погоне за «олимпийскими резервами и надеждами» мы загнали нашу массовую физкультуру в угол. И если называть вещи своими именами, то у нас ее вообще нет. А наши так называемые спортивные праздники для народа на центральных спортивных аренах? Слезы! Два прихлопа, три притопа под аккомпанемент Аллы Пугачевой. Однако мы отвлеклись.

После медицинской комиссии в дело вступает разнарядка. Облвоенкому, к примеру, она предписывает отобрать 30 человек, а заявлений — в два раза больше.

Потом общий поток заявлений корректируется отборочной комиссией военного округа. В училища отправляются именные списки кандидатов и документы на каждого из них. Получается 3—4 претендента на место.

По терминологии, которую звают сегодня все поступающие в СВУ и их родители, претенденты на алые погоны делится на три категории: «папанинцы» — от слова «папа»,

«позвонки» — те, которые по звонку, и «лесорубы» — те, которые с одним «топором» в «непролазной чаще» правил, комиссий, экзаменов, конкурсов.

В самом трудном положении оказываются, естественно, «лесорубы», у которых и подготовка хуже, с которых и спрос строже, по отношению к которым никаких компромиссов. Естественно, возникает вопрос о «балле» на социальную справедливость, который может получить мальчишка из сельской восьмилетки, а таких сегодня среди абитуриентов всего четыре процента, где математику, литературу и физкультуру преподает вчерашняя десятиклассница.

Да, педагогический опыт и выработанная им интуиция — качества полезные. А насколько надежно они могут обеспечить принцип социальной справедливости? Есть ли гарантии, что этот «балл» будет всегда выставлен чистыми руками и от чистого сердца? Справедливости послужит, наверное, и система профессионально-психологического отбора, который предполагается ввести вместо устного экзамена по математике. Тем более что в высших военных учебных заведениях уже накоплен опыт профотбора, который позволяет учителям определить лучших, а поступающим не полагаться в выборе профессии только на эмоции.

Сегодня армия — это сложнейшая техника, электроника, высочайшие физические и моральные нагрузки, и эти факторы определяют требования, предъявляемые к юношам, избирающим профессию офицера. Но вправе ли мы лишать всех желающих посвятить жизнь благородному делу — служению Отечеству, а особенно тех мальчишек, кто обижен нами, кто менее всего защищен социально?

До пятьдесят третьего года, надрывая голосовые связки, мы кричали: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» После пятьдесят третьего тоже кричали, правда несколько в другой интерпретации. До слез умилялись, когда смотрели телерепортажи из «Артека» или с Красной площади, где стайка сытенных, красивеньких, специально по этому поводу одетых девочек и мальчиков, олицетворяющих наше «благополучие», получали коробки с конфетами, как говорится, из первых рук.

А вот наше «светлое будущее» в цифрах: 1 100 000 детей живут и воспитываются государством в детских домах и интернатах. 1 185 000 детей страны страдают психическими заболеваниями. 900 000 подростков ежегодно задерживаются за правонарушения. В 1987 году 2194 ребенка покончили жизнь самоубийством.

Кричащие, леденящие душу цифры!

Вот эти, обиженные обществом, дети — наша первейшая забота. Именно оттуда должны в первую очередь набираться кандидаты в суворовские, нахимовские училища и в военные спецшколы. Они должны проходить по категории льготников. Больше того, в каждом из этих учебных заведений должен быть создан подготовительный класс на 50—60 человек. Жизнь не раз доказывала, что именно эта категория мальчишек, настрадавшаяся с пеленок, но согретая любовью Родины, как правило, бывает и самой преданной, и самой благодарной.

Будем надеяться, что в скором будущем количество суворовских, нахимовских училищ и спецшкол вернется к прежней, более оптимальной цифре.

Решение этой проблемы — прерогатива государства. Ну а на общественных началах можно что-то сделать? Думается, да. Почему бы, например, за счет того же Детского фонда не сформировать для начала на базе одного из интернатов или совершенно самостоятельно роту суворовцев в сто человек из пятиклашек, пять взводов по 20 человек в каждом. Подобрать преподавателей на жесткой конкурсной основе. Офицерами-воспитателями в этой роте могли бы быть уволенные в запас подполковники и полковники, не старше 55 лет, их сегодня больше чем достаточно, обязательно выпускники суворовских училищ, естественно, с высшим образованием, а то и с двумя, обязательно прошедшие конкурс и собеседование в самой представительной мандатной комиссии. Все в этой роте должно быть так же, как в государственном училище: форма, нормы довольствия, учебный и воспитательный процесс, зачисление в высшие военные училища после окончания и т. д., только финансировать ее будет Детский фонд.

Еще одну такую же роту можно сформировать за счет средств родителей, мечтающих о военной карьере своих наследников. И уже родительский комитет будет решать все организационные и финансовые вопросы.

Кооперативные организации и предприятия, только, разумеется, кооперативы с чистыми руками, тоже могли бы не остаться в стороне.

Разнообразие деталей и варианты возможны. Нужно только решиться. Нужны конкретные дела. И вот что еще необходимо помнить: вырастить физически и нравственно здоровых детей, чего бы это ни стоило родителям и государству, все же дешевле, чем всю жизнь лечить пороки.

Июнь 1989 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Юрий Маслов. Каракурт</i>	5
<i>Оксана Мозила. Подснежники и эдельвейсы</i>	123
<i>Виктор Пшеничников. Шпион умирает дважды</i>	178
<i>Виктор Геманов. Удар, потрясший рейх</i>	211
<i>Николай Стариков. Побег из ран</i>	236
<i>Алексей Шишов. Забытая битва у Ведроши</i>	307
<i>Юрий Лубченко. Георгиевские кавалеры</i>	369
<i>Валерий Федосеев. Не откладывая на завтра</i>	400

ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

**Третий сборник, подготовленный Военно-патриотическим
литературным объединением «Отечество»**

**Художественный редактор Т. А. Тихомирова
Технический редактор М. В. Федорова
Корректор В. В. Кялтовская**

ИБ № 4106

**Сдано в набор 10.11.90. Подписано в печать 19.10.90.
Формат 84×108/м. Бумага тип. № 1. Гарн. обычн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 13. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 21,84.
Уч.-изд. л. 24,97. Тираж 100 000 экз. Изд. № 15/5630. Зап. 883.
Цена 4 р. 70 к.**

**Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.**

